А.Н.НАСОНОВ

„РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“
И
ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. Н. НАСОНОВ

„РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“ И ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Историко-географическое исследование

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1951

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. К. ЯЦУНСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование посвящено образованию территории древнерусского государства. Задача автора — проследить, как территория государства росла, проследить на конкретном материале образование территории древнерусских «самостоятельных полугосударств» на широком пространстве восточноевропейской равнины. Дореволюционные исследователи считали, что процесс этот «скрыт от глаз историка». Проблема, по сути дела, поставлена ходом развития советской историографии.

Поскольку эта проблема поднята впервые, возможны промахи и недосмотры. Но общие выводы сделаны на большом проверенном материале. Выводы исследования, произведенного автором на основе марксистско-ленинской методологии, показывают, что проблема изучения образования государственной территории отнюдь не тождественна проблеме изучения этнической территории, колонизации в частности. Заметим, что специальные выводы исследования подтверждают некоторые взгляды автора на историю нашей страны в ранне-феодальную эпоху, которые ему приходилось высказывать в печати ранее.

Хотя работа является историко-географическим исследованием, выводы ее представляют более общий интерес, подтверждая, что территория древнерусского государства образовалась не с появлением в Киеве Олега и Игоря, а в результате длительного внутреннего процесса, начавшегося задолго до этого события и протекавшего в течение столетий после него.

ГЛАВА I

Предмет нашего исследования — образование древнерусской государственной территории. Нам предстоит не только проследить, как росла и формировалась древнерусская государственная территория, но и объяснить этот процесс, раскрыть его в общем ходе общественного развития. В нашу задачу не входит изучение сложного процесса образования древнерусского государства; наша тема более специальная. Но при постановке самой темы исследователь должен иметь общее теоретическое представление о государстве.

Согласно марксистско-ленинскому учению, отображающему реальную историческую действительность, ее существо, государство возникает «...на основе раскола общества на враждебные классы...» и возникает оно «...для того, чтобы держать в узде эксплоатируемое большинство в интересах эксплоататорского меньшинства»[1].

«По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*»[2]. Во-вторых, образуется «публичная власть» или создается особый аппарат насилия. «Для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан — *налоги*. Последние были совершенно неизвестны родовому обществу»[3]. Государство — это «...сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него...»[4]. На развалинах родоплеменного строя, разрушенного разделением общества на классы, поднимается, таким образом, государство. «Государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу»[5].

Из сказанного ясно, что государственная территория образуется с распадом родоплеменной организации общества, с распространением нового способа производства, с образованием класса эксплоататоров и установлением публичной власти или аппарата насилия. Изучение сложной проблемы образования государства стоит за пределами нашей темы. Если бы мы ставили перед собою такую задачу, нам пришлось бы проследить длитель-

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 604.

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1949, стр. 176.

[3] Там же, стр. 177.

[4] Там же, стр. 176.

[5] Там же.

ный процесс разложения первобытно-общинных отношений, рост частной собственности на землю, процесс формирования классов и образование общественной власти в интересах эксплоатирующего меньшинства. Наша задача более узкая. Мы ставим себе целью проследить рост государственной территории в результате домогательств господствующего класса, проследить процесс, протекавший в результате борьбы господствующего класса данного государства за расширение власти и доходов. Вопрос о росте государственной территории есть также вопрос о внешней политике данного государства; напомним, что «две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплоатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»[1].

Проблема образования государственной территории не тождественна проблеме образования этнической территории: дело идет о двух разных процессах, иногда только совпадающих, частью перекрещивающихся. Государственная территория — это территория, входящая в состав данного государства, население которой подчиняется власти государства, иными словами, это — территория, население которой в интересах господствующего класса подчинено публичной власти, возникшей для того, чтобы держать в узде эксплоатируемое население, творящей суд и устанавливающей всякого рода поборы. Этническая территория — это территория, населенная данным племенем, народом. Образование и рост этнической территории есть вопрос этногенеза народа, его колонизации в частности. Буржуазные историки, как мы покажем ниже, смешивали указанные проблемы, иногда прямо подменяли изучение процесса образования государственной территории изучением процесса колонизации. Изучение колонизации не входит в нашу задачу. Но необходимо помнить, что иногда оба процесса совпадали. Само собою разумеется, что такой важный факт, как образование сплошной территории государства на значительном пространстве, не мог косвенно не повлиять на развитие идеи народности.

Из приведенных определений следует, что расширение государственной территории означало распространение дани и суда[2]. Этот процесс был длительным; распространению дани и суда предшествовала обычно долгая борьба, первоначально со стороны родоплеменной организации. Приведя цитату из Энгельса о территориальных делениях как отличительном признаке государства, Ленин добавил: «нам это деление кажется „естественным", но оно стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам или по родам»[3].

Наконец, располагая критически проверенными данными о том, как

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 604.

[2] Само собою разумеется, что мы (здесь и далее) говорим о том суде, который являлся частью государственного аппарата, органом насилия государства в изучаемую эпоху.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 360.

росла территория древнерусского государства, следует определить конкретные задачи изучения образования территории данного конкретного (древнерусского) государства. Перед нами задача изучить рост государственной территории в эпоху феодального строя (не самодержавного), когда «...Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»[1]. Хотя феодальная раздробленность установилась во второй половине XI и в XII в., рост территории самостоятельных или будущих «самостоятельных полугосударств» относится не только к этому времени, но и к предшествующей эпохе, к IX—XI вв. Территория «самостоятельных полугосударств» — древнерусских княжеств и «земель-республик» — образовалась не вдруг. Центрами этих «земель» были города, рано или поздно вошедшие (с подвластной территорией) в состав Киевского государства. Под Киевским государством обычно разумеют государство, образовавшееся в результате объединения русского Юга и Севера во главе с Киевом на рубеже IX и X вв.

Приступая к изучению образования территории древнерусского государства, необходимо поставить две проблемы: прежде всего, проблему изучения территории того государства, которое сложилось на юге, в Среднем Поднепровье, до образования «империи» Олега и Игоря, или Киевского государства; необходимо поэтому пересмотреть проблему «Русской земли», так как этот термин («Русская земля», «Русь»), получивший общерусское значение, первоначально относился к территории южнорусской земли[2]. Древнее государство Среднего Поднепровья, называвшееся «Русской землей», вошло в состав Киевского государства первоначально в качестве территориального и политически господствующего ядра, как выяснится в ходе исследования. Кроме того, необходимо поставить проблему изучения роста отдельных «земель», роста государственной территории, объединенной такими центрами, как Новгород, Ростов и др., на которые распространилось господство «Русской земли» во главе с Киевом и которые вошли в состав Киевского государства. Некогда эти центры были в большинстве случаев племенными, но с разложением родоплеменного строя и разделением общества на классы эксплоататоров и эксплоатируемых становились центрами разноплеменной территории и зародышами будущих центров самостоятельных феодальных полугосударств. Процесс вызревания будущих самостоятельных феодальных полугосударств протекал в пределах Киевского государства, т. е. в составе «неустойчивого единства»[3].

Итак, помимо выяснения территории государства Среднего Поднепровья, предшествовавшего Киевскому, предстоит выяснение времени, когда в состав Киевского государства вошли различные центры (с подвластной территорией) восточноевропейской равнины, а также историю роста государственной территории вокруг этих центров, появляющихся впослед-

---

[1] И. Сталин, А. Жданов и С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР (1937, стр. 22).

[2] Вопрос о восточнославянской или древнерусской народности, сложившейся примерно в VI—XI вв., в данном исследовании специально не рассматривается.

[3] О «неустойчивом единстве» Киевского государства см.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. 1944, стр. 187.

ствии перед нами в виде центров «самостоятельных полугосударств». С образованием ряда феодальных княжеств в составе Киевского государства, во второй половине XI и в первой половине XII в., когда Киевское государство дробится, начинается период феодальной раздробленности. В XII в. они становятся самостоятельными по отношению к Киеву, хотя их самостоятельность не исключает некоторого единства.

Образование «самостоятельных полугосударств» было результатом развития производительных сил и феодальных производственных отношений. С развитием крупного феодального землевладения отдельные центры в составе Киевского государства при господстве натурального хозяйства стремились к самостоятельности: «богатеющие и разбогатевшие властные землевладельцы не желают делиться с Киевом ни властью, ни доходами»[1]. Феодальный способ производства развивался веками, прежде чем стать господствующим способом производства. Надо предполагать, что и надстройка, т. е. феодальные самостоятельные полугосударства, образовалась не вдруг, а после длительного развития. Сдвиг был заметен во второй половине XI в., когда (во второй половине XI и в XII в.) появилось большинство феодальных княжеств, ставших в XII в. самостоятельными.

Такое понимание исторического процесса подтверждается другими данными и соображениями. Те феодальные города, которые в XII в. становятся центрами феодальных «самостоятельных полугосударств», в большинстве случаев, по данным летописи, были когда-то племенными центрами; племенными — в прямом или условном смысле этого слова: Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, Чернигов, Рязань. Киев был когда-то центром полян; Чернигов, судя по летописным сведениям, повидимому, городом (или одним из городов) северян; Новгород — центром племени словен; Смоленск — территориальным центром части кривичей; Полоцк — полочан или особой группы кривичей; Рязань — городом вятичей. Сложнее вопрос о племенных центрах на Юго-западе. В особой обстановке вырос Ростов — в районе, где славяне впитали в себя местное мерянское население. В этих городах с подвластной им территорией по мере развития собственности на землю и феодального способа производства образовывался правящий класс, феодальная знать, устанавливалась публичная власть, распространяющая свое действие на разноплеменную территорию. В ряде городов (до образования в них феодальных княжеств), где шел длительный процесс распадения родоплеменной организации общества и родовые связи заменялись территориальными, сидели давно не старейшины, не племенные князья, а князья-наместники, «воеводы» или «мужи», опиравшиеся не только на поддержку Киева, но и на местную феодальную знать. К середине XII в. в составе Киевского государства имелся ряд феодальных «земель-княжеств» с устойчивой территорией.

Такое понимание изучаемого процесса предполагает, что Киевское государство охватывало первоначально племена и нарождавшиеся «земли»,

---

[1] Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. 1937, стр. 21; Его же. Киевская Русь. 1949, стр. 476.

разбросанные на огромном пространстве, и представляло собой неустойчивое целое. С установлением власти Киева над отдельными территориями племен и земель Киевское государство, как обычно определяют, представляло собою государство, «составленное из лоскутьев». Только в результате длительного процесса, протекавшего в пределах Киевского государства, эти отдельные части стали «самостоятельными полугосударствами», на которые и раздробилось Киевское государство.

Позже, со второй половины XII в., Киев уже фактически не господствовал над отдельными частями государства; с этого времени Киевское государство правильнее называть «д р е в н е р у с с к и м». Наше исследование мы и озаглавили: «„Русская земля“ и образование территории древнерусского государства».

Ленинско-сталинское учение о государстве, развившее положения Ф. Энгельса о происхождении государства, различает те средства принуждения, которыми обладал каждый феодал в отдельности, и те средства принуждения, которыми обладало государство. По словам Энгельса, с образованием государства господствующий класс приобретает «...*новые* средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»[1]. Распространение феодальных производственных отношений и распространение по населенной территории функций государственного аппарата принуждения — два параллельных процесса, причем первый предопределял второй, так как интересы эксплоататоров-феодалов требовали образования государственных средств принуждения и распространения этих средств на эксплоатируемое население. Но этот последний вид принуждения осуществлялся не каждым феодалом-эксплоататором в отдельности, а публичной властью, действовавшей в интересах феодалов как класса. Поэтому в нашу задачу входит рассмотрение данных о деятельности публичной власти; однако мы не ставим себе широкой задачи выяснения хода образования древнерусского государства, генезиса публичной власти в «землях», а преследуем специальную цель — выяснить рост территории государства, образование территории «древнерусского» государства.

В литературе по истории СССР нет работ, посвященных образованию древнерусской государственной территории. В старое время правильная постановка темы затруднялась тем, что с нею было связано понимание государства, противоречившее интересам правящих классов. Над умами историков в некоторых случаях господствовали концепции историков XI—XII вв., впервые поставивших вопрос о начале, о происхождении русского государства. В критическом обзоре мы выделим советскую литературу, имея в виду грань, отделяющую дворянскую и буржуазную историографию от нынешней, советской.

Представления историков досоветской эпохи о том, как образовалась территория древнерусского государства, соответствовали ложным представлениям о государстве вообще и не опирались на исследование конкретного

[1] Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1949, стр. 178. Курсив наш.— *А. Н.*

материала; специальные разыскания в интересующем нас направлении не предпринимались.

Согласно Карамзину, государственная власть появилась потому, что «народы хотели законов»[1]. Такое представление вполне согласовалось с известным определением государства, данным идеалистической философией: государство (civitas) это — объединение массы людей правовыми законами. Карамзин был убежден, что в России «счастливое введение монархической власти» произошло «с общего согласия граждан»[2]. Под этими «монархами» он разумел первых князей — «варягов». Карамзин касался вопроса об образовании территории древнерусского государства, поскольку он останавливался на распространении власти первых князей «Рюриковичей»[3].

В ином плане толковал образование русской государственной территории С. М. Соловьев. Правильной постановке вопроса препятствовало также превратное представление о государстве, хотя, по Соловьеву, государство образовалось в результате внутренней эволюции. К басне о призвании варягов он относился без должной критики и пытался использовать ее для объяснения своей концепции, заслужив этим одобрение Кавелина[4]. По мнению Соловьева, племена, стремясь выйти из родового быта, «призывают власть извне» и «вследствие означенного подчинения» племена эти «переходят из родового быта в областной»[5]. Начало победы государ-

---

[1] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. I. Изд. Эйерлинга стр. 67.

[2] Там же.

[3] «Рюрик прибыл в Новгород,— писал Карамзин,— Синеус на Белоозеро в область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей. Смоленск, населенный также кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании варягов. Следственно, держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белоозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С.-Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской губерний была названа тогда *Русью*, по имени князей варяго-русских» (Н. М. Карамзин. Указ. соч., стр. 69). «Через два года, по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему княжеству, основал монархию российскую. Уже пределы ее достигали на восток до нынешней Ярославской и Нижегородской губерний, а на юг — до Западной Двины; уже Меря, Мурома и Полочане зависели от Рюрика, ибо он, приняв единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белоозера, Полоцк, Ростов и Муром, им или братьями его завоеванные, как надобно думать» (стр. 70). Между тем на юге Аскольд и Дир основали другую «самодержавную область». Тогда Олег с малолетним Игорем, сыном Рюрика, едет на юг, по пути занимает Смоленск и утверждается в Киеве. Он покоряет древлян, северян и радимичей, дулебов, тиверцев и хорватов. «Завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы распространили ее (т. е. России.— *А. Н.*) владения от Новагорода и Киева к западу до моря Балтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к югу до порогов Днепровских и Киммерийского Воспора; к северу и востоку граничила она с Финляндиею и с Чудскими народами, обитателями нынешних губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, также с Мордвою и с казанскими болгарами, за коими к морю Каспийскому жили Хвалисы» (стр. 141 и др.).

[4] К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. I, СПб., стр. 466.

[5] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I. Изд. «Общ. польза», стр. 267—268.

ственного быта над родовым Соловьев относил к XII в., что решалось характером междукняжеских отношений. Родовой быт определялся формально-юридическими признаками. Такое понимание родового быта не вскрывало существа изучаемого предмета. Совершенно иначе родоплеменной быт освещали классики марксизма, использовавшие громадный новый этнографический и исторический материал и рассматривавшие родовой быт в плане социально-экономического развития общества.

Соловьев не показал, как выросла русская государственная территория. Но он ввел в научный оборот новую мысль: государство расширяет свои пределы, занимая «обширные пустынные пространства и населяя их»[1]. Эта мысль, надолго укрепившаяся в нашей историографии, может быть выражена словами: распространение русской государственной территории следует отождествлять с процессом колонизации; «природа страны и быт племен условили и особенную форму распространения русской государственной области, именно колонизацию, которую мы замечаем с самого начала»[2]. Мысль эта поработила не одно поколение историков.

Мы отнюдь не хотим сказать, что изучение истории колонизации — задача, не стоящая полного внимания. Но в данном случае одна тема подменялась другою. Совершенно бесспорно, что в распространении государственной территории славяно-русская колонизация играла некоторую роль. Но отождествлять эти два процесса невозможно. Во-первых, не вся территория, заселенная славяно-русским народом, оказывалась тем самым государственной; во-вторых, были земли (на севере, например), заселенные не славянскими племенами и вошедшие в состав русской государственной территории, о чем нам придется говорить ниже.

Между тем проблема образования русской государственной территории значительно усложнилась после того, как М. Погодин провел работу по локализации многих древнерусских поселений, исправленную замечаниями Надеждина и Неволина[3]. Эта работа обнаружила наличие в XII—XIII вв. определенных территориальных волостей, «земель-волостей». Погодин правильно подметил признаки устойчивости границ «земель-волостей», т. е. в сущности феодальных полугосударств с определенной территорией. Но из этого наблюдения Погодин сделал заключение, что в установленных (для XII в.) пределах «земли-волости» существовали уже к середине IX в.; к этому времени они уже территориально сложились, причем совпадали будто бы с землями, которые ранее занимали племена[4]. Такое заключение обосновано Погодиным не было, да и не могло быть обосновано, так как оно не соответствовало действительности; территории волостей складывались совсем не так, как думал Погодин. Но его взгляды оказали большое влияние на последующие работы.

Некоторые буржуазные ученые стали рассматривать древнюю Русь как совокупность «множества единовременно существующих небольших

---

[1] С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 12.

[2] Там же, стр. 267—268.

[3] «Журн. Мин. вн. дел», 1948, т. XXIII.

[4] М. Погодин. Исследования, замечания и лекции, т. IV. М., 1850, стр. 328—330.

государств», недооценивая политической роли южной Руси [1]. Образование территории этих «небольших государств» относили к очень древним временам (Сергеевич, Владимирский-Буданов). Вследствие этого и недостатка материалов многие ученые (Сергеевич, Владимирский-Буданов, Пресняков) полагали, что образование государственной территории находится за пределами доступного нашему изучению [2].

Представление о том, что образование составных территориальных частей древнерусского государства лежит за пределами доступного изучению, укрепляло позицию норманистов, дававших готовое решение. Они утверждали, что древнерусское государство образовалось благодаря варягам. Их «теории» оправдывали «призвание» иноземцев и иноземное вторжение и получили, особенно за рубежом, враждебное русскому народу направление, на что указывал еще В. Ламанский [3]: норманнской «теорией» иллюстрировалась мысль, что русский народ неспособен к самостоятельной государственной деятельности.

Вопроса об образовании территории древнерусского государства касались также и антинорманисты. Д. Иловайский полагал, что образование русского государства, территория которого простиралась от Ильменя до Тамани, следует относить к очень древним временам, но объяснять не деятельностью норманнов, а развитием государственного устремления у роксоланского племени, обитавшего на среднем Днепре. По Иловайскому, образование древнерусской государственной территории было следствием завоевания одним племенем других племен [4].

В. О. Ключевский развил ошибочное учение о торговом происхождении земель-волостей и ошибочную теорию образования государственной территории.

По мнению Ключевского, с течением времени «успехи п р о м ы с л а и т о р г а» создавали среди разбросанных дворов сборные пункты обмена.

---

[1] См., например: В. С е р г е е в и ч. Русские юридические древности, т. I, 1902, стр. 1.

[2] «Скрытый от глаз историка процесс возникновения первоначальных волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно» (В. С е р г е е в и ч. Указ. соч.) «Время происхождения земского государства должно быть отнесено к эпохе доисторической» (М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Обзор истории русского права. Изд. 7, 1915, стр. 12); «Переход от племенного быта к строю городских волостей остается неуловимым в сколько-нибудь конкретных чертах» (А. Е. П р е с н я к о в. Лекции, т. I, стр. 74). Однако указанные историки предлагали некоторые общие соображения по вопросу о том, как образовались «волости-земли». Сергеевич писал, что «волости» обязаны своим возникновением каким-то «предприимчивым людям», строившим города; в городах нуждались, как и в XVI в., «для бережения» (стр. 11). Владимирский-Буданов только отмечал превосходство в волости «старшего города» (стр. 10). Пресняков, оставаясь на почве того понимания государства, которое предполагает существование единой власти, считал, что наличие «земель-волостей» исключает существование государственной территории во времена «Киевщины». О Русской земле он писал: «...еще глубже подрывается самое представление о такой древнерусской территории, которую можно бы назвать государственной, раздробленностью ее на отдельные земли-волости, отношения между которыми часто принимают характер междугосударственных» (стр. 155).

[3] «Об историческом изучении греко-славянского мира». СПб., 1871.

[4] Д. И л о в а й с к и й. История России, т. I, стр. 19—20 и др.

Некоторые из них «превращались в более значительные торговые средоточия, в города, к которым тянули в промышленных оборотах окрестные погосты, а города, возникшие на главных торговых путях, по большим рекам, вырастали в большие торжища, которые стягивали к себе обороты окрестных городских рынков. Так племенные и родовые союзы сменялись или поглощались промышленными округами». Древнерусский город, возникнув «из незначительного, но счастливо помещенного сельского рынка... превращался в средоточие нескольких таких рынков, становился сборным пунктом обширного промышленного округа»[1]. Когда «хозарское владычество поколебалось, малые и большие города начали укрепляться и вооружаться. Тогда погосты стали подчиняться ближайшим городам, к которым они тянули в торговых оборотах, а малые города подчинялись большим, которые служили им центральными рынками. Подчинение вызывалось или тем, что вооруженный и укрепленный город завоевывал тянувший к нему промышленный округ, или тем, что население округа находило в своем городе убежище и защиту в случае опасности, иногда тем и другим вместе. Так экономические связи становились основанием политических, торговые районы городов превращались в городовые волости. Эти области старинных больших городов и легли в основание областного деления, какое видим на Руси впоследствии в XI и XII вв.»[2].

Итак, по Ключевскому, в основании территории земель-волостей XII в. легли области, сложившиеся с развитием внешнего и внутреннего рынков, с ростом городов как центров обмена и принявшие в силу военных условий форму политическую.

Бесспорно, что Новгород, Смоленск, Полоцк, Ростов, Киев выросли на больших водных магистралях. Но совершенно естественно, что наилучшим источником для обогащения поборами с населения служили наиболее населенные места, особенно там, где в силу местных условий население было достаточно платежеспособным. Население скучивалось преимущественно по большим речным путям, и понятно, что здесь вырастало большинство «областных» городов.

Все известные Ключевскому данные не давали оснований заключить, что городские «области» сложились под влиянием возраставшего обмена[3] Археологические разыскания наших дней также не дают к тому оснований, хотя обнаруживают замечательную картину самобытного ремесленного производства. Несостоятельность концепции Ключевского раскрывается не только в характере его рассуждений, но и в некоторых общих

---

[1] В. О. Ключевский. Боярская Дума. Изд. 5, 1919, стр. 22—28. Курсив наш. — *А. Н.*

[2] Там же, стр. 22.

[3] В. О. Ключевскому были хорошо известны сведения, сообщаемые Константином Багрянородным о торговле Руси с Византией, хорошо известен нумизматический материал, свидетельствующий о значительном числе кладов с куфическими монетами, о наличии примитивных форм обмена в VIII—X вв., а также были известны данные о развитии ремесленной и иной промышленности в X—XII вв. Книга Н. Аристова «Промышленность древней Руси» вышла в свет еще в 1866 г.

предпосылках. Ключевский думал, что только потребность «оградить пределы страны и ее степные торговые дороги» и появление варяжской вооруженной силы предрешили создание русского государства [1].

Русская буржуазная историография начала нынешнего века не предложила каких-либо новых точек зрения на образование территории древнерусского государства. Пресняков, как мы отмечали, полагал, что процесс перехода от родоплеменных объединений к не племенным («городским волостям») неуловим для исследователя. Этот новый строй он не выводил «из племенного, как продукт его органической эволюции». Варяжские элементы, оседая, получили, по Преснякову, значение организующей силы. Их деятельностью будто бы были созданы основные элементы древнейшего государственного строя [2]. Предметом специального изучения интересующий нас вопрос не сделался, хотя интерес к другому важному вопросу — об образовании территории Московского государства — порождал целые монографии. Так, М. К. Любавский в 1929 г. опубликовал труд «Образование основной государственной территории великорусской народности». Любавский касается в нем и территории в более раннюю эпоху. Первая глава (предшествующая главе, трактующей о «возвышении» Московского княжества) посвящена «заселению верхневолжского и окского бассейнов». Как и когда образовалась здесь государственная территория, читатель не узнает, хотя познакомится с данными о заселении края славяно-русским народом. Идея классового происхождения государства чужда автору. Образование государственной территории толкуется им как процесс колонизации.

Определение территории, занятой тем или иным народом в прошлом, — так понималась основная задача исторической географии; поэтому определение государственной территории являлось как бы частной задачей этой науки. Однако само определение древнерусской государственной территории направлялось господствующими воззрениями на образование древнерусского государства. Зная эти воззрения, мы не вправе ожидать, чтобы проблема образования государственной территории во всей ее сложности была поднята в общих трудах по исторической географии, а равно и в трудах по истории отдельных древнерусских «областей».

Н. Барсов в книге «Очерки русской исторической географии. География

---

[1] В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, М., 1904, стр. 173—174.

[2] А. Е. Пресняков. Лекции..., стр. 47, 137.

Среди буржуазных историков нынешнего века как антинорманист выступал проф. В. А. Пархоменко, который в понимании общих вопросов образования древнерусского государства стоял близко к Иловайскому и Ключевскому. Образованию государства, по Пархоменко, предшествовали передвижения, завоевания и союзы племен. Государство сложилось на Днепре, «спаянное общностью интересов торгово-экономических, военных и других». Вопреки показаниям Константина Багрянородного, Пархоменко утверждал, что «связи Новгорода с Киевом» установились «лишь в 970 г.». Размеры «державы» Ярослава он определял весьма упрощенным способом: указанием на центры, где были посажены его сыновья (бассейн верхнего и среднего Днепра и Новгород). См.: В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности. Л., 1924, стр. 81, 111 и др.; Его же. Характер и значение эпохи Владимира. «Уч. зап. ЛГУ», серия историч., 1941, вып. 8, стр. 214.

начальной (Несторовой) летописи» (вышедшей в свет в первом издании в 1873 г., а во втором — в 1885 г.), следуя Соловьеву и Ключевскому, сосредоточил усиленное внимание на колонизации; огромный историко-географический материал он рассматривал преимущественно в статическом плане[1].

Проф. М. Любавский строил курс «Исторической географии» (М., 1909, литогр. изд.) как историю колонизации в России: «в истории колонизации надо искать объяснения и политических делений Руси в разное время» (стр. 3).

Проф. С. М. Середонин в своих «Лекциях» по исторической географии (1916 г.) писал много о смене народов на юге Восточной Европы; значительная часть книги уделена расселению восточных славян, но одна глава повествует об «образовании государства», о Киеве и о борьбе со степью. Чем же, по его мнению, определялся рост государственной территории? Каким образом с распадением «племенных союзов» возникала территория волостей-земель, впоследствии княжений, каким образом устанавливались «границы»? На этот вопрос Середонин, повторяя своих предшественников, отвечает так: «волости-земли складывались под влиянием трех главных факторов: а) условий колонизации, б) торгового движения и в) завоевания князей норманнов»[2]. Процесс роста государственной территории автором не показан.

Итак, в общих трудах по исторической географии история образования русской государственной территории не раскрыта.

Мы также не получим картины образования русской государственной территории, если соберем монографии по истории отдельных «областей». Самая обширная из них — Новгородская земля — не имеет своего историка. Не только нет истории образования новгородской «областной» территории, но нет вообще монографии по истории Новгородской земли.

В книге Преснякова «Образование великорусского государства» большой раздел отведен Ростово-Суздальской земле. Но автор даже не ставит вопроса, как сложилась государственная территория на Северо-востоке.

Некоторое внимание интересующей нас проблеме уделяет проф. М. Грушевский в книге по истории Киевской земли и в первом томе

---

[1] Н. Барсов исходил из предвзятого мнения, что «к началу X в. (907 г.) уже весь восточнославянский мир, за исключением улучей и вятичей, соединился под властью русских князей для общей исторической жизни» и что «к эпохе введения христианства русское государство, по крайней мере извне, географически было уже сформировано» (Н. Барсов. Очерки..., 1885, стр. 91—92 и др.).

[2] С. М. Середонин. Историческая география. Лекции. Птг., 1916, стр. 154 и сл. Для объяснения роли колонизации он обращается к позднейшей Строгановской летописи и ссылается на заселение Чусовой и мест от г. Канкора. В доказательство того, что условия торгового движения сыграли большую роль в образовании волостей, Середонин указывает на местоположение ряда областных городов на великом водном пути. Наконец, с защитой интересов на торговых путях Середонин ставит в тесную связь завоевание князей-норманнов. Появление норманнов, по его мнению, сыграло решающую роль в объединении восточнославянской территории; походами варягов создалась Новгородская земля и русское государство (стр. 225—229).

«Історії України-Руси». Он отмечает, что «Киевская земля составлялась главным образом из земли полян и из земли древлян»[1].

Грушевский полагал, что термины «Русь», «Русская земля» первоначально означали «Полянская земля», земля полян. Грушевский не был оригинален. Достаточно напомнить, что это мнение популяризовал проф. Сергеевич в «Русских юридических древностях», имевших широкое распространение. В буржуазно-националистической концепции Грушевского, отрывавшего южную Русь от истории остальных «земель», мнение это получило политическую окраску. Оно должно быть отвергнуто прежде всего потому, что на большом и разнообразном материале можно показать, что понятие «Русской земли» как территории — очень древнее понятие, и территория «Русской земли» в этом древнем значении не ограничивалась пределами земли полян, не была местом обитания только племени. Об этом нам придется много говорить в дальнейшем. Пока же мы ограничимся замечанием, что источники не содержат толкования термина «Русская земля» как земли полян. «Повесть временных лет» после славян, сидевших по Дунаю, моравы, чехов и ляхов называет полян: «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь». Из этих слов Грушевский и другие делали произвольное заключение, что Русь — это поляне. Автор текста, наряду с другими славянскими народами упомянув полян, замечает, что последних ныне называют Русью, причисляют к Руси, что вполне соответствовало действительности, так как земля полян входила в состав «Русской земли». Повышенный интерес киевского летописца к полянам хорошо известен. Константин Багрянородный, рассказывая о том, как князь со всеми «россами» идет в «полюдье», перечисляет славянские племена, но не упоминает полян. Из этого делали совершенно произвольное заключение, что «россами» назывались именно поляне. Между тем Константин Багрянородный не упоминает всех племен, к которым ходили в полюдье, ибо заканчивает фразу словами: «...и (в земли) остальных славян, платящих дань руссам». Как брали с полян дань, мы не знаем. О полянском поселении (крепости Витичеве) Константин Багрянородный говорит как о подвластном «Руси»[2]. Село Витичево лежит в 5 км ниже устья Стугны[3].

В монографиях, посвященных отдельным областям, находим более или менее один и тот же подход к изучаемому предмету. Обычно имеется определение границ, обозначение населенных пунктов, сведения о колонизации края. Но вопрос, нас занимающий, не разработан. Назовем из-

---

[1] М. Грушевский. История Киевской земли. «Унив. изв.», 1891, № 3, стр. 4 и сл.; Его же. Історія України-Руси, т. I, 1904, стр. 365—384.

[2] «καὶ Ἰουνίου μηνὸς διὰ τοῦ ποταμοῦ Δανάπρεως ἀποκινοῦντες, κατέρχονται εἰς τὸ Βιτετζέβη, ὅπερ ἐστὶ πακτιωτικὸν κάστρον τῶν Ῥῶς» (Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, greek text edited by G. Moravcsik, english translation by R. J. H. Jenkins, Budapest, 1949, p. 59) («... в июне месяце, двинувшись по реке Днепру, они спускаются в Витичев, подвластную Руси крепость». «Изв. ГАИМК», вып. 91, стр. 8).

[3] В 58 км от Киева, Обуховского района Киевской области. В середине прошлого столетия в нем насчитывалось около полутора тысяч жителей обоего пола (П. Семенов. Словарь, т. I, стр. 473).

вестные монографии Иловайского о Рязанской земле [1], Багалея о Северской земле [2], Голубовского о Северской земле [3], Довнар-Запольского о землях кривичей и дреговичей [4], Ляскоронского о Переяславской земле [5], Голубовского о Смоленской земле [6], Андриашева о Волынской земле [7], Иванова о Волынской земле [8]. В них мы находим только отдельные факты, отдельные замечания по интересующей нас проблеме. Несколько более внимательно отнесся к ней Данилевич в книге «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV века» (Киев, 1896), хотя в работе нет самостоятельной общей научной концепции. Автор пытался различить коренную территорию полочан и территорию Полоцкой земли в широком смысле слова, отметил некоторые изменения в территориальном составе Полоцкой волости в XI—XIII вв.

Совершенно по-иному стали подходить советские историки к решению вопросов, связанных с проблемой образования древнерусского государства.

В лекции «О государстве» Ленин говорил, что вопрос о государстве «так запутан и усложнен потому, что он (уступая в этом отношении только основаниям экономической науки) затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос» [9]. Следуя марксистско-ленинской методологии, советские историки рассматривали образование древнерусского государства как результат социально-экономического развития страны, как результат образования классов и непримиримых классовых противоречий. Вот почему преимущественно внимание было обращено на изучение класса зависимых, сидевших на земле, и класса феодалов, создававших в своих интересах организацию принуждения.

В ряде статей и монографий Б. Д. Греков обосновал, вопреки мнению М. Н. Покровского, положение, что в Киевской Руси существовали и классы и государство [10]. Отделяя дофеодальный период от феодального, он показал, как в Киевской Руси развивались феодальные отношения, детально изучил различные категории зависимых людей и древнерусское феодальное землевладение по летописям, юридическим памятникам и данным археологии. На большом материале было показано значение земле-

---

[1] Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества М., 1848.

[2] Д. Багалей. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882.

[3] П. Голубовский. История Северской земли. Киев, 1881.

[4] М. В. Довнар-Запольский. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII ст. Киев, 1891.

[5] В. Ляскоронский. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1903.

[6] П. Голубовский. История Смоленской земли. Киев, 1895.

[7] А. М. Андриашев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. Киев, 1887.

[8] П. А. Иванов. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895.

[9] В. И. Ленин. Соч., т. 29. стр. 435.

[10] Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1944; его же. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского. Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», 1939.

делия в древней Руси и растущего феодального землевладения. Эти данные в настоящее время лежат в основе большинства работ советских историков о древнерусском государстве.

Киевское государство Б. Д. Греков рассматривает как одно из звеньев в цепи общественных образований на юге Восточной Европы: «Восточное славянство до этого события в деле создания государственности успело проделать немалый путь»[1]. «Как бы мы ни относились к отдельным фактам из жизни восточного славянства VI—VIII вв., не подлежит сомнению наличие у них в VIII—IX вв., в предкиевский период их истории, уже не родового, а классового общества»[2]. Киевское государство, или Киевская Русь, объединяло ряд земель. Каждая из них «имеет свою историю». Но сказанное не отрицает того, что Киев объединял территорию, «в состав которой входили и Новгород, и Суздаль, и Ростов»[3]. «Распад Киевского государства есть прежде всего результат роста отдельных его составных частей, каждая из которых стала проводить свою собственную политику, преследуя свои собственные цели»[4].

Таким образом, на основе марксистско-ленинской методологии Б. Д. Греков дал общее построение образования древнерусского феодального государства и наметил пути к решению частных проблем.

В самых общих чертах коснулся образования территории Киевского государства С. В. Юшков. Рассматривая территориальную структуру Киевского государства в X в., он пишет, что «киевские князья имели дело с территориями, занятыми отдельными племенами»[5]. Но в это время уже «определился процесс разложения племенных отношений и, следовательно, процесс распада племенных территорий можно в основном считать законченным»[6]. Таким образом, территориальные единицы Киевского государства составляли сначала «племенные княжения», затем — «феодальные сеньории», или «земли-княжения». Феодальные сеньории то увеличивались, то уменьшались, то дробились (?) «вследствие развития производительных сил, близости к экономическим центрам и торговым путям, а также в результате борьбы разных феодальных группировок»[7]. На чем основывается последняя характеристика образования территории «земель-княжений», неясно. Но в понимании явлений, определивших интересующий нас процесс, С. В. Юшков отходит от правильного пути. Вопреки данным археологии и памятников письменности, заставляющим

---

[1] Б. Д. Греков. Славяне. Возникновение и развитие Киевского государства. М., 1946, стр. 36—37. Первые звенья этой цепи Б. Д. Греков правильно усматривает в событиях VI—VII вв., когда анты, подобно западным и южным славянам, создали свою политическую организацию, что вполне отвечало условиям того времени («Киевская Русь», 1949, стр. 438).

[2] Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1944, стр. 253.

[3] Его же. Феодальные отношения... 1937, стр. 6—7.

[4] Его же. Киевская Русь, 1949, стр. 499—500.

[5] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939, стр. 26.

[6] Там же, стр. 27.

[7] С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. 1949, стр. 325.

нас предполагать, что процесс разложения первобытно-общинных отношений и рост частной собственности на землю веками развивался до образования Киевского государства, вследствие чего выделился господствующий класс (феодалов), руководивший государством, Юшков полагает, что «рост крупного землевладения внутри общинных земель должен был быть достаточно заметен в X в., но настоящее быстрое развитие его падает на XII и XIII вв. В X в., вероятно, крупное землевладение было не в состоянии выделиться из общинных земель как особый экономический комплекс, как особая «боярщина»[1]. Отсюда понятно и другое утверждение этого автора, не оправдываемое источниками. Он полагает, что «руссы» — это «особая социальная группа», которая «стояла над славянством». Эта группа возникла в период разложения первобытно-общинного строя с развитием обмена и товарного производства. Поэтому эта «социальная группа» возникла в городах на торговых путях[2]. Термин «руссы» в значении особого социального слоя употребляется у Константина Багрянородного. Но мнение Юшкова, что такое значение является первоначальным, опровергается текстом договора Олега с греками, дошедшего до нас в древнерусском переводе. Вся концепция автора о существовании одновременно четырех «классов» — рабовладельцев, рабов, феодалов и феодально-зависимого сельского населения,— когда автор разделяет «руссов» и «бояр» (феодалов) и правящим классом считает «руссов», возбуждает сомнение; мы знаем, что договоры с греками заключались от имени «бояр», а не от имени «руссов».

В соответствии со своим пониманием общественно-политического строя Киевского государства С. В. Юшков выдвинул новую теорию — теорию превращения в Киевской Руси дани в феодальную ренту. По ряду соображений принять эту теорию не считаем возможным[3]. Разумеется,

---

[1] С. В. Юшков. Очерки..., стр. 51.

[2] С. В. Юшков. Общественно-политический строй..., стр. 58—68.

[3] Теория о превращении дани в земельную докапиталистическую или феодальную ренту в Киевской Руси была впервые предложена С. В. Юшковым. Но у самого С. В. Юшкова нет установившегося представления о том, что, собственно, следует разуметь под превращением дани в феодальную ренту. Так, в курсе «История государства и права» превращение дани в феодальную ренту он объясняет так: «Дань, которая первоначально взималась мехами, медом и воском, со второй половины X в. стала взиматься деньгами. Изменилась и единица обложения: раньше дань собиралась с «дыма», то есть со двора, теперь стала собираться с рала — с плуга. Наряду с этим население, платившее дань князю, должно было нести и всякого рода другие повинности, в частности давать корм княжескому агенту, сидевшему в погосте. Словом, дань стала с течением времени превращаться в феодальную ренту» (стр. 80). В недавно вышедшей книге «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (М., 1949) С. В. Юшков делает существенные добавления или пояснения: превращение дани в феодальную ренту заключалось также в захвате земель, обложенных данью, князьями в свое феодальное владение и в раздаче князьями боярам и церковным учреждениям дани и населенной земли (стр. 286).

Если принять последнее объяснение, то можно говорить только о частичном переходе, ибо дань оставалась и в XI и в XII вв. Было, конечно, немало случаев, когда, освобождая от дани и суда, в сущности фиксировали веками вызревавшие отношения. Принципиальное различие между данью и феодальной рентой оставалось. Дань была разновидностью феодальной эксплоатации, но эксплоатации, осуществляемой не от-

частично дань в феодальную ренту переходила. Следует подчеркнуть, что дань остается особой разновидностью феодальной эксплоатации; источники не дают оснований полагать, что граница между поборами, собираемыми государственным аппаратом, и феодальной рентой отдельных землевладельцев стирается. Сказанное отнюдь не противоречит тому, что дань в раннюю феодальную эпоху обычно делилась, что из нее выделялись доли в пользу тех или иных феодалов. Конечно, с развитием феодального землевладения значение дани среди других источников обогащения знати падало.

М. Д. Приселков касался вопроса о территории «Русской земли» в связи с вопросом о полюдье, которому посвятил несколько страниц в статье «Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам»[1]. По его мнению, пределы «Русской земли» определяются полюдьем. В полюдье ездили из Руси в пределы «внешней Руси»; последний термин М. Д. Приселков взял у Константина Багрянородного.

Вывод, сделанный Приселковым, содержит в себе принципиально новое[2]. Он определяет пределы «Русской земли» территориями Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств, полагая, что они не знали полюдья. Ссылаясь на летописи, автор недооценивает показания русских источников. Если под «княжествами» он разумел известные нам княжества второй половины XI и XII вв., то их пределы только частично совпадают с пределами «Русской земли». Если же он говорит о каких-либо княжествах X в., то непонятно, откуда он черпает сведения о территории этих предполагаемых им княжеств. Пределы «внешней Руси» он определяет преимущественно течением Днепра, Ловати и Ильменя. Между тем Константин Багрянородный определяет «внешней Русью»

дельными феодалами, а государственным аппаратом. Если принять, что С. В. Юшков прав в обоих случаях, т. е. что грань между данью и феодальной эксплоатацией, осуществляемая отдельными феодалами, стиралась, что дань, собираемая по погостам, превращалась в феодальную ренту, мы придем к необходимости пересмотреть учение о феодальной ренте, согласно которому древнейшими формами ренты при феодализме были отработочная рента и рента продуктами, а более поздняя — денежная. Мы знаем, что денежная рента предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения. На Руси денежная рента появляется в XV в. Между тем, дань на Руси в XII в. собиралась частично деньгами, гривнами (см. грамоту новгородского князя Святослава XII в., грамоту смоленского князя Ростислава XII в.). Следует иметь в виду возможность обращения различных натуральнохозяйственных поборов, шкурок, в серебро как по погостам, так и в более крупных центрах.

[1] М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. «Уч. зап. ЛГУ», 1941, вып. 8.

[2] Он не является развитием соображений С. Гедеонова. Интересы С. Гедеонова были сосредоточены преимущественно на этнографическом понятии «Русь». «Как племенное,— писал Гедеонов,— имя Руси принадлежит южным племенам, искони признававшим старейшинство Киева; сначала только полянам, древлянам, северянам и, кажется, южным дреговичам; впоследствии и прочим с ними слившимся югославянским народностям». «Русское имя, как принадлежность собственно днепровских земель, переходит из племенного в территориальный», когда имена племен сменяются названиями городов. «В теснейшем смысле Русью именуются только поляне и Киев» (С. Гедеонов. Варяги и Русь, ч. II. СПб., 1876, стр. 440—441).

только Новгород; что касается других городов и земель, то сказать наверное, что Константин Багрянородный относил их к «внешней Руси», мы не можем. К остальной территории середины X в., лежащей за пределами «внешней Руси», Приселков относит Галицко-Волынский край, Ростово-Суздальский, Полоцк, Туров. Процесс дальнейшего расширения территории Киевского государства он понимает несколько односторонне — как процесс покорения новых «областей» и постепенного освоения киевским княжеским домом этих «областей», игнорируя процесс классообразования на местах как фактор роста государственной территории.

Попытка собрать разбросанные в обширной литературе сведения об образовании Киевского государства была сделана В. В. Мавродиным[1]. Им собрано много сведений, но проблема образования государственной территории автором не выделяется.

М. Н. Тихомиров[2] примыкает к взглядам Иловайского, Ласкина и других, полагая, что название «Русь» — древнее прозвище страны полян.

Б. А. Рыбаков в статье «Поляне и северяне» приводит ряд интересных сопоставлений и наблюдений[3]. Он выделил территорию северян, сохранивших в X—XII вв. свою племенную физиономию (по данным археологии), и указал приблизительно пределы в Среднем Поднепровье древней, докиевской местной культуры. Не со всеми выводами автора можно безоговорочно согласиться. Он утверждает, что Чернигов не был северянским городом, что он лежал не в земле северян. В его аргументации существенное место занимает анализ летописных известий. Он рассматривает их по сводам, реконструированным Шахматовым. В «Древнейшем своде» и в «Начальном своде» он не находит указаний для локализации северян, в «Повести временных лет» он находит указание, что они жили по Десне, Семи и Суле; наконец, рассказ о северянах под 1023—1024 гг. в качестве свидетельства о местожительстве северян Рыбаков отводит.

Если следовать шахматовским разысканиям, то известия под 1023—1024 гг. следует возводить не к «Повести временных лет», а к «продолжению» «Древнейшего свода», к записям XI в., сделанным со слов Никона. Если выводы Шахматова правильны, мы имеем драгоценное свидетельство о Чернигове и северянах, дошедшее до нашего времени. Из этих известий видно, что Мстислав, не принятый киевлянами, сел в Чернигове («и не прияша его кияне; он же шед сѣде на столѣ Черниговѣ»), причем из Тмутаракани он пришел со своею дружиною («поиде Мьстислав на Ярослава, с козары и съ касогы»), что с ним, когда он выступил против Ярослава, была его личная, княжеская дружина («дружина своя») и, кроме того, северяне («сѣвер»). Из текста явствует, что никаких других сил с ним не было, ибо свою личную дружину он поместил на флангах, по обеим сторонам («по крилома»), а посредине, в «челе», поставил «сѣвер», т. е. северян.

---

[1] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945.

[2] М. Н. Тихомиров. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». «Сов. этнография», 1947, вып. VI—VII.

[3] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. Сб. «Сов. археология», 1947, вып. VI— VII.

Летопись ничего не говорит, что северяне были «наемными», да и вообще о наемных северянах в летописях не найдем ни намека. Отвести показания летописного известия под 1023—1024 гг., связывающего северян с Черниговом, мы могли бы только в том случае, если бы нашлись археологические данные о том, что в Чернигове жили поляне или какое-либо другое племя. Между тем Б. А. Рыбаков, признает, что выделить территорию полян по археологическим данным IX—XII вв. трудно, а те древние поляне, которых восстанавливает Рыбаков, также не жили в районе Чернигова. В районе Чернигова другой тип погребения, чем в местах, лежащих восточнее. Это очень интересно и важно. Ясно, что северяне частично утеряли свой племенной облик, хотя далеко не в такой степени, как поляне. Но мы должны признать, что князь, сидевший в Чернигове, опирался на свою личную дружину и на северян. Нет основания думать, что только северян, сохранивших признаки племенной обособленности в материальной культуре, называли тогда северянами. Население Киева считали полянами в XI в., хотя племенные признаки они утеряли. Даже население северянской территории, где находился Новгород-Северский на Десне, в принадлежности которого к северянам Б. А. Рыбаков не сомневается, в некоторой степени также утеряло свою племенную физиономию, как видно из карты, фиксирующей область основного распространения спиральных височных колец. Б. А. Рыбаков считает эти кольца характерным племенным признаком северян; между тем основная область распространения этих колец не шла по Десне, населенной, согласно указанию летописи и данным географической номенклатуры, северянами.

Неясно также, почему «Русь» Рыбаков противопоставляет «славянам». По Рыбакову, в X в. «Русь» и славяне смешались. «Поляне, бывшие раньше ядром антского племенного союза, теперь стали ядром всех восточнославянских племен, стали той Русью, которая объединила многочисленные племена русской равнины»[1]. По всей вероятности, разрешение вопросов, выдвинутых Рыбаковым, следует искать не в этнических особенностях населения, а в социально-экономических и социально-политических явлениях, разрушивших племенную обособленность.

В 1946 г. вышла книга М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», которая как будто дает основание считать правильным мнение, что рост внутреннего рынка сыграл решающую роль в образовании тянувшей к древнерусскому городу территории. Бесспорно, автор прав, когда говорит о высокой городской культуре, о раннем развитии городской жизни в Киевской Руси. Он попутно утверждает, что решающую роль в образовании древнерусских городов, в первую очередь областных, играл рост внутреннего рынка и в связи с этим местная сельская округа, торгово-ремесленным центром которой делается город, и что не следует придавать значения водным путям. Вопрос о том, как образовались древнерусские города, не относится к нашей теме. Но ввиду сказанного выше следует отметить, что как раз по этому вопросу (о роли округов в образовании

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. «Сов. этнография», 1947, вып. VI—VII, стр. 104.

древнерусского города) М. Н. Тихомиров не приводит каких-либо новых данных[1].

Итак, мы не получаем новых данных, подтверждающих, что рост внутреннего рынка сыграл решающую роль в образовании тянувшей к городу территории. Мы действительно видим много ремесленников

---

[1] В обоснование своего мнения Тихомиров приводит общие соображения: «Ремесленное население в городах должно было опираться на какие-то прочные рынки сбыта, без которых не могло бы возникнуть скопления ремесленников в городах. В свою очередь, городское население должно было опираться на сельскую округу, которая могла его прокормить (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. «Уч. зап. МГУ», 1946, вып. 99, стр. 32—35, 25, 12—13). Кроме того, автор утверждает, что города возникают в первую очередь там, где развивается сельское хозяйство и выделяются ремесленники и купцы, создается городская округа, тянущая к своему центру (там же, стр. 35—36 и сл.). Автор указывает на атлас Е. Замысловского, из которого видно скопление городов вокруг Киева, и замечает, что район этот был издавна земледельческим. Но само собою разумеется, что большие города вырастали не в безлюдных лесах и болотах (хотя и близ лесов), но там, где было больше населения. Иначе и быть не могло. Аргументом в пользу торгово-ремесленной роли города в «области» этот факт служить не может. Кроме того, конечно, следует иметь в виду разницу между Киевом как территориальным центром края и другими городами этой территории, некоторые из которых могли иметь только военное значение. М. Н. Тихомиров указывает на сгусток городов в верхнем течении Буга и говорит, что «город Червен, давший название другим городам этой области, стоит в стороне от больших водных путей». Червен был действительно древнейшим территориальным центром края. Но решительно никаких указаний на его торгово-ремесленную роль в источниках мы не находим.

Затем М. Н. Тихомиров указывает на сгусток городов между верхним течением Волги и Клязьмы. Плодородная Опольщина, конечно, привлекала население. Мы полагаем, что по некоторым признакам она сыграла также роль в образовании местной знати. М. Н. Тихомиров едва ли прав, утверждая, что «древнейшие русские города Ростов и Суздаль» возникли «в стороне» от «прямой водной дороги от берегов Балтийского моря к Каспийскому», тогда как «волжская торговая дорога засвидетельствована находками кладов и знаменитыми ярославскими могилами». Волжский путь в Болгары и в Хвалисы был действительно хорошо известен. Но в те времена, к которым относятся многочисленные клады с куфическими монетами, он как раз шел от верхней Волги (преимущественно от устья Которосли, где лежал Ярославль) к Нерли и Клязьме и к устью Оки, к Волге, минуя ту петлю, которую делает Волга в северо-восточном углу ее течения, от Ярославля до устья Оки. От Ярославля до устья Оки по Волге совсем неизвестно находок куфических монет. Места от Костромского района до района нижней Оки (т. е. выше Городца, ныне — районного центра Горьковской области) были довольно безлюдными. Здесь наши памятники древнерусской письменности не указывают ни одного поселения. Наоборот, путь через Ростовское озеро и по Нерли весьма отчетливо обозначен находками кладов и отдельных монет. С Нерли попадали несколькими путями на Волгу, но главный из них проходил через район Ростова. Места эти отнюдь не были безлюдными. При заселении края обычно в первую очередь заселяются места, удобно расположенные (на берегу моря, на больших реках и т. п.) По словам К. Маркса, колонисты «ищут не самую плодородную, а лучшую по местоположению область и в пределах этой последней, естественно, ту землю, которая при равных условиях положения является самой плодородной» (К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, 1936, стр. 59).

Не встретил сочувствия у критиков взгляд М. Н. Тихомирова на тысяцких как на орган власти купцов и ремесленников, ибо автор «приписывал» всем землям русского государства X—XIII вв. «порядки, установленные Новгородом» в XII в. (Тихомиров. Указ. соч., стр. 221, 226; «Изв. АН СССР», серия историч., 1947, т. IV, № 1, стр. 101, рецензия С. В. Юшкова).

в древнерусских городах. Поражает также богатство, высокий уровень техники и высокий художественный уровень ремесленных произведений. Но кого ремесленники обслуживали? Совпадает ли территория сбыта ремесленных изделий данного «областного» города с пределами его «области»? Мы не думаем, что на эти вопросы (особенно — на первый) можно было бы сейчас ответить полностью. Но уже те данные, которые извлечены из археологического материала, делают крайне сомнительной зависимость роста территории «областей-земель» от роста внутреннего рынка.

В 1937 г. в печати обсуждался вопрос об отношении «областного» центра к территории расположения «племенных» ремесленных изделий[1]. Полемика показала, что нет достаточных оснований рассматривать древнерусские княжества как промышленные округа а «областной» город как ремесленный центр «феодальных областей». Само собой разумеется, что господство натурального хозяйства не исключало некоторых форм обмена и что уже в домонгольскую эпоху города в какой-то мере обслуживали сельскую округу.

Большой заслугой Б. А. Рыбакова было установление многочисленных сельских центров ремесленного производства с ничтожной сферой влияния (в 10—15 км). Его исследование показало, что «не может быть и речи о каком бы то ни было централизованном производстве украшений для целого племени в столицах княжеств»[2]. Среди курганного материала доля вещей, пришедших со стороны, невелика. Из некоторых городов ремесленные изделия вывозились далеко и в различные места. Среди таких центров особенно выделялся Киев. Но киевские изделия почти не попадали в села, а распространялись преимущественно по городам. Некоторые вещи имели более ограниченное распространение. В других случаях вещи городского типа встречаются в деревнях, но только в богатых (предположительно — дружинных) курганах[3].

Все эти данные свидетельствуют о том, что археология не дает оснований утверждать зависимость роста территории «областей» от роста внутреннего рынка.

Предлагаемое исследование устанавливает на обширнейшем материале, что образование территории, подчиненной большому городу, обусловливалось иными причинами и было связано с социально-экономическими явлениями иного порядка. Территория древнерусского государства складывается в результате внутреннего процесса (с развитием нового способа производства и с распадом родоплеменных связей) на развалинах родоплеменных объединений. Она складывается там, где появляется знать в процессе развития феодальных отношений и как результат классовых противоречий — организация принуждения.

Киевскому государству предшествовала цепь общественных образо-

---

[1] Сб. «Сов. археология», 1937, № 4, статьи: П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным; А. В. Арциховский. В защиту летописей и курганов.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 452 и др.

[3] Там же, стр. 464—466; его же. Торговля и торговые пути. Сб. «История культуры древней Руси», т. I, 1948, стр. 350—364.

ваний в VI—IX вв. Его возникновение было подготовлено разложением родоплеменных отношений не только на юге, но и на остальной обширной территории восточноевропейской равнины. В Среднем Поднепровье Киевскому государству предшествовало государство, сложившееся в IX в., в эпоху спада хазарского преобладания в южнорусских степях. Это государство получило название «Русской земли». Его социальная база — местная военно-феодальная знать, существование которой в IX в. обнаружено советскими археологами и подтверждено договорами с греками первой половины X в. По данным источников мы восстановим в общих чертах пределы этого государства. «Русская земля» послужила территориальной основой, господствующим ядром Киевского государства.

С падением хазарского преобладания власть южнорусского государства, представлявшего собою объединение трех городов во главе с Киевом, сравнительно быстро распространяется на другие племенные и территориальные центры восточноевропейской равнины, разбросанные на огромном пространстве, культурный уровень которых почти не отставал от уровня южных. Судя по археологическому материалу X в., население восточнославянских земель уже представляло собою к тому времени этнографическое и культурное единство.

«Скороспелое» Киевское государство не могло быть монолитным. В X и в первой половине XI в. значительная доля внимания верховной власти была направлена на далекие походы; Киевское государство продолжало расширять свои пределы; это «беспрестанное возрастание» России IX—XI вв. отмечал К. Маркс («her perpetual movement of aggrandizement»...)[1].

Киевское государство, представлявшее собой неустойчивое единство, объединяло территорию, разбросанную на широком пространстве восточноевропейской равнины, освоенную не сплошь. Внутри этой громадной территории оставались большие пространства, на которые фактически не распространялась государственная власть; на иные части оно могло распространяться номинально или нерегулярно. Можно утверждать, что первоначально Киевское государство состояло из территории древней «Русской земли» и территорий, разбросанных на широком пространстве восточноевропейской равнины. Территория Киевского государства росла вокруг отдельных центров, бывших в большинстве случаев некогда племенными центрами. Там, где наблюдался подобный процесс, обнаруживаются одновременные следы местной феодальной знати и особой военной организации. По мере развития феодальных отношений эти центры со временем вырастали в центры самостоятельных феодальных полугосударств. Процесс роста государственной территории вокруг этих центров в составе Киевского государства является основным предметом изучения в предлагаемой книге.

Весьма интенсивно процесс образования государственной территории протекал во второй половине XI и в начале XII в. Такой вывод не должен казаться парадоксальным. Наоборот, он стоит в полном согласии с теми

[1] K. Marx. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899, p. 75.

данными и соображениями о развитии феодальных отношений, которые высказывались в литературе. Эта эпоха характеризуется заметными успехами в освоении феодалами общинных земель, усилением различных видов феодальной эксплоатации, повышенным интересом к «вирам и продажам», о чем говорит «Предисловие» к «Начальному летописному своду» конца XI в. Мы знаем, что «феодальное государство», согласно указаниям Энгельса, было «органом дворянства для подавления крепостных крестьян» [1]. Нет ничего удивительного в том, что именно этот период, когда феодальный уклад получает широкое распространение, оказывается и периодом интенсивного расширения государственной территории, или, точнее, освоения территории государственной властью. Иными словами, основной вывод нашего исследования подтверждает существование связи между развитием и распространением феодальных отношений и ростом государственной территории, распространением дани и суда представителей государственной власти.

В этот период появляется ряд «княжеств-земель» в пределах Киевского государства. Образование феодальных «княжеств-земель», или «полугосударств», которые со временем становятся «самостоятельными», означало не только образование новых княжеств, оседание на местах определенных княжеских линий или образование новых столов, но и образование определенных более или менее устойчивых территорий этих княжеств, ибо территории, выраставшие вокруг отдельных центров, приходят в соприкосновение и на значительном пространстве образуются внутренние рубежи. Территории отдельных феодальных княжеств как бы отливаются, более или менее стабилизируются, приобретают устойчивую форму. Феодальные полугосударства и их территории и будущие феодальные полугосударства и их территории (например, древнее новгородское государственное объединение) в источниках называются «волостями», «областями» и «землями». Поэтому мы будем употреблять термин «областной» по отношению к разноплеменной территории «земель» — будущих «самостоятельных» феодальных «полугосударств» и по отношению к территории сложившихся «самостоятельных» феодальных «полугосударств», а термин «область» или «волость» — по отношению к «землям» — будущим феодальным полугосударствам и сложившимся «самостоятельным» феодальным «полугосударствам». Таким образом, под терминами «область» и «областной» мы будем понимать совсем не то, что понимал под этими терминами буржуазный историк В. О. Ключевский, видевший в области объединение, вызванное к жизни внутренним и внешним обменом. Говоря об «областной» территории, мы будем говорить о территории «земель», которые стали или становятся «полугосударствами», а территориальные пределы последних определялись не состоянием обмена, а распространением суда и дани.

Исследование обнаруживает, наряду с тенденциями к обособлению, с действием факторов разъединяющих, существование тенденций к объеди-

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1949, стр. 178.

пению, действие факторов, связывающих. Не следует преувеличивать «непрочность Киевского государства» при Ярославе; равным образом не следует внешне-формально понимать отношения, когда мы говорим о начавшемся раздроблении киевской «державы» при Ярославичах.

Во-первых, не только при Ярославичах во второй половине XI в., но и в начале XII в. южнорусские княжества сохраняли известное господство над другими феодальными полугосударствами. И позже, когда в течение XII в. последние стали самостоятельными, их самостоятельность не исключала некоторых элементов государственного единства и стремления к единству.

Во-вторых, вторая половина XI в. и первые десятилетия XII в. составляли период, когда усиленный рост государственной территории привел к тому, что отдельные территории, тянувшие в Киевском государстве к отдельным городам, как мы говорили выше, пришли в соприкосновение друг с другом и на значительном протяжении появились рубежи и образовалась с п л о ш н а я (хотя и разделенная рубежами) государственная территория; территория Киевского государства оказалась раздробленной на феодальные «полугосударства».

В свете полученных выводов вполне закономерным представляется общерусский характер «Повести временных лет», памятника начала XII в., летописного свода с широким географическим и историческим горизонтом; вполне понятным становится появление в «Повести временных лет» учения о единой восточнославянской стране и народности. Общерусский кругозор и общерусские идеи составителей «Повести временных лет» казались не так давно анахронизмом для начала XII в.; общерусское направление этого памятника ошибочно представлялось некоторыми исследователями политически консервативным, а участие или касательство правительственных сил к составлению этого свода — невероятным[1]. Только при одностороннем, формальном понимании процесса дробления киевской «державы» и появления феодальных «полугосударств» могут возникнуть подобные мнения.

Предлагаемое исследование стремится разрешить специальную, но цельную проблему, поставленную ходом развития советской историографии. Своевременность этой работы определяется еще существованием за рубежом извращающих истину «теорий» возникновения древнерусского государства. Эти «теории» игнорируют внутренний социально-экономический процесс развития, а «варягам» приписывают решающую роль в образовании древнерусского государства.

---

[1] И. П. Е р е м и н. «Повесть временных лет». 1947, стр. 30—33.

ГЛАВА II

В Среднем Поднепровье в составе Киевского государства сложились три феодальных ««полугосударства»— княжества: Киевское, Черниговское и Переяславское. Как большинство «полугосударств» древней Руси, Киевское княжество-«область» выросло из племенной земли, из земли полян; но «область» эта, какой мы знаем ее в XI—XII вв., выросла *не непосредственно* из племенной земли, из земли полян. В то время как археологами обнаружены племенные признаки северян, вятичей, кривичей и некоторых других племен на местах их поселения, признаки полянского племени XI в. не обнаруживаются. Поляне в качестве племени, экономически и культурно рано развившегося, очень рано утратили особые племенные признаки, и исследователи, не будучи в состоянии выделить по курганным украшениям племя полян, вынуждены были констатировать «полную аналогию полянских курганов с одновременными волынскими и древлянскими»[1]. Между древней Полянской землей и Киевской «областью» XI—XII вв. эпохи Киевского государства хронологически стоит южнорусское государство с центром в Киеве, значительно отличавшееся от той и другой. Это южнорусское государство — «Русская земля», следы которого обнаруживаются в Древнейшем летописном своде, а раньше — в договорах Олега и Игоря с греками. Она послужила основой, господствующим ядром всего Киевского государства. В течение X—XI вв. территория древнего южнорусского государства разделилась, и части его, значительно выросшие (за пределы древнего южнорусского государства или «Русской земли»), образовали территорию трех «полугосударств-областей»: Киевской, Черниговской и Переяславской. Но и первое время после этого были попытки в новых условиях сохранить прежнюю роль «Русской земли» как политического ядра всего Киевского государства; а потом в качестве наименования южной Руси «Русская земля» оставалась лишь географическим термином. Тот же термин («Русская земля») принял вместе с тем другое, более широкое значение и иное содержание.

---

[1] А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СПб., 1899; П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. «Сов. археология», 1937, вып. IV; *его же*. Восточнославянские племена. М.— Л., 1948. Б. А. Рыбаков также признает, что попытки выделить территорию полян по археологическим данным IX—XII вв. не привели к положительным результатам («Сов. археология», 1947, вып. VI—VII), хотя делает интересную попытку предположительно определить древнейшую территорию полян.

Территориальные пределы древнейшей летописной «Русской земли» (или «Руси», понимаемой в территориальном смысле) восстанавливаются приблизительно. «Русская земля» лежит по обеим сторонам Днепра: «и раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону», причем Мстислав сидел в Чернигове и раньше, как видно из известия под 1024 г., и хотел сделать Чернигов центром «Русской земли». Черниговщина называлась «Русью» и в Киеве в XII в., как видно из рассказа Ипатьевской летописи под 1147 г.: «прибѣгоша из Руси дѣцкы, и повѣдаша сму Володимира в Черниговѣ, а Изяслава у Стародубѣ»; Черниговщина называлась «Русью» и на Северо-востоке (Лавр. л., 1175 г.) и в Новгороде (Новг. 1-я л., 1180 г.). Равным образом, «Русью» называли и Переяславль-Русский как на Юге (Ипат. л., 1178 г.), так и на северо-востоке (Лавр. л., 1195 г.) и в Новгороде (Новг. 1-я л., 1132 г.). Новгород не называли ни «Русью», ни «Русской землей» на Юге (Ипат. л., 1141 и 1178 гг.), а также, как явствует из Новгородской 1-й летописи, и в самом Новгороде. Ростово-Суздальская земля, а равно и Рязань также противопоставляются «Руси» и в южной летописи и в северо-восточной (Ипат. л., 1154, 1175, 1177 гг., Лавр. л., 1175 г. и др.); Смоленск не считали ни «Русью», как видно из сообщения Ипатьевской летописи под 1155 и 1197 гг., ни «Русской землей» (Ипат. л., 1174 г.). В Лаврентьевской летописи под 1202 г. противопоставляются «Русской земле» Галич и Владимир-Волынский, а в Ипатьевской под 1174 г.— Берлад. Равным образом не считали, что Полоцкая «область» входит в состав «Русской земли», как показывает Ипатьевская летопись под 1140 г. Но всего интереснее, что к «Руси», к «Русской земле» не причисляли землю древлян, Деревскую землю с их г. Овручем, на что имеем прямое указание в летописи под 1193 г., а также и Неринск на верхней Оке, в земле вятичей (Ипат л., 1147 г.).

Сомнительно также, чтобы в пределах «Руси» была и вся земля радимичей, во всяком случае тех, которые жили по р. Пищане (Пещане); иначе едва ли летописец сказал бы о них: «и платять дань в Руси». В «Русской земле» лежали Киев, Вышгород, Белгород, Торческ, Треполь, Богуславль, Корсунь, Канев (Ипат. л., 1174, 1195 гг.). На западе «Русская земля» доходила до р. Горыни (Лавр. л., 1150 г.), на юго-западе — до верховьев Южного Буга, так как среди «русских» городов числились не только Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойница, но и Бужск, или Бужской, впоследствии принадлежавший к владениям болоховских князей[1]. Таким образом, пределы «Руси», «Русской земли», определяются территорией Переяславской «области», Черниговской, за исключением северных и северо-восточных ее частей, и Киевской «области», за исключением Деревской и Дреговичской земель. Нет данных о верхнем Посемье с Курском. Судя по тому, что Глухов лежал на пути «в Русь» или на рубеже, нельзя быть вполне уверенным, что северянская территория по верхнему Посемью не входила в состав «Русской земли»; во всяком случае вопрос этот приходится оставить открытым[2].

---

[1] Ипат. л., 1146, 1248, 1250, 1152, 1241 гг.

[2] Лавр. л., 1152 г.

Территория «Русской земли», границы которой мы в общих чертах проследили по летописным известиям, не была старой племенной территорией, так как на ней обитали поляне, северяне или часть северян, часть радимичей и, может быть, часть уличей и вятичей; вхождение последних в состав «Русской земли» остается под сомнением. Перед нами следы неплеменного объединения, пределы которого определялись не этническим признаком. Устойчивость термина, как термина географического, показывает, что «Русская земля» весьма древнего происхождения, и сложилась она, очевидно, не в XI в., когда из состава ее выделяются княжества Киевское, Черниговское и Переяславское, а значительно раньше. Наконец, выделение из состава ее трех поименованных «областей» заставляет предполагать, что Киев, Чернигов и Переяславль были некогда центрами этой «Русской земли». Дошедшие до нас в «Повести временных лет» договоры с греками в древнерусских переводах с греческого в полной мере подтверждают такое предположение.

Из договоров с греками видно, что «мѣсячное свое» Русь берет: «первое отъ города Киева, паки ис Чернигова и Переяславля». В предшествующем летописном рассказе об «укладах на рускиа грады», как убедительно показал А. Л. Шахматов, по домыслу составителя «Повести временных лет» к указанным в тексте договора городам прибавлены Полоцк, Ростов и Любеч. Ни в договоре Олега, ни в договоре Игоря их нет.

В договорах область названа «Руской землей», в договоре Игоря, кроме того, «Руской страной». «Страна», «земля» текста договора — это «χώρα», «χωρίον» греческого подлинника, как мы полагаем, основываясь на сравнении текста договоров с главой 37 «De administrando imperio». Ее население названо «родом руским», т. е. народом (γένος), и в договоре Игоря, кроме «княжия» или «боляр», помянуты «всѣ люди Руския земля», от имени которых заключается договор (ср. выражение «князи русьстии и людие» в проложном сказании о Борисе и Глебе, в тексте, восходящем к летописному известию 1015 г., в древнейшей, не дошедшей до нас редакции)[1]. К «русскому» народу причисляют себя в договоре Игоря с греками посланные от военно-дружинных родов, частью славянского, частью иного происхождения, обитающих, очевидно, в Киеве, Чернигове и Переяславле.

Константинополь посещали и новгородцы, как явствует из сочинения Константина Багрянородного «De administrando imperio», а также из народных преданий, помещенных в «Повести временных лет», где «Руси» противопоставляются «словене». Между тем, в договорах говорится только о «Руси», и «словене» (обитатели Новгорода) нигде не упоминаются. Не упомянут и Новгород среди городов в связи с взиманием «мѣсячного» в обоих договорах, а равно и в сообщении «Повести временных лет» об «укладах». Это тем более интересно, что Святослав, упомянутый в договоре Игоря, одно время сидел в Новгороде, как свидетельствует Константин Багрянородный.

[1] Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 277—279; А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 42.

Третьим основанием для утверждения, что в первой половине X в. существовала «Русская земля» как политически господствующее территориальное ядро, служат показания «De administrando imperio». В главе 9 читаем: ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόξυλα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰσὶ μὲν ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδάς, ἐν ᾧ Σφενδοσθλάβος, ὁ υἱὸς Ἴγγωρ, τοῦ ἄρχοντος Ῥωσίας, ἐκαθέζετο»[1]. Текст противополагает «Руси», князем которой был Игорь, «Русь внешнюю» с г. Новгородом. Ясно, что «Русь» лежала на юге, что это была страна, объединенная одной верховной властью (князем ее был Игорь). Из последующей фразы: «εἰσὶ δὲ καὶ ἀπὸ τὸ κάστρον τὴν Μιλινίσκαν (Смоленска)»... нельзя сделать каких-либо выводов по интересующему нас вопросу, так как совершенно не обязательно толковать текст в том смысле, что перечисленные ниже города относились к «внешней Руси», и текст не дает материала для суждения, принадлежали ли эти города к «внешней Руси». В главе 37 читаем: τὸ δὲ θέμα τοῦ Χαραβόη πλησιάζει τῇ Ῥωσία, τὸ δὲ θέμα Ἰαβδιερτὶμ πλησιάζει τοῖς ὑποφόροις χωρίοις χώρας τῆς Ῥωσίας, τοῖς τε Οὐλτίνος (уличами), καὶ Δερβλενίνοις (древлянами) καὶ Λενζενίνοις (?) καὶ τοῖς λοιποῖς Σκλάβοις»[2]. «Русская земля», «Русь», таким образом, определяется как политически господствующее над некоторыми славянскими племенами территориальное ядро. Так как округ печенегов Харовой, о котором идет речь в приведенном тексте, был расположен, по Константину Багрянородному, на правой стороне Днепра, «Русь» лежала частью, если не полностью на правой стороне Днепра. Из летописи известно, что печенеги прилегали к «Русской земле» именно на правой стороне Днепра и не были непосредственными соседями Руси на левобережной стороне, и Константин Багрянородный имел основание писать, что округа печенегов, расположенные к востоку от Днепра, были обращены к Узии, Козарии, Алании, Херсону и другим «климатам». Однако из приведенного текста главы 14 отнюдь не следует, что область «Русь» лежала только на правой стороне Днепра. С таким пониманием согласуется и текст о «Руси» в главе 42: «Ἡ δὲ Πατζινακία πᾶσαν τὴν γῆν <μέχρι> τῆς τε Ῥωσίας καὶ Βοσπόρου κατακρατεῖ καὶ μέχρι Χερσῶνος»[3].

Четвертым основанием для утверждения, что до кончины Ярослава существовала «Русская земля» в качестве политического и территориального ядра всего обширного Киевского государственного образования, служат данные русских летописей о политических судьбах нашей страны в X—XI вв. В исторической науке недооценен тот факт, что князья Игоревой династии до второй половины XI в. сажают своих сыновей по разным городам, но не сажают ни в Чернигове, ни в Переяславле. В самом

---

[1] «De administrando imperio», edited by G. Moravcsik, p. 56: «однодеревки приходят в Константинополь из внешней Руси, из Немогарды (Новгорода), в которой сидел Святослав, сын князя (ἄρχοντος) Руси Игоря».

[2] Указ. соч., стр. 168: «округ(θέμα) Харовой соседит с Русью (Ῥωσία), а округ Явдиертим соседит с платящими дань Русской земле (χώρας τῆς Ῥωσίας) странами, а именно с ултинами, дервленинами, лензенинами и прочими славянами».

[3] Указ. соч., стр. 184: «Печенегия владеет всей землей до Руси и Воспора и до Херсона».

деле, сын Игоря Святослав сидел в Новгороде. Святослав, отправляясь в Болгарию, оставив Ярополка в Киеве, посадил Олега в Древлянской земле; новгородцам же согласился дать Владимира. Владимир, захватив Киев, оставляет в Новгороде дядю своего Добрыню, Изяслава сажает в Полоцке, Святослава в Турове, где раньше имел свою волость Туры. По смерти Вышеслава в Новгороде — Ярослав, Святополк и Изяслав остаются в Турове и Полоцке, у древлян — Святослав, на Волыни во Владимире — Борис, в Тмутаракани — Мстислав; Станислав (по позднейшим данным) сидит в Смоленске, а Судислав — в Пскове[1]. Образование княжения в Чернигове или Переяславле неминуемо грозило бы разделу «Русской земли».

Ту же политическую тенденцию обнаруживает и другой примечательный факт: первые епископии после Киева и Новгорода были устроены не в Чернигове и Переяславле, а в Белгороде и в Юрьеве, поблизости от Киева. Чернигов и Переяславль получили епископские кафедры только в эпоху триумвирата трех Ярославичей, до 1072 г.[2] Чернигов и Переяславль долго не выделяли в церковно-административном отношении, что тем более удивительно потому, что Переяславль в 70-х годах XI в. был некоторое время даже русской митрополией, как бы конкурируя с Киевом.

Чрезвычайно характерно, что, даже после того как древняя территория — «Русская земля» — распалась с образованием Черниговского и Переяславского княжеств, мы видим явные признаки стремления сохранить на первых порах целостность «Русской земли» в ряде мероприятий. Известно, что по ряду Ярослава Изяслав сел в Киеве, Святослав в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, а Вячеслав в Смоленске. Но верховными хозяевами всего обширного Киевского государства становятся только три князя: Изяслав, Святослав и Всеволод, образуя своего рода триумвират. Разгадку самого триумвирата найдем, если обратим внимание на то, что эти три князя представляли собою совместно «Русскую землю» с ее тремя центрами — Киевом, Черниговом и Переяславлем. Они вместе обороняют «Русскую землю» от степняков, вместе собираются, чтобы установить в обновленном виде законодательные нормы, принимая важнейшее мероприятие (по внутреннему значению своему — «областное») об отмене убиения «за голову» и замене его выкупом «кунами»; составляя единое правительство «Русской земли», они принимают совместные меры, чтобы поддержать известное подчинение отдельных частей Киевского государства, идут на Всеслава Полоцкого, распоряжаются Смоленском и т. п.

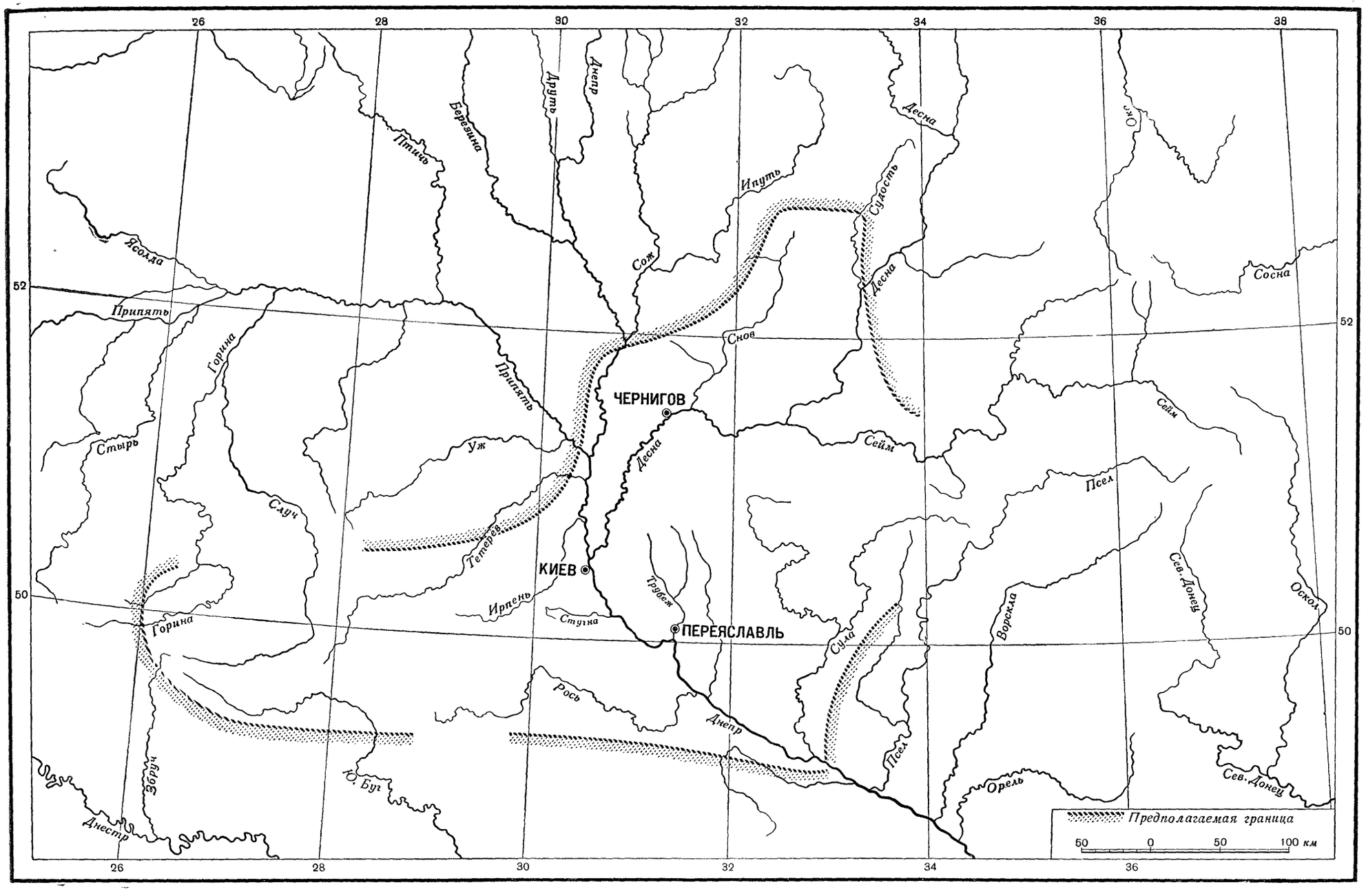
В этих фактах, в этих последних попытках сохранить политическую целостность «Русской земли» видим лишнее сильнейшее доказательство существования «Русской земли» как политически господствующего ядра Киевского государства до выделения из ее состава княжеств Киевского, Черниговского и Переяславского[3].

---

[1] А. Е. Пресняков. Княжое право. 1909, стр. 30.

[2] М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 116—121.

[3] В дальнейшем этот вывод подтвердится другими данными.



Реконструкция территории «Русской земли» IX г.

А. П. Насонов

Итак, в X и первой половине XI в. существовала «Русская земля» с главными центрами Киевом, Черниговом и Переяславлем как политическое и территориальное ядро обширного Киевского государства. Почему же в древнейшем киевском летописном своде вопрос о происхождении «Русской земли» сводится к вопросу о происхождении Киева? Почему из этого древнейшего местного, «областного» по существу свода мы получаем в связи с историей Киева сведения о Новгороде, Смоленске, древнейшем Овруче, червенских городах, Василеве, Белгороде, Вышгороде и т. п., но не узнаем даже о существовании Переяславля, а о Чернигове узнаем только тогда, когда этот город делается временно центром «Русской земли»?

Древнейший киевский летописный свод был составлен при Ярославе, о чем свидетельствуют прежде всего следы пользования этим летописным памятником в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона; он был составлен до 1044 г., что явствует из летописной записи о смерти Олега Древлянского.

Можно сказать, что борьба за политическое единство «Русской земли» и за подчинение ей восточнославянских «волостей» проходит через всю историю Киевщины второй половины X и первой половины XI в. С этой точки зрения получает новое освещение кровавая борьба между братьями Игоревой династии в X—XI вв. Она успешно изучалась историками со стороны развития междукняжеских отношений. Но она представляет особый интерес как борьба, за которой стояла известная социальная среда, охранявшая политическое единство «Русской земли» и связи подчинения между «Русью» и ее «волостями». Забегая вперед, мы заметим здесь, что средой этой была местная дружинно-родовая, преимущественно киевская знать. В борьбе за единовластие в «Русской земле» Ярополк убивает Олега, Владимир Ярополка, Святополк Бориса и Глеба, Ярослав изгоняет Святополка. Ярослав пытается с помощью варягов разбить Мстислава, который сел в Чернигове, не принятый киевлянами. Но он терпит поражение, и ему приходится согласиться на Киев, предоставив Мстиславу Чернигов. Это соглашение прямо рассматривалось в древнейшем киевском летописном своде как временный раздел «Русской земли»: «и раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мстислав ону». Только по смерти Мстислава, через десять лет, политическое единство «Русской земли» было восстановлено: «по семь же прия власть его всю Ярославѣ, и бысть единовластець Рускои земли».

Выступление в Поднепровье Мстислава, возвышение Чернигова и рост Переяславля вызывали в Киеве потребность при составлении летописного свода подчеркнуть исторические права и значение Киева в «Русской земле».

Если в древнейшем летописном своде проводилась киево-полянская теория происхождения «Русской земли» и «Руси», а Чернигов и Переяславль выпадали из ее истории, то ясно, что свод этот составлялся в Киеве тогда, когда еще не имелось в виду образовать в составе «Русской земли» Черниговское и Переяславское княжества, хотя, надо думать, что рост Чернигова и Переяславля делал в недалеком будущем такой шаг неизбежным.

Почему же древнейшее государственное объединение нашего народа стало называться «Русской землей»?

Для обозначения территории, объединенной одной верховной властью, в древней Руси употреблялись термины: «земля», «волость», «власть», «область». Землею в XII—XIII вв. называли иногда «область»-полугосударство (Черниговскую, Ростовскую и т. д.), причем термином «земля» в применении к территории полугосударств или будущих полугосударств пользовались преимущественно тогда, когда говорили именно о территории, о земле в тесном смысле слова: в «землю» можно было «въехать», «землю» повоевать, захватить и т. д.; «и перея всю землю Муромьскую и Ростовьскую и посажа посадники по городомъ и дани поча брати» (Ипат. л., 1096 г.); «и ѣха ис Переяславля вборзѣ в землю Черниговьскую и повоева около Десны села ихъ и около Чернигова, и тако повоевав волость ихъ възратися въсвояси» (Ипат. л., 1142 г.); «и почаша воевати Рязаньскую землю» (Лавр. л., 1237 г.). Термин «земля» древнéе термина «волость». «Землю» связывали не только с феодальными центрами, но и с племенем, например «Деревская земля», т. е. земля древлян, «Польская земля», т. е. земля полян.

Почему древнейшее государство нашего народа получило название «Русской» земли? Кто такие были «Русь» или «руссы», именем которых стала прозываться «земля»?

Какие мы имеем данные для суждения по данному вопросу? Какие показания источников могут служить материалом для такого суждения?

Обратимся к «Повести временных лет». Она озаглавлена «Се повѣсти времяньных лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть». Хотя в заголовке читаем только о «Русской земле», но в тексте «Повести», в том виде, в каком она дошла до нас в составе летописных сводов, дано разъяснение, кого автор считает Русью и что такое Русь, как территория. После выписок из Амартолы и из Хронографа читаем: «в Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Моръдва, Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Лѣтьгола, Любь. Ляхъве же и Пруси и Чюдь присѣдять к морю Варяжьскому»[1]. По перечислении славянских «племен» и других народов, обитающих на нашей равнине, автор пишет: «се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Велыняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Моръдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нерома, Либь»[1]. Ниже, после извлечений из «Сказания о преложении книг на словенский язык», к фразе «тѣмь же и Словеньску языку учитель есть Павелъ», приписано: «отъ него же языка и мы есмо Русь; тѣмъ же и намъ, Руси, учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ Слов(ѣн)ескъ... А Словеньскыи языкъ и Рускыи одно есть»[2].

---

[1] Лавр. л.

[2] Лавр. л.

Из приведенных выписок явствует, что в понятии «Руси» автор объединял восточнославянские «племена», жившие в пределах нашей страны[1]. Автор проводит идею русской народности, родственной другим славянским народам. Идея родства славянских народов помогает ему уяснить единство восточнославянских племен: русь он отличает от не-руси, чюди, мери, веси, литвы и т. д.; это — «инии языци». В соответствии с идеей единства восточнославянских племен, с идеей русской народности он, перечислив славянские племена—«Морава и Чеси и Ляхове и Поляне» к слову «Поляне» делает пояснение «яже нынѣ зовомая Русь»; поляне принадлежат к «Руси».

Под именем «Руси» он разумеет не только народность, но и территорию, на которой обитает эта народность, территорию единой русской народности.

После работ А. А. Шахматова и особенно академика Н. К. Никольского мы можем предполагать, что осознать единство восточнорусских племен в известном смысле помогли автору дошедшего до нас текста «Повести временных лет» литературные памятники кирилло-мефодиевской школы. Автор «Повести временных лет» пользовался «Сказанием о преложении книг на словенский язык». На связь нашей литературы с кирилло-мефодиевской школой, может быть, указывает приписка к паннонскому житию Кирилла, относимая к XI—XII вв., в которой история «русского языка» сближается с судьбой западнославянских племен. Знакомство с западнославянской литературой заставляет предполагать ссылка Нестора на житие Вячеслава в Чтениях о Борисе и Глебе. Но западнославянская литература могла помочь в указанном направлении только тогда, когда в народном сознании представление о единстве восточнославянских племен уже вызрело, когда условия экономического, политического и

---

[1] Обращаем внимание на то, что в приведенном выше списке славянских «племен», принадлежащих к руси, опущены вятичи и радимичи. Это —не случайно. Это те «племена», которые наиболее поздно были полностью освоены, полностью охвачены аппаратом принуждения, и частью еще в конце XI — начале XII в. жили за пределами территории феодальных «земель». Составитель летописного текста, очевидно, не счел нужным включить их в свой список.

Интересно, что в списке народов, не принадлежащих к руси, названы преимущественно народы, жившие на далеких окраинах, о которых нельзя было безоговорочно сказать, что они прочно приросли к «областям». В самом деле, здесь названа прибалтийская чудь (те, которые «присѣдять к морю Варяжьскому»), заволочская чудь, мордва, пермь, печора, ямь, югра, земигола (семигаллы), корсь (куроны), летьгола, либь (ливы), литва, нерома и черемисы. Исключение составляют меря, весь и мурома, жившие близ главных центров. Противопоставление их Руси печерским черноризцем объясняю особыми обстоятельствами: упорным сопротивлением язычества христианизации на Северо-востоке, о чем имеем красноречивые данные.

Относительно некоторых народов, не вошедших во второй перечень, можно думать, что составитель колебался относить их к той же категории. Для нашей темы не безинтересно, что летописец не решился прямо противопоставить «Руси» (в обоих перечнях) ни ижору, ни корелу, ни водь, ни голядь (ср. ниже, глава IV и др.). С некоторыми из «племен» славяне смешивались, поглощая их.

Летописные «племена» восходят к очень древним временам. О «племенах» XI в. можно говорить только в условном смысле. В XI в. признаки, свидетельствовавшие о пережитках племенного быта, мало-помалу стирались, хотя, как мы знаем, этот процесс протекал неравномерно.

культурного развития создали в конце XI — начале XII в. почву для появления на свет в Киеве идеи русской народности[1].

Аналогичных по содержанию текстов, отражающих идею русской народности, в смысле широкого единства восточнославянских «племен», восточнославянских обитателей земель, мы не находим в предшествующих слоях киевского летописания. Представление о руси как народности в этом смысле было явлением давно назревшим, связанным с различными условиями жизни. Оно имеет разнообразный интерес для историка. Но как явление, отражающее этап в истории русского самосознания, не может служить материалом для суждения о том, кто такие были «русь» или «руссы», давшие имя древнейшему государству нашего народа.

Вполне понятно, что автора дошедшего до нас текста «Повести временных лет» интересовал и вопрос о происхождении самого термина «Русь». По его догадке, этот термин пришел вместе с варягами, точнее, вместе с правящей варяжской династией, правившей страной и во времена составителя текста «Повести»: «идоша за море къ Варягом, к Руси: сице бо звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмани, Аньгляне, друзии Гъте, тако и си». Автор считает варягов русью (от слова «къ Руси...» мы имеем вставку автора-редактора дошедшего до нас текста «Повести временных лет», что доказано А. А. Шахматовым). Русский «язык», по мнению того же автора, «о т ъ В а р я г ъ п р о з в а ш а с я Р у с и ю».

Перед нами не вполне самостоятельная догадка составителя текста «Повести временных лет». Предлагая такую теорию происхождения термина «Русь», составитель «Повести временных лет» мог опираться на предшествующую литературу. В. Г. Васильевский, изучая историю варяжской дружины в Константинополе, обнаружил, что в самой Византии в XI в. термины «варяги» и «Русь» употреблялись как синонимы. Составитель текста «Повести временных лет» широко пользовался Хроникой Амартола и его продолжателя, в славянском переводе которого, сделанном в конце первой половины XI в. в Киеве, прямо читается, что русь — «от рода Варяжеска» («иоуня же мѣсяца 18 день 14 индикъ приплоу Роусь на Констянтинь град людиами тысящь 10, иже и скѣди глаголемь, от рода Варяжеска соущимъ»)[2]. Отожествление руси с варягами позволило автору «Повести временных лет» дать объяснение происхождения термина «Русь». Такое объяснение соответствовало общей тенденции его труда. Полагая, что русский народ получил свое имя от варяжской династии, составитель «Повести» укреплял свою точку зрения на значение этой династии. Он упорно проводит мысль, что Игорев род или род Рюрика — единственно законный княжеский род в нашей стране; все другие князья и старейшины — незаконные властители или узурпаторы. На рубеже XI—XII вв., когда Игорева династия стремилась распространиться по

[1] Эти условия раскрываются частично в ходе предлагаемого исследования.

[2] «Хроника Георгия Амартола» в древнем славяно-русском переводе, изд. В. М. Истрина, т. I, стр. 567, 1920; греческий текст, т. II, стр. 60. См. также «Труды Отд. древнерусской литературы», 1940, т. IV, стр. 55—57. В греческом оригинале не Βάραγγοι, а Φράγγοι («οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθισταναι»).

«областям» (на Полоцк; укреплялась в Смоленской земле; должна была укрепиться в Ростово-Суздальском крае), проводимая в «Повести» мысль получала значение актуальной политической тенденции, в известном смысле политической программы.

Может ли теория составителя «Повести» послужить материалом при решении вопроса о том, кто такие были «Русь» или древние руссы, давшие имя древнему государству?

Почему в Византии смешивали, отожествляли варягов и «Русь»? В своем обстоятельном исследовании о варяго-русской дружине в Константинополе В. Г. Васильевский объясняет, что варяги «приходили в Константинополь через Россию, где они составляли наемную дружину русских князей; как в Киеве, так и в Византии они служили вместе с Русскими, но в Цареграде были еще менее многочисленны, чем в Киеве или Новгороде, составляли только небольшую часть варяго-русского корпуса и дружины». Он думает, что и те варяги, которые ушли в Византию в 980 г. от князя Киевского Владимира, сначала рассеянные по разным местам, после могли поступить в состав корпуса, организованного через восемь лет, наконец, что «самое имя варягов по своему происхождению принадлежит северу, что оно пришло в Византию из Киева». В Киеве наемники называли себя варингами; имя «сделалось обычным и для Русских, так что и русские союзники и наемники в Константинополе стали называть себя варягами, а по-гречески варангами»[1].

Васильевский правильно указывает основную причину, почему в Византии смешивали варягов и русь: варяги приходили в Константинополь через Россию. Напомним, что самый путь из Балтийского моря в Черное, игравший важную роль в жизни Киевщины, стал называться путем «из Варяг в Греки», указывая тем самым на основное направление их движения. Варяги попадали в Константинополь иногда после более или менее продолжительной службы у русского князя, как видно из известия 980 г. Понятно, что в Царьграде представление о руссах, приезжавших из Руси, в какой-то мере сливалось с представлением о варягах. Васильевский полагал, что русь стала называть себя варягами. В это объяснение мы можем внести некоторый корректив, или, вернее, дополнение. Смешение происходило не только потому, или, вернее, не столько потому, что русь называла себя варягами, сколько потому, что варяги, приезжавшие на юг России в Киев и там остававшиеся, принимали имя руси, называли себя русью. Во-первых, известие Бертинских летописей показывает, что люди, оказавшиеся по происхождению шведами, приехав из Приднепровья или Причерноморья в 838 г. через Византию, называли себя русью. Во-вторых, древнейший текст Киевской летописи прямо свидетельствует, что варяги, приехавшие в Киев, стали называть себя русью; в «Повести временных лет», после сообщения о приезде Олега в Киев, читаем: «бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью» (Лавр. л.); в Новгородской 1-й летописи (в Начальном своде): «и бѣша у него

---

[1] В. Г. Васильевский. Труды, т. I. Изд. Акад. Наук, СПб., 1908, стр. 376.

Варязи мужи Словенѣ (в Толст. сп.: «мужи Варязѣ, Словени»)[1] и оттолѣ прозвашася Русью» (в Толст. сп.: «и отолѣ прочии назвашася Русью»[2]; в Комиссион. сп. «прочии» — на полях). Перед нами бесспорно древнейшее летописное известие. По Шахматову, оно в Древнейшем киевском летописном своде читалось так: «и сѣде Ольгъ къняжа Кыевѣ; и бѣша у него мужи Варязи, и отътолѣ прозъвашася Русию»[3].

Для нас ясно, почему в Византии варягов принимали за руссов, варяжское — за русское, и наоборот. Это смешение составляет характерную черту византийских источников XI в. Не теми же ли причинами объясняется, почему Константин Багрянородный именует древнескандинавские, т. е. варяжские, названия порогов «русскими» (отличая их от «славянских» названий), если они действительно древнескандинавские.

Приведенное показание Древнейшего летописного свода стоит в явном противоречии с теорией составителя текста «Повести временных лет», согласно которой, как мы говорили, русский «язык» «отъ Варягъ прозъвашася Русию». Как видим, она не может служить для нас материалом при решении вопроса, кто такие были «Русь» или древние «руссы», давшие имя древнейшему государству.

Если бы мы даже не имели прямого свидетельства Древнейшего свода о том, что варяги стали называть себя «Русью» лишь в Киевщине, на юге, то и тогда мы должны были бы предположить, что они, называя себя «Русью», принимали местное название, ибо у себя на родине, как оказывается, они себя никогда «Русью» не называли. Еще в прошлом столетии выяснилось, что «Русь» как народное или племенное название не встречается ни в одном норманнском памятнике, ни в одной германо-латинской летописи. Все попытки отыскать этот термин как свой на варяжской родине оказались тщетными; и не так давно специалисту по древним северным памятникам письменности пришлось констатировать отсутствие «всяких следов этого термина, как своего, в др.-сев. сагах (где Rusia, как известно, наименование книжного ученого характера) и особенно в рунических надписях... др.-сев. языку и письменности термин Русь во всяком случае совершенно чужд»[4].

Мало того, можно с уверенностью сказать, что Древнейший свод не ошибался, когда говорил, что именно на юге варяги, вошедшие в состав дружины киевского князя, стали называть себя «Русью». Это подтверждается д р е в н е й ш и м и известиями о руссах византийских и арабских источников. Древнейшие руссы византийских источников — тавро-скифы, обитатели Тавра. В житии Георгия Амастридского, дошедшем до нас в своем первоначальном виде и в греческом подлиннике и написанном, согласно исследованию В. Васильевского, до 842 г., автор, рассказывая о нашествии руси на Малую Азию, подчеркивает, что «древняя таврическая ксеноктония остается юной» у народа «Руси». Арабский автор

[1] В Троицком сп.: «мужи Варяжи, Словени».

[2] В Т р о и ц к о м сп.: «И оттоле прочии прозвашася Русью».

[3] «Разыскания...», стр. 542

[4] Е. А. Р ы д з е в с к а я. К варяжскому вопросу. «Изв. АН СССР», 1934, № 8, стр. 628.

IX в. Ибн Хордадбех считает руссов славянами, а другой автор в известии, восходящем в IX в., противопоставляет их славянам, но описывает живущими на юге, под властью своего «кагана», т. е., следовательно, в пределах хазарского влияния, хазарского преобладания, т. е. на юге (Ибн Даста).

Некогда Тунман, Шлецер и Гиппинг приводили в оправдание теории составителя «Повести временных лет» следующее наблюдение над языком финнов прошлого столетия: последние называют скандинавов, живших в Швеции или северной Финляндии «руотси», или «руоци». Не говоря уже о том, что мы не знаем, называли ли так финны скандинавов в IX—X вв., остается несомненным, что на юге русские (славяне) не могли называть скандинавов так, как называли их финны, жившие на севере, а предположить, что варяги стали в южной России называть сами себя «Русью» потому, что так их называли финны, едва ли кто-нибудь решится. Кроме того, заметим, что аналогия суоми-сумь не помогает делу, ибо suomi, финны, предположительно называли с а м и с е б я, откуда (также предположительно) русское слово «сумь».

На Руси народное сознание долго противопоставляло «Русь», как обитателей юга, «словенам», обитателям севера: так «Русь» и «Словене» выступают как две основные категории Олегова войска, в народном предании включенном в летопись под 907 г., повествующем о неудаче словен с «кропиньними» парусами. В сказании о Борисе и Глебе Ярослав, собираясь походом на Волынь, совокупляет «Русь, Варягы, Словени»[1]. «Русин» наряду со «словенином» упомянут и в первых статьях обоих списков краткой «Русской правды». Но почему же в X в. варяги, жившие в Новгородской «области», также стали называть себя «Русью». Что они называли себя «Русью», мы полагаем на том основании, что Константин Багрянородный называет Новгород «внешней Русью», т. е. как бы производною «Русью». Арабские авторы X в. пишут уже о трех племенах «Руси», из которых одно приурочивается к Причерноморью[2], другое к Киеву, а третье

---

[1] «Жития св. мучеников Бориса и Глеба». Изд. Д. И. Абрамовича (Памятники древнерусской литературы, в. 2-й, 1916, стр. 45). То же в Лавр. л., 6526 г.

[2] Некоторые указания источника (Балхи) ведут нас при определении местоположения Артании к Причерноморью, к Таврии. Мы допускаем, что самое название «Артания» иранского происхождения. Для южнорусской полосы, где вплоть до половецких времен, наряду с потомками славян, обитало население иранского происхождения, такое происхождение термина «Артания» объяснимо. Обращаем внимание на то, что в географической номенклатуре Хорезма часто встречаются слова сложные с древнеперсидским прилагательным «арта»— хороший, превосходный (ср.: В. Б а р т о л ь д. Орошение..., стр. 86).

Были попытки приурочить местоположение Артании к средней полосе России, исходя из показаний так называемой рукописи Туманского. Но эта рукопись едва ли может служить основанием для определения местоположения трех племен Руси. По словам В. Бартольда, «плодом произвольной комбинации автора, вероятно, надо считать известие о расположении всех трех городов на одной и той же реке Рус, под которой, вероятно, надо понимать не течение Волги до впадения Камы, как полагал Туманский, а Дон» (Ḥудӯд-ал-ʿālem, Л., 1930, 29 стр.). В. Минорский, издавший английский перевод рукописи с обстоятельными комментариями, отмечая аргументы П. Смирнова, указывает, что нельзя придавать никакого решающего значения тексту, который

к Новгороду, к словенам (Славия). Почему в Новгородской «области» появляется поселение с названием «Ру́са» (первое упоминание под 1167 г.)? Мы знаем, что в X в. в Новгороде существовал варяжский отряд, служивший киевскому князю, власть которого распространилась на север. Княжеская организация на севере существовала и позже; это—организация гридей и огнищан на севере. Подробнее мы остановимся на этой последней ниже. Ее мы видим и в Новгороде и в Ру́се. В древнейшем известии о Ру́се поселение выступает как центр, лежащий на пути князя с юга в Новгород. Святослав Суздальский, соединившись со смолянами и полочанами, двигаясь на Новгород, пришел «к Ру́сѣ» (Соф. 1-я л., 1167 г.). Пережитки княжеских прав в Ру́се (охота) отражены в договорах великих князей с Новгородом, в которых эти права ограничены. Новгородские варяги, служившие у киевского русского князя, естественно должны были называть себя русскими, «Русью»; они имели основание к тому по своим служебным отношениям к киевскому русскому князю. Само название поселения «Ру́са» пришло, очевидно, с юга, с властью киевского князя. Археология и нумизматика действительно не позволяют видеть в нынешней Старой Ру́се древнейший исконный центр Руси, как предполагал проф. С. Ф. Платонов. Сами варяги-руссы, как и те местные руссы, которые принадлежали к имущим слоям «русского» населения, возможно, противополагали себя в некоторых случаях славянским племенам. Об этом можно догадываться, читая арабское известие об острове руссов (IX в.) и рассказ о руссах Киевщины Константина Багрянородного, получившего сведения о них вернее всего через какого-нибудь киевского или новгородского варяга русской службы.

В сообщении Константина Багрянородного о сборе руссами дани со славянских племен такое противоположение вполне понятно, так как, во-первых, дань собиралась в интересах военно-феодальной знати, сосредоточенной частью в городе и, во-вторых, славянские племена, упоминаемые в этой связи Константином Багрянородным в «De administrando imperio», за исключением северян или части их (кто такие были лензенины — неизвестно) обитали за пределами «Русской земли», т. е. не были тогда «русскими». Во всяком случае, было бы неправильно на основании показаний Константина Багрянородного делать общее заключение, что «руссами» в Византии и на Руси назывались лишь те, кто принадлежал к господствующему классу. И договор Олега и договор Игоря говорят не только об «имовитых», но также и об «неимовитых» «русинах»; заключать договор посланы «от Игоря, великого князя русского, и от всякоя княжья и от всѣх людии Русския земля»; послали «великии князь нашь Игорь (и князи) и боляре его и людье вси рустии». «Все люди от страны Руския» или «люди руские», крещеные и некрещеные, упоминаются, наряду с «болярами», и в конце договора. Надеюсь, нам придется подробно остановиться в печати на термине «люди», «людье»,

---

в основном представляет собою компилятивную сводку письменных источников с опасной тенденцией к искусственной систематизации (V. Minorsky. Hudūd-al-ʿĀlam. London, 1936, стр. 438).

как социальном термине. В данном случае для нас существенно, что «русинами», «людьми рускими» киевляне первой половины X в. называли население, жившее на одной территории (в пределах «Русской земли») и под одной верховной властью [1]. Выражение «людье вси рустии» в договоре Игоря противопоставляется словам «со всѣми людьми гречьскими», т. е. опять-таки слово «рустии» употребляется для определения народа [2].

Все приведенные выше данные заставляют, таким образом, думать, что Русская земля получила свое название от имени местного южного населения, что имя это местного, исконного происхождения, что оно в изучаемую эпоху было уже народным и, может быть, когда-либо в очень далеком прошлом было племенным. Но вывод этот не будет прочным, если мы не выясним, когда возникла «Русская земля» как древнее государство?

Присматриваясь к границам «Русской земли», мы неизбежно приходим к выводу, что границы эти определились еще в условиях хазарского ига, слабевшего в течение второй половины IX в., что население «Русской земли» первоначально состояло из тех славянских племен, которые были подчинены ранее хазарам. В самом деле, все летописные данные говорят о том, что борьба с древлянами и покорение их киевскими князьями восходит к глубокой древности. Но чем же объяснить, что даже в XII в. древляне считались живущими за пределами «Руси», «Русской земли»? Почему считались обитавшими за ее пределами те вятичи, которые жили в районе верхне-средней Оки, и радимичи, насслявшие район, пограничный с будущей Смоленской «областью» (по р. Пищане, близ Пропойска)? Чем объяснить такую устойчивость границ «Русской земли»? Очевидно, территориально она отлилась в очень древние времена, в период спада хазарского преобладания на юге и борьбы с хазарами. На территории «Русской земли» обитали как раз славянские племена, преимущественно (или полностью) подвластные хазарам: поляне, северяне или часть их, часть радимичей и, может быть, часть уличей и вятичей, хотя вхождение последних в состав «Русской земли» остается под сомнением. Нет оснований полагать, чтобы когда-либо были подвластны хазарам древляне. Уличи только частично могли быть подвластны хазарам. Между этими племенами, древлянами и уличами, с одной стороны, и полянским Киевом—с другой, велись, повидимому, старые племенные междоусобия, отголоски которых слышим в летописи. Древляне не входили в состав «Русской земли». Из уличей только те обитали на территории «Русской земли», которые оставались в районе Ю. Буга.

Города по Ю. Бугу (по крайней мере Бужеск), как и города по Горыни (Шумск, Тихомль, Гнойница), считались в XII в. крайними «русскими» городами на западе и юго-западе (Ипат. л., 1148—1152 гг.). Некогда, как видно из слов киевского летописца в тексте Новгородской 1-й летописи, уличи жили «по Днѣпру вънизъ». Но это было в очень древние времена. По

---

[1] Выражение «иже суть под рукою» допускает, что в первые десятилетия X в. могла быть Русь и не подвластная киевскому князю (например, в Причерноморье).

[2] Как заставляют предполагать другие источники, уже в то время русское имя стало распространяться на население северной части восточноевропейской равнины.

Константину Багрянородному, печенежский округ Явдиертим соседил «с платящими дань Русской земле странами, именно с ултинами (уличами), дервленинами (древлянами), лензенинами (?) и прочими славянами». Так как древляне примыкали на юго-востоке к «Руси», а с «Русью» соседило другое колено печенегов, то надо полагать, что уличи или жили южнее древлян, между Погорыньем, верхним Ю. Бугом и Днестром, или были отрезаны от древлян кочевьями печенежского колена Явдиертим. С Поднепровья, таким образом, они ушли не позднее IX в. Летописец также помещает их между Бугом и Днестром: «по сем приидоша межи Бъгъ и Днѣстръ» (Новг. 1-я л.).

Во времена Нестора определяли на основании археологических признаков («и суть гради их и до сего дне»), что уличи и тиверцы некогда жили «по Днѣпру оли до моря» и звались греками «Великая Скуфь», т. е. Великая Скифия. Быть может, что подобные представления современников Нестора отчасти вызывались встречающимися и поныне в низовьях Днепра прямоугольными городищами римской эпохи [1]. По свидетельству «Повести временных лет», уличи и тиверцы сидели «по Днѣстру», причем «присѣдяху к Дунаеви». Они жили на территории от Днестра до Дуная, т. е. уже за пределами «Русской земли», за пределами территории, бывшей под властью хазар. Надеждин искал их город Пересечен в Бессарабии, на месте с. Пересечина на большой Кишиневской дороге из Оргеева [2]. Возможно также искать его между Бугом и Днестром [3].

Итак, мы извлекли данные, которые с большой вероятностью заставляют предполагать, что «Русская земля» сложилась в эпоху хазарского ига, слабевшего в течение IX в. Такой вывод не представляется неожиданным. Нам известны показания южнорусских письменных источников XI—XII вв., что даже в это время киевского князя именовали иногда «каганом», из чего правильно заключить, что власть первых киевских

[1] В. Г о ш к е в и ч. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, 1913, вып. 47, стр. 145 и др.).

[2] «Зап. Одесского об-ва истории», т. I, стр. 235.

[3] В недавно вышедшей статье Б. А. Рыбакова «Уличи» («Кр. сообщ. ИИМК», вып. XXXV) автор предлагает иное объяснение местонахождению уличей. Он предположил, что Пересечен уличей — это киевский Пересечен и что уличи в конце IX в. переселились с нижнего Днепра в Среднее Поднепровье, близ Киева, а после взятия Пересечена в 940 г. переселились на запад. Такое предположение мало вероятно по следующим соображениям. Во-первых, источники много говорят о распространении власти киевских князей на славянские племена, но в них нет ни одного указания на переселение в результате подчинения племени власти киевского князя; к тому же древнейший летописный текст прямо говорит, что уличи платили дань («яшася уличи по дань Игорю... даств дань на них Свѣнделду»). Переселение уличей на запад следует связывать с вторжением печенегов в конце IX в. в южнорусские степи. Во-вторых, Константин Багрянородный, писавший в середине X в. на основании материала, собранного за предшествующие десятилетия, нигде не упоминает, что уличи передвигались. В-третьих, киевский Пересечен, как явствует из летописи, лежал близ самого Киева и притом на пути к Переяславлю. Невероятно, чтобы три года осаждался принадлежавший уличам город в самом сердце «Русской земли», объединявшей Киев, Переяславль и Чернигов (договор Олега был заключен до взятия Пересечена). К тому же летописный текст свидетельствует (см. об Аскольде и Дире), что вражда с уличами — древняя вражда.

князей сложилась в эпоху хазарского владычества: в XI в. титул каган в применении к киевскому князю был, конечно, пережитком древности.

Падение хазарской державы, ослабевавшей под ударами кочевников, а затем и русских, на протяжении IX в. получило отголосок в народных преданиях, отразившихся в своеобразной форме в летописи — в форме переговоров Олега с северянами и радимичами. Но концепция образования «Русской земли» носит в «Повести временных лет» следы знакомой нам литературно-политической тенденции. Так, в «Повести» вставлена фраза, отсутствовавшая в Древнейшем своде: Олег, сев в Киеве, говорит: «се буди мати градом русьским». Хазарское иго над Киевом, по «Повести», пало еще во времена Аскольда и Дира (по Масуди, Дир — славянский князь). Древнейший свод ничего не говорит о хазарах. Но и по Древнейшему своду нелегко угадать подлинные черты образования «Русской земли». Выше мы видели, что составитель Древнейшего свода ставил задачей показать исключительную роль Киева в образовании «Русской земли», ни о Чернигове, ни о Переяславле он не упоминает. Аскольд и Дир владели только «Польскою землею», землею полян, как преемники Кия и его рода.

Мы не видим оснований сомневаться в том, что летопись правильно передает основные факты: князья Олег и Игорь приехали в Киев с севера, сели в Киеве, стали брать дань с северных племен. Очевидно, что в Киеве они получили достаточные материальные средства, чтобы подчинить себе Новгород, кривичей, затем мерю. Но политическая обстановка и круг доступных составителю Древнейшего свода наблюдений (в XI в.) определили и характер рассказа о распространении власти киевского князя на север (т. е. о событиях начала X в., когда жили Олег и Игорь). В XI в., при составлении первого летописного свода, установление дани в Киеве с кривичей, мери и словен, как можно заключить из контекста, ставили в связь с тем, что первоначально словены, меря и кривичи будто бы платили дань варягам. Шахматов доказал, что легенда о подчинении новгородцев варягам — киевского происхождения, и сомневался в том, что в Новгороде даже знали легенду о покорении новгородцев варягами (в Новгороде передавали о старейшине Гостомысле). Осмысливая известные ему факты о давно прошедших временах, летописец находился, конечно, под впечатлением современных ему отношений. Мы знаем, что в бытность Ярослава князем в Новгороде при жизни его отца Владимира и ранее новгородский князь из получаемых с Новгородской «области» дани 2000 гривен отсылал в Киев, а 1000 гривен раздавал на месте «гридям». Кто такое были эти «гриди»? Гриди составляли в дружине князя профессиональных военных, постоянную гвардию; в ее составе были наемные варяги. В Новгородской 1-й летописи по Комиссионному списку упомянута дань «варягам» наряду с данью в 300 гривен в Киев от Новгорода, а «Повесть временных лет» по Лаврентьевской летописи отожествляет дань варягам с данью в 300 гривен. В Новгороде княжеский отряд служил в некоторой мере опорой, военной базой киевского князя, получая с местной «области» дань первоначально в размере 1000 гривен. Традиция эта установилась, видимо, еще в X в.— «и тако даяху въси князи новгородстии» (1014 г.) — и жила веками, мы можем ее проследить даже на материале XII в. (когда

варяжский элемент в среде княжеских новгородских отрядов растворился). Можно обнаружить, что гриди вместе с поселенными в Новгороде огнищанами играли там особую роль и находились в особых отношениях к князю-сюзерену (киевскому, потом — владимирскому). В 1166 г. Ростислав совершает поряд с «новгородцами» и вызывает на Луки «огнищане, гридь и купьце вячьшее». Если новгородские огнищане, как заключаем из «Устава о мостех», жили в одном районе, то этот район был на Торговой стороне, в районе княжого двора. Уже это заставляет думать, что в Новгороде огнищане являлись по сути дела, «дворянами», «княжими людьми». Само слово «огнище», как указывает источник славянского права, означал «двор»[1]. Любопытно, что князь совершал поряд в данном случае с княжими людьми Новгорода и купцами, а не с местным боярством и не с черными людьми. Поряд совершал не новгородский князь, а его отец киевский князь Мстислав. Содержание поряда нам неизвестно. Огнищане и гриди, повидимому, составляли «засаду» в городе, судя по известию 1234 г. о г. Ру́се, но более или менее постоянную «засаду», постоянный отряд, всегда готовый к защите, вероятно, даже и тогда, когда князь уезжал из города. Судя по этому, Мстислав договаривался с ними по каким-либо военным вопросам. Это, видимо, военная организация в Новгороде, созданная княжеской властью, княжеским «двором», но ставшая местной: они называются «новогородцами» и занимают довольно самостоятельное положение, судя по известиям 1166 и 1195 гг. В какой мере они зависели от Новгорода, от «господы», неясно. Но в обоих случаях (в 1166 и 1195 гг.) к ним обращается не новгородский князь, а его отец из Киевщины и из Суздальщины: в первом случае Мстислав, во втором— Всеволод; он зовет их («новогородцев») итти на Чернигов и «новгородци... не отпрѣшася ему», а пошли с князем Ярославом Всеволодовичем. Особенно интересна зависимость, или, вернее, связь, с князем-сюзереном. Именно огнищане, гридьба и купцы составляют ту местную среду, на которую опирается в первую очередь иногородний князь-сюзерен. Бояре тоже фигурируют в сношениях князя-сюзерена с Новгородом, но в качестве послов, которых он задерживает, гневаясь на них, или в качестве заложников. Таким образом, обнаруживаем древнюю традицию: «гриди» еще в X—XI вв. составляли в Новгороде опору киевского князя, получая с местной области дань в размере 1000 гривен.

Приведенные данные позволяют заключить, что варяги в X—XI вв. играли роль орудия в руках киевских князей, стремившихся укрепить или сохранить отношения данничества между Киевом и Новгородом.

Итак, есть основания предполагать, что «Русская земля» образовалась в IX в., еще при хазарах, т. е. до Игоря и Олега, в эпоху спада хазарского преобладания[2]. Трудно предположить, чтобы «Русская земля» образовалась в VIII или в самом начале IX в. Во-первых, территория «Русской

[1] Ф. И. Леонтович. О значении верви по «Русской правде» и Полицкому статуту сравнительно с задругою юго-западных славян. «Журн. Мин. нар. пр.», март, 1867, стр. 30.

[2] Время деятельности Игоря и Олега определяется сохранившимися текстами договоров с греками.

земли» не распространялась на Причерноморье, на Таврию. Она граничила со степью, по которой шли орды кочевников: сначала угры, хозяйничавшие в южнорусских степях к середине IX в., и во второй половине столетия, как можно заключить из обстоятельств построения хазарами Саркела и из мораво-паннонского жития Константина Философа, и проходившие «мимо Кыевъ», согласно местному киевскому преданию; в конце IX в., согласно Константину Багрянородному, шли печенеги. Во-вторых, читая нашу летопись, обращаем внимание, что термины «Русская земля», «Русь» упоминаются часто тогда, когда дело идет о борьбе со степняками — печенегами, потом половцами. Даже после распада южнорусской территории на «полугосударства», представление о единстве «Русской земли» (т. е. южнорусской) еще некоторое время сохраняется, вызываемое к жизни потребностями обороны страны от тюркских орд. Чтобы понять, какую опасность несло с собою нашествие гузо-печенежских народов, достаточно вспомнить о судьбе газневидского государства, рухнувшего под напором той же народной волны в XI в., а в последующие века — судьбу восточноримской империи и Балкан. «Русская земля» показала поистине исключительную жизнеспособность, отстояв свою самостоятельность в борьбе с тюрками.

Почему же на юге, в Среднем Поднепровье, так рано образовалось государство, обнаружившее большую жизнеспособность, почему оно послужило ядром обширного Киевского государства, почему это древнее государство на юге охватывало территорию Киевщины, Черниговщины и Переяславщины? Нет сомнения, что именно эта территория — территория Киевщины, Переяславщины и отчасти Черниговщины — служила очагом древнейшей культуры едва ли не со времен скифов-пахарей, обитавших в VI—IV вв. до н. э. по обеим сторонам среднего Днепра. В IV—V вв. н. э. предметы с выемчатой эмалью днепровского типа охватывают не только Поднепровье, но и Подесенье. В VI в. н. э. «наиболее интересным и содержательным является старый район скифов-пахарей — Среднее Приднепровье бассейн Роси, Десны, Сулы, Сейма и Ворсклы. Именно в этом районе распространяются римские монеты, гончарный круг, выемчатая эмаль и ряд других элементов римско-вендской культуры». К такому выводу пришел Б. А. Рыбаков в специальной монографии о древнерусском ремесле[1]. По ряду признаков киевская культура генетически связана с культурой антов Среднего Поднепровья VI—VIII вв. К VIII в. у антских (славянских) дружинников появляются железные кольчуги и железные шлемы той формы, которая со временем становится характерной русской[2].

С развитием производительных сил в Среднем Поднепровье, обнаруживающимся в памятниках ремесленного производства, с развитием феодального способа производства, с накоплением богатств на этой территории очень рано создается класс феодальной знати, класс сильных эксплоататоров, о которых свидетельствуют договоры с греками и следы которых

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 40, 70, 72.

[2] Там же, стр. 72.

обнаружены археологами; особенно интересны погребения в срубных гробницах IX—X вв., открытые на территории Киева, преимущественно на усадьбе Десятинной церкви. Массовый инвентарь их совершенно аналогичен находкам из киевских погребений в грунтовых могилах. Однако «обилие и особое богатство украшений, изящество ювелирных изделий из золота и серебра, роскошные одежды, наличие большого количества диргемов в составе инвентарей резко подчеркивают принадлежность их владельцев к высшим кругам киевского общества». О том же свидетельствует и «богатое вооружение». Общий характер их инвентаря «носит несомненно местный славянский характер и не допускает никаких сомнений относительно национальной принадлежности их владельца»[1].

Здесь, в Среднем Поднепровье, должны были рано обнаружиться классовые противоречия и необходимость в особой военной организации принуждения и в политическом объединении, основанном уже не на племенном начале. Эти социально экономические и культурные условия объясняют возникновение государства «Русской земли», представлявшего собою, вероятно, одно из звеньев в цепи политических образований на Юге. Внешним толчком, способствовавшим образованию «Русской земли» в том виде, как она сложилась в IX в., послужили внешние события. Внешние события — напор кочевников-угров, борьба с ними и с хазарами — стимулировали образование государства, включавшее три русских города во главе с Киевом, объединение, из недр которого со временем возникли три феодальных полугосударства.

Летописец, видимо, был совершенно прав, когда относил установление данничества между Киевом и Новгородом ко временам Олега и Игоря[2]. Падение владычества хазарской державы, таявшей под ударами кочевников, открывало широкие перспективы новых отношений между Киевом и другими восточнославянскими землями, или, точнее, между «Русской землей» и другими центрами восточнославянского мира.

---

[1] Л. А. Голубева. Киевский некрополь. «Материалы и исследов. по археологии СССР», 1949, т. XI, стр. 114; М. К. Каргер. Погребение киевского дружинника X в. «Кр. сообщ. ИИМК», 1940, т. V; его же. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. Там же, т. VI; его же. Розкопки у Києві в 1946 р. «Археологічні памятки УРСР», 1949, т. I; его же. Дефеодальный период истории Киева по археологическим данным. «Кр. сообщ. ИИМК», 1939, т. I. Итоги археологических исследований Киева подведены К. М. Каргером в книге «Археологические исследования древнего Киева». Киев, 1950 (см. особенно главы II и IV).

[2] Но время деятельности последних определяют, конечно, не соображения летописцев конца XI — начала XII в., а тексты договоров с греками, дошедшие до нас в составе «Повести временных лет».

ГЛАВА III

Нет сомнения, что три главных города «Русской земли»—Киев, Чернигов и Переяславль — вырастали в X—XI вв. в значении политически господствующих центров, сильных своею феодальной знатью, богатой не только земельными владениями, но и «данями», поборами с населения славянских племен. Сопоставление данных «De administrando imperio» Константина Багрянородного с показаниями договоров Руси с греками приводит к предположению, что Чернигов и Переяславль в лице своей знати принимали участие в дележе поборов, производившихся в форме «полюдья» из Киева с племен, обитавших за пределами «Русской земли» или на ее окраинах: князья выходят из Киева «со всеми россами», как перевел Константин Багрянородный выражение «со всею Русскою землею», что было показано еще Гедеоновым, сопоставившим греческий текст с летописным. Главными центрами «Русской земли» были Киев, Чернигов и Переяславль. Весной, когда полюдье было собрано, по Константину Багрянородному, покупались однодеревки и отправлялись в Константинополь. Из договоров Руси с греками знаем, что приезжавшие в Константинополь брали «месячное», что «месячное» это распределялось между Киевом, Черниговом и Переяславлем. Право на участие не только Киева, но и Чернигова и Переяславля в эксплоатации далеких земель вытекало из представления о «Русской земле» как политического целого и о трех главных центрах «Русской земли» — Киеве, Чернигове и Переяславле: к кривичам и «другим славянам» ходили в полюдье «со своими князьями» «все россы», т. е. «вся земля Русская». Много позже, мотивируя свои прерогативы в Новгороде, великий князь киевский Мстислав Владимирович в грамоте Юрьеву монастырю (1130 г.) выступает как князь, держащий «Роуськоу землю въ свое княжение». С выделением трех княжений из состава древней «Русской земли» представление об общем сюзеренитете выразилось не только в деятельности триумвирата, деятельности трех князей — Киевского, Черниговского и Переяславского, совместно распоряжавшихся судьбами других княжений. Оно выразилось также в том, что с выделением трех княжеств-«областей»— Киевского, Черниговского и Переяславского — черниговские и переяславские князья получили право на эксплоатацию ряда далеких земель, подвластных «Русской земле», земель северо-восточных, от Мурома до Белоозера, Смоленской земли, а в XI в. даже далекой Тмуторокани.

В статье «Тмуторокань в истории Восточной Европы X в.»[1] мы обратили внимание на то, что из договора Игоря с греками явствует: Игорем в Тмуторокани был посажен ἄρχων — князь или боярин, очевидно зависимый от «великого князя русского». В предприятиях Святослава наметилась задача распространения власти князей Поднепровья на территорию от берегов Меотиды до Днепра. Она была близка к осуществлению, когда сын Владимира князь Мстислав был посажен в Тмуторокань. В Поднепровье Мстиславу удалось утвердиться в Чернигове. Нашествие половцев, нахлынувших в южнорусские степи и Подонье, оторвало Тмуторокань от Поднепровья. Но на нее некоторое время продолжал распространяться сюзеренитет «Русской земли» и с выделением Черниговского княжества право на Тмуторокань получил Черниговский князь: Святослав держал в Тмуторокани своего сына Глеба.

Представление о правах всей «Русской земли» на Смоленск очень ярко выразилось в отношениях к Смоленску. В 1060 г. Смоленск был как бы поделен между Изяславом Киевским, Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским: «и раздѣлиша Ярославичи Смоленескь себѣ на три части»,— сообщает Владимирский Полихрон (см. Тверск. сб., 6568 г.). С 1073 г. Смоленск переходит в руки Всеволода Переяславского, владевшего с 1076 г. также Черниговом. Всеволод посылает в Смоленск сына Мономаха. Но чрезвычайно любопытно, что Владимир Мономах какую-то часть дани отвозит отцу в Чернигов. Прямые указания на это находим в «Поучении» Владимира Мономаха: по приезде из Смоленска в Чернигов к отцу он передал «отцю 300 гривен золота». Это была дань в «Русскую землю» и притом, видимо, не только со Смоленской земли. Оказывается, что Мономах, основавший церковь Богородицы в Смоленске, получал дань и с Ростово-Суздальской земли, отошедшей его отцу Всеволоду, и десятину с этой дани отдавал церкви Богородицы; позже, как явствует из грамоты Ростислава Смоленского (1151 г.), суздальскую дань собирал уже Юрий Долгорукий: «суждали залѣсская дань, аже воротить Гюгри, а что будеть в ней, из того святѣи Богородицы десятина».

Равным образом дань, собиравшаяся по поручению Святослава Черниговского Яном Вышатичем в «Ростовской области», в Белоозере, была, в сущности, побором, взимавшимся в пользу знати «Русской земли», подобно поборам с Новгорода или со Смоленска. Право на Ростово-Суздальскую землю, согласно завещанию Ярослава или в последующие годы, получил черниговский князь или Всеволод Переяславский (во всяком случае, около 1071 г. она принадлежала черниговскому Святославу, а в 1072 г. в Ростове видим сына Всеволода): «и преставися Ярослав, и осташася 3 сынове его... и раздѣлишя землю: и взя... Святослав Чернигов и всю страну вѣсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суждаль, Бѣлоозеро, Поволжье»[2]. Это была старая традиция, уходившая корнями своими в X в., традиция господства «Русской земли» над далекими «землями», известное право на их

[1] «Историч. зап», 1940, № 6.

[2] См. Новг. 1-я лет., приложения, 1950 г., стр. 469.

эксплоатацию. Это право осуществлялось в форме двоякой. Во-первых, полюдья, описанного Константином Багрянородным и много позже, в первой половине XII в., помянутого в грамоте Юрьеву монастырю Мстислава Владимировича Киевского: «осеньнее полюдье даровьное», т. е. даровное полюдье или «дары». Это полюдье или дары шли из Смоленска, как видно из летописного известия под 1133 г., когда Изяслав Мстиславич, посланный из Киева дядей, получил «и от Смолиньска дар» (Лавр. л.). Во-вторых, право «Русской земли» осуществлялось в форме получения «дани»: о дани с Новгорода мы хорошо знаем из летописи (из 3000 гривен 2000 шли в Киев; впоследствии дань сократилась). Интересно, что в опубликованном в настоящее время Троицком списке Новгородской первой летописи, сохранившем ряд древних чтений, к словам «двѣ тысещи гривенъ» прибавлено «от града». Позже, в 1133 г., Изяслав Мстиславич, посланный отцом, получил в Новгороде «дани печерские»[1]. Можно установить, что одновременно дань уплачивалась и из Смоленска. Прежде всего, следует различать смоленское «погородье», взимавшееся с городов Смоленской «области», и дань, взимавшуюся с тех же городов смоленским князем, и нет оснований полагать, что «погородье» шло смоленскому князю. Если допустить, что «погородье» шло смоленскому князю и смолянам, то останется непонятным существование побора с городов «области», отличного от дани с тех же городов; непонятно также, почему о нем не говорится в самой грамоте: запись о погородье стоит в конце грамоты после даты и носит характер приписки. Кроме того, погородье было менее дани с города, и, может быть, первоначально определялось из расчета одной десятой дани с города. Так, величина дани с «города» Вержавска (в отличие от дани с вержавских погостов: с тех брали 100 гривен) определена в 30 гривен; вместе с тем «погородья» с Вержавска брали всего «двѣ гривнѣ урока, а за три лисицы 40 кун без ногаты» (ниже две лисицы оценены в 22 куны). С Торопца брали дань в 400 гривен, а «погородья» взималось «урока 40 гривен и 15 лисиц и 10 черных кун, невод, тре...ица, бредник, трое сани рыбы, полавачник, двѣ скатерти, три убрусы, берковеск меду»; с г. Пацина шло дани 30 гривен, а «погородья» брали «урока полторы гривны, а за двѣ лисицы 22 кунѣ», с Жижци — дани 130 гривен, а погородья — «пять гривенъ, а почестья гривна и лисица». Обратим внимание, что и в Новгороде с XI в. стали платить в Русь только одну десятую всей платившейся ранее новгородской дани. Детальное сопоставление летописных известий и, между прочим, Уваровского, Никоноровского и Кириллобелозерского списков, где читаем: «а от Новагорода триста гривенъ на лето мира дѣля, еже и нынѣ дають», привело Шахматова к выводу, что установление дани в размере 300 гривен имело место не раньше княжения Ярослава и что дань уплачивалась и в XII в., но уже в эпоху составления протографа Синодального списка ее не давали. Таким образом, со времени Ярослава в Киев (и на месте гридям) платили уже не 3000 гривен, а только 300 гривен, т. е. в десять раз меньше, что, вероятно, увеличило

[1] О «новгородских данях» киевскому князю в последующее время, ок. середины XII в., см. Ипатьевскую летопись, 6657 (1149) г.

сумму, получаемую самими новгородцами. Далее, показательно, что смоленское «погородие», так же как и дань, платимая из Новгорода в Киев, называлось «уроком», а в некоторых случаях состояло из «урока» и «почестья». Наконец, отмечаем, что дань в Русь собиралась не с самих новгородцев, а с «области», судя по известию Древнейшего свода о дани «белками» и «веверицами» (или: «по бѣлеи веверици») и сообщению 1133 г. о «печерской дани» Изяславу. Равным образом и смоленское «погородие» собиралось не с самих смолнян, а с «области», как видно из грамоты Ростислава. Ясно, что дань, собиравшаяся Яном Вышатичем в «Ростовской области» в Белоозере, была данью в Русь и уплачивалась наряду с данью, собираемой в Ростов.

Итак, три главных города «Русской земли» в X—XI вв. вырастали в значении политически господствующих центров, сильных своей феодальной знатью, богатой не только земельными владениями, но и поборами с населения славянских племен. Чернигов и Переяславль получали свою долю в общих доходах «Русской земли», подобно тому как оба города, согласно договору греков с киевским князем, получали «месячное» в Константинополе. Из Киева ходили в полюдье «все россы» и к северянам (северяим), и к кривичам, и к дреговичам.

Распространение власти «Русской земли» над центрами с подвластной им территорией на широком пространстве восточноевропейской равнины, не означало, что сплошь вся территория восточноевропейской равнины была тогда же освоена государственной властью. Внутри этой громадной территории оставались большие пространства, на которые фактически не распространялись дань и суд; на иные места они могли распространяться номинально или нерегулярно. Разноплеменная территория, тянувшая к этим центрам, некогда племенным в большинстве случаев, расширялась медленно, веками, заполняя пространства, на которые ранее фактически государственная власть не распространялась. Города, находившиеся под властью «Русской земли», вокруг которых росла тянувшая к ним территория, были центрами «областей»-земель, складывающихся будущих «самостоятельных полугосударств». В таком же положении находились и три главных центра южнорусской или «Русской земли». Вокруг каждого из них также росла тянувшая к нему территория, захватывая близлежащие племенные земли; таким образом, когда сложились территории трех южных «областей»-княжений, границы их уходили далеко за пределы древней «Русской земли».

ГЛАВА IV

Если мы взглянем на карту трех южнорусских «областей», выросших из недр «Русской земли», но значительно переросших ее пределы, то убедимся, что территория этих «областей» раскинулась наподобие трех громадных примыкающих друг к другу секторов полукруга, в середине которого лежат города Киев, Чернигов и Переяславль. Вправо (по течению реки) от Днепра большую лопасть образует Киевская «область», охватывающая на северо-западе Древлянскую землю и территорию до Зап. Буга, а на западе доходящая до Погорынья и верхнего Ю. Буга. Влево от Днепра одну лопасть образует Черниговская «область», доходящая на северо-востоке до Лопасны и Колтеска, а на востоке до Посемья и реки Сосны; другую лопасть образует Переяславская область, доходящая на северо-востоке до Посемья, на юго-востоке до нижней Ворсклы, а на востоке, возможно, до Донца. Середину полукруга, образуемого этими тремя секторами, составляет треугольник, образуемый городами Киевом, Черниговом и Переяславлем. В отношении территориальном южнорусские «области» несколько напоминают новгородские пятины, образующие своими границами сектора, сходящиеся к своему общему центру — Новгороду и озеру Ильмень (Обонежская, Вотская, Шелонская и Деревская). Как видим, каждый из южнорусских городов в отдельности не является географическим центром своей «области».

Приведенные наблюдения уже сами по себе заставляют сомневаться, что деятельность города в качестве торгово-ремесленного центра могла бы иметь определяющее значение в образовании территории южнорусских «областей»-княжеств. Было бы совершенно непонятно, как мог Переяславль вырасти в центр известной нам территории благодаря роли ремесленного поставщика «области», простиравшейся далеко на восток, когда поблизости от него находился город (Киев), уже в начале XI в., если не раньше, поставлявший продукцию своего ремесленного производства далеко за пределы южнорусских земель. Составленная Б. А. Рыбаковым интересная карта района сбыта деревенских и городских ремесленников также не дает оснований говорить о зависимости роста территории будущих самостоятельных полугосударств от сбыта городских ремесленников[1]. Напомним, что Черниговская «область» охватывала территорию, населенную северянами, радимичами и вятичами; особенности их вещевого курганного материала, украшений, определялись отнюдь не принадлежностью

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 461.

к Черниговской «области». Археологических вятичей видим и на верхней Оке, на Жиздре, и в районе Рязани, и к югу от Москвы. Из летописей знаем о существовании «суздальских» вятичей и вятичей «наших», по выражению черниговского летописца. Их археологические признаки весьма устойчивы, и областной город с его предполагаемым свободным ремеслом был, видимо, неповинен в образовании особенностей курганного материала отдельных групп славянского населения, называемых «племенами»: вятичей, северян, радимичей.

В нашу задачу не входит выяснение причин превращения тех или иных пунктов в политические центры «земель». Дело идет только о решающих факторах, вызвавших рост территории, тянувшей к такому центру. Я не хочу, конечно, отрицать, что в XI—XII вв. (а может быть, и ранее) Чернигов и Переяславль могли играть роль торгово-ремесленных центров какой-то (возможно, довольно ограниченной) сельской округи; исследования археологов, конечно, полнее осветят этот мало выясненный вопрос. Нет сомнения также, что рост ремесленного населения содействовал процветанию больших городов. Но в расширении территории земель-княжеств, территории будущих самостоятельных полугосударств, определяющую роль играл экономический фактор, вызывавший рост феодальной знати, ее стремление к обогащению, к удовлетворению своих классовых интересов.

Приведенные выше наблюдения над историко-географическим материалом наводят на мысль, что территории «областей»-княжений создавались путем распространения политической (в широком смысле) власти центра, будущего центра феодального полугосударства из приднепровского угла на далекую периферию. Те сведения, которыми мы располагаем о росте территории, принадлежавшей южнорусским большим городам, говорят именно о принуждении как источнике их господства над тянувшей к ним территорией: достаточно вспомнить летописные сообщения о распространении (или утверждении) власти Киева на землю и в земле древлян в X в.; упоминания «Поучения» Мономаха, занимавшего одно время черниговский стол, о его походах на вятичей (XI в.).

Когда же начала складываться на юге территория будущих феодальных полугосударств? Когда начала выкристаллизовываться из недр древней «Русской земли» территория будущей «области»-княжения?

Хотя Киев был стольным городом, представление о Киевской «волости» или «области» определилось на юге только после смерти Ярослава, с образованием трех княжений; тогда слово «Киев» стали употреблять в значении «киевская волость», в смысле территории, тянувшей к городу Киеву и находящейся под единой верховной властью, и имена других центров иногда в смысле «волости» или «области». В сказании о Борисе и Глебе, в приложенных к нему записях летописного характера, ведшихся при церкви в г. Вышгороде, читаем о том, как Ярослав устраивал сыновей: «Изяслава К ы е в ѣ, старейшаго, а Святослава Ч ь р н и г о в ѣ, а Всеволода П е р е я с л а в л и, а прокыя по инѣмъ в о л о с т ь м ъ». В записи «Кыевѣ» означало, таким образом, в Киевской «волости», «Чьрниговѣ» — в Черниговской «волости» и т. п. По летописному своду

Никона второй половины XI в., Ярослав, разделив «грады», заповедал «не преступати предѣла братьня»[1]. Ясно, что с представлением о «граде» связывалось в данном случае представление об определенных «предѣлах», определенной территории, связанной с «градом». Позже, употребление самого термина «град» как синонима «волость» встречаем в заголовке Новгородской 1-й летописи XV в., восходящем, вероятно, к XII в.: «Временникъ, еже нарицается лѣтописець князей и землям руским, како избра богъ страну нашю на последнее время, и г р а д и почаша бывати п о м ѣ с т о м ъ, преже Н о в г о р о д ц к а я в о л о с т ь, потом К и е в ъ с к а я, и о статьи Киева»[2]. Здесь «грады», выраставшие «по мѣстом», т. е. на общинной территории, означают «Новгородскую волость» и «Киевскую». В смысле Киевской волости или Киевской «стороны» употребил слово «Киев» и Никон (во второй половине XI в.) в рассказе о разделе «Русской земли» при Мстиславе: «сяди Кыевѣ, а мнѣ буди си сторона»: по Никону, Мстислав, предлагая Ярославу Киев, предлагал правобережную территорию. Древнейший свод говорит только о разделе «Русской земли:» «Ярослав прия сю сторону, а Мьстислав ону».

Но почему Ярослав и киевляне, с одной стороны, и Мстислав—с другой, согласилиśь оставить за киевским столом именно правобережную сторону? Если Мстислав довольствовался только восточной «стороной», то ясно, что за киевским столом оставалась не только правобережная часть «Русской земли», но и земля древлян. Судя по летописным сведениям, в эксплоатации древлян были издревле заинтересованы главным образом, если не исключительно, Киев и Вышгород как придаток первого.

Теория Ляскоронского, согласно которой летописный Вышгород был частью города Киева, стоит в явном и вопиющем противоречии с показаниями источников. По «Чтениям» о Борисе и Глебе Нестора, «градъ, наричаемый Вышегородъ», отстоял «отъ Кыева града столного» на 15 стадий (изд. Абрамовича, стр. 11). По Ипатьевской летописи, Вышгород — отдельный от Киева город, хотя и расположенный нѐ очень далеко от него. В 1140 (1139) г. Всеволод Ольгович пришел из Вышгорода к Киеву, изрядив полки, и стал «у города в Копыреве конци». Вышеслав говорит: «иде опять Вышегороду». 4 марта Всеволод ушел, а 5 снова вошел в Киев. Таким образом, Вышгород действительно находился не очень далеко от Киева. В 1136 г. Всеволод, «перешед Десну, ста противу Вышгород с вои». Вышгород, стало быть, лежал близ устья Десны, в 15 км к северу от Киева, на правом берегу Днепра, там, где ныне с. Вышгород и где археологами обнаружены остатки древнего города.

Вышгород XI—XII вв. возник не из княжеского села, как можно было бы думать, имея в виду слова летописца «Ольгин град» (под 946 г.). В X—XI вв. это не село-замок, а город со своим городским управлением (начало XI в.), населенный (в X в.) теми самыми «руссами», которые ходят в

---

[1] Лавр. лет., 6562 г., А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания..., стр. 585, Жития... Бориса и Глеба, изд. Д. А. Абрамовича, 1916 г., стр. 55.

[2] См. Троицкий список XVI в. (Новг. 1-я лет., 1950 г., стр. 511).

полюдье, покупают однодеревки и отправляют их с товарами в Константинополь. Существование здесь в начале XI в. своей военно-судебной политической организации отмечено «Чтениями» Нестора и сказанием о Борисе и Глебе. Здесь мы видим «властелина градского», имеющего своих отроков или «старейшину града», производящих суд. Во второй половине XI в. летопись отмечает, что Вышгород «держал» Чюдин, лицо весьма влиятельное: он — участник съезда 1072 г., на котором составлялась «Русская правда» Ярославичей. Летопись знает вышегородского тысяцкого Радилу, имевшего свой двор «на болоньи от Днепра», где находился за пределами крепости еще ряд дворов, так как при осаде города в 1169 (1168) г. было сожжено семь дворов, кроме Радилова. Ольга происходила не из Вышгорода, но она поселилась в Вышгороде (предание называет Вышгород «Ольгиным градом») с «родом» своим (в заключении договора с греками от нее участвовал Искусеви) именно потому, что здесь была своя знать, на которую можно было опереться. Константин Багрянородный упоминает Вышгород наряду с Черниговом, Смоленском и Новгородом в числе тех центров, откуда в Константинополь приходили однодеревки. Следовательно, уже в первой половине X в. Вышгород являлся центром, подобным крупнейшим центрам тогдашней России. Показания Константина Багрянородного подтверждаются сведениями «Чтений» Нестора, использовавшего вышегородские записи в древнейшей редакции, о раннем развитии плотничества в Вышгороде, в чем Вышгород сходствовал с Новгородом.

Напомним, что, по Константину Багрянородному, однодеревки покупали «руссы». Вышегородские записи знают местную знать под именем вышегородских «болярцев». Древность вышегородской знати подтверждается ее поведением: она ведет себя как знать «Русской земли», принимая участие в решениях вопросов, касающихся всей «Русской земли» или Киева. Вместе со Святополком вышегородские «болярци» пытаются решить судьбу Киевского стола, охраняя единовластие «Русской земли». Их представитель — на съезде, где составляется «Русская Правда». Позже, в событиях 1146 г., они действуют, видимо, совместно с киевской знатью[1].

[1] Перед смертью Всеволод Ольгович остановился на острове против Вышгорода, где, надо полагать, был княжеский терем, и оттуда вызвал киевлян, очевидно немногих, т. е. знать, договариваясь с ними, чтобы они приняли Игоря. Затем они «пояша» Игоря в Киев и там созвали вече под Угорском и привели киевлян к крестному целованию. Киевляне остаются пока послушными воле знати. Затем Игорь поехал в Вышгород, и там вышегородцы целовали ему крест. По смерти Всеволода Игорь снова приводит киевлян ко кресту на Ярославовом дворе. Вскоре киевляне устраивают вече у Туровой божницы и вызывают Игоря. Дело идет о злоупотреблениях тиунов Ратши и вышегородского Тудора. Игоря обязуют править самому и устранить «насилья» тиунов. Сопоставляя решение это с другими известными нам показаниями летописи и принимая во внимание дальнейший ход событий, можно предполагать, что решение было подсказано «смыслеными», т. е. местной знатью. Дальнейшие события действительно подтверждают, что решение было подсказано местной знатью. Святослав с веча «поима лучшѣи мужи киянѣ» и поехал с ними к Игорю, который целовал к ним крест: «оже ти я имѣти в правду и любити». Одновременно народ стал грабить не бояр, а Ратшин двор и мечников, т. е. княжеских младших дружинников. Последующее движение (вызов киевлянами Изяслава) шло уже помимо местного боярства, и Изяслав, со своими вступив Киев, прежде всего «бояры многы изоимаша». Для нас особенно

Как знать «Русской земли», вышегородская знать, судя по летописным известиям о киевских князьях X в. и Константину Багрянородному, принимала участие в походах в полюдье и в дележе дани не только с Деревской земли. Но Деревская земля составляла тот особый круг интересов, который связывал вышегородцев с киевлянами. Интересы эти — покорение древлян; сведения о борьбе с ними уводят нас в глубокую древность. Общность интересов этих сложилась исторически: вышегородцы — ближайшие соседи древлян, как можно заключить из слов летописца под 1136 г. («до Вышгорода и до Деревъ») и из известия об охоте Люта под 975 г. Недаром жившая в Вышгороде Ольга ходила на древлян и при жизни Игоря и после его смерти. Если черниговцы и переяславцы и принимали участие в борьбе с древлянами (на что у нас указаний нет), то во всяком случае в значительно меньшей мере, чем киевляне и вышегородцы. Приведенные данные заставляют с доверием отнестись к показаниям Древнейшего свода о дани с древлян: после смерти Игоря две части дани «идета Киеву, а третьяя Вышегороду». В договорах с греками Вышгород не упомянут, очевидно, потому, что являлся политическим придатком Киева и, вероятно, получал в то время известную долю тех доходов, которые шли в Киев. Напомним, что после Ольги, согласно преданию, здесь жил Владимир, здесь были похоронены Борис и Глеб, здесь скончался князь Ярослав Владимирович.

Киевская «волость»-княжение образовалась после раздела «Русской земли» по завещанию Ярослава. Но территория Киевской «волости», т. е. «волости», тянувшей к Киеву (или, точнее, к Киеву и Вышгороду), стала складываться задолго до раздела. Территория Киевской «волости» как более или менее устойчивое целое состояла, во-первых, из частей «Русской земли», лежавшей почти целиком на правобережной стороне, и земли древлян, простиравшейся также к западу от Днепра. Считалось, что Киевская «волость», или «область», лежит «за Днепром», как явствует из известия под 1144 г., и правобережная сторона называлась «Киевьской стороною» (см. Ипат. л., 1144 г.), хотя к Киеву отошел ряд селений и на левой стороне Днепра, как указывал еще М. Грушевский [1]. Изяслав держал и Туров, т. е. землю дреговичей, где он сидел еще при жизни Ярослава. Но Туровская волость не была неотъемлемой частью Киевской волости, не слилась с Киевом так, как слилась с ним земля древлян. По подсчету Грушевского, Туровская волость в течение первых ста лет после смерти Ярослава около 40 лет жила отдельной жизнью, 60 лет — в соединении с Киевом, а с конца 50-х годов XII в. окончательно выделилась в роде Святослава Михаила. Древлян-

---

важно, что на киевском вече дело шло не только о киевском, но и о вышегородском тиуне. Надо предполагать, таким образом, что действовала совместно киевская и вышегородская знать.

Наш вывод укрепится, если мы напомним, как сам Всеволод Ольгович занимал Киев. Он занимает сначала Вышгород, но «он не думает брать Киев силой, рассчитывая на общее сочувствие к себе не только вышегородцев, но и киевлян»: М. Д. Приселков. Очерки по истории церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913, стр. 354.

[1] «Очерк истории Киевской земли», 1890, стр. 5.

ская же земля после смерти Ярослава слилась более чем на сто лет с той частью «Русской земли», которая отошла к Киеву: только во второй половине XII в. в древлянском Овруче образуется особое княжение. Таким образом, основным фактом истории образования территории Киевской «волости», Киевского «полугосударства», было слияние с Киевом земли древлян. В X—XI вв. земля древлян не сливалась с древней «Русской землей» и вместе с тем, попав под господство «Русской земли», она фактически — преимущественно, если не исключительно — подпадала под господство Киева и Вышгорода.

Притянутая Киевом территория, населенная древлянами, закреплялась как киевская, с установлением постоянных, определенных мест объезда. По сведениям о древнейшем случае возникновения таких мест или «становищ», они были установлены в Деревской земле, после того как древляне оказали сопротивление представителям киевской власти, стоившее жизни киевскому князю Игорю. Значение их определялось не только тем, что устанавливались определенные места объезда, но и тем, что устанавливались более или менее определенные размеры сбора дани[1]. Раньше могли ездить не регулярно, не систематично, менять трассу объезда, два раза приезжать в одни и те же места и собирать много (как делал Игорь), а в другие места совсем в данный год не заезжать. Теперь давались «уставы и уроки». Предание, сохранившееся во всех древних сводах, говорит, что Ольга уставляла «уставы и уроки», говорит о ее «становищах»: «и иде Вольга по Дерьвьстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ д р у ж и н о ю уставляющи уставы и уроки; [и] суть становища еѣ и ловища» (Лавр. л.). Определение даней и судебных пошлин требовало определения «становищ», где производились поборы, и эти становища были естественным образом связаны с местами охоты («ловища»; ср. ниже, стр. 96, прим. 2). Нет сомнения, что с распространением феодального способа производства «становища» должны были распространиться более или менее повсеместно. Любопытно, что летописный рассказ, сообщая о древнейшем случае установления «становищ» и «погостов», приводит некоторые данные о феодальном землевладении: «и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе» (Лавр. л.).

Распространяясь по землям дреговичей и древлян, Киевская «область» в X в. дошла до течения Зап. Буга, где после борьбы с «ляхами» втянула в свои пределы Берестейскую волость (см. главу VIII)[2]. Территория Киев-

---

[1] Было бы совершенно неправильно думать, что «полюдье», объезды, несовместимы с погостами и что в погостах при Ольге сидели «постоянные княжеские агенты». Погосты-«становища» предполагают объезды; положение С. В. Юшкова (см. «Общественно-политический строй...», стр. 114 и др.), что в погостах Ольга «учредила должность постоянных финансово-административных агентов», не оправдывается никакими источниками.

[2] Позже, в начале XII в. (до 1128 г.), территория Киевской «области» в северо-западном направлении распространилась, повидимому, до Немана, где был посажен Всеволодко Давылович (сын дорогобужского князя), женатый на дочери Владимира Мономаха. Он сидел в Гродно в качестве наместника киевского князя, как показывают события (Ипат. л., 6635, 6640 гг.; ср. 6624 г.). Археологические данные подтверждают предположение, что Городно XII в.— это Гродно на Немане; об археологиче-

ской «области», иными словами территория волостей, тянувших к Киеву (или, точнее, к Киеву и Вышгороду), стала складываться, таким образом, задолго до раздела «Русской земли».

Территория, тянувшая к Чернигову, сложилась не сразу. Можно обнаружить, присматриваясь к показаниям источников, следы ее роста. Большинство названий черниговских селений появляется в источниках не ранее 40-х годов XII в. Но есть селения, упоминающиеся в известиях XI в. в качестве селений черниговских. Нанесенные на карту, селения эти предположительно указывают на территорию Черниговской «волости» в ее древнейшей, первоначальной части. Таких селений-городов три: Сновск, Новгород-Северский и Стародуб. Сновск, или Сновеск, упоминается впервые в Ипатьевской летописи под 1067 (1068) г. Из летописного рассказа видно, что он лежал на реке или близ реки Снови, на правой ее стороне и недалеко от Чернигова (Лавр. л.). Из Чернигова к Сновску выходит с дружиной черниговский князь Святослав и разбивает неприятеля. Летописное сообщение под 1234 (1233) г. показывает, что Сновск лежал «на Десне», т. е. недалеко от Десны. Данные описи границ между Литовским и Московским государствами начала XVI в., согласно исследованию Голубовского и Грушевского, заставляют полагать, что Сновск лежал на месте старого городища около Седнева[1]. Второй город — Новгород-Северский, помянутый в «Поучении» Владимира Мономаха в рассказе о событиях 80-х годов XI в. в качестве города Черниговской «волости», на защиту которого от кочевников идет из Чернигова черниговский князь Владимир. Третий — Стародуб, также упомянутый в «Поучении» и также в качестве города, который берет под защиту, двигаясь из Чернигова на половцев, князь Владимир. Приведенные данные, конечно, недостаточны, чтобы построить какую-либо научную гипотезу о древнейшей территории Черниговской «волости». Они позволяют только поставить вопрос, не является ли территория, очерченная помянутыми тремя городами, т. е. территория по р. Снови и средней Десне, первоначальным, древнейшим ядром Черниговской «волости». Исследование летописного материала дает возможность добыть данные по интересующему нас вопросу и, стоя на твердой почве, определить территориальное ядро, первоначальную основу территории Черниговской «волости»; полученные выводы в полной мере подтвердят и уточнят высказанное нами предположение о первоначальной, древнейшей территории Черниговской «волости».

Исследование летописей приводит нас к решению вопроса о «Сновской тысяче». Еще Грушевский высказал предположение, что Сновская тысяча предполагает определенную территорию. Андриашев, исходя, очевидно, из самого названия, полагал, что Сновская тысяча охватывала территорию по р. Снови[2]. Вопрос о пределах Сновской тысячи оставался откры-

---

ском материале см. в статье: Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. «Кр. сообщ. ИИМК», 1949, вып. XXVII.

[1] Седнев — настоящее время — Черниговской области и района, около 30 км к северо-востоку от Чернигова.

[2] А. Андриашев. Нарис історії колонизації Сіверської землі. «Зап. історично-филол. відділу Всеукр. Акад. Наук», 1928, кн. XX, стр. 104.

тым. Между тем в истории образования Черниговской волости вопрос этот — один из существенных. Каковы же пределы Сновской тысячи? Из Ипатьевской летописи под 1149 г. мы узнаем, что Курск с Посемьем не входили в пределы Сновской тысячи и что Святослав Ольгович получил Сновскую тысячу, находившуюся ранее во владении Изяслава Давыдовича. Изяслава, когда он держал Сновскую тысячу, в 1147 г. застаем в Стародубе, а Владимира Изяславича в Чернигове; в том же году застаем Изяслава и в Новгороде-Северском, откуда он направляется к брату в Чернигов (Ипат. л.). Явно, что в состав Сновской тысячи входили Стародуб и Новгород-Северский. Но Изяслав, владея Сновской тысячью, действовал совместно с братом, сидевшим в Чернигове; оттуда они посылают послов к киевскому князю Изяславу (1147 г.); из Киева «в Чернигов» (т. е. в Черниговскую «волость») приходят к ним послы из Киева и т. д. Равным образом Святослав Ольгович, владея Сновской тысячью и Посемьем, действовал в согласии с Владимиром Давыдовичем, сидевшим в Чернигове: в 1150 г. Святослав Ольгович привез из Киева, с Копырева конца, «мощи» своего брата Игоря в Чернигов; в 1151 г. Юрий посылает к ним «Чернигову», т. е. в Черниговскую «волость». После смерти Владимира Давыдовича Святослав Ольгович уступил черниговский стол Изяславу Давыдовичу, а себе оставил Новгород-Северский (Ипат. л.). Последующие события подтверждают наш вывод о пределах Сновской тысячи. В 1155 г. Изяслав Давыдович сел в Киеве, черниговский стол занял Святослав Ольгович, Сновском же владел Святослав Всеволодович, причем Стародуб, как видно из летописного рассказа, входил в состав его владений. Итак, Сновская тысяча охватывала территорию не только по р.Снови, но и севернее с г. Стародубом, а также территорию по Десне с г. Новгород-Северским; вспомним, что выше некоторые историко-географические наблюдения также натолкнули нас на мысль, что Сновск, Новгород-Северский и Стародуб принадлежали к древнейшей части Черниговской «волости». Далее, есть основание предполагать, что Сновская тысяча как организованная территория — более древнее образование, чем Новгород-Северское княжество, иначе тысяча называлась бы не Сновской, а Новгород-Северской. Само Новгород-Северское княжество в составе Черниговской «волости» возникло отчасти под давлением киевского стола, первоначально — со стороны Святополка и Мономаха. В сущности как княжество оно образовалось по решению Любечского съезда 1097 г., когда в Чернигове был посажен Давид Святославич, а в Новгород-Северском — Олег Святославич. Позже киевский князь пытается по-своему распоряжаться Новгород-Северским княжением, что вызывало недовольство черниговско-северских князей (Голубовский, стр. 137, 138). Святослав Черниговский укорял киевского князя, что тот «всю волость Черниговскую собою держить и с своим сыновцем», сидевшем в Новгород-Северском (Ипат. л., 1159 г.). Другим доказательством, что Сновская тысяча — более древнее образование чем Новгород-Северское княжество, служат следующие показания. По «Описанию Черниговского наместничества» А. Шафонского, в 1786 г. вокруг Седневского городища насчитывалось 74 больших и 241 малая могила; «из них,— пишет Д. Самоквасов,—

в 1874 г. сохранилось уже больших только половина, а малых около 150; в огородах сохранилось еще несколько разрозненных больших курганов, свидетельствовавших о том, что на месте, занятом ныне домами и другими постройками м. Седнева, существовал в древности громадный языческий могильник, занимавший все пространство, заключенное ныне между выездами из м. Седнева на гг. Городню, Чернигов и Березну»[1].

Раскопки показали, что 74 больших кургана этого кладбища, насчитанные Шафонским, прикрывали собою кострища и срубные гробницы князей или старейшин, подобные пяти могилам черниговских. По монетам, найденным в могилах, седневские курганы древнее черниговских; в последних найдены золотые византийские монеты X в. и саманидский диргем того же времени»[2].

Сновская тысяча входила в состав Черниговской «волости». Но существовала территория, непосредственно подчиненная черниговскому столу. Пределы этой территории хорошо обозначены в летописном рассказе под 1159 г. Новгород-Северским владеет Святослав Владимирович, а Черниговом — Святослав Ольгович. Что же принадлежало непосредственно к владениям последнего? Оказывается, семь городов, из которых названы четыре — Моравийск, Любеч, Оргощ и Всеволож. Это города, лежавшие к северо-западу, юго-западу и юго-востоку от Чернигова. Можно догадываться, какие остальные три города он разумел: это Уснеж, Белавежа и Бахмач.

Обращаем внимание, что, несмотря на сильное разорение городов этих от половцев («взяти Черниговъ съ 7-ю городъ пустых... а въ нѣхъ сѣдять псареве же и половци»[3]), эти владения черниговских князей частично и в то время представляли собою богатейшие места. Около Любеча — «вся жизнь» черниговских князей, как прямо говорил Изяслав: «идеже их есть вся жизнь». И не только около Любеча. От Ольгова поля под Черниговом до Боловоса, лежавшего в 6 км к западу от Чернигова, тянулись «села» — «жизнь их вся». Села тянулись и в северо-западном направлении от Ольгова поля к Любечу: «став на Олговѣ полѣ, ту села наша пожгли оли до Любча и всю жизнь нашю повоевали»,— жаловались черниговские князья на Изяслава[4]. Когда Святослав говорил, что ему пришлось взять «Чернигов с 7-ю город пустых», он прибеднялся. Хотя он владеет «пустыми» городами, но, оказывается, променять Чернигов на Новгород-Северский (чем угрожает ему Изяслав) он все же не хочет. Он только жалуется, что в новгород-северской доле Черниговской волости фактически распоряжается сам Изяслав из Киева со своим «сыновцем», новгород-северским князем. Часть помянутых городов,

---

[1] Д. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 201.

[2] Д. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 37—38.

[3] Можно догадываться, что «половцы» эти были половцами, посаженными русскими князьями для защиты порубежья главным образом от диких половцев (ср. Ипат. л., 6668 г. и др.). Подобные же приемы укрепления границ применяла Византия (о них см.: В. Г. Васильевский. Византия и печенеги).

[4] Ипат. л., 1148 г.

непосредственно тянувших к Чернигову, несомненно принадлежала к числу древних. Любеч был известен Константину Багрянородному и отмечен летописью в событиях 1015 г. Белавежа называлась «Белавежа старая», следовательно, существовала и новая, возникшая, вероятно, после бегства беловежцев хазар «в Русь» в 1117 г., очевидно из Белой вежи — Саркела на Дону[1]. Старая же Белавежа возникла, вероятно, еще в период дополовецкий, упоминается она уже в «Поучении» Мономаха. Кроме того, на той же черниговской территории лежал и Листвен, отмеченный в событиях 1024 г.

Когда же территория эта, непосредственно тянувшая к Чернигову, лежавшая к западу и к югу от него, стала черниговской, начала тянуть к Чернигову? По некоторым данным — во всяком случае до выделения Черниговского княжества по завещанию Ярослава. Мы знаем, что западные черниговские города тянули не к Киеву, а к Чернигову еще в первой трети XI в., судя по разделу «Русской земли» при Мстиславе «по Днепр». Но Днепр отделял Черниговское княжество не на всем пространстве; так, город Речица на правой стороне Днепра принадлежал Чернигову, а ряд селений южнее на правой стороне Днепра принадлежал Киеву. Район Речицы, расположенный на стыке северян, радимичей и дреговичей, мог отойти к Чернигову значительно позже: первое известие о ней встречаем под 1214 г. Граница между подвластными Чернигову и Переяславлю селениями определилась, повидимому, до раздела «Русской земли» по завещанию Ярослава. Дело в том, что граница между Переяславской «волостью» и Черниговской, проходившая к югу от Чернигова, не была границей новой, спорной, а отличалась устойчивостью, прочностью. В юго-западном углу Черниговской «волости» граница, повидимому, не спускалась ниже устья р. Остра; на левой стороне реки лежал городок Остерский, основанный на Переяславской территории (см., например, под 1098 г. в Ипатьевской летописи и под 1195 г. в Лаврентьевской), а в 6 км выше по Десне лежала Лутава, принадлежавшая к черниговским владениям, как видно из рассказа Ипатьевской летописи под 1175 г. Далее, вероятно, граница шла по р. Остру, а затем по междуречью Остра и Удая, так как г. Уненеж (Нежин) и Белая вежа, местоположение которой не вызывает сомнений, принадлежали к Черниговской волости; равным образом к Чернигову тянул и Всеволож (д. Сиволож). Оттуда граница шла в восточном или юго-восточном направлении, ибо Вырь, лежавшая или на месте с. Старые Виры (при речке Вире, притоке Сейма), или, же на месте «Старого Вирского городища», где был построен г. Белополье, входила в состав Черниговской земли.

По сравнению с территорией Курска и Посемья, переходивших то к Черниговскому княжеству, то к Переяславскому, юго-западные границы Черниговской «волости» отличались устойчивостью, прочностью. Они не вызывали споров, и, следовательно, можно предполагать, что установились они не вдруг, не случайно, а определялись отношениями сложившимися давно, до раздела «Русской земли» по завещанию Яро-

[1] Ипат. и Густ. лл., 1117 г.

слава. Во времена печенегов этот район, тянувший непосредственно к Чернигову, не был опустошаем и разоряем, так как печенеги подымались обычно к Киеву по правой стороне Днепра.

Итак, перед нами обрисовывается основная часть Черниговской «волости». Она состоит, во-первых, из Сновской тысячи, охватывающей Сновск, Стародуб и Новгород-Северский, и, во-вторых, из городов, лежавших к северо-западу, юго-западу и юго-востоку от Чернигова и непосредственно к нему тянувших. Очерченная территория почти полностью совпадает с территорией городищ, очерченной Самоквасовым на карте городищ Черниговской губернии. Неясно только, относился ли к означенной нами территории район с городищами, лежавшими к северу от Путивля. За пределами этой основной территории Черниговской волости лежали входившие в состав Черниговской «волости»: на северо-западе земля радимичей и прилегавших к ним северян по р. Днепру, на севере и северо-востоке земля вятичей, на востоке область восточных северян по верхнему и среднему Сейму, так называемое «Посемье» с г. Курском и территория до р. Сосны. Нарастание Черниговской волости шло, таким образом, от юго-западной части ее в северном и восточном направлениях.

Уже из сказанного видно, что основным явлением в процессе территориального роста будущей Черниговской волости было принуждение, покорение земель восточных северян, радимичей и вятичей; земля последних (вятичей) составляла значительную часть всей Черниговской «волости». Когда земли эти стали исключительно тянуть к Чернигову, мы не знаем. Покорение, освоение этих земель было делом первоначально не исключительно Чернигова или Сновска и Чернигова, а всей «Русской земли» во главе с киевским князем. Участие киевского князя в этих предприятиях хорошо засвидетельствовано в предании. Еще можно сомневаться в точности предания о походах Олега на северян и радимичей, включенного только в «Повесть временных лет». Но и оно имело под собою известное основание в исторической действительности. По Константину Багрянородному, в полюдье ходили «все россы» из Киева к славянским племенам, в том числе к северянам. Поляне не упоминаются в рассказе или потому, что они подразумеваются под «остальными славянами», или потому, что они в то время эксплоатировались только Киевом и Вышгородом. Не может вызывать сомнений в достоверности предание, записанное еще в Древнейший свод, о походах Святослава на вятичей и Владимира на вятичей и радимичей. Составитель Древнейшего свода (в первой половине XI в.) отмечает, что и в его время («и до сего дне») радимичи «платят дань Руси, повозъ везуть». К сожалению, неясно, куда именно «в Русь» шла дань. С вятичей во всяком случае Владимир получал дань или долю дани, судя по известию: «и възложи на нь дань отъ плуга, якоже и отець его имаше». Позже, в XII в., черниговские князья, переходя в Киев, оставляли за собою иногда землю вятичей.

По Константину Багрянородному, в полюдье ходили «все россы», т. е. вся «Русская земля». В походах на северян и радимичей надо предполагать участие черниговской знати, а в походах на северян, кроме того, переяславской знати. Они ходили в полюдье со своими

«воеводами», «князьями». Но знаем ли мы что-нибудь о черниговских или переяславских «князьях» или «воеводах» X в., времен Ольги и Константина Багрянородного? Знаменитые раскопки Самоквасова в Чернигове обнаружили захоронения богатых, знатных руссов X в., причем вскрылась картина похорон, подобная той, которую описывает Ибн-Фадлан, сообщая о похоронах «главарей» руссов. Но сохранились ли более конкретные сведения о левобережных военачальниках времен Ольги и Константина Багрянородного? Таким военачальником с левобережной стороны был «воевода» Претич, описанный в рассказе о нападении печенегов на Киев при Ольге. Рассказ этот принадлежит к числу древнейших. Шахматов считал, что эпизод с отроком и Претичем есть вставка в текст Древнейшего свода, полагая, что фраза «и отступиша печенѣзи отъ града и не бяше льзѣ коня напоити» противоречит тому, что читаем в том же рассказе выше: «Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно отъ града; изиде Ольга с внукы своими и с людьми к лодьямъ». Но Шахматов упустил из виду, что в первой из приведенных фраз, в конце летописного рассказа, говорится о р. Лыбеде: «и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи». Река Лыбедь протекала южнее Киева, на пути отступления печенегов; печенеги, как мы говорили, подымались обычно по правобережной стороне. Следовательно, испугавшись трубных звуков, возвещавших приход войска, и думая, что идет «князь» (т. е. князь Святослав), они «побѣгоша разно отъ града». Побежали они, конечно, в противоположную сторону (Претич переходил Днепр), т. е. к западу и к юго-западу от стен города, и Ольга имела возможность выйти к Днепру. После заключения перемирия с Претичем, когда печенеги уходили «отъ града», на Лыбеди нельзя было напоить коня. Нет оснований считать рассказ с Претичем вставкой в текст Древнейшего свода, тем более что он имеется как в «Повести временных лет», по Ипатьевскому и Лаврентьевскому спискам, так и в Новгородской 1-й летописи. Этот воевода Претич, пришедший с «людьми оноя страны Днѣпра» на выручку Киева, очевидно, как воевода города «Русской земли», лежавшего на левобережной стороне, был обязан защищать «Русскую землю» от кочевников и в какой-то мере был подчинен киевскому князю Святославу: «рече же воевода их, именем Претичь: подступимъ заутра в лодьях; и попадьше (т. е. захватив) княгыню и княжичѣ, умчимъ на сию страну людии; аще ли того не створимъ погубить нас Святослав». Из текста ясно, что на обязанности Претича было выручить киевлян и княгиню, и невыполнение этих обязательств по совместной борьбе с кочевниками повлекло бы за собою недовольство и кару со стороны киевского князя Святослава. Рассмотренный источник в полной мере подтверждает сделанное нами выше предположение, что борьба с кочевниками стимулировала территориальное формирование «Русской земли», объединение Киева с левобережными городами в политическое целое.

Рассказ о Претиче не дает никаких оснований предполагать в Чернигове существование княжеского стола, а тем более племенного князя, подобного Малу или Ходоте, с которыми русские князья вели борьбу. Равным образом нельзя предполагать существование черниговского стола в начале XI в. Киевский летописец ни слова не говорит о том, чтобы

Мстислав в 20-х годах XI в. встретил сопротивление или чтобы ему приходилось изгонять кого-либо из города, о чем он, вероятно, сказал бы как летописец киевский, сочувствовавший не Мстиславу, а Ярославу. Но черниговский «воевода» мог, конечно, подчиниться Мстиславу; надо полагать, что местный «воевода» зависел не только от киевского князя, но, фактически, и от черниговской знати.

От местной знати зависели даже киевские «воеводы», или, вернее, они были проводниками ее интересов. Вместе с тем «воеводы» имели ближайшее отношение к сбору дани даже в Киеве (т. е. киевские воеводы), где сидел «великий князь русский». «Воеводе» Свенельду был предоставлен сбор дани с «Деревской» земли. Предание об этом, сохранившееся в дублированном известии Новгородской 1-й летописи, подтверждается событиями 70-х годов X в. В 970 г. Святослав посадил к древлянам сына своего Олега. Это распоряжение нарушило, вероятно, установившийся порядок сбора дани с «Деревской» земли (вспомним, что, по Древнейшему своду, две трети дани шло в Киев, а одна треть в Вышгород). Если Свенельд имел раньше ближайшее отношение к сбору дани в Древлянской земле, то понятно, почему он добивался убиения Олега, которое в предании объяснено мотивами кровной мести: надо было восстановить старый порядок [1]. И действительно, «Деревская» земля после поражения и смерти Олега была оставлена без княжеского стола. Для нас важно, что Свенельд в это время уже не был «воеводой». Летопись прямо говорит, что киевским «воеводой», в это время был Блуд. Блуд был киевским «воеводой», когда Свенельд вернулся с похода, во время которого пал Святослав. Но Свенельд направляет свои козни не против Блуда, а против Олега. Ясно, что дело шло о нарушении интересов не одного Свенельда. Если Свенельд и Блуд (как видно из дальнейших событий) пользовались таким влиянием на князя Ярополка, то, очевидно, они имели опору в местной знати. Все сказанное дает основание отнестись с полным доверием к преданию, согласно которому еще при Игоре воеводе Свенельду было дано собирать с «Деревской» земли дани «много». Редакционные добавления в летописном тексте, вскрытые Шахматовым (например, форма единственного числа — «рече» — перед словами «Свѣнелдъ и Асмуд»), заставляют предполагать, что при Ольге «воеводой» был Асмут, названный «кормильцем» Святослава («воеводой» был «кормилец» Ярослава Буды»; воеводой-тысяцким был «кормилец» Георгий Симонович). Асмут упоминается в походе на древлян в результате которого на них была наложена тяжкая дань: «и побѣдиша древляны и возложиша на них дань тяжку» (Новг. 1-я л.). На радимичей ходил воевода Волчий хвост, причем после сообщения о походе летопись упоминает о дани с радимичей. Позже, как мы знаем, ездил собирать дань в Белоозеро от черниговского князя Ян Вышатич, отец которого был «воеводой», а его самого вскоре видим воеводой-тысяцким в Киеве («воеводство держащю кыевьскыя тысяща», 1089 г.). Итак, воеводы, называвшиеся в XI в. тысяцкими, с самого начала имели

[1] Заметим, что эпизод, привносящий мотив кровной мести, носит характер вставки, как показал Шахматов («Разыскания», стр. 354).

ближайшее отношение к сбору дани. Так было в Киеве, хотя там сидел «великий князь Русский».

К сожалению, киевская летопись не сохранила имени ни одного воеводы-тысяцкого Сновской тысячи. В Киеве при Игоре собирал дань «в Древлянах» не один Свенельд. Мы знаем, что под Искоростенем была могила Игоря, погибшего, согласно преданию, при сборе «дани» (вероятно — «полюдья»). Не решаемся принять соблазнительное предположение Шахматова, что Игорь сражался не с Малом, а с Мстишей Свенельдичем. О последнем мы вообще ничего не знаем, кроме того, что он был сын Свенельда. Длугош именует древлянского князя не Мстиной, или Мстишей (Мстиславом), а Нискиней, или Мискиной. Наконец, Свенельд упоминается в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием, где имя Свенельда поставлено наряду с именем Святослава. Если итти в данном случае вслед за Шахматовым, то придется предполагать, что одного Свенельда сменил другой; не мог же воевода, разбивший «вместе с подвластными ему древлянами» киевского князя, пользоваться таким доверием его сына Святослава. Кроме того, летопись не говорит о том, что Свенельду была бы дана вся дань деревская; летопись говорит только, что ему было дано «много» (Новг. 1-я л.): «дасть же дань деревьскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма[1], и рѣша дружина Игоревѣ: се далъ еси единому мужевѣ много»[2].

При жизни же Игоря, повидимому, собирала с древлян дань и Ольга с Асмутом. Запись о ее походе на древлян была уже в Древнейшем своде. Она сообщает любопытные подробности: «и суну копьемъ Святославъ на Древляны, копье летѣ сквозѣ уши коневѣ: бѣ бо велми дѣтескъ». Хронологическое определение предания едва ли в летописи сделано правильно. В 946 г. Святослав уже не был «велми дѣтескъ». Во-первых, по Константину Багрянородному, Святослав при жизни Игоря сидел в Новгороде; во-вторых, при заключении договора с греками от Святослава был особый представитель. Вероятнее, таким образом, что поход Асмута и Ольги на древлян имел место еще при жизни Игоря.

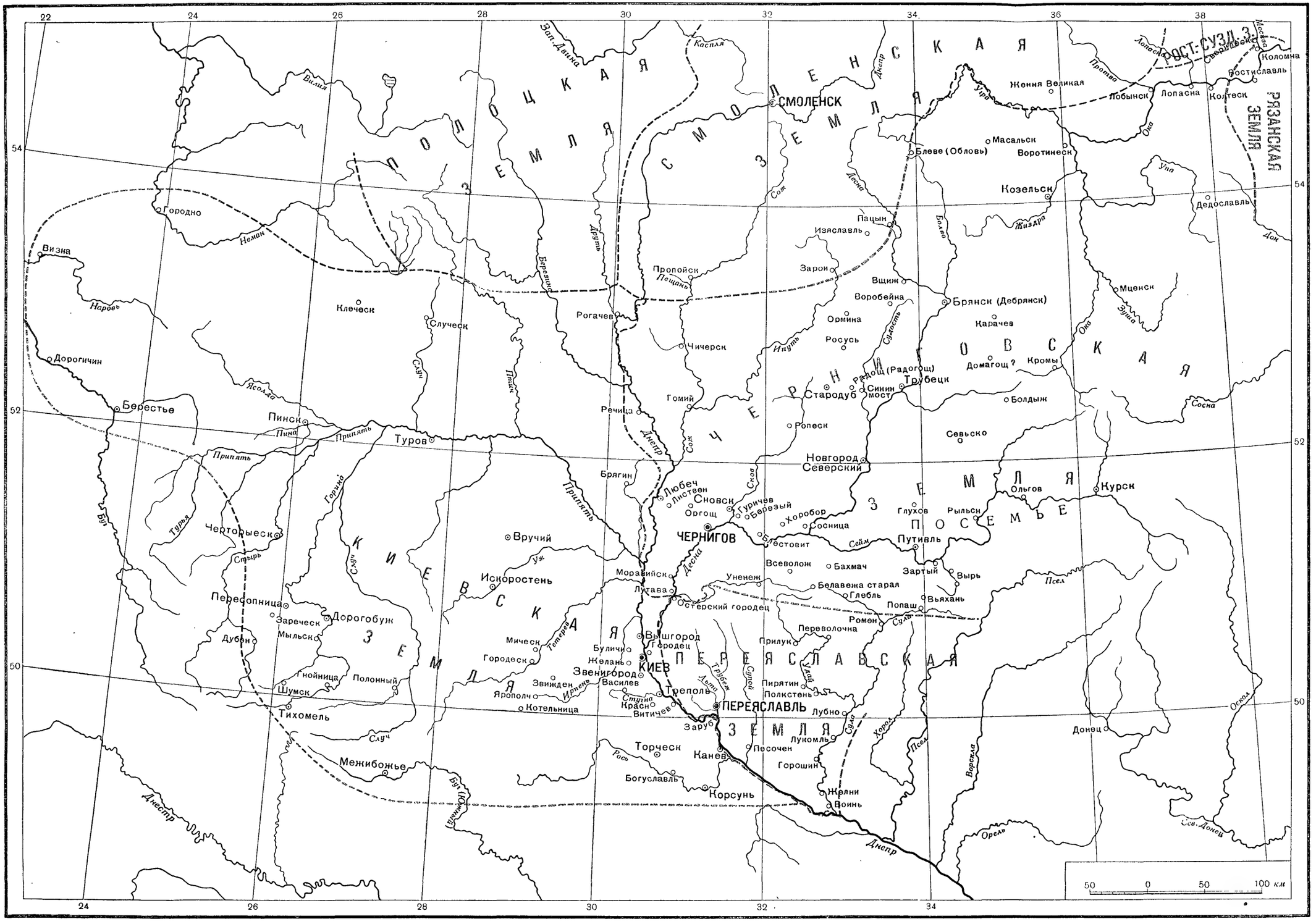
Итак, левобережные «воеводы» зависели от киевского князя, как показывает рассказ о Претиче. Вместе с тем имеем все основания предполагать, что левобережные «воеводы» зависели также фактически и от местной знати — черниговской и переяславской. Наконец, левобережные «воеводы», судя по тому, что́ мы вообще знаем о «воеводах», имели ближайшее отношение к сбору дани. Роль и значение «воевод» свидетельствуют о первоначальной связи завоевательных походов с данничеством, о военном происхождении организации данничества, точнее — дани и полюдья.

К «славянским племенам», радимичам, вятичам и восточным северянам левобережные воеводы могли ходить в завоевательные походы и в «по-

---

[1] По Лаврентьевской и Ипатьевской летописям, Олег брал «по чернѣ кунѣ», а Игорь возложил на древлян дань «болши Олговы». Следовательно, согласно этим данным, Свенельду была дана не вся дань.

[2] Из печатного издания Новгородской 1-й летописи 1888 г. можно понять, что «много» читаем только в Толстовском списке. Это неверно; то же читаем и в Комиссионном списке.



Киевская земля (включая волости Берестейскую и Турово-Пинскую), Черниговская земля и Переяславская земля. Граница до середины XII в.; показана схематически.

людье» вместе с киевским князем, подобно Асмуту, ходившему на древлян с Ольгой и малолетним Святославом, и самостоятельно, по крайней мере самостоятельно собирать дань, как собирал Свенельд. Мы знаем, что территория Черниговской «волости» росла и после завещания Ярослава, после образования «волости» - княжения. Владимир Мономох в бытность свою черниговским князем «в Вятичи» ходил «по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его и ко Корьдну... 1-ю зиму». Местоположение Кордны нам неизвестно; едва ли она лежала поблизости от основной черниговской территории. Племенной князь Ходота мог еще держаться где-либо в глуши Вятичской земли, не знавшей христианства.

Но источники дают возможность установить основное направление, по которому шло черниговское проникновение в землю вятичей: на северовосток от территории Сновской тысячи. В 50-х годах XII в. видим Карачев и Воротынск в одном владении со Сновском, со Сновской тысячью в составе Новгород-Северского княжества (Ипат. л., 1155 г.). Карачев видим и ранее принадлежавшим к составу Новгород-Северского княжества (там же, 1146 г.). Воротынск сравнительно не так давно прочно вошел в состав Черниговской «волости». Еще в конце XI в. или в начале XII в. недалеко от Воротынска, юго-западнее, был убит Кукша, распространявший христаинство среди вятичей. Он был убит, согласно преданию, в районе Серенска; о его насильственной смерти в земле вятичей (в 1110 г.?) знаем достоверно. Судя по данным географической номенклатуры, всего менее освоенным оставался район к западу от верховьев Оки, к западу от Мценска, территория к северу от Воротынска и к северо-западу от р. Ипути в земле радимичей. Так, вырастая, территория черниговского завоевания и освоения пришла в соприкосновение с территорией освоения соседних «волостей» — Смоленской, Ростово-Суздальской и Муромо-Рязанской.

В первой половине XII в., если не раньше, уже можно было определить приблизительно границы между Черниговской и Ростово-Суздальской, между Черниговской и Смоленской и между Черниговской и Муромо-Рязанской «волостями». На востоке территория Черниговской области доходила до р. Сосны. По Никоновской летописи, Елец в XII в. принадлежал Рязанскому княжеству. Однако мы находим веские основания сомневаться в достоверности сообщения Никоновской летописи. С другой стороны, в известном списке городов конца XIV в. (см. ПСРЛ, т. VII) Коршев на р. Сосне отнесен к числу не рязанских списков, а киевских, наряду с Черниговом и Курском. К северу от Сосны владения Черниговского княжества также граничили с владениями Муромо-Рязанского княжества, причем граница проходила где-то между рязанским городом Пронском на р. Прони и черниговским городом Дедославлем (с. Дедилово), причем черниговские владения, как видно из летописного рассказа под 1146 г., захватывали течение р. Осетра, впадающего в Оку. Таким образом, пересекая р. Осетр, граница выходила к Оке где-то ниже, по течению Оки, черниговского города Колтеска (с. Колтово, в 5 км от Каширы) и выше рязанского города Ростиславля (г. Ростиславль, на берегу Оки). Черниговский Колтеск лежал уже недалеко от границ Ростово-Суздальской земли. Граница с Ростово-Суздальской землей проходила несколько

севернее Оки: к северу от Оки, на берегу р. Москвы лежал г. Свирилеск. Свирилеск (предположительно — с. Северск) лежал не только близ границ Ростово-Суздальской земли, но и у рязанского порубежья: в 7 км ниже на реке находился рязанский город Коломна. В западном направлении граница шла к р. Наре и пересекала р. Протву где-то в нижнем или среднем ее течении, к югу от смоленского погоста Беницы и к северу от черниговского города Лобынска, лежавшего при устье Протвы[1]. По некоторым данным, к Чернигову со временем отошла значительная часть течения Протвы. Далее граница проходила где-то близ смоленского поселения Медыни и пересекала р. Угру (верховья Угры принадлежали Смоленскому княжеству). С Угры граница шла в направлении к истокам р. Болвы, где находилась Обловь (с. Облова). Хотя Обловь принадлежала Черниговскому княжеству, но в ней (т. е. в городе или в районе города) собиралась «гостинная дань» в Смоленск. От Облови граница шла в юго-западном направлении и проходила южнее смоленских поселений — Пацыня (с. Пацынь) и Изяславля (с. Сеславль) и пересекала р. Ипуть близ г. Зароя (с. Разрытый), являвшегося, как видно из летописного рассказа под 1154 г., пограничным смоленским поселением. Далее граница пересекала р. Сож между смоленским городом Пропойском и черниговским городом Чичерском[2]. Вероятно, в северо-западном углу Черниговского княжества Днепр служил границей, отделявшей Черниговскую землю от Полоцкой и Киевской земель. Но следует иметь в виду, что источники не сохранили сведений о том, соприкасались ли черниговские и полоцкие владения. Эти границы были новые, неустановившиеся: по некоторым признакам, например, происходили изменения в границах, отделявших Черниговскую волость от Смоленской (Ипат. л., 1195 г.), а также в границах, отделявших Черниговскую от Рязанской: мы имеем в виду судьбу Свирельска, переходившего от Черниговского княжества к Рязанскому и обратно (Ипат., 1176 г.), и события 1194 г., когда Святослав собирался организовать поход на рязанских князей и на съезде черниговских князей говорили «про волости» (Ипат. л.). Само собою разумеется, что сами границы носили приблизительный, неопределенный характер. Кроме того, далеко не везде владения волости могли быть строго разграничены, поскольку оставалась территория неосвоенная. Наконец, что весьма характерно, некоторые районы могли эксплоатироваться не одной «волостью», не одним княжеством, а двумя: так, Обловь на истоках р. Болвы принадлежала, как мы говорили, Черниговскому княжеству, но в ней собиралась «гостинная дань» в Смоленск.

Так вырастала Черниговская «волость». Территория ее начала складываться задолго до раздела «Русской земли» по завещанию Ярослава. Показания археологии о местной знати (в Сновске, в Чернигове), упоминание Чернигова и Переяславля наряду с Киевом в договорах с греками, существование левобережных воевод, сведения о Сновской тысяче делают неизбежным предположение о вырастающем значении местной военной организации

[1] Пос. Беницы расположен теперь близ г. Боровска Калужской области.

[2] Пропойск — ныне г. Славгород, районный центр Могилевской области.

данничества. Исследование позволяет выделить основную территорию Черниговской «волости». Эта основная территория состояла из Сновской тысячи, охватывавшей Сновск, Стародуб и Новгород-Северский, и из черниговских городов, лежавших к северо-западу и юго-востоку от Чернигова. Границы между черниговскими и переяславскими городами к югу и к юго-востоку от Чернигова были постоянными, устойчивыми и сложились, видимо, до смерти Ярослава. Иное дело — на севере и на востоке. Здесь к территории Сновской тысячи прирастали земли восточных северян, вятичей и радимичей. Завоевание, освоение этих земель было первоначально совместным делом Киева и левобережных городов; во всяком случае, на левобережной стороне оно шло не без участия киевского князя. Левобережные воеводы зависели от киевского князя, как показывает рассказ о Претиче, и вместе с тем, вероятно, как и киевские воеводы, они фактически были проводниками интересов местной знати левобережных городов. Представление о Черниговской «волости» сложилось только с разделом «Русской земли». Территория Черниговской «волости» продолжала расти и после образования Черниговского княжения. В первой половине XII в., если не раньше, уже можно было определить приблизительные границы между Черниговской «волостью» и соседними «волостями», лежавшими к северу и к северо-востоку от Черниговской.

Выше мы говорили, что собственно переяславская территория в левобережье стала определяться еще до раздела «Русской земли». Однако рост и заселение переяславской территории стояли в сильной зависимости от деятельности киевского стола, и Переяславская «волость» никогда не получила политической самостоятельности в такой степени, в какой приобрела Черниговская. Зависимость от Киева была следствием местоположения Переяславля на степной окраине[1]. Киевский князь населял и укреплял рубежи, угрожаемые со стороны вторжения кочевников. Города, построенные Владимиром Святославичем, были построены главным образом, если не исключительно, на Переяславской и Киевской территории: на Остри (Городец Остерский) на нижней Десне (Городец), на Стугне, на Трубеже и на Суле. Киевский князь «...поча нарубати мужѣ лучшиѣ... от словен и от кривичь и от чюди и от вятичь» и населял ими вновь построенные города. Собирая, набирая («нача нарубати») мужей с разных стран, киевский князь, очевидно, призывал добровольцев из местной знати («лучшиѣ мужѣ»). Они, надо думать, шли со своим рододружинным окружением, со своей челядью, принося с собою навыки и материальную культуру своих мест. Едва ли это население само по себе не являлось в иных случаях источником беспокойства для киевского князя. По «Чтениям» о Борисе и Глебе ходившему на печенегов Борису приходилось почему-то умиротворять южные, порубежные города после бегства кочевников: «умиривъ грады вся, възвратися вспять»[2].

---

[1] В настоящее время — Переяслав Хмельницкий, районный центр Киевской области.

[2] «Памятники древнерусской литературы», 1916, вып. 2, стр. 8.

Географическое положение Переяславского княжества не позволяло ему, по примеру Черниговского, создать обширную разноплеменную территорию. На северо-западе начиналась область, тянувшая к Киеву, на севере — территория Черниговской «власти», на востоке и юге — половецкие степи. Тем самым был ограничен источник обогащения переяславской знати. Приходилось истощать поборами ближайшее население. Недаром летопись отмечает, что «посульцам» (т. е. населению по р. Суле) была «пагуба» не только от половцев, но и «от своих посадник» (Ипат. л., 1138 г.).

ГЛАВА V

Можно предполагать, что Новгород еще до появления основателя новой династии получал значение нового центра государственного объединения, выраставшего на останках родоплеменного строя, на что указывает древний летописный материал. Он был, как прямо свидетельствует источник, некогда центром племени словен, обитавших у озера Ильменя, причем словене заселяли первоначально западную сторону Ильменя. В первой половине IX века «погосты», как назывались «становища» на севере, устанавливались по Мсте и Луге (территория по Волхову в части своей тянула к Ладоге).

Новгород стал платить в Киев дань тогда (в начале X в. приблизительно), когда сидевшие в Киеве Олег и Игорь установили дань с северных племен, согласно показаниям древнейшего летописного текста. Это совершилось после того, как пало хазарское преобладание на юге во второй половине IX в. и открылись широкие возможности к распространению южнорусского господства. Новгородское предание о появлении «варяжского» князя в Новгороде «не знало, повидимому, о покорении новгородцев варягами и о последовавшем затем восстании против иноземного владычества; об этом восстании пришлось сказать потому, что киевский источник говорил о покорении новгородцев варягами. Предание вспоминало о старейшине Гостомысле»[1]. Память о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Мы обязаны, таким образом, взять под сомнение киевское предание о том, что варяги собирали дань со словен, мери и кривичей. Других сведений о варягах в IX в. в Новгороде нет. Летописец знал об Олеге. О нем хранилось много преданий; договоры Олега с греками были переведены на «русский» язык. Летописец знал, что Олег или Игорь установили дани с северных племен. Могила Олега была в Киеве. Но об Олеге помнили и на севере; в Ладоге также показывали его могилу. Древнейший свод умалчивал или мало говорил о хазарском иге. В Киев Олег и Игорь попали из Новгорода. Надо было его составителю как-то объяснить, почему именно при Олеге распространились даннические отношения киевских князей на северные и северо-восточные племена. В 30—40-х годах XI в., когда составлялся Древнейший свод, на севере был отряд наемных варягов, как свидетельствуют древние саги. Из дани, которую

[1] А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 517. Ср. там же, стр. 311, где Шахматов высказывается несколько иначе.

уплачивали новгородцы в Киев, как мы говорили выше, часть шла варягам. Во времена того же летописца власть южнорусских, киевских князей простиралась на территорию древних племен словен, кривичей и мери. Из этих данных киевский летописец делал заключение что до Олега с северных племен — кривичей, словен и мери — дань брали варяги. Древнейший киевский свод был сводом князя Ярослава Киевского, державшего отряд варягов и в Новгороде и в Ладоге и платившего варягам из новгородской дани.

Нет оснований сомневаться в том, что Олег «уставил» дани с северных племен. Константин Багрянородный в середине X в. называет северную сторону «внешней Русью». Из этого видно, что в первой половине X в. на северные края простиралась власть «Русской земли», киевских князей. Мы не знаем территориальных пределов «внешней Руси». Из слов Константина Багрянородного можно только вывести, что в пределах «внешней Руси» лежал Новгород. Русские источники в полной мере подтверждают показание Константина Багрянородного. Киевские князья считались и были сюзеренами князей новгородских. Новгород получал князей из Киева, от киевских князей, посылавших своих сыновей туда на княжение (Игорь — Святослава, Святослав — Владимира, Владимир — Вышеслава и Ярослава). Древнейшие известия о Пскове говорят о связях Пскова не с Новгородом, а с Киевом. Ладога в скандинавских сагах и хрониках считалась принадлежащей к «земле» Вальдемара Старого», т. е. Владимира Киевского (997 г.)[1]. Изучая процесс роста новгородской разноплеменной территории, не следует игнорировать эти данные, хотя, конечно, из них нельзя сделать вывода, как увидим ниже, что связь подчинения между Новгородом, с одной стороны, и Ладогой и Псковом, с другой, установилась благодаря только южнорусским князьям.

В чем выражалось киевское господство на севере? Чего добивались южнорусские князья? Ладога сужила воротами с севера на пути «из Варяг в Греки». Для киевских князей было важно охранять эти ворота. Они держали там наемного варяга-воина (так было по крайней мере в первой половине XI в.). Он должен был охранять вход с Ладожского озера в Волхов и путь по Волхову; он охранял их от каких-то «язычников», как говорит «Fagrskinna» — свод саг XIII в.[2]. Этот район, очевидно, и составлял ту «землю», то наместничество, которое принадлежало Ладоге и о котором говорят и «Fagrskinna» и «Heimskringla», написанная около 1230 г. известным исландским историком Снорри, сыном Стурлы. Карелия (Kirjalaland) упомянута в рассказе «Heimskringla» о разбойничьем набеге норвежца Свейна на Гардарикию в 1016 г. Рогнвальд и затем сын его Эйлиф, посаженные киевским князем в Ладоге, были просто наемными варягами, которых приходилось содержать, давать жалованье им и их «мужам» по договору.

---

[1] Е. Рыдзевская. Сведения о Старой Ладоге в древне-северной литературе. «Кр. сообщ. ИИМК», 1945, т. XI.

[2] «Это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал землю конунга от язычников». «Fagrskinna», стр. 218 (Е. Рыдзевская. Указ. соч.).

Иного характера интересы тянули киевских князей к Пскову и затем к Изборску. Псковский край граничил с землями, населенными эстонской чудью. Походы на чудь приносили киевским князьям дань, добычу и живую силу. Ярослав основал в этой земле город, названный в его честь Юрьевом (ныне — Тарту). «Повесть временных лет» сообщает об участии чуди в далеких походах южнорусских князей в X в. Заметим, что чудь никогда не упоминается в составе новгородского войска, хотя не раз упоминается корела и ижора в известиях более позднего времени.

Суверенитет киевского князя над новгородским выражался в праве получения даров и дани с Новгорода, часть которой шла на содержание варягов в Новгороде, игравших подчиненную роль и использованных южнорусскими князьями в своих интересах в Новгороде[1]. Существование этих наемных варягов было временным, непродолжительным явлением, которое не имело сколько-нибудь существенного значения, они вскоре исчезают, вероятно растворившись в славяно-русской дружинной среде.

События X в., когда новгородцы требовали себе в Новгород князя, говорят о местной правящей среде новгородской феодальной знати, прямое свидетельство о которой имеем в новгородских записях о событиях начала XI в. Изучение проблемы образования новгородской территории во «внешней Руси» представляет собою несравненно бóльшие трудности по сравнению с изучением проблемы образования территории южнорусских «областей», выросших на древней «Русской земле» и сопредельных землях. На юге в XI в. была составлена история «Русской земли», хорошо отразившая историю образования Киевской «области», поскольку она была составлена в XI в. в Киеве. В Новгороде подобной работы произведено не было. Самостоятельного труда, ставившего себе специальной целью проследить происхождение «внешней Руси» или Новгородской «области» не существовало. Новгород следовал по стопам Киева. Древнейший киевский свод был дополнен новгородскими известиями. Эти дополнения были тщательно изучены Шахматовым. Наличие местных новгородских дополнений в тексте киевского свода показано им с полной основательностью. С точки зрения интересующей нас проблемы — образования новгородской территории — дополнения эти носили довольно случайный характер и были связаны главным образом с событиями эпохи Ярослава и сына его Владимира. Но в Новгороде помнили о тех временах, когда Новгород был племенным центром и, дополняя киевский свод, составитель новой редакции летописного свода внес краткое историческое повествование о том, как племенное объединение обратилось в «область»-княжение, знакомую современникам летописца. Это повествование — сказание о призвании князей. Так как к нашей теме оно имеет прямое отношение, мы коснемся его состава, познакомимся с ним как с историческим источником.

Какой материал для нашей темы дает сказание о призвании князей? Новгородское сказание о призвании князей состояло из рассказа о возникновении Новгорода как племенного центра, рассказа о внутренних

[1] Кроме того, князь-сюзерен пользовался иногда военной силой самих новгородцев.

междоусобиях в родоплеменном обществе, рассказа о призвании князей из-за моря и рассказа о размещении призванных князей по городам. Как возникли эти четыре слагаемых сказания? Сказание о возникновении Новгорода как племенного центра и о старейшине Гостомысле — местное новгородское предание, передававшееся из уст в уста. Оно дает некоторое основание утверждать, что Новгород возник как племенной центр. Подтверждается это одним из источников «Повести временных лет», свидетельствующим, что словене сидели у Ильменя.

Второе слагаемое — рассказ о внутренних междоусобиях и родоплеменном обществе мы считаем наиболее ценным. Он вызван воспоминаниями о прошлом, и, может быть, впечатлениями современной жизни. Новгородцы в середине XI в. не могли сочинить, придумать этот рассказ ради возвеличения княжеской власти: это противоречило бы всему строю новгородской жизни. Рассказ, по сути дела, поясняет причины перехода родоплеменного общества и «область»-княжение, построенное на иных началах. При таком понимании он удовлетворял не только новгородского князя, но и самих новгородцев.

Третье слагаемое — рассказ о призвании князей из-за моря. Идея призвания князей явилась в результате, во-первых, желания объяснить варяжское происхождение княжеской династии и, во-вторых, дать объяснение, соответствующее традиционным правам новгородцев призывать князей; среди новгородских дополнений к киевскому своду находим сообщение о том, как новгородцы просили Святослава дать им князя, угрожая в противном случае добыть себе князя помимо Киева, о том, что новгородцы посадили Ярослава («посадиша») и т. п. Этот второй мотив исчерпывающе выяснен Шахматовым. Из рассказа о призвании из-за моря можно только вывести, что новгородская редакция свода составлялась для новгородцев, что имелось в виду удовлетворить вкусам и ответить настроениям не только князя, но и самих «новгородцев», новгородской знати.

Четвертое слагаемое — рассказ о размещении князей по городам — блестяще комментирован Шахматовым. Шахматов указал на местные предания (белозерское, новгородское и др.) и пояснил, что составитель сказания, выбрав из многих местных преданий предание новгородское, белозерское и изборское, руководился намерением согласовать размещение по городам (Рюрик в Новгороде, Синеус в Белоозере и Трувор в Изборске) с киевским рассказом о том, что признавали князей три племени — словени, кривичи и меря. Согласовано было не совсем точно, ибо в Белоозере сидела весь, а не меря, а Изборск, конечно, не был значительным центром кривичского племени.

Шахматов, однако, не выяснил, каким образом в Новгороде могли ознакомиться с белозерским преданием в то время, как Белоозеро принадлежало не Новгородской «области», а Ростовской. Осталось не совсем ясным, почему летописец нашел в Изборске предание, а не нашел в Пскове. Белоозеро принадлежало к Ростовской земле; но новгородские князья посылали своих «даньщиков» в Ростовскую землю, как свидетельствует летопись. Посылали они, очевидно, потому, что через новгородского князя осуществлялся суверенитет «Русской земли» над Ростово-Суздальским

краем. Князь Ярослав Киевский сам из Новгорода ездил в Ростово-Суздальскую землю, расправился с волхвами и «уставил» «землю ту».

Нет сомнения, что во время своего пребывания в «Ростовской области» новгородский князь и его «даньщики» могли познакомиться с местными белозерскими преданиями. Летопись, например, подробно рассказывает о пребывании в Белоозере сына Святослава Черниговского, новгородского князя Глеба[1]. Через Белоозеро ездили и новгородские сборщики дани в Заволочье, по крайней мере в XII в. Почему новгородский летописец предпочел Изборск Пскову? Древнейшие известия о Пскове, как мы говорили, указывают на связь Пскова с киевским столом. В 30—40-х годах XI в. в Пскове показывали сани, принадлежавшие Ольге, и в Древнейшем своде было записано предание об ее псковском происхождении. В самом Пскове сидел сын Владимира Судислав. По «Повести временных лет» он был посажен своим отцом. В 30-х годах XI в. Судислав в Пскове действительно сидел, ибо в 1036 г. он был заключен в Пскове «в поруб» братом Ярославом. В 1030 г. Ярослав, будучи киевским князем, холил на чудь и основал г. Юрьев. О Судиславе и псковичах в записи ничего не говорится. Если Судислав сидел в то время в Пскове и не участвовал в походе, то, возможно, что военной базой Ярославу в его походе на эстонскую чудь послужил Изборск. В 1036 г. Ярослав посылает в Новгород сына своего Владимира. С этого момента конфликт между Ярославом и Судиславом был неизбежен: в Новгороде сидел сын Ярослава, а одновременно в Пскове сидел его дядя. Такое положение не было совместимо с политическим единством формировавшейся Новгородской «области». Судислав был заключен в «поруб» и освобожден только в 1059 г. сыновьями Ярослава, по распоряжению из Киева. Таким образом, в военной, княжой среде в 30—40-х годах XI в. Изборск мог быть особенно хорошо известен.

Для изучения образования новгородской «областной» территории важны следующие данные, извлекаемые из новгородского сказания. В середине XI в. появилась потребность в Новгороде осмыслить новгородское прошлое и дать историческое повествование о том, как племенная область обратилась в «область»-княжение. Такое повествование сложилось в среде новгородского князя Ярослава Владимировича. В середине XI в. в Новгороде сознавали, что образование новгородской «области», переход родоплеменного общества в «область»-княжение обусловливались внутренними причинами. Уже эти данные вынуждают к предположению, что 40—50-е годы XI в. были переломными в истории образования Новгородской территории.

Изучая образование территории Новгородской «области», приходим к убеждению, что 40—50-е годы XI в. были переломными. В эти десятилетия приблизительно, во всяком случае не ранее, Лалога окончательно перешла в руки новгородцев. Рогнвальд Ладожский умер, повидимому, в 1030 г. (по «Fask.»), и его сменил сын Элиф. К середине XI в. Ладога

[1] Такой путь проникновения местного предания о первых князьях в среду новгородского князя предполагает также Д. С. Лихачев (Д. С. Лихачев, Русские летописи, 1947, стр. 92).

(Aldeigjuborg) исчезает со страниц северных, норманских известий[1]. В начале XII в., когда Ладогу посещал летописец, она была новгородским пригородом, где сидел посаженный новгородцами посадник; по крайней мере о посаднике Рагуиле, преемнике Павла, мы доподлинно знаем, что он был посажен новгородцами («даша посадьницяти»), а не князем, причем новгородцы посадили его в Ладоге после того, как князь временно изгонялся из Новгорода с помощью псковичей и ладожан. Ладога была новгородским пригородом, послушным старейшему городу[2].

Приблизительно к 40-м годам XI в. следует относить распространение погостов на Прионежье и образование территории «Обонежского ряда», примыкавшей к территории бывшего ладожского наместничества по Волхову и доходившей до поселений еми в Прионежье. Основываемся на следующем. Во-первых, сравнивая «Обонежский ряд» с откупной обонежской грамотой XV в., обнаруживаем, что территория «суда» почти полностью совпадает с обонежским «рядом» за одним исключением: обонежский суд охватывает территорию «Обонежского ряда» с прибавлением мест по Волхову. Ни одного названия в «Обонежском ряду» идентичного с названиями по Волхову мы не нашли[3]. Если территория «Обонежского ряда» не входила в состав древнего Поволховского района и только потом слилась с ним, то необходимо заключить, что сам «Обонежский ряд» был приростком к древней территории по Волхову. Эта территория, судя по расположению погостов «Обонежского ряда», не доходила на северо-востоке до верхнего плеса р. Сяси и только, может быть, подходила или охватывала ее нижнее течение.

Во-вторых, сравнивая территорию «Обонежского ряда» с территорией распространения погостов, указанных в грамоте Святослава 1137 г., обнаруживаем, что погосты грамоты Святослава не заходят на территорию «Обонежского ряда», а служат как бы ее продолжением. Они начинаются только там, где кончается «Обонежский ряд». Из этого необходимо заключить, что «Обонежский ряд» как целое в судебно-податном отношении уже существовал, когда производилась разверстка 1137 г. Так как в 1137 г. погосты распространялись не только по Заонежью, но и далеко по Заволочью, необходимо заключить, что погосты «Обонежского ряда» появились не в начале XII в., а значительно раньше, и относить их появление к середине или к первой половине XI в.

В-третьих, погосты Обонежского ряда появлялись в непосредственном соседстве с емью прионежской, а имея в виду последующие отношения с емью, которая к началу XII в. была данницей Новгорода, но никогда не была его союзницей в военных предприятиях, следует думать, что установление погостов на территории «Обонежского ряда» вызвало борьбу с емью. Обращаясь к летописи, видим, что под 1042 г. в новгородской редакции было вписано: «идѣ Володимеръ сынъ Ярославичь на Ямы и побѣди

[1] Е. Рыдзевская. Указ. соч. стр. 52.

[2] Новг. 1-я и Ипат. лл.

[3] См. А. А. Э., I, № 27 (откупная обонежская грамота); Грамоты Вел. Новгорода и Пскова, 1949 г., стр. 149. Русские достопамятности, ч. I, М., 1915 г., («Обонежский ряд» — на стр. 84—85).

я и плѣни множество ѣми, и помроша кони у Володимира, яко и еще дыщющимъ конемъ, сдираху кожи съ нихъ съ живыхъ, толико бо бѣ моръ на конехъ»[1]. Это единственное и, очевидно, самое важное, что новгородцы сочли нужным вписать о внешней деятельности Владимира Ярославича на новгородском севере.

После 1036 г. Псков мало-помалу окончательно переходит в руки новгородцев. Мы говорили, что в 1036 г. Судислав был заключен в «поруб» и освобожден только в 1059 г. сыновьями Ярослава и отвезен в Киев. После 1036 г., в течение XI в. и начала XII в., мы не видим во Пскове князя: ни во время осады Всеславом Полоцким Пскова в 1065 г., ни во время похода на сосол в 1060 г., ни в 1116 г., когда с новгородцами и псковичами ходил на чудь новгородский князь Мстислав Владимирович. Вероятно, в Пскове сидел новгородский посадник. Новгородская 1-я летопись под 1132 г. отмечает, что новгородцы дали («даша») посадничество в Пскове Мирославу. Это было после того, как князь Всеволод временно изгонялся из Новгорода с помощью псковичей и ладожан. С переходом Пскова в руки новгородцев борьба с чудью рано или поздно должна была перейти в руки новгородцев; но еще в 60-х годах XI в. к чудским делам проявляет интерес Изяслав Ярославич Киевский.

Какие же обстоятельства подготовили переход Пскова и Ладоги в руки новгородцев? Заметные успехи в образовании своей территории Новгород сделал тогда, когда (в X в.) стали устанавливать становища, получившие на севере название погостов, для сбора «дани и оброков» на территории, находящейся далеко за пределами летописной основной племенной территории словен; «словенское» племя уже в VI-VIII вв., по данным археологии, широко расселилось на севере[2]. Коренная племенная территория «словен» обозначена летописью как территория у Ильменя. Без сомнения, что под словами «около озера Ильменя» летописец разумел западные и юго-западные части Приильменья. И в наше время густо населенными являются западные и южные берега озера, входившие в пределы Шелонской пятины; они распаханы и безлесны примерно на 12—20 км и далее от уреза воды, тогда как на восточном берегу сохранились значительные лесные пространства[3]. На основании писцовых книг можно судить, что места эти были искони густо заселены. Здесь, притом, не было поселений эстонской чуди. Территория, расположенная полукругом к западу от Ильменя, и поныне свободна от поселений эстов[4]. Но уже в VI—IX вв.

---

[1] Новг. 4-я л., 6550 г.; ср. тот же текст в Соф. 1-й л.; ср.; А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 624.

[2] П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена, 1948.

[3] И. В. Кучин. Рыбный промысел на Ильмене озере. СПб., 1904, вып. 1, стр. 10.

[4] См. схематическую карту расселения финно-угров в СССР Д. А. Золотарева, приложенную к «Финноугорскому сборнику», изд. АН СССР, 1928. См. также неизданные материалы сектора этнической статистики и этнографии Ин-та этнографии АН СССР. Не решаем вопроса о происхождении поселений эстов XX в. Заметим, что процесс ассимиляции в Новгородской земле в древности шел, повидимому, медленно. Ср. работу проф. Н. Н. Чебоксарова, Ильменское поозерье, «Тр. Ин-та этнографии», новая серия, 1947, № 1.

область распространения словенского племени, судя по топографии сопок, охватывала, согласно авторитетному указанию П. Н. Третьякова, «обширные пространства бассейна озера Ильмень, течение рек Ловати, Волхова и Мсты, районы Валдайской возвышенности и, наконец, верхнее течение Мологи. Отдельные сопки имеются на берегах реки Великой и на Псковском озере»[1]. К середине X в. словенское племя далеко расселилось, захватывая течение рр. Луги и Мсты. Распространение данничества на эту территорию в X в. свидетельствовало, как можно судить, по летописи, об успехах в образовании новгородской территории.

В 40-х годах X в. «уставлялись», согласно новгородскому летописному тексту, дани и погосты по Мсте и дани и оброки по Луге. Шахматов полагал, что строки эти появились в результате литературного сочинительства. Он думал, что новгородский летописец упомянул Лугу потому, что Луга вела к Пскову[2]. Но это маловероятно. Лугой никогда в Псков не ездили. Даже по прямому направлению из Новгорода в Псков не ходили: на юго-запад от Новгорода и в настоящее время тянется болотистая, лесная и малонаселенная местность; в Псков шли по Поозерью и Заверяжью на Голин к устью Шелони, а далее вдоль Шелони через Сольцы[3]. В Псков, таким образом, ездили Шелонью или вдоль Шелони сушею, но никогда не ездили Лугой, хотя от Шелони можно было пройти к Луге рекой Пшагою. Шахматов полагал, что летописец упомянул Мсту потому, что южная Деревская земля ассоциировалась в его представлении с новгородскими «Деревами»[4]. Термина «Деревская земля» применительно к Новгородской «области» в источниках не находим. Деревской пятины, которая действительно доходила до реки Мсты, во времена летописца не существовало. Древнейшее упоминание о «Деревах» относится к первой половине XV в.[5], и это известие отмечает «Дерева» в районе Деманя, т. е. там, где в то время проходила Деманская дорога. В грамоте новгородского князя Всеволода читаем: «съ тверского гостя, и с новгородцкого, и з бѣжицкого, и з деревьского, и съ всего Помостья»[6].

Летописец, писавший во второй половине XI в., ссылается на какие-то «знаменья же и мѣста и погосты», вызывавшие воспоминания о деятельности Ольги.

Не только в X, но и в XII в. Помостье оставалось сравнительно глухим районом: летописные известия XI—XII вв. не называют ни одного поселения по Мсте. Зато они упоминают ряд поселений по Ловати, Волхову и Шелони, т. е. по пути «из Варяг в Греки» и по пути в Псков. Особенно хорошо был известен в Новгороде и даже в Киеве Приильменский район. К XII в. Мста уже была достаточно заселена. Сюда приезжали гости из Новгорода и привозили в первую очередь то, в чем испокон веков нуждался

[1] П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. 1948, стр. 128.

[2] А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 520.

[3] См., например, Соф. 2-я и Воскр. лл., 6986 г.; Новг. 4-я л., 6898 г., Псковск. л., 6979 г.

[4] А. А. Шахматов. Разыскания... Там же.

[5] См. Новг. 1-я л., 1441 г.; «в Деревах у города у Демона».

[6] Новг. 1-я лет., 1950 г., приложения, стр. 560. Список — XVI в., возможны подновления.

лесной Новгородский край. Гости «со всего Помостья», помянутые в грамоте Всеволода, это гости, ездившие в Помостье для торга, так же как бежицкие — а Бежицкий верх, к верховьям Мологи, а «деревские» — в «Дерева», от Деманя к Селигеру и Торжку.

По писцовым книгам XV—XVII вв., погосты Помостья особенно богаты «рядками». В середине X в., когда по Мсте стали устанавливаться погосты, «рядков», конечно, не существовало. Но, возможно, существовали места гостьбы, в некоторой мере выполнявшие аналогичные функции. Отсюда увозили предметы местных промыслов, а привозили то, в чем нуждался Новгородский край — соль и хлеб. Рядки по Мсте типа Млевского рядка — это не столько ремесленные поселения, сколько места со строениями (постоянными и временными), предназначенными для торга в определенное время года. В Млевском рядке лавки были поставлены крестьянами, а торговали в них солью и другими припасами «приѣзжая с городов торговые люди», и т. п.

Как особый податной район Помостье засвидетельствовано летописным известием XII в.: в 1196 г. Ярослав, сидя в Торжке, брал дани «по всему Вьрху и Мъсте», т. е. по Бежицкому верху («верх» — верховья р. Мологи) и по реке Мсте[1]. Погосты по р. Мсте, согласно некоторым признакам, возникли раньше погостов в Бежицком верху: мы имеем в виду существование «Бежицкого ряда», возникшего, как и «Обонежский ряд», в процессе распространения, разрастания сети погостов. В известии об Ярославе, взимавшем из Торжка дани «по Вьрху и Мъсте», разумелась в первую очередь верхняя часть Мсты до оз. Мстино (ср. выражение грамоты Всеволода: «съ в с е г о Помостья»). Но в X в., вероятно, лучше была известна Мста до волока к Мологе, течение которой обозначено находками куфических монет.

В летописном рассказе о событиях начала XI в. новгородская знать выступает как самостоятельная сила. Социальное лицо этой знати, как феодальной, земледельческой, ярко рисуют летописные известия последующего времени. Ее интересы требовали укрепления аппарата принуждения, чтобы держать в узде зависимое и полузависимое население, создания значительного по территории политического объединения, способного обеспечить везде ее господствующее положение и защитить население от внешних нападений, требовали бо́льшей дани и добычи. Выше мы видели, что, по данным летописного источника, еще на заре новгородской истории в интересах местной знати было ликвидировать в своей среде междоусобия — когда восставал «род на род» — и создать аппарат принуждения, распространяя его действие на примыкавшую к Новгороду населенную территорию. Теперь в интересах местной знати было расширять территорию Новгорода, ему подвластную, иметь своего новгородского князя или посадника и в его лице — проводника и защитника своих интересов, наконец, если Киев служил тому помехой, если в Киев приходилось

---

[1] Новг. 1-я л. по Синод. сп.: «по всему Вьрху и Мъсте и за Волокомь възьма дань»; в Новг. 4-й л.: «въ всеи волости по Вѣрху, Мьстѣ и за Волокомъ»; в Соф. 1-й искажено: «по в е р х у М ь с т ы и за Волокомъ взя дань на смердѣхъ по своеи воли».

платить часть дани,— освободиться от киевского суверенитета или, на худой конец, достигнуть какого-либо компромиссного соглашения. Ярослав в некоторой степени отвечал новгородским требованиям. Кто такие были те новгородцы, которые посылали к Святославу просить себе князя, угрожая в противном случае «налѣзти князя собѣ», т. е. отыскать себе князя помимо Киева, те новгородцы, которые вели переговоры с Ярославом в 1016 г.? Это были, конечно, представители новгородской знати, руководители новгородской «тысящи», их летопись прямо называет «нарочитыми мужами» (Лавр. л., 1015 г.). Само собою разумеется, что это не наемные варяги; последних летопись прямо противопоставляет новгородской «тысяще». Это были представители «тысящи», названные Ярославом: «любимая и честная моя дружина»[1]. Пока он сидел в Новгороде при жизни отца, он втянулся, видимо, в новгородские интересы, стал как бы проводником их интересов. Из новгородских добавлений, сохранившихся и в «Повести временных лет», явствует, что Ярослав решился порвать с Киевом, отказался от уплаты в Киев дани, которая до того уплачивалась[2]. Только смерть Владимира предупредила столкновение отца с сыном: Владимир уже готовился к походу. Но почему новгородцы так быстро помирились с Ярославом (после столкновения из-за варягов), когда дело зашло о походе на Святополка? Почему они заставляли Ярослава и сами выражали желание биться со Святополком и Болеславом? Почему они поддержали Ярослава войском (в их распоряжении были также «старосты» и «смерды») и деньгами? Естественно предположить, что они боялись наместников Святополка в Новгороде и рассчитывали, что Ярослав пойдет навстречу их интересам.

Ряд различных данных подтверждает, что это было именно так, что Ярослав, заняв киевский стол, пошел навстречу интересам новгородской знати.

Во-первых, еще в первой половине XIII в. в Новгороде хранились «Ярославли грамоты», на которых целовали крест садившиеся в Новгороде князья; следовательно, это были грамоты, обеспечивавшие какие-то интересы Новгорода[3]. Во-вторых, заняв Киев, Ярослав дал новгородцам какую-то «правду» и, «уставъ списавъ», сказал им: «по сеи грамотѣ ходите, якоже писах вам, такоже дерьжите»[4]. В-третьих, по исследованию летописных текстов Шахматова, при Ярославе дань из Новгорода в Киев была снижена с 3000 гривен до 300[5]. В 1034 г., согласно новгородской летописи, Ярослав, прибыв в Новгород, «людем написа грамоту», сказав: «по сѣй грамотѣ дадите дань»[6]. Мы вправе, таким образом, ожидать, что

[1] Лавр. л., 1015 г.; Новг. 1-я л., 1016 г.

[2] Лавр. и Ипат. лл., 1014 г.

[3] Новг. 1-я л., 1228, 1229, 1230 гг.

[4] Академ. список Новг. 1-й л., 1016 г.

[5] А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 333.

[6] Соф. 1-я л., 1034 г. Показанный в Соф. 1-й летописи 1034 год подтверждается Ипатьевской летописью. См. также сведения о пребывании Ярослава в 1034 г. в древних сагах (см.: Е. Рыдзевская. Указ. соч.). Лаврентьевская и Новгородская 4-я летописи дают 1036 год. Следуя текстологическим показаниям, возможно предпочесть 1036 год.

с вокняжением Ярослава в Киеве и, особенно, с вокняжением его сына Владимира Ярославича в Новгороде в 1034 г. открылись благоприятные условия к росту новгородской территории, что в этом отношении Ярослав пошел навстречу интересам новгородской знати. Выше мы видели, что время княжения Владимира Ярославича надо считать переломным в истории образования новгородской «областной» территории.

К сожалению, мы не знаем, в каких отношениях стоял новгородский князь к Ладоге в X и первой трети XI в. Но у нас есть основание полагать, что Ладога более зависела от Киева, чем от Новгорода. Древние саги, как вы видели, называют Ладогу 997 г. землей Владимира Старого. В самой Ладоге существовало предание о том, что Рюрик сидел не в Новгороде, а в Ладоге. Следовательно, были какие-то основания у ладожан придавать Ладоге первенствующее значение в прошлом. Составитель редакции «Повести временных лет» 1114 г., сохранившейся в Ипатьевской летописи, ездивший на новгородский север и побывавший в Ладоге, дал веру ладожскому преданию. Мы не думаем, что предание о княжении Рюрика в Ладоге передавало бы историческую действительность, что Ладога когда-либо господствовала над Новгородом. Но наличие самого предания свидетельствует, что было время, и об этом времени помнили, когда Ладога более зависела от Киева, чем от Новгорода. К середине XI в. норманские источники перестают упоминать о Ладоге. А в начале XII в. мы видим Ладогу во власти новгородцев. Это дает нам основание полагать, что со смертью Эйлифа Ладожского власть новгородцев распространилась на Ладогу.

Вслед за Ладогой в непосредственное ведение Новгорода должна была отойти та территория, на которую распространялось влияние Ладоги. Территория эта состояла из приволховской территории, из ладожского наместничества, из приладожских земель, к которым принадлежала приладожская корела, обитавшая на Корельском перешейке, а также из земель, прилегавших к северо-западной, конечной части пути из «Варяг в Греки», т. е. из Ижорской земли, выходившей к нижней половине Невы и Финскому заливу, и из корельской стороны. Едва ли Ижорская земля и тем более Корелия непосредственно входили в состав ладожского наместничества, прилегавшего к Волхову. Мы видели, что коренная приволховская территория не доходила на северо-востоке до верхнего плеса р. Сяси и только, может быть, подходила или охватывала ее нижнее течение. На западе она едва ли выходила к устью Кобоны. Ладожский городенский погост, по писцовым книгам XV—XVI вв., действительно выходил к берегам Ладожского озера у устья Кобоны. Но, присматриваясь к его пределам, обнаруживаем, что он отрезал часть территории Лопцы, оставшейся совершенно оторванной от остальной части этой волости. Это показывает, что Ладожский городенский погост позднего происхождения, что Лопца древнее, что некогда она захватывала и устье Кобоны. Но очень вероятно, что Ладога в древности простирала свое влияние на Ижорскую землю и приладожскую Корелию. Основываемся на следующем. Во-первых, в самой Ладоге существовало предание что Ладога была первенствующим центром на севере. Во-вторых, ладожане издавна интересовались,

в корыстных, конечно, целях, иноязычным населением севера, и отличались предприимчивостью. Из рассказа летописца, побывавшего в Ладоге в 1114 г., видно, чем могли похвастаться ладожане, что занимало их внимание. И ладожский посадник Павел и «все ладожане» говорили ему о северных землях, о Югре и о Самояди. Они ссылались на «мужей старых», ходивших за Югру и Самоядь; по рассказам этих «старых мужей», в полунощных странах «спаде туча», и в той туче спадает на землю «вѣверица млада» (белка) и «расходится»; из другой спадают «оленци мали» и также расходятся: «сему же ми есть послух (свидетель) посадник Павел Ладожкыи и все ладожане»[1]. Ссылка на «старых мужей» ведет нас ко временам Ярослава и к середине XI в. Из древнесеверных скандинавских источников мы знаем, что уже тогда при Ярославе из Ладоги был известен путь в Биармию, т. е. к низовьям Сев. Двины через новгородское Заонежье, а также, быть может, к побережью Кольского полуострова[2]. Приладожский район особенно богат находками куфических монет и кладов с куфическими монетами IX, X и начала XI вв. Один большой клад был найден при устье р. Невы[3].

В северо-западной части пути «из Варяг в Греки» издревле требовалась работа по транспортированию товаров, как выяснил С. С. Гадзяцкий в работе по истории Ижорской земли[4]. Таким образом, у ладожан должны были установиться связи с местным населением, с их «старейшинами». В первой половине XIII в. в ведении «старейшины Ижорской земли» Пелгусия, принадлежащего к ижорскому племени (он жил «посредѣ роду своего погана суща»), была «стража морская» где-то близ устья Невы[5]. В третьих, неизвестно ни одного столкновения ижорцев с новгородцами; ничего неизвестно о тех временах, когда корелами не владели славяне, между тем о води знаем, что она еще в 1069 г. нападала на Новгород[6]. Таковы данные, хотя водь лежала ближе к Новгороду, чем корела, и не дальше, чем ижора, хотя есть признаки колонизации Водской земли словенами. Перед нападением с вожанами на Новгород Всеслав был изгнан из Полоцка и, следовательно, он пришел в Водь не «со всею Полотскою областью», а в лучшем случае с небольшим числом личных дружинников[7]. Очевидно, ни о каком принуждении вожан к нападению на Новгород не могло быть и речи. Корелов вместе с ладожанами видим в первой половине XII в. в составе новгородского войска[8]. Водь появляется в составе новгородского войска только со второй половины XIII в.[9]

---

[1] Ипат. л., 1114 г.

[2] Е. Рыдзевская. Указ. соч.; К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. «Зап. ист.-фил. факультета СПб. ун-та», 1906, т. XXIX.

[3] А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 30—34.

[4] С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земля Новгородского государства. «Историч. зап.», 1940, кн. 6, стр. 131.

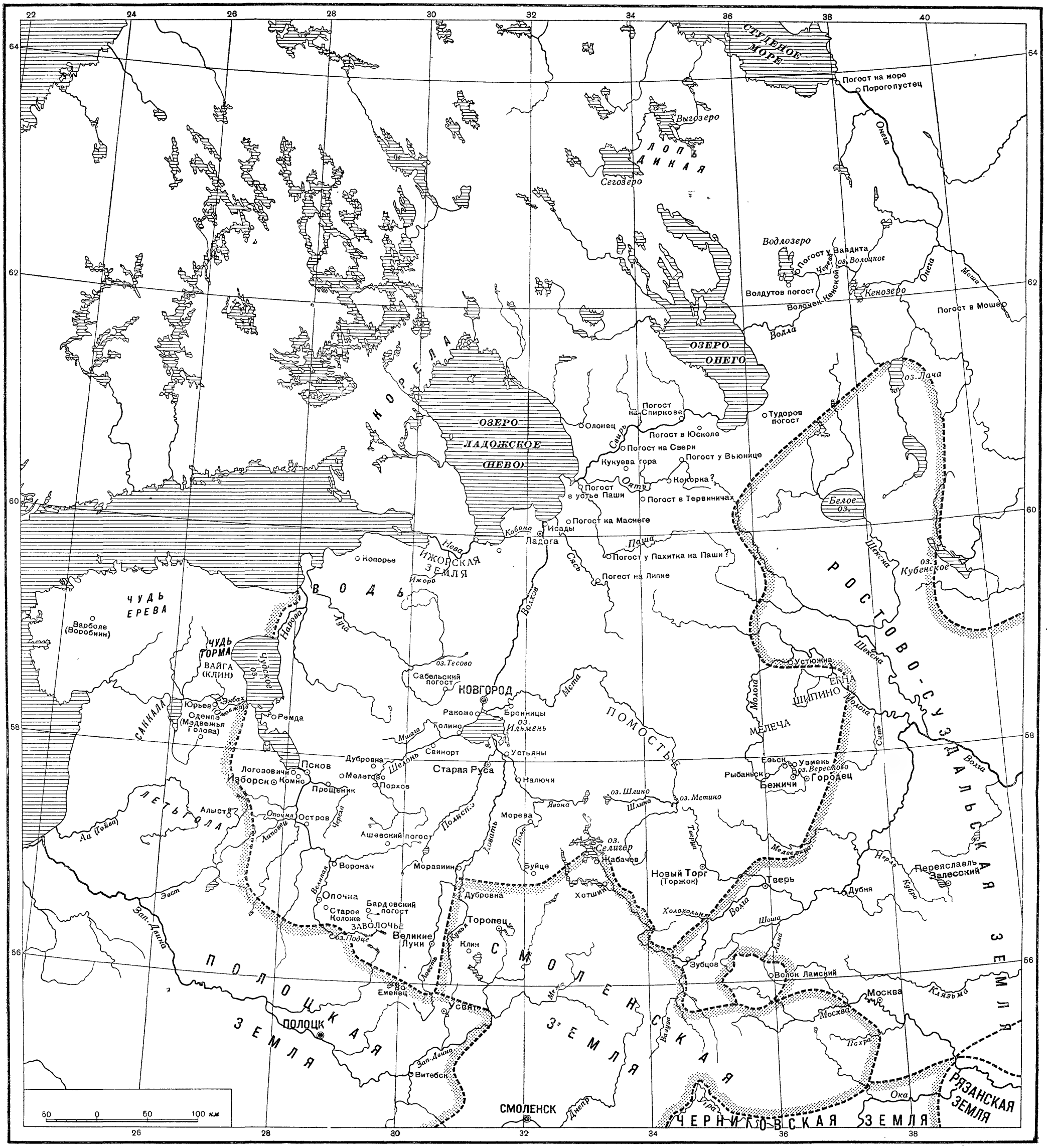
[5] Лавр. л., 1263 г.

[6] Новг. 1-я л., Синод. сп., 1069 г.

[7] Ипат. и Лавр. лл., 1069 г.

[8] Ипат. л., 1148 г. Корела вместе с псковичами и ладожанами ходила с новгородцами на Суздальскую землю.

[9] Новг. 1-я л., 1270 г.



Новгородская земля. Основная часть. Граница — второй половины XII — начала XIII в.; показана схематически.

А. П. Пасонов

Наконец, заметим, что источники не хранят никаких признаков существования в Водской земле местных властей, местных «старейшин» как вассалов Новгорода. Центром Водской земли было Копорье, сначала «погост», потом, с XIII в., «город», крепость. Ни торгово-ремесленного, ни торгово-промышленного значения оно не имело даже в конце XV в., в эпоху экономического развития русских городов, хотя лежало тогда в центре железоделательного района [1]. Оно сохраняло только военно-административное значение. Разделение Копорья на две половины С. С. Годзяцкий относил к XIII в. и связывал с деятельностью князя Дмитрия Александровича. Но мы не находим никаких признаков существования «копорских» князей и двух половин в Копорье ранее XIV в., до Патрикия и Норимонта. Норимонт и впоследствии сын его Патрикий получили только «пол»Копорья вместе с другими городами Новгородской «области», очевидно потому, что новгородцы не считали край надежным. На другой половине Копорья они держали русских «мужей» или «князей» (ср. о князьях «копорейских», об Иване Копорском под 6894 и 6902 гг.). О таком «муже», Федоре Васильевиче, сообщает Новгородская 1-я летопись под 1338 г.: в отсутствие Норимонта «копорьянѣ» с Федором Васильевичем побили немцев, пытавшихся итти на Водскую землю из Толдоги: «и убиша ту Михѣя Копорьянѣна, мужа добра, а под Федоромь конь раниша» (Новг. 1-я л.).

С заключением Судислава в «поруб» в 1036 г. Псковская земля должна была окончательно войти в состав Новгородской «области». Подтверждением тому, что новгородцы стали господствовать над Псковской землей не с начала XII в., а раньше, служат следующие данные. В 1060 г. новгородцы защищали псковичей от сосол [2]; в том же году или раньше (в 1054 г.) новгородский посадник Остромир ходил на чудь и пал в битве с нею[3]. Есть сведения, что Всеслав Полоцкий нападал на Псков и что Мстислав Изяславович Новгородский был разбит на Черехе[4].

---

[1] С этой точки зрения любопытно сравнить Копорье с г. Ямой, городом более поздним по своему происхождению. В Копорье в конце XV в. тоже был и «город» в узком смысле слова и «посад», но на посаде всего навсего 16 дворов, притом из них два двора принадлежали людям, отнесенным к категории «воротников и сторожей городных», двор тиуна, двор пищальника, двор дьяка, двор казака, двор скомороха, двор «строя». Из остальных восьми дворохозяев один помечен колпачником, другой седельником (профессию седельника не встречаем в деревнях и селах Вотской пятины). Внутри «города», кроме двора наместника, великокняжеского двора и пустого двора Гаврилы Белосельского, четыре двора «воротников и сторожей городовых». Такой состав едва ли оправдывает мнение, что г. Копорье был в экономическом смысле городом, т. е. сколько-нибудь значительным ремесленным и торговым центром. К тому же писцовая книга не упоминает ни одного кузнеца, хотя Копорье лежало в центре территории распространения железоделательной промышленности. Другое дело — г. Яма; в нем, по «старому письму» числилось 209 дворов на посаде, причем писцовая книга упоминает 23 человека (семейств) ремесленников в 21 дворе.

[2] Новг. 1-я, Новг. 4-я и Соф. 1-я лл., 1060 г.

[3] Соф. 1-я и Новг. 4-я лл., 1054 г. Ср.: А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 627.

[4] Псковск. 2-я, Ипат. лл., 1065 г.; см. также статью «А се князи Великого Новагорода», предшествующую в рукописи летописному тексту Комиссионного списка Новгородской 1-й летописи.

С переходом Пскова в руки новгородцев к Новгороду должно было перейти политическое наследие киевских князей на северо-западе: борьба на чудской территории. Еще в 1060 г. киевский князь Изяслав ходил походом на сосол и возложил на них дань в размере 2000 гривен серебра. Таким образом, за псковский рубеж ходили и киевский князь и новгородцы. За время с 70-х годов XI в. до начала XII в. сведений не имеем. С начала XII в., с 1111 г., летопись отмечает ряд походов на чудь из Новгорода. Эти известия свидетельствуют, что борьба на чудской территории всецело перешла в руки новгородцев. Сведения об этой борьбе обнаруживают, что с новгородцами ходили и псковичи. Новгородские летописи, рассказывая о походах, упоминают только новгородского князя Мстислава Владимировича и «новгородцев». Но Ипатьевская летопись, сохранившая упоминание о походе 1116 г., говорит, что Мстислав Владимирович ходил на Чудь, «с новгородци и со п ь с к о в и ч и». Следовательно, и в других походах (1111, 1113 гг.) участие псковичей с новгородцами и новгородским князем вероятно. Нет сомнения, что походы были связаны с установлением данничества. Известие 1116 г. передает о «погостах» в районе Оденпэ. Летописный текст говорит скорее о селениях, чем о территории («без числа взяша»). К сожалению, мы не знаем, имели ли они на Чудской земле финансово-административное значение. В Псковской земле погосты были, но, сколько нам известно, не в значении центров податной т е р р и т о р и и. Захватив Медвежью голову (Оденпэ), новгородцы и псковичи в 1116 г. «погост бе-щисла взяша, и възвратишася въсвояси с многомъ полномъ»[1]. Подобный же характер носила и экспедиция 1130 г., когда новгородский князь Всеволод с новгородцами ходил на чудь «и хоромы пожьже, а жены и дети приведе домовь»[2]. Из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей видно, что дело шло о том, чтобы принудить чудь к данничеству: «и дань на нь възложиша». Таким образом, дань и добыча служили главной целью походов. Так, в 1179 г. Мстислав Ростиславич предпринял большой поход на чудь на Очелу с 20 тыс. новгородцев, воюя «по всеи землѣ» Чудской и, «ополонившись» челядью и скотом, вернулся[3]. В 1176 г. «вся Чудская земля» ходила на Псков, и поход 1179 г. носил характер карательной экспедиции[4]. Нет сомнения, притом, что и в последующих походах дело шло об установлении данничества, о том, чтобы принудить чудские племена, плохо повиновавшиеся, платить новгородцам дань. Так, в 1212 г. Мстислав взял Медвежью голову и «поклонишася Чюдь князю, и дань на них възя»[5]; В 1214 г. Мстислав разрушал села и стал под «городом» Воробиином, и чудь «поклонишася ему, и Мьстислав же князь

---

[1] Ипат. л., 1116 г. В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского читаем пояснение термина Медвежья голова: «сошлись у замка Оденпэ, что значит «Голова медведя» («Хроника Ливонии», перев. С. А. Аннинского, 1938, стр. 108).

[2] Новг. 1-я л., 1130 г.

[3] Ипат. л., 1178, г.; Новг. 4-я л., 1179 г.

[4] Новг. 1-я л., 1176 г.

[5] Новг. 1-я и 4-я лл., 1212 г. По Генриху Латвийскому, русские взяли четыреста марок ногат (см. «Хроника Ливонии», стр. 117).

взя на них дань». Воробиин — это замок Варболэ у нынешней деревни Варбьяла. Большая часть дани («двѣ чясти дани») пошла новгородцам, а «третьюю чясть» Мстислав дал «дворяном», т. е. княжим людям [1].

Следя за походами с середины XI до начала XIII в., мы видим, что они обусловливались не столько распространением данничества на новые и новые земли за псковским рубежом, сколько сопротивлением эстонских племен, неустойчивостью, непрочностью даннических отношений. Сосолы, под которыми, возможно, следует разуметь саккала, обитавших западнее Юрьева, в известиях о новгородских походах не упоминаются [2]. Территория, на которую в XII и начале XIII в. новгородцы смотрели как на территорию с населением, обязанным платить им дань, простиралась на запад от озера Пейпус (Чудское) до района Варболэ включительно, захватывая чудь Ереву и доходя до моря, и тянулась с севера на юг широкой полосой к западу от озера Пейпус и Псковского озера, включая места обитания чуди Очелы, чуди Тормы, район Юрьева и, наконец, Угаунию, где лежал г. Оденпэ (Медвежья голова).

Итак, с переходом Пскова в руки новгородцев границы Новгородской «области» подошли к землям, обитаемым племенами эстонской чуди и лэтигаллов. На территории эстонской чуди новгородцы стремились установить даннические отношения. Но отношения эти не были прочны, устойчивы, и в источниках не находим указаний на то, что земли эстонской чуди считались в составе Новгородской «области», подобно Ижоре, Кореле, Ладоге, Пскову и т. п.

Несколько иначе, кажется, складывались отношения с лэтигаллами. Часть территории, населенной лэтигаллами, повидимому, вошла в состав Новгородской «области». Составитель «Повести временных лет» знал «Лѣтьголу», знал он и «Заволочьскую Чудь». Он называет их в числе народов, сидящих в Афетовой части. Но ни летьголу, ни заволоцкую чудь он почему-то не упомянул в числе народов, платящих дань Руси (выше мы видели, что в понятии «Русь» автор «Повести временных лет» объединял восточно-славянские племена, живущие в пределах нашей страны). Может быть, они совсем не платили дань? Но относительно заволоцкой чуди мы знаем достоверно, что она не только платила дань, но уже в первой трети XII в. в Заволочье среди иноязычного населения раскинулась сеть погостов. Как же обстояло дело с летьгалой? Под 1242 г. в Новгородской 1-й летописи записано, что немцы возвращали новгородцам «Водь, Лугу, Пльсков (Псков), Лотыголу». Ясно, что если не вся, что какая-то часть территории, населенной «латыголой» или «летьголой», считалась в составе новгородских владений. Некоторые историко-географические наблюдения поясняют сказанное. Оказывается, что река Опочна, приток Липовца, притока р. Великой, протекала «в Латыголе»; село «в Латыголѣ» «на Опочнѣ» упомянуто под 1341 г. в новгородских и псковских летописях[3].

---

[1] Новг. 1-я л., 1214 г. По Генриху Латвийскому, осажденные обещали дать «семь сот марок ногат» («Хроника Ливонии», стр. 138, 288,).

[2] О местожительстве саккала см. «Хронику Ливонии», стр. 277.

[3] Новг. 4-я, Соф. 1-я, Псковск. 2-я лл., 1341 г.

Если мы взглянем на карту, то обнаружим, что Латыгола на Опочне близко подходила к р. Великой что севернее и северо-восточнее ее были псковские поселения. Подтверждение тому находим и в карте распространения «жальников» — погребений, свойственных новгородско-псковскому населению [1].

Вместе с тем известно, что псковичи брали также дань с латгаллов, обитавших западнее, в Толове. Об этом не раз показывает «Хроника» Генриха Латвийского. Об этом свидетельствует и псковская летопись, сообщающая под 1284 г., что немцы избили «псковичь на дани у Алысту, 40 мужь». Это была область в Прибалтике с «наиболее прочным русским политическим влиянием». Генрих Латвийский не раз подчеркивает, что латгаллы Половы приняли веру от псковичей. Кроме того, население, жившее южнее, к северу от Зап. Двины, платило, очевидно, дань Полоцку (см. ниже). К сожалению, мы не знаем, с какого времени псковичи стали собирать дань среди латгаллов [2].

С распространением власти новгородцев на Псков в состав Новгородской «области» вошла также территория по р. Великой. Мы не знаем точно, как далеко на юг простиралась эта территория во второй половине XI в. Псковские летописные записи начинаются только с 1238 г., причем текст за XIII в. и первые десятилетия XIV в. дошел до нас в сокращенном виде. Подробные сведения сохранились только начиная с 1323 г. И уже из известий 30—40-х годов XIV в. мы узнаем о г. Острове, где в 1341 г. посадником был («опять») Василий Онисимович, и о г. Опочка, названном под 1330 г. «городком» [3]. Надо считать недоразумением утверждение Л. И. Софийского, автора специальной монографии об Опочке (1912 г.), что Опочка возникла с перенесением Коложа на новое место в 1412—1414 гг., что это новое Коложе и есть Опочка [4]. Во-первых, Опочка была крепостью, как мы видели, еще в первой половине XIV в. и, во-вторых, после 1412—1414 гг. существовали, по некоторым признакам, старое и новое Коложе. Под 1426 г. в Псковской 2-й летописи упоминается озеро Камень «за старым Коложем», следовательно, было и новое Коложе. Софийский опирался на известие Псковской 2-й летописи под 1414 г. о том, что псковичи поставили «град Коложе на новом мѣстѣ на Опочкѣ». Но выражение «на Опочкѣ» означало, очевидно, не «в поселении Опочке», а «в волости Опочке» (ср. выражение «в Русе»). Другой записью надо считать известие Псковской 1-й летописи под тем же годом о том, что псковичи поставили «город Опочку над Великою рѣкою» (Арх. сп.) или «город над Великою рѣкою, и нарекоша имя ему Опочка» (Тих. сп.) или (Псковск. 3-я л.) «город на

---

[1] См. Н. И. Репников. Жальники Новгородской земли («Изв. ГАИМК», 1931, т. IX, вып. 5).

[2] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Коммент. С. А. Анфилского; см. примеч. 71 и 268; Ф. Кейслер. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII в. СПб., 1900, стр. 39—55.

[3] См. Псковск. л., 1341 г. (ПСРЛ, т. IV). Ныне Опочка — районный центр Великолукской области.

[4] Л. И. Софийский. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912, стр. 14.

Опочкѣ над Великою рѣкою». Эта запись сообщала о построении нового укрепления в г. Опочке. Незадолго до перенесения г. Коложе на новое место, в 1406 г., он был захвачен Витовтом, и повоевана «Коложская волость». Где же находились старое Коложе и новое Коложе? Так как за старым Коложем, согласно летописи, лежало оз. Камень, то ясно, что старое Коложе находилось между оз. Коложе и оз. Камень. Между оз. Камень и оз. Коложе находится «Мокрая», или «Екатерининская», гора, которая, судя по внешнему виду и местным преданиям, была «древним укрепленным пунктом»[1]. Следами нового Коложе являются остатки древних укреплений, «городище», лежащее на горке к западу от оз. Коложе на р. Кудке, притоке р. Великой. Здесь «близ правой стороны транспортной дороги из Опочки в г. Новорожев», мы найдем по «Списку населенных мест Псковской губернии» под № 7871 деревню Городище, лежащую «при речке Кудке» в 15 км от г. Опочки — ныне районного центра Великолукской области. Таким образом, новое Коложе лежало «на новом месте», но не на р. Великой, а на ее притоке, в Опочской волости.

По данным XIV и начала XV вв. (нападение Ольгреда, нападение Витовта), можно предполагать, что Опочка и старое Коложе как крепости были построены для защиты от нападений Литвы, когда Литва значительно усилилась во второй половине XIII в. Но сама местность тянула к Пскову, вероятно, и раньше — и в XII и во второй половине XI в. Мы знаем, что район Коложе на рубеже XIV—XV вв. был густо заселен. Так, Витовт, взяв «город» Коложе и повоевав волости, угнал отсюда 11 тыс. пленных, «прочь сѣченых»[2]. Равным образом, известие Новгородской 1-й летописи под 1346 г. о том, что Ольгред взял «окуп» с Опок и с «Порховского городка», показывает, что район Опочки был заселен. Территория распространения жальников, погребений новгородско-псковского населения XII—XV вв., захватывает верхнее течение р. Великой и ее притоков Кудки и Иссы, преимущественно Опочко-Коложенский район[3]. С юга подходила область распространения полоцкого данничества.

Столкновения территориальных интересов Полоцка и Новгорода начались раньше, до распространения власти новгородцев на Псковскую землю и, следовательно, не в этих краях, а где-то в другом месте. Верховья Ловати, верхнее течение Зап. Двины и междуречье Ловати и Двины с волоками были, конечно, издревле заселены; эти места были особенно привлекательны с точки зрения интересов данничества, так как лежали на узле важнейших путей — пути «из Варяг в Греки» (Днепр — Двина — Ловать — Волхов) и пути по Зап. Двине на восток. Равным образом они не могли не интересовать и киевского князя, так как были расположены на основной магистрали, связывавшей Киев с Новгородом. В 1021 г. Брячислав Полоцкий напал на Новгород. Как видно из летописного известия, он не имел в виду оставаться в городе, обосноваться в нем; он награбил имущество новгородцев, «полон» и скот и пошел обратно к Полоцку; Ярослав

---

[1] Л. И. Софийский. Указ. соч., стр. 8.

[2] Псковск. л., 1406 г.

[3] Н. И. Репников. Указ. соч.

захватил его уже на обратном пути[1]. Побудительной причиной похода было, таким образом, не желание сесть в Новгороде, а иные домогательства, хотя Длугош говорит, что Всеслав будто бы «назначил там своих наместников». Эти домогательства выясняются из дальнейшего летописного рассказа. Ярослав вызвал Брячислава на переговоры и дал ему «два города» — Усвят и Витебск. Усвят лежал в междуречье Ловати и Двины; северо-западнее Усвята расположен Еменец, бывший, как видно из летописного сообщения под 1185 г., пограничным с новгородской территорией полоцким селением[2]. Смоленская территория не переходила за реки Кунью и Ловать и вместе с тем уже в середине XII в. распространилась далеко севернее новгородских Великих Лук на верхней Ловати, доходя до Дубровны на Кунье и Жабачева близ оз. Селигера[3]. Надо полагать, таким образом, что район Великих Лук во второй половине XI в. считался новгородским и у верховьев Ловати и в междуречье Ловати и Двины очень рано столкнулись интересы Новгорода и Полоцка. Летописный рассказ ставит в связь уступку Брячиславу Усвята и Витебска с походом на Новгород. Витебском мог интересоваться еще только Смоленск, так как позже он служил причиной раздора между Полоцком и Смоленском. На Новгород Брячислав мог итти Ловатью, как позже ходила в Новгородскую «середу» Литва, но возвращался он во всяком случае не Ловатью, а Шелонью, опасаясь, вероятно, встречи с Ярославом; от Шелони он пошел ее южным притоком Судомой (где был настигнут Ярославом) и, следовательно, держал путь через Пусторжевскую волость. Заметим, что от Судомы на юг в XVIII в. проходила главная почтовая дорога (Новгород — Порхов — Великие Луки) через Ашево — древний Ашевский погост Пусторжевской волости[4].

С распространением власти новгородцев на Псков отношения между Полоцком и Новгородом должны были еще более осложниться. Дело заключалось не только в псковской территории. К северо-западу от верхней Ловати начиналась обширная территория, простиравшаяся к югу от рек Полисти и Судомы и доходившая до так называемого «Заволочья» (расположенного южнее Бардовского погоста). Эта обширная территория должна была быть теперь, с распространением власти новгородцев на Псков, освоена новгородцами в отношении данничества. Получаем ряд данных, подтверждающих, что территория эта была освоена позже территории по Шелоне и Полисти. Во-первых, территория эта составляла особое целое в податном отношении. Во-вторых, она не подходила к новгородской «середе», к Новгороду, а прилегала к верховьям рек Полисти и Судомы, составляя как бы наращение к полистенской и шелонской территориям. Когда же были учреждены на ней погосты? Дань с Ошевского (Ашевского) и Бардовского погостов, по данным XV в., составляла

---

[1] См. Лавр., Ипат., Новг. 1-я и 4-я лл., 1021 г.

[2] Новг. 1-я л., 1185 г. Село Усвяты ныне — районный центр Великолукской области.

[3] См. Уставную грамоту Ростислава Смоленского и нашу карту, № 8.

[4] См. «Указатель дорог Российской империи». СПб., 1804, ч. I—II. Пос. Ашево — вост.-сев.-восточнее Новоржева по данным 1940 г.

вместе «дань ржовскую»[1]. На заселенность Бардовского погоста коренным новгородским населением указывает ряд жальников, обнаруженных по р. Шести с предметами XIII—XIV вв.[2] В первой половине XI в. в землю эту наезжали славяно-руссы. Любопытно, что два наиболее выдающихся по богатству клада с монетами найдены: один близ Великих Лук, другой в Ржевской области, в Туровской «трети» Ошевского погоста. Здесь (в б. Новоржевском уезде, в Туровской волости, в д. Демшина) был найден клад, состоящий из 5921 целой монеты и 821 ломаных. Большинство их оказалось англо-саксонскими, германскими и другими европейскими XI в., а остальные — диргемы, битые между 893—1013 г. н. э.[3]. В том же кладе XI в. оказалась еще великолепная серебряная пряжка и серьга с массивной подвеской[4]. С присоединением к составу Новгородской территории Псковской земли обширная Ржевская, или Пусторжевская, волость оказалась как бы охваченной с юго-востока территорией по верховью Ловати, а с юго-запада — территорией по р. Великой. Освоение новгородцами пусторжевской территории было делом неизбежным. Получаем ряд данных, подтверждающих, что установление погостов в Пусторжевской волости относится к ранним временам и что мы вправе относить его ко второй половине XI в. Во-первых, «ржовская дань» как податная единица сложилась очень рано. На ее территории видим наслоения разных податных делений (погост, треть, губа). Древнейшая из них — погост; «ржовская дань» состоит из дани с двух погостов. Затем — трети; деление на трети охватывало оба погоста. Что же касается деления на губы, то мы не имеем указаний, что оно охватывало оба погоста. В дошедшей до нас грамоте это деление охватывает только Ошевский погост[5]. Поэтому вероятно, что в первоначальном виде территория «ржовской дани» не знала деления на губы. Во-вторых, когда устанавливались здесь погосты, земля эта была слабо заселена, о чем свидетельствуют размеры погостов. Пропорциональное отношение между заселенностью края и величиной погостов будет нами показано ниже. Новые податные деления могли появиться отчасти по мере заселения «области».

Конкурентом Новгорода мог быть в этих местах только Полоцк. В 60-х годах возобновляются нападения полоцкого князя на Новгородскую территорию, причем на этот раз — на Псков (1065 г.) и на Новгород (1066—1067 гг.). Место, где был разбит Мстислав Изяславич Новгородский (на Черехе) свидетельствует о том, что Всеслав Полоцкий шел с юго-востока на Псков, т. е. всего вернее через Пусторжевскую волость. Вскоре он напал и на Новгород, разграбил его, сжег и увел в плен население, из-под города было угнано население целого погоста, т. е. района. Опасность со стороны выраставшей Полоцкой «области»-княжения должна была побудить новгородцев укрепить южные пути к Новгороду. Таково, вероятно,

---

[1] См. «Дань Ржовская». «Сборник Муханова», М., 1856, № 29. По карте Калининской обл. 1940 г. с Бардово лежит восточнее г. Опочки.

[2] Н. И. Репников. Указ. соч.

[3] А. Марков. Указ. соч., № 212; ср. 203.

[4] «Зап. имп. Русск. археол. об-ва», 1897, т. IX, стр. 255.

[5] См. «Ржовская дань».

происхождение Великих Лук как крепости. Первое известие о «городе» Великие Луки относится к 1167 г., но думаем, что он возник значительно раньше[1]. Борьба с Полоцком, продолжавшаяся в XII в., общая граница, простиравшаяся от верхнего течения р. Великой до верхнего течения р. Ловати, связывали Великие Луки с Псковом. Общая опасность со стороны полоцкого порубежья определила традиционную связь Великих Лук с Псковом, которую источники позволяют наблюдать со второй половины XII в. Ее укрепила затем общая опасность со стороны Литвы. Чтобы не быть голословным, обратимся к фактам. Нападение Всеслава Полоцкого на Новгород в 1066 —1067 гг., когда он увел в плен население целого района, по свидетельству летописей, выдвигалось как основание для похода на Полоцк в 1180 г.[2]. В 1167 г. князья Роман Смоленский и Мстислав Полоцкий осаждали Великие Луки[3]. В 1168 г. лучане, очевидно, принимали участие в походе новгородцев на Полоцк; вместе с новгородцами ходили тогда на Полоцк и псковичи[4]. Близ Великих Лук лежала деревня Полочанова, очевидно, такого же происхождения, как и деревня Латыгорева (?), т. е. возникла она из поселения пленных: на латыголу из Великих Лук (очевидно, через Псковскую землю и, вероятно, в помощь псковичам) ходил в 1200 г. лучский «воевода» Нездила Пехчинич и привел пленных («а жены и дѣти поимаша»)[5]. Связи с Псковом установились, конечно не в 1168 г., а в предыдущие времена, что обнаруживается событиями 1167 г. Когда Мстислав Полоцкий и Роман Смоленский осаждали Великие Луки, лучане частью отсиделись в «городе», частью бежали. Они бежали не вниз по Ловати, под защиту Новгорода, а в Псков, хотя Псковская земля была отделена от Великих Лук территорией Ржевской (Пусторжевской) волости[6].

Итак, во второй половине XI в. начали определяться рубежи Новгородской «области» на юге; предел распространению новгородского владения здесь был положен встречным движением со стороны Полоцка и Смоленска. Новгородская «область» охватывала верхнее течение р. Великой и верховья р. Ловати, а в промежутке, на территории, соединявшей Псковскую землю с великолукской территорией, распространилась новгородская дань и образовалось новое территориальное наращение к шелонско-полистенским землям, составлявшее до конца XV в. особую в податном отношении территорию. Общая опасность со стороны полоцкого

---

[1] Ипат. л., 1168 г.

[2] Новг. 4-я л., 1180 г.; Ипат. л., 1178 г.

[3] Новг. 1-я л., 1167 г.

[4] Там же, 1168 г.

[5] Список населенных мест Псковской губернии, № 3533; М. Семевский. Великие Луки. 1857, стр. 5 (данные М. Семевского требуют проверки); Новг. 1-я л., 1200 г. Подобного же происхождения г. Желды на юге, на р. Суле. Он был «срублен» князем Ярополком и населен дручанами, плененными Ярополком в 1116 г. при взятии им Друтска, «на щит», и пригнанными на юг (см. Ипат. л., 1116 г.). Ср. образование Витовтом поселения под нынешним г. Гродно из плененных в 1405 г. обитателей псковского г. Коложе (о нем см.: Иконников. Опыт русской историографии, т. II, вып. 2, стр. 1539).

[6] Новг. 1-я л., 1167 г.

порубежья, а затем Литвы объединяла фланги этого рубежа в военном отношении. Недаром в 1211 г. после военных приготовлений и, очевидно, в связи с ними (поставление нового «города») в Великие Луки был назначен Владимир «Плесковский», о котором мы знаем, что в 1213 г. («в то время») псковичи его «изгнали... от себе» (Новг. 1-я л.). Позже, в 1216—1217 гг., мы видим его снова в Пскове, а еще позже, в 1225 г., он развивает деятельность на юге и выступает против Литвы с «новоторжцами»[1]. Быть может, в этот период в новоторжских волостях было введено деление на губы. Оно могло притти из Пскова: в Псковской земле не было погостов в территориальном значении, и их заменяли губы. Кроме Псковской земли и новоторжских волостей следы существования губ мы находим только в Ашевском погосте, во Влицкой трети Пусторжевской волости[2].

Выше мы говорили, что во второй половине XI в. новгородские владения должны были соприкасаться со смоленскими в районе верхней Ловати (по р. Кунье) и что со временем, до середины XII в., смоленская территория распространилась до оз. Селигера. Судя по тому, что в грамоте Ростислава Смоленского 1151 г. упомянут Хотшин, лежавший при оз. Волго, и Жабачев, расположенный на берегу оз. Селигера, и что в начале XII в., согласно грамоте Мстислава Юрьеву монастырю 1130 г., новгородская дань распространялась на волость Буйце, приходится думать, что новгородские владения пришли в соприкосновение со смоленскими между Ловатью и верховьями Волги[3].

К востоку от оз. Селигера, верхней Волги и р. Вазузы новгородские владения далеко зашли на юг. Селигерский путь, выходивший на Демянскую дорогу, был захвачен Смоленском[4]. По нему ходили из Новгорода и в Смоленск и в Суздальскую землю[5]. Но смоленская территория не переходила далеко за Волгу и за нижнее течение Вазузы. Междуречье верхней Волги и р. Тверцы было во второй половине XI в., вероятно, очень мало заселено, судя по тому, что малозаселенной была даже юго-восточная часть Деревской пятины и что междуречье это оставалось малозаселенным и позже. Некоторое население, вероятно, можно было встретить по течению Волги. Но без сомнения территория на водоразделе между Ламою,

---

[1] Новг. 1-я и 4-я лл.

[2] О псковских губах см.: «Подлинную писцовую книгу», № 335; «Сб. арх. Мин. юст.», вып. 5; Псковскую летопись под 1471 г.; ААЭ, т. III, стр. 189—190. О псковских засадах и губах см. также: Н. Суворов. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. («Журн. Мин. нар. просв.», декабрь, 1905). О новоторжских губах см. договорную грамоту вел. кн. Ивана Вас. с Новгородом 1456 г. (в изданиях Шахматова), ААЭ, т. I, стр. 113; т. III, стр. 253. О губах в Новоржевской волости см. «Ржовскую дань».

[3] Грамоту Ростислава Смоленского см. у Голубовского. О Буйце см.: И. И. Срезневский. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю («Изв. имп. Акад. Наук по Отд. русск. языка и слов.», 1860, т. VIII, вып. V). По карте Калининской области 1940 г. сел. Хотошино расположено у оз. Волго, к югу от г. Осташкова.

[4] См. о Ржеве Мстислава Воскр. л., 1216 г.

[5] Новг. 4-я л., 6707, 6724 гг.

Лобью, Шешею и Держею, с одной стороны, и Истрою и Рузою, с другой, и по верхним частям этих рек и их притоков была заселенной с прилегавшими по ней волоками. Отсутствие жальников и наличие курганов типа смоленских кривичей и владимирского типа свидетельствуют о том, что в основной массе своей ее население не было пришлым из Новгородского края[1]. И тем не менее очень рано, в XI или в начале XII в. здесь стала складываться новгородская «власть», охватившая впоследствии названную территорию.

В первой половине XII в. источники называют здесь новгородское поселение Волок на Ламе, лежавшее на пути из Новгорода в Ростовскую «область» (Лав. л., 1135 г.), укрепленное новгородцами, как явствует из известия 1178 г. (сжигают «город» и «жито») (Лавр., Воскр. лл.)[2]. В конце XI в. ростовская дань, как мы точно знаем, простиралась до р. Медведицы (Лавр. л., 1096 г.). Из летописного рассказа под 1149 г. видно, что ростовские укрепления и села лежали по Волге между устьем Медведицы и устьем Мологи (Воскр. л.). Кому принадлежало течение Волги между устьем Медведицы и устьем Вазузы в первой половине XII в., мы не знаем. По известию 1135 г., новгородцы, двигаясь по направлению к Ростову, воротились, «дошедше Волгы» (Воскр. л.); по Новгородской 1-й летописи, они воротились «на Дубнѣ опять», а Изяслав «оста на Волоцѣ Ламьскомъ» (Воскр. л.). Затем они пошли с Волги к Переяславлю и на «Ждане горе», на р. Кубре, притоке Нерли, ростовцы в том же году разбили новгородцев, пытавшихся воспользоваться отсутствием в Ростово-Суздальской земле князя. Но не подлежит сомнению, что в течение второй половины XII в. этот район Волги был уже частью захвачен владимирскими князьями, ибо в начале XIII в. летописи называют крепости Зубцов и Тверь, построенную в XII—XIII вв.. Этими успехами Ростово-Суздальская «область» была обязана едва ли не владимирским князьям Всеволоду и Ярославу, в состав владений которого вслед за Переяславлем-Залесским (с 1206 г.) вошла и Тверь (Воскр. л., 1215 г.).

Новгородскую территорию по р. Тверце нужно считать приращением к Помостью. В 1147 г. Юрий, по Ипатьевской летописи, «Новый Торг и Мьсту всю взя»; эта территория, по летописному рассказу, принадлежала к «новгорочской волости». Здесь на Тверце в XI в. возникло новгородское поселение Новый Торг, ставшее «городом» (см., например, под 1178 г.; Новг. 1-я л., 1139 г.) и получившее большое значение в качестве пограничного новгородского центра, лежавшего на важнейшем пути из Ростово-Суздальской земли и с населением, в составе которого видим землевладельцев («села их потрати»; Новг. 1-я л., 1167 г.). Судя по известию 1216 г. путь от «Холохны» до Торжка пролегал через

---

[1] «Зап. имп. Русск. археол. об-ва», 1899, т. XI, новая серия, кн. 4, стр. 202; Н. И. Репников. Указ соч.

[2] Первоначально город стоял на самой реке Ламе (см. П. Семенов. Словарь, т. I). В «Волоколамском патерике» сообщается о поселениях, лежавших по обе стороны р. Ламы (А. Кадлубовский, Очерки по истории древне-русской литературы житий святых. Варшава, 1902 г., стр. 130). Ныне Волоколамск — районный центр Московской области.

«новгородскую волость» (Воскр. л.). В XV в. Жалинская губа Новоторжского уезда захватывала течение р. Холохольни (с. Гавшино)[1].

Северо-восточнее Торжка, начиная от верховьев Мологи до района р. Званки, тянулся ряд порубежных новгородских волостей: Бежицы, Городец, Палич, Мелеча, Шипино, Егна. Бежичи и Городец входили в состав «Бежицкого ряда» согласно приписке к Грамоте Святослава 1137 г. Так как при нанесении на карту поселений «Бежицкого ряда» выясняется, что «Бежицкий ряд» занимал сравнительно небольшую территорию по верхнему течению Мологи и так как он представлял собою особый судебно-податной округ, надо думать, что под Бежицким верхом (т. е. верхом Мологи), упомянутым в летописи под 1196 г. в качестве податного района, разумелась тогда территория «Бежицкого ряда». На его территории лежали Бежичи, где взималось 6 гривен 8 кун,— погост Бежецы при оз. Верестове и р. Мологе, в 10 км от Городецка [2]; Городецк, где взималось 4 с половиной гривны — нынешний город Бежецк, районный центр Калининской области; Змень, где взималось 5 гривен,— погост Узмень, при р. Мологе и оз. Верестове, в 18 км от Городецка[3]; Езьск, где взималось 4 гривны и 8 кун,— с. Еськo, или Еськи Бежецкого района при рр. Мологе и Осени и близ оз. Верестова, в 25 км от Городецка[4]; Рыбаньск, где взималась «гривна волжьская» — с. Рыбинское Максатихинского района Калининской области при р. Мологе, в 42 км от г. Бежецка[5], впоследствии оказавшийся в пределах Бежецкой пятины[6]; Изьск («вы Изьскѣ»), местоположение которого мне не известно.

Территория «Бежицкого ряда» по составу населения принадлежала к исконным новгородским землям. Но образование «Бежицкого ряда» имело место едва ли ранее XI в. Это была сравнительно далеко лежавшая от Новгорода волость. Образование «Бежицкого ряда» предполагает, что территория, лежавшая к западу от него, была уже охвачена погостами. Далее на восток шли поселения не новгородские по составу населения, издавна тянувшие к Ростову. Этим был положен предел дальнейшему росту новгородской территории. Территория «Бежицкого ряда» так и осталась окраинной.

На территории «Бежицкого ряда» или близ него выросла волость Палиц, известная из договорных грамот XIII в. В 19 км западнее г. Бежецка по Вышневолоцкому тракту находим д. Палищи, а недалеко от нее — погост Иоанн Милостивый, может быть названный по имени того Иванки, которому, согласно тексту договорной грамоты 1264—1265 гг. волость «Палиць»

---

[1] См. ААЭ, т. I, стр. 113; Список населенных мест Тверской губернии, № 11013. Село Гавшино — в 15 км от города Старицы, районного центра Калининской области.

[2] Там же, № 1864. Взималась, вероятно, десятина в пользу св. Софии (ср. ниже, стр. 196). «Русские достопамятности», ч. 1, М., 1815, № 5 (Грамота новгородского князя Святослава), стр. 85.

[3] Список населенных мест Тверской губернии, № 1946.

[4] Там же, № 1890.

[5] Там же, № 2064.

[6] Погост Богородицкий Рыбенский в Бежецкой пятине (К. А. Неволин. О погостах, стр. 208).

была дана[1]. Далее по тракту встречаем д. Княжиху и д. Княжево (Княжую)[2]. К северу от «Бежицкого ряда» тянулась волость Мелеча, очевидно по р. Мелече, притоке Белой, впадающей в Мологу, а еще севернее — волость Шипино, где-то «около» села Веси Егонские[3]. По М. Любавскому, волости Шипино и Егна лежали по правой стороне р. Рени, притока Мологи[4]. Волость Егна лежала, очевидно, по реке Егнице, впадающей в Мологу близ Весь Егонска[5]. В б. Весьегонском уезде имеется и озеро Егно. За восточным рубежом этих волостей начиналась территория Ростово-Суздальской области. Территория Ростово-Суздальской области подходила и с северо-востока, судя по тому, что Устюжна на Мологе находилась за пределами новгородских владений[6].

Если к первой половине XII в. Новгороду удалось довольно далеко распространить свою дань на юго-восток, на территорию, населенную не новгородцами или частью не новгородцами, то успехи эти объясняются тем, что представители новгородской публичной власти пришли сюда раньше представителей власти ростово-суздальской. Сопротивление новгородскому распространению со стороны Ростово-Суздальской земли начинается только в первой половине XII в., а во второй половине того же столетия она сама переходит в наступление и закрепляет свою дань на верхнем Поволжье. На юге предел территориальному распространению Новгорода был положен смоленской данью и полоцкой; успехи на юго-западе были обусловлены захватом верхней Ловати и продвижением рубежей Новгородской области до верхнего течения р. Великой. Начало этих успехов было предопределено событиями времен Ярослава и Владимира Ярославича, точнее, успехами новгородцев, новгородской знати, действовавшей в своих классовых интересах в эпоху быстрого роста Новгородской «области». Но чтобы полностью оценить успехи новгородцев в деле образования новгородской «областной» территории, необходимо остановиться на территориальном распространении Новгорода в северо-восточном направлении, на распространении новгородской дани по далеким северным землям до предгорий Урала и берегов Студеного моря.

---

[1] См.: Список населенных мест Тверской губернии, № 1839, 1842; А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот, Грамота № 1.

[2] Список населенных мест Тверской губернии, № 1843, 1850.

[3] См. царскую грамоту в Бежецкий верх 1564 г. ААЭ, т. I, стр. 305.

[4] М. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. 1929, стр. 100.

[5] Список населенных мест Тверской губернии, стр. XVI.

[6] Новг. 1-я л., 6848 г. Город Устюжна ныне — районный центр Вологодской области.

ГЛАВА VI

Имеем ряд доказательств того, что нарастание Новгородской территории шло как бы окружным путем, не прямо на восток от Ладоги и Новгорода, а в направлении к Заонежью. Во-первых, к востоку от Ладоги и Новгорода подымалась далеко на север территория «Ростовской области», Белоозеро было Ростовским. Во-вторых, по разнообразным признакам Двина и Вага осваивались с севера, а не с запада. Ниже вопрос этот будет предметом нашего специального рассмотрения. В-третьих, древнейшие известия о походах новгородцев говорят о движении к Прионежью, Заонежью или через Заонежье. Об этом свидетельствует поход на емь 1042 г., с которым надо сопоставить поход 1123 г., также запись 1032 г. о том, что некто Улеб «иде» на Железные ворота и «опять мало их прииде». Поход на емь сухопутный достиг своей цели, но был сопряжен, как и второй поход, с большими трудностями: недостаток продовольствия, голод, мор на коней[1]. Под Железными воротами (1032 г.), конечно, разумеется не какое-либо урочище или поселение в далекой Печоре или в Пермском крае, а что-либо более известное новгородцам и ладожанам; Железными воротами именуются проливы в Белом море, у Соловков, близ Двинской земли и др.[2]. В-четвертых, источники XI—XII вв. дают возможность восстановить нарастание новгородской территории от северо-восточного угла Новгородской «области» в северо-восточном направлении, к Онежскому озеру и далее к р. Онеге. Обратимся к данным по этому вопросу.

Выше мы говорили, что сравнение территории «Обонежского ряда» с территорией расположения погостов, указанных в грамоте Святослава 1137 г., обнаруживает следующее: погосты грамоты Святослава не заходят на территорию «Обонежского ряда», а служат как бы ее продолжением. Они начинаются там, где кончается «Обонежский ряд». Из этого мы

---

[1] См. Новг. 1-я и 4-я л., 1042, 1123 гг. От еми Прионежья следует отличать их сородичей, обитавших в юго-западной Финляндии, т. е. тавастов, жителей «Гамской земли» (по-фински — Hamälaiset). На них указывает, например, известие 1226 г., когда Ярослав Всеволодович ходил на емь «за море», где «ни один от князь русских не взможе бывати», или известие 1256 г., когда Александр ходил на емь с новгородцами и суздальцами из Копорья, или известие 1311 г. когда на емь «за море, в Нѣмецькую землю» ходили новгородцы, взяли Купецкую и Черную реки, «город» Вапаи, рр. Кавгалу и Перну и вышли «на море» (Новг. 1-я л.).

[2] А. Х. Лерберг. Исследования... СПб., 1819, стр. 81. Один из проливов близ устья Сев. Двины обозначен на 10-верстной военно-топографической карте как «пролив Железные ворота» (см. Военно-топографическую 10-верстную карту).

сделали необходимое заключение, что «Обонежский ряд», как целое в судебно-податном отношении уже существовал, когда производилась разверстка 1137 г. Подтверждение этого вывода находим в самой грамоте. Из грамоты надо заключить, что св. Софии выдавалось, во-первых, «за десятину от вир и продажь» 100 гривен «из Онѣга» и, во-вторых, по отдельным погостам, начиная от Валдутова и Тудорова на Онеге и кончая погостами, лежащими по Двине и Сухоне. Почему в первом случае определялась общая сумма, а во втором — по погостам? Очевидно, в первом случае территория в отношнии «вир и продаж» была как бы на откупном положении, с нее за «виры и продажи» из Новгорода брали не по погостам. За вычетом перечисленных в грамоте погостов остается в Прионежье («из Онѣга») как раз территория «Обонежского ряда», т. е. особая в судебном отношении территория, и можно заключить, что 100 гривен в пользу св. Софии выплачивались с «Обонежского ряда». Вывод такой подтверждается еще тем, что 100 (а если не будет сполна, то 80) гривен выдавал Домажирич. В 63 км от Тервиничей, упомянутых среди поселений «Обонежского ряда», на левом берегу нижней Ояти, лежит д. Домажирово, имевшая в прошлом столетии около 300 жителей, причем приблизительно в центре древнего «Обонежского ряда»[1]. Согласно 3-верстной военно-топографической карте, к ней примыкала группа селений, составляющая на карте заселенное пятно[2].

Территория погостов «Обонежского ряда» составляла, таким образом, первый территориальный пояс с северо-восточном направлении, примыкавший к древнейшей приволховской, ладожской территории. «Заонежская половина» Обонежской пятины охватывала, объединяла разновременно образовавшиеся территориальные слои Новгородской «области». Она простиралась от Новгорода по правую сторону Волхова к Ладожскому озеру, отсюда поворачивала к озеру Онегу и обнимала его со всех сторон, в особенности заонежскую, по отношению к Новгороду, сторону. Уже из этого можно заключить, что она — сравнительно позднее образование. Но есть и другие основания. Во-первых, Заонежская половина никогда не заходила за пределы Волхова, как полагал Б. А. Рыбаков[3]. Но погосты даже в XV—XVI вв. заходили на правую сторону реки, разрезанные по Волхову границею двух пятин. Из этого следует заключить, что «половина» по сравнению с погостами — позднее образование. Во-вторых, само название «Заонежская половина» показывает, что название, а следовательно, весьма вероятно и деление были новыми, ибо Заонежьем не могли называться ни Обонежская, ни Волховская части пятины. Обонежская пятина составилась из части поволховской территории, из «Нагорья» (о нем см. ПСРЛ, 6986 г. VI), Обонежья и Заонежья. В-третьих, некоторые погосты «Обонежского ряда» — Воскресенский Липенский, Михайловский

[1] Список населенных мест Санктпетербургской губернии 1864 г., № 3136. Ныне д. Домажирово — Пашского района Ленинградской области. В Новгороде были бояре Домажиричи (см. Новг. 4-ю и др. лет.).

[2] Военно-топографическая 3-верстная карта.

[3] Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке. «Историч. зап.», 1938, вып. 2, стр. 140—142.

в Тервиничах — вошли в нагорную половину Обонежской пятины, что подтверждает позднейший характер деления Обонежской пятины на Заонежскую и Нагорную «половины». Само собою разумеется, что граница, разрезавшая по Волхову территорию погостов, могла быть проведена и ранее образования Заонежской половины. Она могла быть проведена, например, тогда, когда произошло слияние территории «Обонежского ряда» с поволховской территорией, т. е. в XIII— первая половина XV в. (это слияние имело место не ранее XIII в. когда писался «Устав о мостех», ибо в перечислении сотен, вписанных в текст устава, «обоиская» и «волховьская» помечены отдельно), но до составления откупной грамоты XV в., так как в состав обонежского «суда» по грамоте входила земля по Волхову[1].

Территория «Обонежского ряда» составлялась из территорий, на которых распространялась деятельность погостов — центров. В отличие от обонежской откупной грамоты, указывающей только приблизительно районы, входившие в состав территории обонежского «суда» («на Паши», «на Ояти», и т. д.), список «Обонежского ряда» дает указания на места, служившие судебными или судебно-податными центрами (в Юсколе, в Тервиничах, в устье Паши, у Пахитка на Паши, у Вьюнице и т. д.). Совпадения с погостами XVI в. подтверждают такое предположение: Вьюница — Веницкий погост, Тервиничи — Тервинский погост, на Масьеге — погост на Масельге, на Липне — Воскресенский на Липне. Со временем, по мере заселения территории по Сяси и Ояти и их водораздела, территория погостов делилась, расщеплялась, образовывались новые погосты и, таким образом, число их увеличивалось. Если мы взглянем на карту погостов XVI в., то убедимся, что погостов по Сяси и Ояти и в водоразделе этих рек значительно больше, чем в XII в. по данным «ряда». Что это было именно так, подтверждают наши наблюдения над погостами Шелонской пятины. Определяя размеры погостов графически на материале сборной карты Шелонской пятины, составленной Андриашевым, и сравнивая данные писцовых книг о количестве дворов и обеж в погостах, мы пришли к заключению, что размеры погостов нередко обратно пропорциональны плотности населения. Так, например, небольшие по размерам погосты идут вдоль Шелони. Чем дальше отстоят погосты от Шелони, тем они больше по размерам. Погосты по Шелони оказываются густо заселенными. Небольшие погосты видим также западнее верхней Шелони, в районе между Порховским окологородием и Пожеревицким погостом[2]. По сравнению с погостами Должинским, Славятинским, Михайловским, Бельским, погосты, лежащие к западу от верхней Шелони и к югу от Порхова, представляются довольно заселенными: Болчинский, Облучский, Вышегородский, Жедрицкий, Карачунский, Порховское окологородие и некоторые другие. Такие образом, или с самого начала на более густо заселенной территории погосты были меньших размеров, или, по мере

[1] См. «Устав о мостех» в статье, приложенной к Комиссионному списку Новгородской 1-й летописи и в академическом издании «Русской правды». О датировке откупной обонежской грамоты см. «Вопросы истории», 1949 г., XI, стр. 160.

[2] В настоящее время село Пожеревицы — районный центр Псковской области.

заселения тех или иных мест, образовывались новые погосты, территория старых дробилась, они уменьшались в размерах. Новые погосты как поселения (центры) могли быть совсем иного происхождения, чем погосты — поселения старые[1]. Но первоначально все погосты имели значение «становищ», как можно заключить из летописного текста под 946—947 гг., откуда распространялась во время объездов деятельность административно-финансовая и судебная на окружные места[2]. Отсюда понятен и термин «ночлег» как топографическое наименование, встречающееся в пределах погостов в пятинах Вотской и Обонежской.

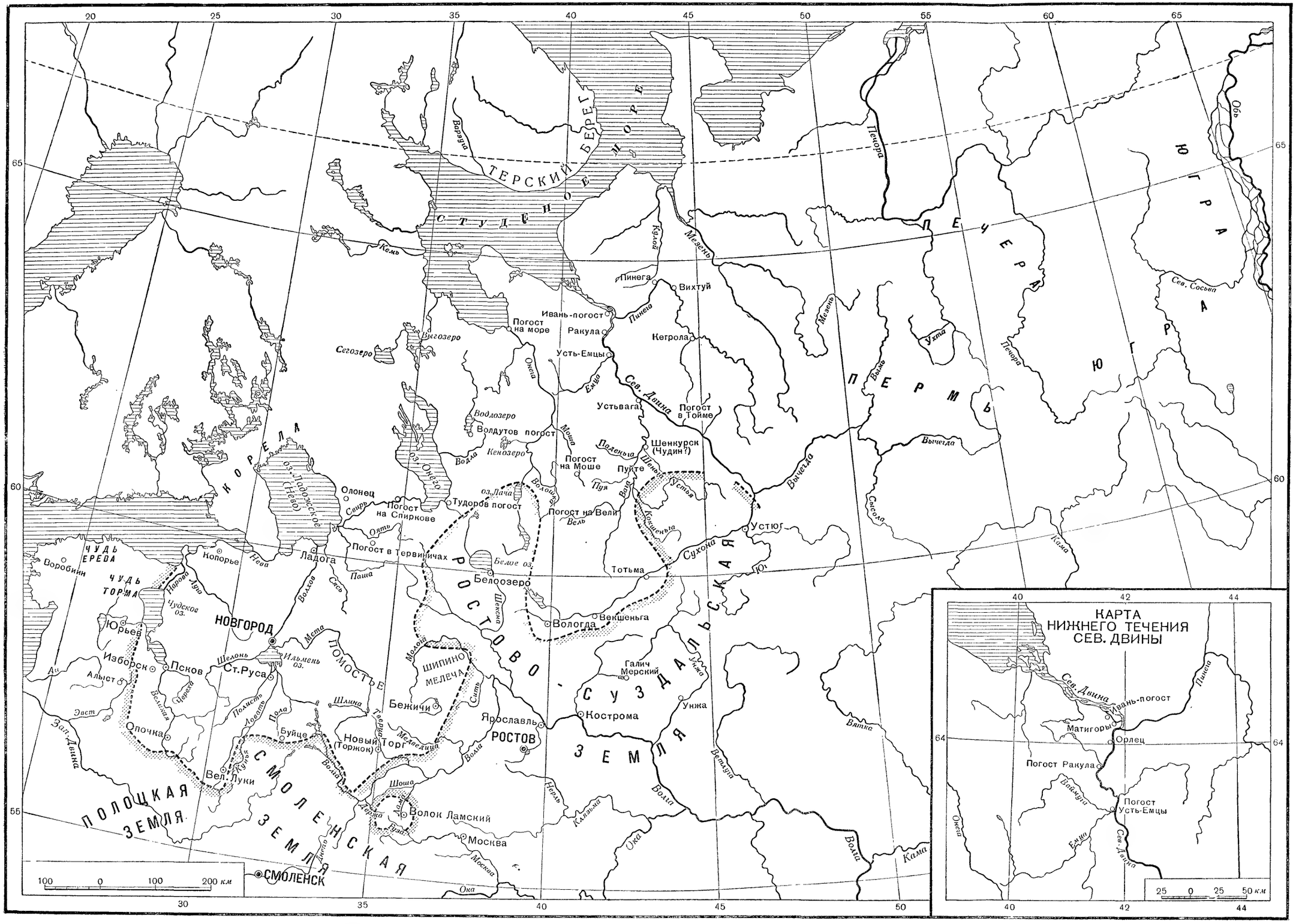
Итак, прионежская территория осваивалась по мере распространения становищ — погостов и образования территорий, входивших в сферу деятельности последних. Каковы же были географические пределы «Обонежского ряда»?

Самым южным местом «Обонежского ряда» был погост-становище «в Липнѣ», находившийся на верхнем течении Сяси, т. е. значительно восточнее р. Волхова. В XVI в. здесь, как мы уже упоминали, был погост «Воскресенский на Липнѣ на реке Сяси»; его местоположение определяет Липенский погост, отмеченный в «Списке населенных мест Тихвинского уезда Новгородской губернии». С него брали «полъгривны», что указывает на низкую платежеспособность района. В эту сумму, конечно, не входили виры и продажи, сдававшиеся как бы на откуп; ими ведал, как мы видели, Домажирич. Судя по Уставной грамоте Ростислава Смоленского, смоленские погосты платили (за исключением вир и продаж) от 2 до 200 гривен, большинство по нескольку десятков гривен, а церкви Успения и епископу из этой суммы шла десятая часть. Платежи погостов, отмеченные в приписке к уставу Святослава, озаглавленной «а се обонѣзьскыи рядъ», приблизительно соответствуют по размерам смоленской десятине. Ясно, что это не вся остальная (за вычетом вир и продаж) дань и, может быть, даже десятина не со всей остальной дани. Но что это именно десятина, которая шла св. Софии, подтверждается следующими данными: во-первых,

---

[1] Этот вывод представляется нам важным в том отношении, что он не позволяет обобщать наблюдения над происхождением погостов поселений, сделанные на материале XIV—XVI вв., и переносить эти наблюдения на древние погосты.

[2] О деятельности Ольги на юге, в Деревской земле, говорится: «и иде Вольга по Дерьвьстѣи земли с сыном своим и с дружиною, уставляющи уставы и уроки; [и] суть становища еѣ и ловища» (Лавр. л.). На севере она «устави по Мьстѣ повосты (в РА: погосты) и дани и по Лузѣ оброки и дани; [и] ловища ея суть по всеи земли, знамянья и мѣста и повосты (в РА: погосты)» (Лавр. л.). Таким образом, на юге со «становищами» и «ловищами» было связано уставление «уставов» и «уроков», на севере со «знамяньями», «мѣстами» и «погостами» было связано уставление «даней и оброков». Ясно, таким образом, что определение даней и судебных пошлин требовало определения, знания населенных мест, определения становищ, откуда производились поборы, и что эти становища или погосты были естественным образом связаны с местами охоты и, может быть, сбыта предметов охоты. Замечательное соответствие находим в сведениях об отношениях новгородцев с Югрою в первой половине XV в. Югорцы говорили: «мы хотим вам дань даяти, а хотим счестися, и указати вам с т а н ы и о с т р о в ы и у р е ч и щ а» (Новг. 1-я л., 1445 г.), т. е. займки, населенные места и промысловые места. Упоминание «погостов», которых не было на юге, говорит в пользу новгородского происхождения записи под 947 г.



Новгородская земля. Граница второй половины XII — первой половины XIII в.; показана схематически.

А. Н. Насонов

приписка о ряде находится в рукописи, положенной «в церкви святыя София», во-вторых, в самой приписке указано, что владыке «от всее земли» во время «поезда» («въ поѣздѣ») полагалось 10 гривен, а попу две гривны[1].

Далее граница «Обонежского ряда» шла на север, захватывая нижнее течение Сяси. Здесь находилось, к востоку от нижней Сяси, становище-погост «на Масиегѣ, низ Сяси», где брали полгривны. Масиега приурочивается к р. Масельге, вливающейся через Волгому в Сясь близ самого впадения ее в Ладожское озеро. Позже, в XVI в., здесь лежал погост Воскресенский на Масельге. Известен погост Масельга при речке Масельге в б. Новоладожском уезде Санктпетербургской губернии[2]. Междуречье Волхова и нижней Сяси, где позже лежал погост Троицкий на Златыни, видимо, не входило в состав Обонежского ряда.

В северо-восточном направлении, территория «ряда» охватывала течение р. Паши, но Кожела, где позже, в XVI в., был погост Егорьевский на Кожеле, отмеченная в откупной грамоте XV в., в составе «Обонежского ряда» еще не значилась. У Пахитка на Паши брали полугривну, а в устье Паши — гривну; в XVI в. близ устья Паши лежал погост Рождественский на р. Паше. Может быть, Пахитка соответствует погосту на Кожеле.

Северо-восточнее от течения Паши несколько погостов-становищ «ряда» находились на р. Ояти или близ нее. Наиболее значительный из них — в Тервиничах, где брали 3 гривны. Он лежал в 8 км к югу от среднего течения Ояти, в междуречье Ояти и Коши, где находился Тервинский погост с тремя церквами в б. Тихвинском уезде Новгородской губернии[3]. В XVI в. здесь был погост Михайловский в Тервиничах[4]. В верховье Ояти «у Вьюницѣ» брали гривну. Здесь в XVI в. существовал погост Ильинский в Веницах на р. Ояти. Его местоположение определяется Винницким погостом на Ояти[5]. Ниже по Ояти, может быть, следует искать Кокорку, у которой брали полгривны; по крайней мере по Имоченской дороге на Ояти лежит д. Коковичи[6]. Но она едва ли совпадала с погостом

---

[1] Выше мы видели, что освоение территории «Обонежского ряда» началось приблизительно в середине XI в. В соответствии с этими данными стоят археологические наблюдения В. И. Равдоникаса, изучавшего археологию края от Сяси до Свири и Ояти. К XII в., по Равдоникасу, славянская колонизация и установление дани оказали влияние на быт местного финского населения.

В X—XI вв. сюда из Ладоги ездили с целью примитивного обмена. По пути от Старой Ладоги к Волге (Сясь — Воложба — Чагодоща) имеются высокие курганы, сопки волховского типа, причем особенно интересные поселения и укрепление обнаружены на среднем течении Сяси (см. W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, 1930, стр. 139—140 и др.).

[2] Список населенных мест Санктпетербургской губернии, № 3378. Город Новая Ладога — районный центр Ленинградской области.

[3] См. П. Семенов. Россия, т. III, стр. 386; Тервинский погост отмечен и по карте Оппермана. По карте Шуберта Тервиничи — при речке, впадающей с левой стороны в Оять (см.: К. А. Неволин. О пятинах, стр. 167).

[4] См. Временник М. Об-ва истории и древностей российских», кн. 6, стр. 79.

[5] Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930, карта А. М. Андрияшева; См. также Винницкий погост на карте Оппермана.

[6] Список населенных мест Санктпетербургской губернии, № 3317. Дер. Коковичи теперь — Оятского района Ленинградской области.

XVI в. Никольским на Ояти, который в писцовой и изгонной книгах помещается между погостами Введенским и Имоченским на Ояти[1]. Несколько севернее нижней Ояти, где-то в верховьях Шатуксы и близ Савозера, находилась Кукуева гора, где брали гривну. В верховьях Шатуксы и недалеко от Савозера находим деревни Кукуй[2], Кокоева[3] и Кукуй[4].

Далее на северо-восток тянулись поселения по течению Свири, на которые распространялась деятельность погоста-становища «на Свѣри», где брали гривну. Район «на Свѣрѣ на рѣкѣ» знает и откупная обонежская грамота XV в. Повидимому, этот район заходил на территорию только двух погостов XVI в.— «Пиркинического на Свери» и «Воскресенского в Важенях на Свери», так как Остреченский погост назывался «погост Рожества пресвятые в Остречинах» и, видимо, лежал за пределами старой территории «на Свери»[5].

К северу от нижней Свири находился погост-становище «во Олонци» что означало известный район, как и выражение «в Моши», т. е. по реке Моше. Район этот отмечает и летопись под 1228 г. в рассказе о том, что емь воевала «около озера (Ладожского) на исадѣх и О л о н ь с ь»[6]. Здесь получали 3 гривны, что свидетельствует о том, что район не принадлежал к числу бедных. Район «на Олонцѣ на рѣкѣ» отмечает и откупная обонежская грамота XV в. Но, повидимому, к началу XV в. погост территориально вырос. Откупная грамота XV в. отдельно от Кукуевых гор упоминает Кукуевский погост. Места на реке Олонце она причисляет к Кукуевскому погосту. В XVI в. погост, называвшийся «Рожественский на Олонце», далеко заходил за пределы района р. Олонца, охватывая и р. Водлицу и Сямозеро на севере [7].

Крайний на восток погост-становище «Обонежского ряда» находился «в Юсколѣ». Его местоположение определяется Юксовским погостом, лежащим между верхней Свирью и Архангельским почтовым трактом[8], где находим и Юксовское озеро [9]. Здесь, согласно грамоте 1545 г., находилась в XVI в. Юксовская волость в пределах Остреченского погоста[10]. По писцовой книге 1563 г., в Юксовичах, кроме двух деревень (в Юксови-

---

[1] К. А. Н е в о л и н, стр. 163.

[2] Список населенных мест Олонецкой губернии, № 2269. Деревня Кукуй — Оятского района Ленинградской области.

[3] Там же, № 2275; при оз. Люговском в Ладейнопольском районе.

[4] Там же, № 2289; при оз. Заозерском в Оятском районе.

[5] См. «Писцовые книги Обонежской пятины», Л., 1930; Ср. карту P. Schenck'a конца XVII в., на которой близ устья Свири, на северной стороне, помечена «Ostrasina».

[6] Синодальный список Новг. 1-й л., 1228 г. Читать «олонъсь» в смысле «лоней», «олонись» (в прошлом году) так же допустимо, если предположить, что слова «и олонъсь» были написаны в протографе на полях и составителем Синодального списка внесены в текст.

[7] См. «Писцовые книги Обонежской пятины», 1930, стр. 63—70.

[8] Список населенных мест Олонецкой губернии, № 2631. Погост Юксовский — с Кишковщина Вознесенского района Ленинградской области.

[9] Там же, стр. 125.

[10] АИ т. I, стр. 207.

чах), значатся деревни Юксовичи, Куземкинская и Скоморохово[1]. Но судя по тому, что «в Юсколѣ» платили 3 гривны, а на Свири только гривну, можно думать, что поселения, тянувшие к Юсколе, лежали на более широком пространстве, чем деревни «в Юксовичах», вероятно — по пути вдоль Свири к южной оконечности Онежского озера, где в позднейшее время пролегал Архангельский почтовый тракт[2].

Итак, «Обонежский ряд», охватывал верхнее течение Сяси и восточную сторону нижнего ее течения, течение Паши, течение Ояти, начиная с верховьев, и междуречье Паши и Коши, места к северу от нижнего течения Ояти, течение Свири до территории будущего Остреченского погоста, район р. Олонца и места, прилегающие к Юксовскому озеру. К Онежскому озеру территория «Обонежского ряда» выходила только на южной его оконечности. Осваивая эти места, новгородцам приходилось выдержать борьбу с емью, следы пребывания которой находили в б. Ладейнопольском уезде, Тихвинском и по западному побережью Онежского озера, от Петрозаводска до р. Ивоны, впадающей в Свирь. Согласно грамоте Святослава, емь платила дань новгородцам, но грамота Святослава могла разуметь емь заонежскую, так как она упомянута между Волоком на Мсше и морским побережьем.

Судя по тому, что между Юксовским погостом «Обонежского ряда» и Тудоровым погостом, указанным в грамоте Святослава, лежавшим на противоположной стороне Онежского озера, не было ни одного погоста (с южной стороны Онежского озера) и что, по нумизматическим данным, нет следов древнего движения по Вытегре, надо полагать, что новгородская дань первоначально распространялась даже не на юго-восток от Онежского озера, а по направлению погостов, отмеченных в грамоте Святослава. Погосты эти вытянулись длинной лентой вдоль пути от Онежского озера к р. Онеге и к Белому морю с ответвлением за р. Онегой в сторону пути в Вельско-Важский край.

Тудоров погост был, возможно, не ближайший к «Обонежскому ряду» из отмеченных в грамоте Святослава. Выше мы говорили, что территория будущего Остреченского погоста по течению Свири не входила, повидимому, в состав «Обонежского ряда». В районе устья Пидьмы на Свири «Списки населенных мест Олонецкой губернии» отмечают группу деревень (в 130 км от уездного города): Решников конец, Ивановскую, Усть-Пидьмаречку, Мокрушину кару (Юрковская), д. Спирову гору (Исаковская), с. Спиркову гору (Гришинско-Евсеевское) с тремя церквами, д. Филин конец (Аристов конец)[3]. Хотя в Спировой горе (Исаковской) числилось 193 души обоего пола, а в Спирковой горе — 96, старым центром этой группы деревень было село Спиркова гора, где находились три православных церкви. В грамоте Святослава читаем, что в становище «на Спирковѣ» брали два сорочка. Приведенные данные позволяют локализовать Спирков

[1] «Писцовые книги Обонежской пятины», 1930, стр. 108, 112.

[2] См. «Указатель дорог Российской империи», СПб., 1804, ч. I, стр. 155.

[3] Список населенных мест Олонецкой губернии, № 3338—3344. Все селения ныне — на территории Подпорожского района Ленинградской области.

погост грамоты Святослава и полагать, что он был первым приращением к территории Обонежского ряда с северо-восточной стороны его[1].

На противоположной стороне Онежского озера лежал Тудоров погост, где давали св. Софии два сорочка. Это — существующий Тудозерский погост с церковью, лежащий близ Тудозера, недалеко от юго-восточного побережья Онежского озера[2]. Согласно грамоте Святослава, брали не только в Тудоровом погосте, но отдельно и с какого-то Тудора — сорочек. Вероятно, этот Тудор был местным «чудским» «старейшиной», представителем местной знати; на «обруселую Чудь» в этой стороне Прионежья указывает материал, собранный в «Списках населенных мест Олонецкой губернии».

Путь к р. Онеге лежал севернее, по р. Водле до р. Мышьих черев.

Писцовая книга XVI в. отмечает старый путь, которым ездили в XV в.: «а гости тою дорогою ныне не ездят — ездят новою дорогою». «Новая дорога», очевидно, была вытегорско-каргопольским путем. Волочек на старом пути писец Ю. К. Сабуров в конце XV в. изоброчил в 4 гривны. Этот старый путь описан в писцовой книге так: «да в Водлезерском же погосте на Настасьинской земле на Мышьих черевех волочек Кемской (Кенской?), а через тот волочек торговые люди из Новугородцкие земли ходят с товарам в Заволоцкую землю, а из Заволоцкие земли в Новугородцкие земли водяным путем в судех, а великого князя крестьяне Настасьинские волости на Мышьих черевех через тот волочек товар волочат, а найму емлют з беремяни по денги»[3]. В районе этого пути находились два становища: «в Онеге на Волдутове погосте», где брали два сорочка, и «у Вавдита», где брали «с даромь два». Вероятно, они лежали несколько в стороне от него, у Водлозера. Здесь в XVI в. находился Водлозерский погост. Без сомнения, у Водлозера, как определил академик Шегрен, следует искать место «у Вавдита». Здесь, на берегу Водлозера лежит деревня Вавдиполе, отмеченная в Списке населенных мест Олонецкой губернии, № 3936, и указанная на 10-верстной карте (1920 г.) на берегу Водлозера, ныне — на территории Пудожского района Карело-Финской ССР.

Через оз. Волошево, или Волоцкое, и Кенозеро путь выходил к р. Онеге. На системе озер Кенозеро и Почезеро при речке Волошке есть сел. Волок Малый[4]. Далее он шел вниз по Онеге, причем по р. Моше, впадающей в Онегу, ответвлялся путь в Вельско-Важский край. Ниже по течению Онеги он опять разветвлялся, где начинался волок к р. Емце, втекающей в Сев. Двину; далее по р. Онеге он выходил к побережью Студеного моря.

На этом пути, по грамоте Святослава, было три новгородских стано-

---

[1] Н. Барсов указывал на Спирково-Иваповское в Каргопольском уезде на левом берегу Онеги («Очерки», стр. 317). Но в Списке населенных мест Олонецкой губернии такого селения не значится. Существует еще д. Спировская (но не Спирковская) на р. Онеге, в 131 км от уездного города Онеги (Сп. насел. мест, № 168).

[2] Список населенных мест Олонецкой губернии, № 885, 888. Погост Тудозерский — в 15 км севернее Вытегры, ныне районного центра Вологодской области.

[3] «Писцовые книги Обонежской пятины», 1930, стр. 177.

[4] Список населенных мест Олонецкой губернии, № 4085.

вища. Первое — «на Волоци в Моши». Другой Моши, кроме втекающей в Онегу, мы не знаем. «Волок в Моши», если это поселение, мог лежать только в верховьях реки, где был волок к бассейну р. Вели. Но возможно, что вся местность по Моше и Онеге называлась «Волоком» («на Волоци в Моши»). Она служила как бы мостом, волоком из Новгородского края к бассейну Сев. Двины. По представлению Флетчера, река Онега (под Каргополем) встречается с рекою Volock, которая изливается в Финский залив[1].

По Онежской уставной грамоте 1536 г. великий князь держал доводчика на Усть-Мши[2]. Существовал Устьмошский стан, Устьмошская волость, Мошенская волость[3]. Так или иначе, но нет сомнения, что «Заволочьем» (термин, известный уже новгородским известиям второй половины XI в.) назывались места, лежавшие за волоком Заонежья, т. е. Подвинье, куда попадали с Онеги и по Емце, и Важско-Вельский край, куда попадали с Онеги и Моши[4].

Из грамоты 1546 г. видно, что устьмошане, наряду с турчасовцами, каргопольцами и др., ездили к морю соль покупать. В той же грамоте упоминаются порожане и Порог; соль у моря покупали у поморцев и возили ее в Турчасово и на Порог[5]. В грамоте Святослава упомянуто, что «у Порогопустьць» берут полсорочка и что «на мори от чрена и от салгы по пузу»[6]. Местоположение первого становища («Порогопустьць») определяется д. Порог, расположенной на правой стороне р. Онеги в 25 км от г. Онеги[7]. Становище на море — очевидно близ устья р. Онеги.

Из Заонежья новгородская дань распространилась в двух направлениях: к нижней Двине и на юг, к р. Вели и, далее, к р. Сухоне.

Основная двинская территория занимала сравнительно очень небольшое пространство — от морского побережья по берегам Двины до района Орлец-Ступинское. От Поморья до Орлеца тянулась по Двине территория двинских «лук», представлявших собой древнейшую местную терри-то-

---

[1] «О Государстве русском». СПб., 1905, стр. 10.

[2] ААЭ, т. I, стр. 152, 1536 г.

[3] ААЭ, т. III, стр. 101, 1615 г.

[4] В Паремейнике, хранящемся в Публичной библиотеке в Ленинграде, есть запись, что он писан в 1271 г. попом (совместно с сыном) св. Димитрия, т. е. церкви св. Димитрия на Даньславле-улице в Новгороде — «матигорьцамъ за Волокъ». Из позднейшей переписи первичной записи видно, что он писан «к церкви» Бориса и Глеба на Матигорах (И. И. Срезневский. Древние памятники..., стр. 138. О церкви св. Димитрия см.: Д. И. Прозоровский. «Зап. Отд. русск. и славянск. археологии Русск. археол. об-ва», 1887, т. IV, стр. 108). Шенкурский пролог, принадлежавший проф. Баузе, по известию Калайдовича, был писан в Новгороде в 1229 г. дьячком Давидом в храм Спаса за Волок в Шенкурье по приказанию Остафья Васильевича (Срезневский, стр. 99). См. также Новгородскую 1-ю летопись, 1342 г. («земля Заволоцкая по Двинѣ») и др. Вологда, Печора, Пермь и Терский берег не входили в состав Заволочья (см. договоры Новгорода с вел. князьями в издании А. Шахматова, № 1 и др.).

[5] ААЭ, т. I, стр. 200—201.

[6] Чрен — чан для выварки соли; пузо — мера.

[7] Список населенных мест Архангельской губернии, № 70, стр. 168. Онега теперь — город Архангельской области.

риальную единицу[1]. Двинская «лука», как первоначально была названа территория, определявшаяся изгибом реки, не имеет ничего общего со словом «лук» — мерой земли или мерой обложения[2]. Двинская «лука» не была, повидимому, принесена из Новгородского края. У этих рубежей в 1342 г. выходец из Новгорода Лука Валфромеев без разрешения новгородской власти поставил «городок» и с помощью «емчан» (т. е. обитателей Емцы) захватил «погосты» по Двине, но был разбит «заволочанами», вероятно двинскими боярами. Как раз до этих мест («до Орлеца») доходили земли, которых искал «на всѣхъ боярѣхъ на двинскихъ» впоследствии Лука Строганов[3]. Матигорская лука доходила как раз до Орлеца. В XV в. по двинским грамотам мы видим в луках местных «старост» и двинских «бояр»[4]. Матигоры и Ухтостров, согласно преданию, отразившемуся в Двинском летописце, служили древнейшими местными административными центрами[5]. Подтверждается это, в отношении Матигор, записью наремейника 1271 г. Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Новгородская власть сделала центром Двинской земли не Матигоры, а Колмогоры. Любопытно, что устав не называет ни Матигор, ни Ухтострова, ни Куростровa, ни Княжострова, ни Тайнокурья, ни Хочемпны. Только к Колмогорам, точнее — к Ивановскому приходу, вошедшему в состав Колмогор, может быть отнесен Ивань-погост, упомянутый в грамоте Святослава[6]. Согласно и летописям, и актам, именно Колмогоры, лежавшпе на левом берегу Двины, сделались резиденцией двинских посадников[7]. Указанная выше территория составляла как раз территорию, с древнейшего времени населенную по Двине славянами. По наблюдениям Шахматова, специально изучавшего и издавшего двинские грамоты, последние указывают на заселенные места по обеим сторонам Двины, начиная с юга, от села Ступинского, расположенного в 34 км южнее Колмогор. Можно указать еще на с. Ракульское, в 61 км южнее Колмогор, упомянутое в грамоте № 69, составлявшее, вероятно, с окрестными местами населенный островок[8].

Еще значительно южнее грамоты отмечают Емцу. Но между Емцой и Ракулой тянулись безлюдные пустынные места. Даже в начале XVI в.,

---

[1] ААЭ, т. I, № 94. Б. Орлец и Ступино по карте Архангельской области 1938 г. лежат на Сев. Двине, к югу от Холмогор.

[2] И. И. Срезневский. Материалы...; ср. «Писцовые книги Обонежской пятины», 1930; ср. Уставную грамоту чердынцев и усольцев, напеч. у Дмитриева «Пермская старина», вып. I, Приложения, стр. 188.

[3] Новг. 1-я л., 1342; ААЭ, т. I, № 94.

[4] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., стр. 48. № 86—87 и др.

[5] См. Двинской летописец, «Древняя Российская Вивлиофика», ч. XVIII, М., 1791.

[6] В. В. Крестинин. Начертание... Ср. «Памятную книгу Архангельской губернии», 1862 г. Об «Ивановском конце» в Холмогорах см. упоминание в материалах, собранных П. П. Смировым: «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», т. I, стр. 223.

[7] ААЭ, т. I, № 2, стр. 1. Новг. 1-я л., 1401 г. (о «двинских посадниках»).

[8] А. А. Шахматов. Указ. соч. Село Ступинское — село Ступино, см. выше, стр. 181.

по житию Антония Сийского, между Ракулой и Емцей шли «непроходимые дебри и лесы темные и чащи и дрязги великие, и мхи и блата непостоянные, в них же живяху дивии зверие, медведи и волцы, елени и заяцы и лисицы, множество много их, яко скота бяше. Езера имать многи окрест себе и глубоки зело, водами же всюду, яко стенами окружено, и от создания мира никто же живяше от человек на месте том, дондеже преподобный вселися»[1].

На отмеченную выше территорию славянское население начало приливать с незапамятных времен. Исследователь скандинавских поездок IX—XI вв. к Белому морю, склонный скорее преувеличивать их значение и влияние скандинавов на Нижнем Подвинье, пришел к выводу, что «русское влияние на севере несомненно могло сказаться уже до приезда сюда скандинавов вообще», хотя «более острую форму это русское вмешательство приняло лишь впоследствии». Само название Двины, нередко встречающееся в сагах и у Саксона Грамматика, «может быть, по признанию К. Ф. Тиандера, только русского происхождения». Как известно, финские народности не признают двух согласных в начале слова. Скандинавы получили это наименование через местных, родственных финнам обитателей Нижнего Подвинья в форме Vina[2]. Во второй половине XI и в XII вв. очерченная территория уже была в какой-то мере заселена славянами. Иначе нельзя понять появление здесь в XIII - XIV вв. «двинских бояр», выросших из недр черного, волостного населения. Источники не смешивают их с новгородскими боярами в Заволочье. По мнению Ефименко и Шахматова, между мелкими собственниками (своеземцами, земцами наших[3] грамот) и местными (двинскими. - *А. Н.*) боярами относительно прав на землю и способов землевладения не было никаких правовых граней[4]. Во второй половине XI и в XII в. социальная дифференциация среди местного населения, надо полагать, имела место. Позже, в XIV в., новгородские бояре захватывают земли в Заволочье[5], но в двинском Поморье территория поселения (Терпилов погост), занятого «сиротами» новгородских бояр, противополагается в начале XV в. «Двинской слободе»[6]. По данным XIV—XV вв., территория Двинской земли охватывала «летний» берег, начиная от Лопшеньги к западу от Унской губы. В Уставной грамоте 1398 г., пожалованной двинским боярам, сотскому и всем «черным людям Двинской земли», указаны места до Уны («до Уны тридцать бѣлъ)[7]. Двинские грамоты отмечают места на Лопшеньге[8] у залива (?)

---

[1] Рукоп. сол. сборн. в библ. б. Казанск. духовной академии, № 230; А. А. Савич. Соловецкая вотчина. Пермь, 1927, стр. 27.

[2] К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. «Зап. ист.-фил. фак. СПб. ун-та, 1906, т. XXIX, стр. 438 и др.

[3] т. е. двинских.— *А. Н.*

[4] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903, стр. 52.

[5] АЮ, стр. 269.

[6] АИ, т. I, № 17.

[7] ААЭ, т. I, № 13.

[8] Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. СПб., 1909, № 127.

Лахта[1], по Яренге[2], по Неноксе[3], Сюзьме[4], Сользе[5], в Заостровье[4], в районе устья Двины, по рр. Лодьме и Ижме, впадающим в Двину при ее устье[7], близ устья Двины — Тайнокурье, Хочемину, Княжь-остров, Лисий остров, Негостров, Ухтостров, Кехту и Лавлю (местность по правой стороне Двины в 53 км выше Архангельска), Курострова, Матигоры и т. п.[8]. Погосты на Пинеге, помянутые в грамоте Святослава, лежали за пределами Двинской земли с востока, а погост на устье Емцы, впадающей в Двину, лежал за пределами Двинской земли с юга. В благословенной грамоте новгородского архиепископа Иоанна игумену Архангельского монастыря читаем: «и на всѣхъ крестьянахъ отъ Емцы и до моря». Из одной двинской купчей мы узнаем о покупке села «на Емъчи»: «а межа тои земли отъ нижнеи Чюхци до Волочка». Но Емца в XV в. не входила в состав Двинской слободы, и подлинник рядной (№ 129) сообщает о ряде «со всею слободою Емечскою».

К какому же времени следует относить распространение новгородской дани на нижнее Подвинье? Можно предполагать, что первоначально не новгородцы, а ладожане завязали какие-то политические связи с нижним Подвиньем. Предполагать это вполне естественно, поскольку, как мы выяснили выше, на новгородский север первоначально распространялось влияние Ладоги. Находим на этот счет и некоторые конкретные указания источников. Сага о Гольфдане, сыне Эйстейна, указывает на связь Альдейгиюборга (Ладоги) с Биармаландом[9]. С распространением власти новгородцев на Ладогу, т. е. приблизительно с 40—60-х годов XI в., перед новгородцами стала задача распространения новгородского данничества на Нижнее Подвинье. Вехами при хронологическом определении этого события служат, с одной стороны, 1042 год — первый поход на емь, с другой стороны, 1079 год, когда Святослав, изгнанный новгородцами, ушел в Заволочье, где был убит заволоцкой чудью. Для нас в данном случае не важно, был ли он убит на Емце, где близ устья реки сохранилось предание о борьбе русских с чудью, или, что менее вероятно, в Шенкурье, где тоже передавалось предание аналогичного содержания[10]. Для нас важно, что к концу 70-х годов XI в. Новгород уже распространил свои

---

[1] Грамота № 115. По подлиннику выкупной: «на лѣтьнеи сторони... межю Лахтою и онѣскими тонямѣ»; «а межа тои тони зъ Двиньского коньча от Лахти ручей, а с Онѣського коньча другой ручей». Здесь разумеется или залив Б. и М. «Лахта» у д. Лопшенги, или же места у Кудьмозера в Сюземской волости (Кудьмозерское по местным названиям: Лахта, Волость, Табор, Конец, Бор); см. Список населенных мест Архангельской губернии», 1905 г., стр. 2—4. Сел. Кудьмозерское и с. Лахта по карте 1938 г. расположены к западу от Архангельска.

[2] № 11, 113.

[3] № 106, 109.

[4] № 108.

[5] № 54.

[6] См. также акты Архангельского Михайловского монастыря.

[7] См. там же акты церквей и частных лиц.

[8] А. А. Шахматов. Указ. соч.

[9] Е. Рыдзевская. Указ. соч.; К. Ф. Тиандер. Указ. соч.

[10] П. Ефименко. Заволоцкая чудь, стр. 9, 16.

«становища» в Заволочье. Двинская земля приняла новгородскую власть; нет решительно никаких сведений о борьбе новгородцев с двинянами в эту эпоху; нечто вроде борьбы началось позже, в XIV в., и, может быть, раньше, в конце XII в., когда деятельность новгородских даньщиков в Заволочье и соседних краях стала вызывать недовольство двинян, вероятно тех двинян и новгородцев, которые стремились сами эксплоатировать население окраин.

К старой двинской территории может быть отнесен только Иваньпогост, о котором мы упоминали выше, где давали св. Софии «с даромь» 3 сорочка[1]. Другой погост был установлен в Ракуле, где брали 3 сорочка. По Уставной двинской грамоте 1397 г. «ѣзду» с Орлеца «вверх по Двинѣ до Кривого» — белка, а до Ракулы — две белки[2]. Из этого видно, что Ракула лежала на Двине, выше Колмогор, и была погостом. Ясно, что Ракула грамоты Святослава находилась на месте села Ракульского, поминаемого в грамоте № 69, в 61 км к югу от Колмогор, или на левой стороне Двины, где ныне расположено с. Ракульское Холмогорского района, или на противоположной стороне реки, где 10-верстная военно-топографическая карта отмечает церковь «Ракульскую».

Пинега была связана с «Печерской стороной», как называли или земли по Печоре, или земли по пути к Печоре — по Кулою, Поморью и Мезени. Новгород с великим князем Иваном Калитой приказал «Печерскую сторону» Михайле, который ведал «погостом Кегрольский волок». Двинские бояре не должны были, согласно грамоте (двинскому посаднику и боярам двинским), «вступаться» на «Печерской стороне» «в гнѣздные потки, ни в мѣста»[3]. Отсюда понятен особый интерес новгородцев к Пинеге. На Пинеге ими установлено три становища — погоста. В двух из них брали св. Софии по 3 сорочка («в Пинезѣ» и «в Кегрелѣ»), а в одном — сорочек («у Вихтуя»). Местоположение их как будто не вызывает сомнений. Вихтуй — это Вихтово (по местному названию), или Вихтовская, расположенная на Пинеге в 53 км к юго-востоку от села Пинеги, районного центра Архангельской области[4]. Кегрола бесспорно лежала на Пинеге. В списке 1471 г. мы читаем: «на Пинезѣ Кегрола да Чакола»[5]. Там же говорится, что новгородцы «городок Кегрольский сожгли». В патриаршей грамоте 1625 г. Кеврола помянута, как «город» наряду с Мезенью и Холмо-

---

[1] См. грамоту Святослава.

[2] ААЭ, т. I, стр. 8.

[3] ААЭ, т. I, № 2. Путь с Пинеги на Печору (пинежским волоком, р. Кулоем, поморьем, Мезенью, Пезою и Цильмою) был хорошо известен позже; так возвращалось войско в 1364 г. (Новг. 4-я л.); в 1499 г. так шло войско под начальством кн. Ушатого. П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга, стр. 25; П. Семенов. Словарь, т. IV, стр. 107. См. также: С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 67. В первой половине XVI в. слободка Окладникова «на усть Мезени» была приписана к Двинскому уезду, к «Пѣнегѣ к болшой» (ААЭ, т. I, стр. 184).

[4] Список населенных мест Архангельской губернии, 1905, стр. 122, № 90.

[5] ААЭ, т. I, стр. 74. Селение Чакольское на Пинеге, в 88 км от г. Пинеги (см. Список населенных мест Архангельской губернии, 1905, стр. 124). Сел. Чакола ныне — юго-западнее г. Пинеги.

горами[1]. Селение Кеврола на Пинеге лежит в 146 км от города Пинеги вверх по реке, где и следует, очевидно, искать Кегролу грамоты Святослава[2]. Город Пинега до 1780 г. входил в состав Кеврольского уезда[3]. Но несудимая грамота канинским и тиунским самоедам 1545 г. называет «Пѣнегу болшую» в Двинском уезде[4]. Отказная новгородская грамота 1471 г. отдельно упоминает Пинегу и Кегролу, как волости[5]. Акты знают волость «Волок Пинежский», захватывавшую территорию пинежского волока (около 4 км)[6]. Отдельно от Кегролы упоминает Пинегу и грамота Святослава. Но, повидимому, Кегролой называлась и вся местность по средней Пинеге. В грамоте Новгорода и Калиты на Двину «Кегрольским волоком» назван Пинежский волок; у деревни Кеврола никакого волока нет.

К югу от основной двинской территории новгородцы основали становище на Усть-Емцы, где давали св. Софии 2 сорочка. Нынешнее с. Емецкое лежит не у самого устья Емцы, а в нескольких километрах западнее, близ впадения в Емцу Ваймуги. Список 1471 г. различает «городок Емецкой» и «погост Емецкой»: «а Шастоозеро, Моржова гора, Коскошино до устиа до Емецкого городокъ Емецкои, Чюкчинъ конець, погостъ Емецкой, Ваймуга рѣчка отъ устиа» и т. д.[7]. В начале прошлого столетия Шастозерская волость на Двине лежала южнее Моржегорской, еще севернее — Коскошинская и севернее Емецкая[8]. Таким образом, «городок Емецкой» должен был лежать ближе к устью Емцы, чем «погост». Если погост Емецкой лежал на месте нынешнего села Емецкого, то «городок Емецкой» мог лежать близ самого устья. Купчая № 121, изданная Сибирцевым и Шахматовым, называет «село на Емъчи», а «межа тои земли отъ нижнеи Чюхци до волочка»[9]. Чюхца — это, очевидно, нынешняя Чюкса, отмеченная к западу от устья Ваймуги на Емце на военно-топографической карте[10]; «волочек» — волочок к изгибу р. Ваймуги. Здесь, очевидно, лежал и «Чюкчинъ конець» списка 1471 г. Весь этот район близ устья Емцы и Ваймуги представлял собою населенный островок; и сейчас здесь заметно значительное количество поселений на небольшом пространстве. Устье Емцы представляло особый интерес для новгородцев еще потому, что здесь выходил к Двине путь с Онеги и скрещивались пути к нижнему Подвинью с запада и с юга.

Если можно говорить о новгородских колониях в Заволочье, то термин

---

[1] ААЭ, т. III, стр. 242.

[2] Список населенных мест Архангельской губернии, стр. 126, № 148.

[3] Молчанов. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813, стр. 194. В. М. Самарин был назначен воеводой в «Кевроль и на Мезень» (СГГ и Д, т. IV, стр. 180, грамота 1666 г.).

[4] ААЭ, т. I, стр. 184.

[5] Там же, стр. 72.

[6] Сборник грамот колл. экономии, т. II, стр. 14. О протяжении волока см. у Молчанова, указ. соч.

[7] ААЭ, т. I, стр. 74. Ныне с. Емецк — районный центр Архангельской области; а погост Емецкий в настоящее время расположен примерно в 5 км от Емецка.

[8] Молчанов. Указ. соч., стр. 137.

[9] Сибирцев и А. А. Шахматов. Указ. соч., № 121.

[10] См. также Список населенных мест Архангельской губернии, № 436 (Чюхча).

этот более всего применим к Важской области. Территория от Вайгуги и Емцы по Двине и по Ваге не хранит следов древнего славянского населения. Местные предания помнят о временах, когда тамошние обитатели, чудь, защищали свою землю от вторжения новгородцев[1]. Местные, повидимому не славянские, князьки в качестве «старост» (ср. «старост» в Нижнем Подвинье) стояли во главе так называемого Шенкурского погоста еще в начале XIV в.: Азика, Харагинец, Ровда (ср. Ровдинский стан на Ваге) и Игнатец[2]. Территория, подведомственная им, тянулась от Вайгуги на севере до «ростовских меж» на юге, причем «заводь» землям определяли р. Падеига (левый приток Ваги), Сельменга (правый приток Ваги), Сулонда (приток Пуи), Поча и Шеньга (правые притоки Ваги). Во второй половине XII в. в Заволочье не все население давало дань Новгороду, часть его была под ростовской или «суздальской» данью; были «суздальские смерды», как называет их Новгородская 1-я летопись (Новг. 1-я л., 1169 г.; ср. под 1193 г. о Югре; высылая «с лестью», говорила: «коним сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своих с м ь р д и с в о е и д а н и»). Таким образом, в Важском крае новгородское данничество стало приходить в соприкосновение с ростовским. Столкновения новгородцев с ростовцами начинаются с 1135 г. (1135, 1149, 1169 гг.). Под 1149 г. говорится о новгородских «даньниках». Но только о событиях 1169 г. мы точно знаем, что дело шло о дани в Заволочье[3]. Во всяком случае к 30-м годам XII в. новгородские становища уже существовали на нижней половине Ваги. В становище на «Устье Вагъ» давали св. Софии 2 сорочка. «Усть Ваги» в московское время знает и летопись[4]. Нынешнее село Усть-Вага Виноградовского района Архангельской области лежит в нескольких километрах от устья[5]. Так как Устьважский погост был наиболее значительный из трех погостов, установленных новгородцами на Ваге, то возможно, что под «Важанским погостом», упомянутым в договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1269—1270 гг., разумелась Усть Вага[6]; «у Пуйте» по грамоте Святослава давали сорочек. Река Пуя (Пуйте) — левый приток Ваги. Список населенных мест Архангельской губернии отмечает на реке Пуе два села, местное название которых «Погост»[7]. После Усть-Ваги и Пуйте мы вправе ожидать в грамоте Святослава упоминание о становище в Шенкурске, близ р. Шеньги. В грамоте далее читаем: «у Чюдина полъ сорочька». Местность самого Шенкурска, называвшаяся в древности Шеньг-курье (от р. Шеньги, впадающей в Вагу в 7 км от города), издревле составляло чудское поселение, доныне известное в памяти народа под именем Чудского. Городище было

---

[1] П. Ефименко. Указ. соч., стр. 9—12.

[2] См. мировую грамоту 1314—1322 гг., АЮ, стр. 269.

[3] Новг. 1-я и 4-я лл.

[4] ПСРЛ 1452 г., тт. VI и VII.

[5] См. Список населенных мест Архангельской губернии, 1905 г., стр. 74, и военно-топографическую карту.

[6] А. А. Шахматов. Исследование о новгородских грамотах, тексты, № 3.

[7] Список населенных мест Архангельской губернии, № 838, стр. 857. Оба села — Ровдинского района Архангельской области.

расположено на горе, с западной стороны его протекала Шеньга, а с левой — большой ручей, делавшие гору неприступной; с южной и восточной стороны был выкопан ров[1]. По мировой 1314—1322 гг. территория «Шенкурского погоста» до Ваймуги переходила Василию Матвееву и его потомкам, в том числе и места по Шеньге. Но любопытно, что как раз Шенкурский район, т. е. места по Шеньге, Поче, Суланде, Сельменге и др., не названы в списке 1471 г. в числе земель, принадлежавших частным лицам[2].

Реки Устье и Кокшенга, по которой шли весьма плодородные земли, не были отмечены новгородскими становищами в первой трети XII в. согласно грамоте Святослава. Но юго-западнее встречаем становище «у Вели», где брали 2 сорочка, расположенное за пределами территории Шенкурского погоста, а к югу от Вели — становище «у Тотьме», на р. Сухоне, где давали св. Софии сорочек. Не позже XIV в. земли на Вели были захвачены новгородским владыкой; в конце XIV в. на Вели сидел владычен волостель[3], владычное землевладение на Вели подтверждается и списком 1471 г.

К Тотьме и к Векшенге[4] на Сухоне новгородцы вышли с севера, а не с запада с верховьев Сухоны. Во-первых, ближайшим становищем к этим двум становищам был погост-становище на Вели; во-вторых, Вологда не упомянута в грамоте Святослава; следовательно, в то время на Вологде еще новгородского становища не было. Вологда как новгородская волость возникла позже. В летописях и грамотах она начинает упоминаться со второй половины XIII в.[5]. В житии Герасима Вологодского находим «извлеченное откуда-то... летописное известие о приходе Герасима в в 1147 г. на реку Вологду и об основании им монастыря в диком лесу, где потом образовался город Вологда[6]. Таким образом, распространение новгородской дани шло от Тотьмы вверх по Сухоне, а не в обратном направлении. Северо-восточнее Тотьмы, вниз по Сухоне, где-то начиналась область распространения ростовской дани, судя по судьбе Устюга в XII—XIII вв. и по указанию на «ростовские межи» в бассейне р. Ваги в мировой грамоте 1314—1322 гг.

На карте Delille'я (лист 11) на левой стороне Сухоны помечена Totma, а немного ниже, по правой стороне реки, на небольшой речке, впадающей

---

[1] Архангельской губернии «Ведомости», 1846, № 14; 1850, № 11. Цит. по П. Ефименко, Заволоцкая Чудь, стр. 12.

[2] Список (см. ААЭ, т. I, стр. 73—74) подробно перечисляет места по Ваге и прилегающие к ним, называя места от рек Леди и Сюмы до устья Ваги, по Вели и по Пежме до Ярославского рубежа, вверх по Ваге от устья р. Кулуя до Ярославского рубежа, по р. Кулуй и по волоку от Кокшенги, по Кокшенге до устья, Великую Слободу, лежавшую в 53 км выше г. Шенкурска (см. «Книга Большому Чертежу», стр. 165), и ряд мест, расположенных на левом берегу Двины, несколько выше впадения в нее Ваги (о местоположении последних см. в статье Едемского, напечатанной в «Зап. Отд. русс. и славянск. археологии Русск. археол. об-ва», 1913, т. IX, стр. 50, прим. 1).

[3] См. Архангелогородскую летопись.

[4] Река Векшенга, в б. Тотемском уезде; правый приток Сухоны, впадает в 89 км ниже Вологды.

[5] Новг. 1-я л., 6780 г. (как «волость новгородская», наряду с Волоком и Бежицей); с договоры, тексты, изд. Шахматовым.

[6] В. О. Ключевский. Жития..., стр. 332.

в Сухону,— Staraia Tolma, где, вероятно, и следует искать древнее новгородское становище. Между Вологдой и Тотьмой на той же карте, по правой стороне Сухоны, обозначена Vexinga. По грамоте Святослава «у Вѣкшензѣ» давали 2 сорочка св. Софии.

Вверх по Двине крайним становищем-погостом было становище «въ Тоимѣ», впадающей в Двину, где давали св. Софии сорочек. Вероятно, становище было на Н и ж н е й Тойме, так как в Уставной двинской грамоте крайним местом вверх по Двине названа Тойма нижняя: «до Тоимы до Н и ж н и е тридцать бѣлъ»[1].

В погостах не только брали «куны». Становище-погост служило базой, отправным пунктом для поиска новой дани, учета местного населения. В погостах, в XIII в. по крайней мере, можно было получить «корм» и «подводы»[2]. Вопрос о расширении и освоении новгородской государственной территории имел первостепенное значение для новгородцев, и дело это находилось в руках влиятельной новгородской знати. О Даньславе Лазутиниче, посланном в 1169 г. за Волок «даньщиком», знаем, что за два года перед тем новгородцы отправляли его «с дружиной» в Киев за князем: «къ Мьстиславу по сынъ». Это ответственное поручение было сопряжено тогда с известным риском, так как Андрей Боголюбский, смолняне и полочане «пути заяша и сълы (послов) изымаша новгородьскыя вьсьде (везде), вести не дадуце Кыеву къ Мьстиславу». В апреле следующего года Роман Мстиславич все же благополучно был доставлен в Новгород[3]. О другом крупном человеке, посланном новгородцами в область Тоймы («на Таймокары»), о Семьюне Емине, известно, что после его возвращения, когда Юрий и Ярослав Суздальские не пустили его «сквозѣ свою землю», новгородцы избрали его тысяцким[4]. Очевидно, и он принадлежал к числу влиятельной новгородской знати. Смена посадника и тысяцкого стояла в связи с экспедицией в Тоймокары, как прямо о том свидетельствует Новгородская 1-я летопись под 1219 г. Еще важнее, что отряды «даньников», отправленных в Заволочье в 1169 г. и на Таймокары в 1219 г., состояли из определенного, постоянного количества «кметей» и посылались, повидимому, новгородскими «концами», так как «концы» в совокупности представляли собою Новгород, и в определенном количестве от каждого конца. В статье «Городские концы в древней Руси» А. В. Арциховский писал: «...по известию 1169 г., „новгородцы же послаша на Двину даньника Даньслава Лазутинича, а с ним из конца по 100 мужь...“. Другая летопись так передает это известие: „Ходи из Новгорода Даньслав Лазутиничь на Двину дани имать в 500 мужь“. Отсюда можно заключить, что уже в XII в. Новгород делился на пять концов, четыре из которых известны нам уже в этом веке по названиям»[5]. Заключение Арциховского было бы совершенно правильным, если бы он опирался на древнейший источник, а не на более поздние. Арциховский ссылается на ПСПЛ, тт. IV

[1] ААЭ, т. I, № 13.

[2] Там же, № 1.

[3] Новг. 1-я л.

[4] Новг. 1-я л., 1219 г.

[5] «Историч. зап.», 1945, вып. 16, стр. 3—4.

и V. В первом из них напечатана Новгородская 4-я летопись. Рассказ о событии в Новгородской 4-й летописи почти тождественен с рассказом Софийской 1-й летописи. Оба рассказа восходят к одному источнику, составленному в 30-х годах XV в. В пятом томе, на который ссылается Арциховский, напечатано сказание «о знамении, иже на острогу», помещенное в псковский свод конца XV в. Слова «в то же время двиняне не хотяху дани давати Новугороду, но вдашяся князю Андрѣю Суздальскому», показывают, что сказание писалось или обрабатывалось не ранее начала XV в., после известных двинских событий конца XIV в. Если же мы обратимся к древнейшему из всех сохранившихся летописей, к Синодальному списку Новгородской 1-й летописи, то прочтем, что новгородцев было не 500, а 400; то же прочтем и в Новгородской 1-й летописи младшего извода[1]. Цифра эта не случайная. Под 1219 г., в рассказе об отъезде Семьюна Емина на Тоймакары, мы также прочтем, что новгородцев тогда было с ним 400. Трудно предположить, что автор сказания «о знамении» просто сочинял, когда писал: «а с ним из конца по 100 мужь». Автор, новгородец, все же знал, надо думать, новгородские порядки, во всяком случае XV в.

Зависимость «областной» территории от концов подтверждается и рассказом Герберштейна о былых временах цветущего состояния Новгорода («нѣкогда, во время цвѣтущаго состояния этого города» и т. д.) и известием Псковской 3-й летописи под 1468 г. Если в XII—XIII вв. действительно отправляли «даньников» по 100 человек от «конца», а всех данников было 400, то в таком случае необходимо предположить, что в XII и в начале XIII в. «концов» в Новгороде было не пять, а четыре. Новгородские летописи в известиях XII в. упоминают только четыре конца: Перевский, Людин, Словенский и Плотницкий. Что же касается Загородского конца, то он появляется в Новгородской 1-й летописи только под 1433 г., а в Новгородской 4-й летописи — под 1384 г. Ранее же, упоминая о концах, летопись не называет «Загородского конца», а говорит только о «загородцах» (см. например, Новг. 1-ю л. под 1220 г.: «Людинь коньць и загородци») или о «Загородье» (см. Новг. 1-ю л. под 1372 г.: «ровъ около Людина конца и Загородья и Неревьского конца»). Когда составлялся общий источник Софийской 1-й и и Новгородской 4-й летописей, концов было пять, и понятно, что цифра 400 под 1169 г. была изменена на 500.

Но были земли, где установление постоянных становищ-погостов было делом невозможным. К числу таких земель принадлежали Пермь, Печера, Югра и Терский берег. И туда посылались «даньники», отряды сборщиков дани. Летопись называет «печерских даньников», «югорских», «терских». Одно указание летописи дает основание предполагать, что «даньники» назначались на более или менее продолжительный срок. Среди убитых в Липецкой битве, наряду с Онтоном «котельником» и Иванкой Прибышиничем «опоньником», назван Семьюн Петрилович, «тьрскии даньник»;

[1] Любопытно, что у писца XV в. исправленная описка: в Комиссионном списке— сначала 600, потом 400.

видимо, слова «тьрскии даньник» определяли его социальное положение в Новгороде.

«Даньникам» в этих землях приходилось, вероятно, прибегать к помощи местных князьков, «старейшин», остававшихся, как известно, не только под новгородской, но и позже под московской властью (в Перми, в Югре). Представление о деятельности новгородских сборщиков дани в этих далеких землях дают некоторые детали рассказа Новгородской 1-й летописи под 1445 г. Новгородцы укрепились «острогом»; так как летопись называет его «Васильев острог», ясно, что «острог» этот был сооружен самим воеводой Василием, возглавлявшим новгородскую рать. Начались переговоры с югорцами. Югорцы говорили: «мы хотим вамъ дани даяти, а хотимъ счестися, и указати вамъ станы и островы, уречица». Таким образом, сбор дани был сопряжен с учетом населения. Сведения о поселениях и угодьях давало само местное население. Оно давало сведения о «станах», как на северном языке назывались места рыболовных ватаг; об «островах», т. е. чистых от леса, возвышенных, сухих местах, пригодных для обитания, обитаемых; об «уречицах», т. е. об уреченных, условленных местах, займках.

О «пермских» данниках в летописи упоминаний не встречается. Можно отметить только, что в известии под 1187 г. слово «печерские» данники было заменено в «Софийском временнике» словом «пермские» данники. Из «Повести временных лет» нам известно, что «Пермь» давала дань «Руси», т. е. новгородцам, уже в начале XII в.

Нет никаких оснований полагать, что в первой половине XII в. в Перми имелись погосты, и не случайно в грамате Святослава мы не находим становищ, которые можно было бы локализовать в пределах Пермской земли. Во-первых, среди народов, платящих дань «Руси», «Повесть временных лет» называет или те народы, относительно которых у нас нет оснований предполагать, что у них были установлены погосты, или те народы, у которых попытки установить погосты терпели неудачу (прибалтийская чудь). Составитель «Повести временных лет» знает, например, «Заволоцкую Чудь», но он не включил ее в число народов, платящих дань «Руси»[1]. Во-вторых, погосты Перми второй половины XIV в. до Стефана Пермского не имели церквей, что отнюдь не свидетельствует об их древности. Уже в первой половине XIII в. была крещена Корела — «мало не всѣ люди»[2], и в том же столетии посылались богослужебные книги в Заволочье[3]. Весьма возможно, что в некоторых углах Заволочья «идолослужение» дожило до нынешнего столетия; но в Пермской земле только начаток распространения христианства был, по рассказу Епифания, положен во второй половине XIV в. Стефан поставил церковь на Устьвыми и начал ставить церкви «по рѣкамъ и по погостамъ». В-третьих, из рассказов Епифания видно, что условия деятельности духовенства и княжих людей в Пермском крае во второй половине XIV в. более или менее соответ-

[1] Лавр. и Ипат. лл.
[2] Лавр. л., 1227 г.
[3] См. выше.

ствовали условиям деятельности их в Ростовской земле в 60—70-х годах XI в., вскоре после установления там погостов во времена Леонтия, погибшего насильственной смертью. Стефану не раз пришлось испытать смертельную опасность: «яко убити и погубити хотяще, ополчишася на нь единодушно... напрязаа напрягоша лукы своя, и зѣло натянувше я на него, купно стрѣламъ смертоноснимъ сущимъ в луцѣхъ ихъ»; они хотели «ссѣщи» его острием топоров своих и т. п.[1]. Сведения, извлекаемые из биографии Стефана Пермского, написанной его младшим современником Епифанием, носят признаки достоверности. Как видно из епифаниевского жития Сергия, Стефан в поездках своих из Перми в Москву обыкновенно заезжал к Сергию, в лежавший на пути монастырь его, и здесь будущий биограф Стефана слушал его рассказы о Перми и об ее обращении в христианство[2]. Некоторые эпизоды в рассказе Епифания напоминают нам выступления кудесников в Белозерском крае, детально обрисованные летописцем со слов Яна Вышатича. И здесь, в Пермском крае, волхвы оказываются в роли вождей низов населения. Они дерзко перед Стефаном обличают тех, кто «обогащается» промыслами, «ловлями» народа (белки, соболи, куницы и рыси и «прочаа ловля наша») и зло высмеивают «бояр и вельмож» («в ня же облачатся и ходять и величаются подолки риз своих, гордящеся о народѣхъ людских, толикыми долгыми времены изобилующе и промыслствующе»)[3].

Таким образом, предполагать существование погостов в Пермской земле во времена составителя «Повести временных лет» нет оснований.

На какой же территории новгородцы собирали дань и какая территория «Переми» считалась в XIII в. «новгородской волостью»[4]? Едва ли новгородцы пытались проникнуть на Каму, на территорию «Великой Перми»; нет решительно никаких указаний на столкновения новгородцев с камскими болгарами. Скорее можно предполагать, что в начале XIII в. туда пытались проникнуть устюжане. В 1218 г. болгары совершили нападение на Устюг, а в 1220 г. устюжане с ростовской силой ходили с Вычегды на «верх Камы» и Камой на Волгу, на соединение с владимирской ратью, и по пути воевали болгарские города по Каме[5]. Новгородская «Перемь» охватывала, судя по житию св. Стефана, течение Выми, верхнее течение Вычегды и, может быть, близлежащие места «по рѣкам». Вероятно, именно древнюю новгородскую территорию Перми выделяет Епифаний, когда говорит, что Вымь обходит «всю землю Пермьскую» и впадает в Вычегду и что, идя Вычегдою «вверх», можно притти «в самую Пермь»[6]. Именно на Вычегде, в 148 км от устья, «Книга большому чертежу» помещает «Старую Пермь»[7].

---

[1] См. «Житие св. Стефана». СПб., 1897, стр. 25—27.

[2] В. О. Ключевский. Жития святых как исторический источник, стр. 90.

[3] «Житие св. Стефана». СПб., 1897, стр. 47.

[4] Договоры великих князей с Новгородом XIII в.

[5] Воскр. л.

[6] «Житие св. Стефана», стр. 9.

[7] См.: «Книга Большому Чертежу», под ред. К. Н. Сербиной, 1950, стр. 164. Отношение «Великой Перми» к «Старой» выяснил Дмитриев («Пермская ста-

Новгородская Пермь лежала на пути в Печору и Югру рр. Вычегдой, Вымью и Ухтой. Но, судя по письменным памятникам, новгородцам ранее был известен путь на «Печерскую сторону» с нижней Двины и Пинеги, о котором мы упоминали выше. Поскольку Ладога в середине XI в. была связана с Нижним Подвиньем, нас нисколько не удивляет, что в начале XII в. в Ладоге передавали рассказы «мужей старых» об Югре. Зная дальнейшую судьбу Ладоги и успехи новгородцев, мы не удивимся, что в начале XII в. в Югру уже ходили новгородцы и производили там меновую торговлю, как о том красочно повествует летописец со слов «новгородца» Гуряты Роговича; он рассказывал, как обитатели крайнего Севера «кажють желѣзо и помовають рукою, просяще желѣза, и еще кто дасть им желѣзо или ножь или сокиру, и они дають скорою противу»[1].

Уже к началу XII в. новгородская дань распространилась на Печору, как это видно, из перечня народов, платящих дань «Руси», и из слов Гуряты Роговича, переданных с комментариями летописца: «послахъ отрока своего в Печеру люди, иже суть дань дающе Новугороду». Сделалась она новгородской данницей незадолго до описываемых событий, судя, по тому, что об этом счел необходимым сказать летописец, и по тому, что на Югру новгородская дань тогда еще не распространялась. Об этом мы заключаем на основании перечня народов, платящих дань Руси и из рассказа Гурята Роговича. В дальнейшем с Печеры поступала дань, как видно из известия под 1133 г., когда «дани печерьскиѣ» были переданы Изяславу Мстиславичу (присланному Ярополком в Новгород), очевидно, в уплату дани, шедшей из Новгорода в Киев[2]. К 1187 г. новгородская дань распространилась на Югру, куда стали ездить «югорские даньники», как явствует из сообщения Новгородской 1-й летописи под этим годом. Но положение новгородцев в Югре не было, повидимому, прочным, так как в 1187 г. кем-то были избиты «югорские» и «печерские» «данники» в Печоре[3]; и Югра вслед за тем, видимо, прекратила выдачу дани или давала ее неисправно, так как в 1193 г. новгородцы предприняли большой поход в Югру. Из летописного рассказа под 1193 г. видно, что́ именно служило предметом дани: «копим с р е б р о и с о б о л и и и н а у з о р о ч ь я, а не губите своих смьрдъ и своеи дани»,— говорили югорцы, обманывая новгородцев[4]. Непрочность положения новгородцев в Югре объясняется отчасти тем, что среди новгородских предпринимателей была партия, враждебно относившаяся к успехам новгородской власти

рина», вып. 1). «Закамское серебро», упомянутое в Новг. 1-й л. под 1332 г., конечно, не великопермское, не закамское с новгородской точки зрения. В тексте первоначально было записано именно «закамьское», как читаем в Новг. 1-й, 4-й и Соф. 1-й лл. Позже это «закамское» серебро осмысливалось как «закаменьское», т. е. серебро из-за Камени (см. Воскр. л., Двинский летописец), из-за северного Урала. И в первоначальном значении «закамьское», с точки зрения обитателей Поволжья, было серебро, добываемое из стран, лежащих севернее Камы. Напомним, что Калита требовал закамского серебра, возвращаясь из Орды.

[1] Ипат. л., 1096 г.

[2] Лавр. л., 1133 г.

[3] Новг. 1-я л., 1187 г.

[4] Там же, 1193 г.

в Югре. С югорским князем держал «перевѣт» некто Савка; по дороге с Югры были убиты новгородцами Сбышка Волосович, Завид Негочевич и Моислав Попович. Оказывается, что они также «съвѣтъ дьржаше с Югрою на свою братью»; другие, изобличенные в предательстве, откупились «кунами». Позже враждебное отношение к успехам новгородцев в Югре выказали двиняне. Так, в 1364 г. новгородцы «дѣти боярьскии и молодыи люди» возвращались с Югры, где они с «воеводами» воевали по р. Оби. На пути, на нижней Двине, на Курье (Курья—речка и залив, приток Двины, ок. 14 км севернее Колмогор), двиняне напали на новгородцев, но были разбиты: «и двиняни сташа против их полком, и избиша двинян на Курьи»[1]. Не имеем сведений об участии новгородцев или двинян в избиении югорских и печерских данников в 1187 г. на Печоре; но необходимо отметить, что одновременно с избиением «данников» в Печоре были избиты «другие» новгородские «данники», «за Волоком, и паде головъ о сте къметьства» (то-есть воинов)[2]; в Академическом списке Новгородской 1-й летописи, вместо «къметьства», читаем «доброименитых», т. е. знатных.

Если судить по упоминаниям о «Терской» стороне в источниках (новгородская «волость Тре» договоров XIII в. и «терский» податной район Новгородской 1-й летописи), то дань с лопарей, обитавших на Терском побережье, как называлось западное и Южное побережье Кольского полуострова от Святого носа до р. Варзуги, новгородцы брали уже в XII—XIII вв. Первое упоминание (о терском «даньнике») относится к началу XIII в. (к 1216 г.). По некоторым данным (я имею в виду норвежские источники), район новгородской дани далеко не ограничивался терским берегом. Сравнение «Разграничительной грамоты» с рассказом о посольстве в Норвегию 1251 г. приводит к выводу, что новгородская дань проникла очень давно на Кольский полуостров, и это подтверждается текстом древнейшей «Гулатингской правды», составленной около 1200 г. По этим данным, новгородцы собирали дань до Ивгей-реки и Люнгенфьорда в нынешнем норвежском Финмаркене[3]. Но нет оснований предполагать, что в XII—XIII вв. на Терском побережье существовали уже новгородские «погосты» — становища. Позднее, под 1419 г., новгородская летопись отмечает «Корельский погост», «в Аргузе», т. е. «в Варзуге», как называлась, видимо, территория, тянувшая к этому погосту (ср. «в Опочке», «в Русе» и т. п.).

Подведем некоторые итоги. Разноплеменная новгородская территория выросла из племенной территории, послужившей ее основным ядром. Можно предполагать, что Новгород еще до князя, основателя новой династии, получил значение центра государственного объединения, выраставшего на развалинах родоплеменного строя, на что указывает древний летописный материал. В интересах местной знати было ликвидировать в своей среде междоусобия, когда восставал «род на род», и создать аппа-

[1] Новг. 4-я л. Курьей также называется рукав в дельте Двины, выходящий между островами Соломбальским и Никольским (Семенов, Словарь, т. II).

[2] Новг. 1-я л., 1187 г.

[3] И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Историч. зап.», 1945, № 14.

рат принуждения, распространяя его действие на примыкавшую к Новгороду населенную территорию. В первой половине X в. погосты устанавливались по Мсте и Луге (территория по Волхову в части своей тянула к Ладоге). Мы не совсем будем правы, если скажем без оговорок, что новгородская территория непосредственно выросла из племенной территории. Некоторые части будущей Новгородской «области» стали складываться самостоятельно (Ладога и кривический Псков). В летописном рассказе о событиях начала XI в. новгородская знать, возглавлявшая «тысящу», выступает как самостоятельная сила. Социальное лицо этой знати, как феодальной, землевладельческой, ярко рисуют летописные известия последующего времени. Переломным периодом в истории новгородской территории были 40—50-е годы XI в. Ярослав, по условиям времени, идет на уступки новгородской знати. Власть Новгорода переходит на Ладогу и Псков с их территориями. Вслед за Ладогой в состав территории будущей новгородской «области» входит приладожская Корела, Карельский перешеек и Ижорская земля, что облегчает установление власти Новгорода над землею води (не ранее второй половины XI в.).

На юге предел расширению был положен встречным движением со стороны Полоцка; с распространением власти новгородцев на Псковскую землю по течению р. Великой определилась в дальнейшем судьба Пусторжевского края, явившегося приращением к новгородской территории по рр. Полисти и Шелони. Восточнее, на южной окраине, новгородскому распространению препятствовало встречное движение со стороны Смоленска, а на юго-востоке во второй половине XI в. новгородцы далеко распространили свою дань, на территорию с населением в основной своей массе не пришлым из Новгородского края (Волок Ламский). Территориальным приращением к Помостью явилась Новоторжская волость, тянувшаяся до Холохольны. В XII в. заметно встречное движение на верхней Волге со стороны владимирских князей. Восточнее Помостья образовался «Бежицкий ряд» и несколько «волостей», соприкасавшихся с областью распространения ростовской дани. Территориальное нарастание Новгородской «области» в восточном направлении шло не прямо на восток от Новгорода и Ладоги, а через Заонежье, которую связывала с основной новгородской территорией территория «Обонежского ряда». Исследование позволяет определить ряд территориальных наслоений, подобно тому как это мы делали, изучая образование южных областей, и уловить процесс роста новгородской территории.

Не следует отожествлять процесс распространения государственной власти на севере и процесс колонизации, хотя в отдельных случаях оба процесса могли совпадать. Захват земель новгородским боярством и монастырями на громадном пространстве в Подвинье, от Емцы и Ваймуги до верхней части Ваги, по сохранившимся документам, происходил в XIV, XV и XVI вв. Между тем уже в первой половине XII в. здесь были новгородские погосты-становища. На Нижнем Подвинье основной колонизационной силой было черное, волостное население. Население это, надо думать, некогда пришло сюда, спасаясь от эксплуатации новгородских феодалов. Но здесь образовалось свое местное двинское боярство, хорошо

известное актам и летописям. Не исключена, однако, возможность, что уже со второй половины XI в. новгородское боярство начало приобретать владения на севере, в Заволочье, преимущественно, по условиям природы, в виде промысловых угодий.

К первой половине XII в. новгородцы раскинули сеть погостов по Двине и Ваге и на Сухоне, куда дань распространилась с верховьев реки Моши, с севера. В начале XII в. новгородцы собирали дань в Печоре и Перми. Несколько позднее, в последней трети XII в., новгородцы собирали дань в Югре и тогда же или немного позже начали собирать дань на Терском побережье Кольского полуострова. Вопрос о расширении новгородской территории имел первостепенное значение для новгородцев, и дело это, насколько можно судить по дошедшим до нас летописным известиям, находилось в руках влиятельной новгородской знати.

ГЛАВА VII

Мы проследили историю образования новгородской территории; она росла веками, наиболее интенсивно, как мы видели, во второй половине XI в. и первые десятилетия XII в. Обратимся теперь к карте новгородских пятин, известной по данным конца XV и XVI вв. Хотя тем самым мы формально выходим за пределы нашей прямой задачи, но мы имеем в виду обосновать и проверить сделанные выше выводы и наблюдения. О пятинах источники, упоминающие о новгородской территории, начинают говорить не ранее последней четверти XV в., т. е. в эпоху падения Новгорода и его «области». Нет ничего удивительного, что в пределы пятин не вошли территория Псковской земли, Ржевы, Великих Лук, Торжка, Бежицкого верха с соседними волостями и территория по реке Онеге с Заволочьем.

Признаки нарастающей самостоятельности Пскова заметны уже с XII в.; во второй половине XII в. летопись сообщает о борьбе князя новгородского Мстислава с псковскими «сотскими»[1]. С XIV в. Псков начинает отрываться от Новгорода, сохраняя лишь церковно-иерархическую зависимость от старейшего города. В XV в. в борьбе за свою самостоятельность Псков ищет поддержки в Москве[2]. Ржевская и Великолуцкая волости были пограничными с Литвою и на рубеже XIV—XV вв. в некоторой степени оторвались от Новгорода и стали платить дань Литве, хотя новгородцы считали их своими. В 1406 г. псковичи, преследуя Литву после ее набега на Коложскую волость, повоевали Ржеву и на Великих Луках «стяг коложьскии» взяли[3]. По новгородской летописи псковичи тогда воевали «села новгородцькаа Луки и Ржову»[4]. В 1436 г. новгородцы ходили на Луки Великие и Ржеву за то, что те не хотели «дани давати»[5]; по другой Псковской летописи, они «Ржеву воеваша своих данщиков», так как те, «не почаша дани давати новгородцем»[6]. Согласно новгородской летописи на ржевичей шли тогда, кроме новгородцев, порховичи и рушане. Они шли «трема путьми» и «села вся пожгоша по Ръжевѣ, по плесковьскыи рубежь и на Бардовѣ»[7]. По договору с великим

[1] Ипат. л., 1178 г.

[2] А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. «Историч. зап.», 1946.

[3] Псковск. 2-я л.

[4] Новг. 4-я л.

[5] Псковск. 2-я л.

[6] ПСРЛ, IV, стр. 210.

[7] Новг. 1-я л., 1435 г.

князем Казимиром (около 1440 г.) в Луках «ваш тивун и наш тивун судит напол»[1]. В Ржевском же крае во второй половине XV в. дело обстояло еще сложнее, и, как явствует из росписи «дани ржовской», составленной в 80-х годах XV в., «дань ржовская» шла «здавна» и к королю, и к Новгороду, и к Москве[2].

В состав новгородских пятин не вошли ни Волок Ламской, ни Торжок, ни Бежицкий верх с некоторыми соседними пограничными волостями. Перечисленные новгородские волости стали в некоторой мере отрываться от Новгорода еще раньше, в XII—XIII вв., с усилением великого княжества владимирского. Волок Ламской временами оказывался в руках владимирских князей[3], а в XIII в. установилось совместное владение Волоком их и Новгорода. Он был разделен на две «части», из которых одна принадлежала Новгороду, а другая — великому князю[4]. В аналогичном положении был и Торжок с волостями, также не раз захватывавшийся великими князьями и также оказавшийся в совместном владении Новгорода и великих князей владимирских[5]. Наконец, в Бежицком верху, по мнению М. Любавского, «установилось своего рода совместное владение Новгорода и Москвы. Это совместное владение устанавливалось путем скупки сел у новгородских землевладельцев, имевших крупные имения в этом, относительно плодородном крае и путем заведения здесь новых сел»[6].

На северо-востоке пределы Обонежской пятины кончались там, где начинались волоки к реке Онеге. Таким образом, Поонежье вместе с Заволочьем, на которое еще в XIV в. претендовали великие князья московские, не вошло в состав пятин.

Обратимся теперь к внутренним границам пятин. В какой мере они воспроизводили старые внутриобластные новгородские рубежи? Одна из особенностей внутренних границ новгородских пятин заключается в том, что они в значительной части своей идут по основным речным магистралям: Волхову, Луге, Ловати, Мсте. Что это, административное творчество авторов нового территориального деления или такое разграничение восходит к старым, внутренним новгородским рубежам, к новгородской «старине»?

Начнем с Шелонской пятины. Она включает древнейшую новгородскую территорию, племенную территорию новгородских «словен». Она включала ту территорию, где княжеское влияние чувствовалось всего сильнее, т. е. территорию, прилегавшую к озеру Ильмень с запада и юга. На этой территории, как известно, лежали княжеский Юрьев монастырь, княжеское село Ракомо, где летописный рассказ застает Ярослава в 1016 г.,

---

[1] «Сборник Муханова», М., 1836, стр. 4.

[2] Там же, ст. 42.

[3] Ипат. л., 1160 г.; Лавр. л., 1178 г.; Воскр. л., 1212 г.; Новг. 1-я л., 1216, 1229 гг.

[4] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Тексты, № 1—3.

[5] Там же.

[6] М. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 95.

Взвад, где князья гнали зверя, Ру́са, где были княжеские соляные варницы, и т. п. Как мы видели выше, Ру́са была центром княжой, «русской» силы, силы киевских князей, расположенная на пути из Руси в Новгород. Не видно в ней назначенных Новгородом посадников. О рушанах не упоминает летописный рассказ об изгнании псковичами и ладожанами князя Всеволода Мстиславича в 1132 и в 1136 гг.[1]. В 1224 г. рушанами в борьбе с Литвой предводительствует новгородский посадник Федор[2]. Она оставалась в значительной степени княжеской, ее главные силы «засада»: огнищане и гридьба, т. е. княжеская организация[3]. Только в XIV в. Ру́са в полной мере перестала быть княжеской; и в 1316 г. рушане вместе с псковичами, ладожанами, Корелой, Ижорой и вожанами идут на помощь новгородцам против князя Михаила[4]. Княжий характер Старорусской области подтверждается археологическими данными: мы разумеем признаки более ранней и быстрой христианизации края, выразившейся, по мнению Н. Рериха, в быстром переходе к жальническим погребениям на территории зарусской половины Шелонской пятины[5]. Центром этой территории, всей или части ее, была Ру́са, где брали за проезжий суд, согласно договорной грамоте Новгорода с Казимиром, заключенной в 1470—1471 гг.[6].

Составляла ли р. Ловать рубеж этой территории? Можно с уверенностью ответить отрицательно на этот вопрос на основании следующих данных. В 1229 г. Литва воевала Любно, Мореву и Серегер[7]. Селение Любно — в 26 км от Демянска Новгородской области, на р. Поле. Близ него на той же реке с. Новая Руса, или Морево, и дер. Усть-Морево при впадении реки, на которой находятся также деревни Никольское Морево и Успенское Морево, а в верховье — с. Верх-Морево[8]. В писцовой книге Деревской пятины 1495 г. помечена «волость великого князя Морево», причем деревни разделяются на «десятки» (в каждом «десятке» в большинстве случаев 16 деревень). Писцовые книги указывают «Рядок в Русе Моревѣ» или «Рядок Морева Руса»[9]. Итак, Морево называлось «Руса Морево», что заставляет полагать, что она составляла продолжение Старорусской

---

[1] Новг. 1-я л. Село Ракома лежит к ю.-юго-зап. от Новгорода.

[2] Там же.

[3] Там же, 1234 г.

[4] Там же, 1316 г.

[5] «Зап. имп. Русск. археол. об-ва», 1899, т. XI; Н. И. Репников. Указ. соч.

[6] ААЭ, т. I, стр. 63. Приведенные данные позволяют думать, что старорусская территория захватывала нижнее течение р. Шелони, что подтверждается писцовой книгой Шелонской пятины, отмечающей «Новую Русу» на Пшаге, и западноевропейскими картами XVI и XVIII вв., указывающими на р. Шелони Новую Русу там, где, по новгородским источникам, лежал погост Струпинской (см. В. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910). Погост Струпинской лежал на северной стороне Шелони, у р. Мшаги (Пшаги). Напомним, что в 1200 г. Литва воевала от р. Полы (от Налюча) до р. Шелони (Свинорт на Нижней Шелони).

[7] Новг. 1-я л.

[8] См. замечания Надеждина и Неволина. М. Погодин. Исследования..., т. IV, стр. 320. См. Список населенных мест Новгородской губернии, стр. 56, № 5, 57—61; стр. 48, № 88; стр. 48, № 95; стр. 52, № 135.

[9] К. А. Неволин. О пятинах. Приложения, стр. 230, текст, стр. 177.

территории. Такой вывод подтверждается исследованием С. Ф. Платонова о «Русе», в котором автор приходит к выводу, основываясь главным образом на анализе событий 1471 г., что «Русою» назывался «весь район между рр. Полистью и Полою»[1], т. е., иными словами, что древняя старорусская территория распространялась по обеим сторонам Ловати. Южнее, также к востоку от Ловати, лежала древняя княжеская волость Буйце, расположенная, как видно из летописных известий, на пути из «Руси» на Ру́су в Новгород[2].

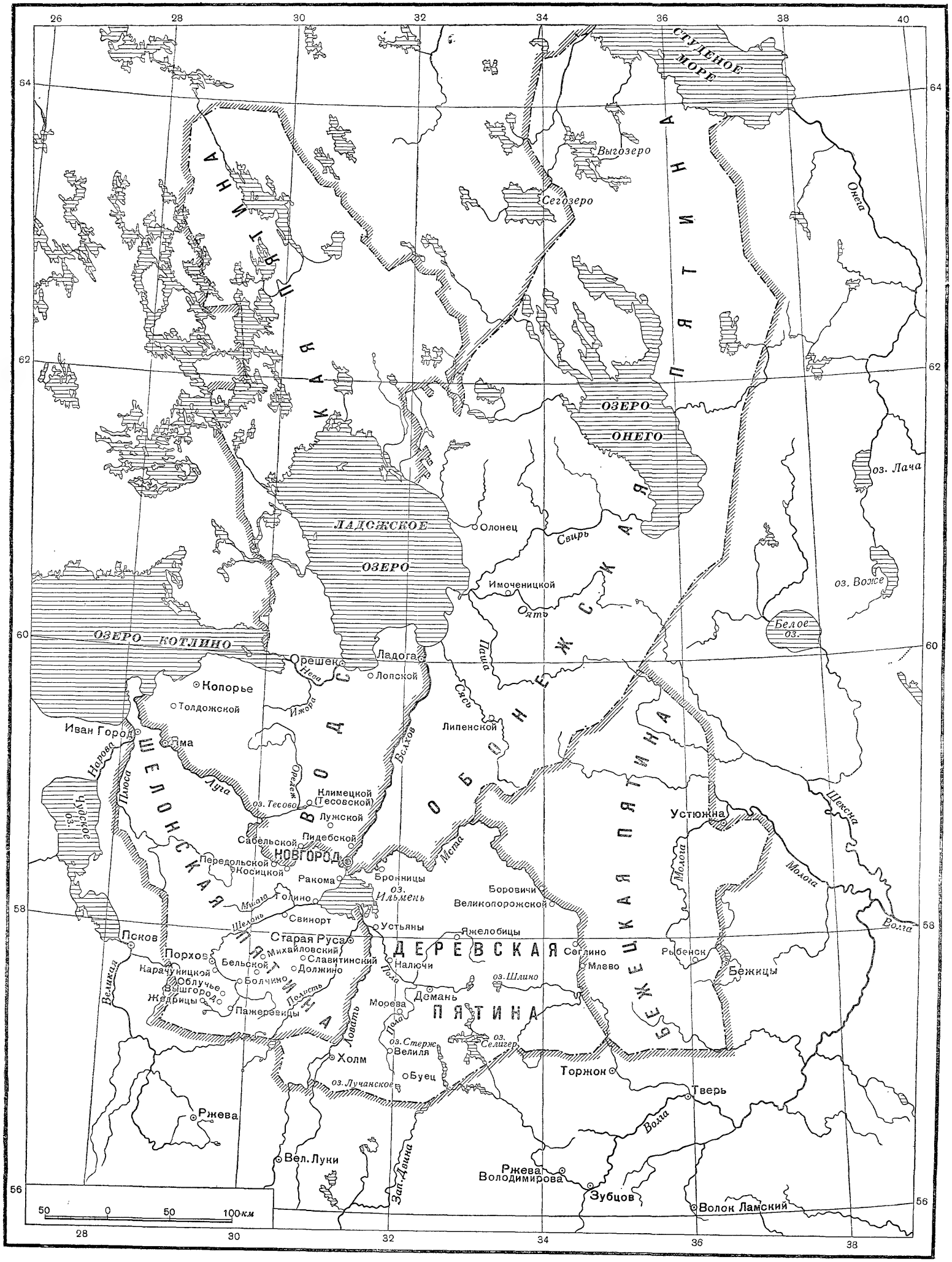
С севера граница Шелонской пятины шла по Луге. Нет сомнения, что в древности, в новгородское время, Луга составляла не рубеж двух областей, а стержень особой области. По летописи, «Луга» являлась особым от Водской земли районом; так, в 1242 г. немцы возвращали: «Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу». О том же свидетельствует и летописное свидетельство под 1444 г., когда новгородцы послали на немцев «селников луских ъ и вочкых ъ и ижерьскых ъ бояръ»[3]. Территория «Луги» лежала по обеим сторонам реки, и река Луга не служила границей, отделявшей «Водскую землю» от Лужской области. Во-первых, территория погостов Сабельского, Косицкого, Передольского и Ямское окологородье находилась как в пределах Шелонской, так и в пределах Водской пятины[4]. Во-вторых, имеем прямое указание, что территория, лежавшая к востоку от нижней Луги, между Толдогой и Лугой, не входила в состав Водской земли: под 1338 г. читаем, что немцы приходили «из городка воеват на Толдогу (т. е. на Толдовский погост) и оттолѣ хотяху на Водскую землю»[5].

Как район заселенный, служивший объектом неприятельских нападений, где можно было встретить «села», «кони» и «скот» и достаточно поживиться, и как новгородская «волость», Луга упоминается в известиях XIII—XIV вв. «до Сабля», т. е. до Сабельского погоста, расположенного в 42 км от Новгорода. Так, в 1240 г. немцы взяли «Лугу до Сабля», они угоняли скот и коней, так что «по селомъ» нельзя было пахать. Спустя сто лет (в 1346 г.) Ольгерд через Опочку вышел к Порхову («Порховьскому городку») к Шелони и грабил по р. Шелони, дошел до устья Пшаги и, очевидно, Пшагою пробрался к Луге и взял «Лугу на щитъ». За успех Литвы посадник Дворянинцев поплатился жизнью; новгородцы говорили ему: «в тобѣ волость нашю (т. е. Лугу) взяша»[6]. Новгородская 4-я летопись отмечает при этом, что Луга была взята до Сабельского погоста («до Сабля»).

Перейдем к Водской пятине. Она заключала в себе часть Лужской волости, Водскую землю, Ижорскую землю, Корелу, Лопцу и часть Поволховской территории. Некоторые из этих новгородских «волостей», как особые в судебно-податном отношении волости, упоминаются в договорной

---

[1] С. Ф. Платонов. Руса. «Дела и дни», 1920, кн. 1, стр. 3.
[2] Новг. 1-я л., 1232 г.
[3] Там же, 1242, 1444 гг.
[4] К. А. Неволин. Указ. соч., стр. 98.
[5] Новг. 1-я л., 1338 г.
[6] Новг. 1-я л., 1240, 1346 гг.



Новгородские пятины (по К. А. Неволину)

А. Н. Насонов

грамоте Новгорода с Казимиром 1470—1471 гг.; за проезжий суд брали и в Водской земле, и в Лопце, и с Ижоры, и в Ладоге, и «по иным» волостям новгородским брали пошлины «по старинѣ»[1].

Водская земля на западе граничила с Лужской волостью, а на северо-востоке с Ижорой, что подтверждается летописным известием под 1444 г.: немцы, «пришедше под город под Яму, бивше и пушками, и стоявше 5 днии, и по Вочкои земли и по Ижерѣ и по Невѣ поплениша и пожгоша»[2]. Не исключена возможность, что в южном направлении территория Водской «волости» доходила до Новгорода. Мы видели, что Луга в летописных известиях упоминается до Сабельского погоста. Река Луга, как известно, в верховьях своих меняет направление своего течения, образуя угол. Территория Климецко-Тесовского погоста и Егорьевско-Луского могла входить в состав Водской «волости». В пределах Егорьевско-Луского погоста писцовая книга показывает «село Луско», вероятно то самое «Луское село», которое вместе с половиной Копорья, центра Водской земли, а также Ореховым и Корельским городом было дано в 1383 г. Патрикию Наримантовичу[3]. По некоторым данным, «Водская дорога» пересекала Климецко-Тесовский и Егорьевско-Луский погосты. В 1240 г. немцы с Копорья дошли до «Тесова» на Ордежe и подходили к Новгороду на расстояние 31 км, «гость бьюче», т. е. очевидно, по дороге, на которой происходило торговое движение[4]. К Новгороду «Водская дорога» подходила со стороны Неревского конца и ею выезжали на Кузмодемьянскую улицу: «в писцовой книге упоминаются деревни, что были Спасские конець Кузмодемьяни улици с поля, с Вотцкие дороги»[5].

Ни относительно Ижорской земли, ни относительно Корельской земли мы не имеем оснований полагать, чтобы они близко подходили к Новгороду. Ижорская земля лежала к югу от Невы и с запада граничила с Водской, а с востока с Лопской «волостью» и близко подходила к Орешку. Корельская земля начиналась с северной стороны Невы; она занимала Корельский перешеек и охватывала с запада и с севера Ладожское озеро. Древние новгородские известия указывают именно на л а д о ж с к у ю Корелу[6]. Нельзя быть вполне уверенным, что Ижора и Корела в XIII в. в судебно-податном отношении находились в равном положении с другими «волостями». Об Ижорской земле мы имеем некоторые указания. Во-первых, в проекте договора Новгорода с немецкими купцами 1209—1270 гг. упоминается суд «ижорского ольдермана»[7]. Во-вторых, записанные со слов современников биографические

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 63.

[2] Новг. 1-я л.

[3] «Новгородские писцовые книги», т. III, первая половина. СПб., 1868; Новг. 1-я л., 1383 г.

[4] Там же, 1240 г.

[5] «Зап. Отд. русск. и славянской археологии имп. Русск. археол. об-ва», 1887, т. IV, стр. 37.

[6] Новг. 1-я л., 1228, 1241, 1253, 1270, 1284, 1292, 1293, 1295 гг.

[7] И. А н д р е е в с к и й. О договоре Новгорода с немецкими городами, стр. 23, пр. 80.

данные об Александре Невском содержат рассказ об «ижорском старейшине», на обязанности которого лежала охрана водных рубежей; он сам был местный ижерянин, ижорский «старейшина»; он жил «посредѣ роду с в о е г о погана суща»; его имя было Пелгуй, но он принял крещение и был наречен Филиппом[1] (ср. крещение пермских князьков).

Упомянутая в договоре с Казимиром «Лопца», или Лопская «волость», граничила с запада с Ижорской землей, с востока с Ладожской поволховской территорией, а на севере выходила к Ладожскому побережью и истокам Невы. В ее состав входила, очевидно, волостка Лопца, расположенная на р. Ловуе и по побережью Ладожского озера и разрезанная со временем на две части образовавшимся Городенским ладожским погостом. Вероятно, кроме того, Лопская волость охватывала территорию Лопского егорьевского погоста, лежавшего по рекам Назье, Шельдихе и Лавуе (Лаве) и по побережью Ладожского озера, и подходила к Орешку (ныне — Петрокрепость Ленинградской области). Одна из «сторон» Орешка называлась «Лопской», а другая «Корельской»[2]; Кеппен указывал на одну группу деревень, еще в прошлом столетии носивших название Loppi-kolka[3].

Ладожская «волость» занимала, очевидно, территорию по Волхову, хотя к концу XV в. выходила и к юго-западной оконечности Ладожского озера, к устью р. Кобоны, судя по расположению Городенского ладожского погоста. Без сомнения, что ее территория лежала по обеим сторонам Волхова: во-первых, на это указывает сравнение «Обонежского ряда» с откупной обонежской грамотой 1434 г., во-вторых, расположение погостов Михайловского на Волхове, Никольского с Городища, Ильинского на Волхове, Солецкого на Волхове, Андреевского Грузинского и других, лежавших как в Водской, так и в Обонежской пятинах.

Обонежская пятина заключала в себе часть Поволховской территории, территорию бывшего «Обонежского ряда», территорию Нагорья (термин — известный летописям)[4] и территорию Заонежья в широком смысле слова, т. е. как территорию заонежских погостов XII в., так и территорию, бывшую не вполне еще освоенной в первой половине XIII вв., расположенную по северо-западному берегу Онежского озера и к северу от Онежского озера до Белого моря и населенную емью, корелой и «дикой лопью»[5].

---

[1] Лавр. л., 1263 г.

[2] См. «Писцовую книгу Вотской пятины», напечат. в «Временнике Моск. об-ва истории и древн. российских». 1851, кн. II, стр. 111.

[3] К. А. Неволин. Указ. соч., стр. 124.

[4] «Нагорье» — географическое определение местности, лежавшей к югу от территории «Обонежского ряда», судя по известиям Воскресенской и Софийской 2-й летописей под 6986 г., упоминающим «в Нагорьи» «Мелегежской погост» и «Колбаской погост», из которых первый лежал в верховьях Сяси, а второй на р. Воложе, или Воложбе (Колбецкой или Климецкой, погост в Колбегах).

[5] О Лопи см. СГГ и Д., т. I, стр. 393, 496; АИ, т. IV, стр. 1, 651 (№ 15) (о лопских погостах). Существует поныне д. Лобская, или Лопская, при оз. Лопском на северо-восточной стороне Онежского озера в Медвежегорском районе Карело-Финской ССР (см. Список населенных мест Олонецкой губернии, № 3556). См. также в летописном отрывке из

Бежецкая пятина охватывала земли, лежащие к северо-западу и частью к западу и к юго-западу от территории «Бежицкого ряда» и только в небольшой степени захватывала территорию последнего (Рыбанск). На западе граница пятины шла по верхнему и среднему течению Мсты. Нет основания полагать, что Мста служила рубежом древних новгородских «волостей». Новгородская летопись и устав Всеволода говорят о территории «по Мсте», или о «Помостье», где торговали «гости» и где собирали «дань». Погосты Боровичской, Великопорожской, Сеглинской, Млевской относились как к Бежицкой пятине, так и к Деревской. Территория Помостья — очевидно, территория, лежавшая по обеим сторонам Мсты.

Таким образом, Деревская пятина, границей которой с севера и с запада служила река Мста, захватывала часть Помостья. Наиболее значительным центром в XV в. к югу от Мсты были отстоящие на 127 км от Новгорода с. Яжелбицы, судя по тому, что дорога, по которой ездили из Москвы в Новгород, называлась «Яжелобицкой»; она пересекала Мсту у с. Бронницы, служившего последней остановкой перед Новгородом на пути из Москвы в XV—XVI вв. и раньше, в XIII в. (на пути из Ростово-Суздальской земли)[1]. Сел. Яжелобицы известны как центр «Яжелобицкой волости»[2]. Юго-западнее, места в районе Деманя назывались «Деревами»; здесь проходила «Деманская дорога», по которой, очевидно, и торговали «деревские гости», упомянутые в Уставной грамоте Всеволода[3]. Места эти и дали, видимо, наименование всей пятине. Наконец, на западе Деревская пятина захватывала часть старорусской территории и той пограничной новгородской территории, где лежала волость Буйце, через которую исстари проходила дорога из «Руси», а также Велиля, Лопастицы и Холмский погост[4].

Из сказанного можно заключить, что построение пятин в виде лопастей, расходящихся из их общего центра, Новгорода, могло напоминать отчасти расположение древних новгородских волостей Лужской, Ладожской (Поволховской) и, повидимому, Водской; возможно также, что близко подходила к Новгороду территория, где княжеское влияние было наиболее сильным, с г. Руссой, а также территория Помостья с прилегавшими землями. Но нет сомнения, что при образовании пятин, когда

Архивского 3-го списка Псковской летописи: «до Лексы рѣки до Лопи до дикие» (Псковские летописи, т. I, 1940, стр. 141). Река Лекса — приток Выга; орошает б. Повенецкий уезд.

[1] Яжелобицкая дорога выходила на Палины, лежавшие между Локотском и Тухолой, как видно из известия Софийской 2-й летописи под 1478 г., и далее на Бронницы (там же). Еще в XIII в., по известию Новгородской 1-й летописи под 1269 г., дорога из Новгорода в Ростово-Суздальскую землю шла через Бронницы. Под 1535 г. в сообщенной поездке архиепископа Макария из Новгорода в Москву упомянуто, что Бронницы лежали в 21 км от Новгорода (Соф. 2-я л.). О пути по Яжелобицкой дороге см. под 1456, 1478 и 1537 гг. («великая дорога») в Соф. 2-й л. Через Яжелобицы проходила почтовая дорога из Москвы в Новгород еще в прошлом столетии.

[2] Соф. 2-я л., 1537 г.

[3] О «Деманской дороге», см. там же, 1478 г.

[4] Сел. Холм ныне расположено на р. Ловати, к югу от Старой Русы.

проводили граници у по большим водным магистралям — Ловате, Луге, Волхову, Мсте, не считались с прежними внутренними рубежами. Такое деление носило признаки нового административного творчества. Таким образом и деление пятин на «половины» в пределах, очерченных теми же границами, весьма позднего происхождения. В предыдущем разделе мы привели ряд данных, свидетельствующих о весьма позднем происхождении «Заонежской половины» как территориального деления. Само название некоторых «половин» по именам московских писцов или земель, лежащих за пределами Новгородской области, показывает, что они образовались в московскую эпоху, в эпоху господства Москвы над Новгородом: «Белозерская» половина, «Тверская» половина, половина «Григорьева-Морозова», половина «Жихарева-Рябчикова».

Приведенный выше материал бросает некоторый свет на перечисление сотен, вписанное в «Уставе о мостех» князя Ярослава, представляющее собою вставку в текст устава. Вставка эта не совсем случайная и какое-то отношение к содержанию «Устава о мостех» имеет, так как после слова «Волховьская» читаем «трои риле», т. е. три мостовых звена. В истории рукописных текстов довольно обычно, что запись, сделанная на полях рукописи, при переписке попадает в середину текста. Так как все без исключения списки «Устава о мостех» содержат перечисление сотен, то надо полагать, что вся запись о сотнях попала в текст устава вскоре после его составления, в XIII в., во всяком случае не позднее начала XV в.

Первые девять сотен названы по именам. Десятая носит название «Княжая». Далее повторяется: «Княжаа», и вслед за тем идут еще восемь, названных по новгородским «областным» территориям. Как бы мы ни толковали эти сотни («ста»), вся запись указывает на какую-то связь между новгородскими сотнями и «областными» территориями. Мы не будем сейчас входить в вопрос о значении этих сотен, о том, что они собою представляли[1]. Нас интересуют в данном случаи самые территориальные наименования. Территории, по которым названы сотни, оказываются древними новгородскими волостями, известными нам из других источников.

После слов «11 я княжа ста» читаем: «12 я Ржевьская». Все перечисленные далее названия без исключения относятся к землям, лежащим в пределах Новгородской «области», и нет оснований полагать, что название «Ржевьская» почему-то представляло бы исключение и относилось бы не к Ржеве Новгородской, а к Ржеве Володимерской. Выше мы выясняли историю Ржевской волости по источникам. В XV в. Ржова, или Ржева, составляла территориальное целое «по старине». С востока она граничила с Холмовским погостом и Великолуцкой волостью, а с юга, как и эти земли, выходила к литовскому рубежу. Рубеж этот проходил южнее так называемого «Заволочья» и озера Подце, расположенного к востоку от

---

[1] Б. А. Рыбаков стоял на правильном пути, связывая названия части сотен с «областными» территориями. Но он неправильно сближал их названия с полупятинами XVI в., тем самым давая неверное направление решению вопроса о происхождении новгородских пятин. См. «Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.» «Истор. зап.», 1938, № 2.

верховьев р. Великой[1]. На западе, по данным начала XV в., «Ръжева» (Ржевская волость) граничила с Псковской землею[2]. На севере она захватывала течение Сороти и верховья Полисти.

Ржева — с. Пустая Ржева, бывшее до 1777 г. уездным центром, когда уездное управление было перенесено в Аршанский стан, где учредили новый город — Новоржев[3]. Вся Ржевская податная область, или «Ржевская дань», в XV в. состояла из двух погостов: Ошевского и Бардовского. Ошевский, или Ашевский, погост-поселение лежало в 31 км к северо-востоку от нынешнего Новоржева, недалеко от большой дороги из Великих Лук в Порхов при р. Ашевке, где ныне с. Ашево[4]. Неподалеку от Ашева имеется д. Русса[5]. Ашевский погост делился на три «трети»: Ашевскую, или Влискую, Туровскую и Будкинскую[6]. Центром Туровской трети было, вероятно, Турово, где впоследствии лежал «погост» Турово, при р. Льсте, левом притоке Сороти[7]; центром Будкинской трети — Будкиничи, упоминаемые в «Ржовской дани», местоположение которых мне определить не удалось. В Ошевской, или Влиской, трети было три губы: Влицы, Цебло и Ратча. Их локализация облегчается указаниями Списка населенных мест Псковской губернии на «погосты» Влицы, Цевло и Ратча[8]. «Погост» Влицы, или Блицы, лежит между правыми сторонами Белорусского и Холмского трактов и «границею 2-го стана»; погост Цевло — при озере Цевло, восточнее Новоржева, районного центра Псковской области, причем, согласно Списку, Цевельская волость расположена вокруг озера Цевло, которое посредством вытекающей из него речки Цевли спускает свои воды в оз. Полисто, дающее начало р. Полисти; погост Ратчи (Ратча) и дер. Ратча лежали в Холмовском уезде Полистово-Ратчинской волости, раскинувшейся вокруг оз. Полисто и по р. Полисти, западнее-северо-западнее Холма, районного центра Великолукской области.

Погост-поселение Бардово лежало, очевидно, на месте нынешнего «погоста» Бордово (Бардово) при р. Алоле, между Новоржевом и «Заволочьем», в 69 км от Новоржева[9]. На территории Бардовского погоста в XV в. имелись три «трети»: Бардовская, Ольская и Ругодевская. Местоположение Ругодевской трети определяется сельцом Ругодево, лежащим в 18 км к северу от Новоржева, между правым берегом Сороти, правою стороною Островской дороги и б. границами Островского, Порховского

---

[1] Псковск. и Воскр. лл., 1536 г.

[2] Новг. 1-я л., 1435 г.

[3] «Городские поселения в Российской империи», т. IV, СПб., 1864, стр. 285. В 1708 г. Ржева Пустая и Заволчье при разделении России на восемь губерний были приписаны к Ингерманландской губернии. Местоположение Ржевы пустой ищут там, где находится д. Подоржевка (см. Список насел. мест Псковской губ., № 5506).

[4] Список населенных мест Псковской губернии, № 4334. Село Ашево — Ашевского района Псковской области.

[5] Там же, № 4330.

[6] «Ржовская дань», в «Сборнике Муханова» (М., 1836).

[7] Список населенных мест Псковской губернии, № 4721.

[8] Там же, № 3790, 14012, 14037.

[9] Там же, № 544, с. Бордово (Бардово)— при р. Алоле или при оз. Бордово (?).

уездов и «1-го стана»; а местоположение Ольской — дер. Олисово, находившейся в 22 км от Новоржева, между левою стороною Святогорского тракта, правою Опочецкою и б. границею Опочецкого уезда[1].

Таким образом, территория Ошевского погоста охватывала северо-восточную и, повидимому, восточную части ржевской территории, а территория Бардовского — западную.

Наименование «Бѣжичкая» («13 я Бѣжичкая») передает наименование «волости» («Бѣжичи»), известной нам из Новгородской 1-й летописи под 1272 г. и Новгородской 4-й и Софийской 1-й под 1244 г. и из договорных грамот. Выше мы видели, что Бежицкий ряд ограничивался поселениями по верхней Мологе. Поэтому надо полагать, что Бежицкий верх, т. е. область верха Мологи, означала территорию Бежицкого ряда. Насколько постоянны были пределы Бежицкой «волости», нам неизвестно.

«14 я Вочкая» дает название «волости», известной из договорной грамоты с Казимиром и из летописей.

Пятнадцатой названа «Обониская» (а не «Заониская»); она обращает нас к территории Обонежья, известной нам из росписи «Обонежского ряда». Судя по тому, что ниже, под номером 18-м, названа «Волховьская», надо предполагать, что территория Обонежья, когда делалась эта запись, еще не слилась с Поволховской территорией, что произошло ко времени составления Обонежской откупной грамоты 1434 г.

«16 я Луская» передает название «волости», известной из летописей.

Название «Лопьская» («17 я Лопьская») нам знакомо как «волость» из договорной грамоты с Казимиром; следы ее находим в писцовых книгах в наименованиях местных погостов.

Следующая по порядку — «Волховьская», или «Поволховьская» — называет ладожскую, поволховскую территорию, территорию ладожской «волости» (см. договорную грамоту с Казимиром и другие источники).

«19 я Яжелобичская» названа по имени селения Яжелобици, лежавшего, как мы говорили выше, на «Яжелобицкой дороге» и бывшего центром «Яжелобицкой волости».

Термина «княжая» по отношению к новгородским волостям мы не встречаем в источниках. Но весьма возможно, что прав был Б. А. Рыбаков, полагавший, что повторенное под номером одиннадцатым название «Княжаа», вслед за которой следуют территориальные определения, также относится к числу последних[2].

---

[1] Там же, 5055, 5197.

[2] Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. «Историч. зап.», 1938, № 2. Мысль Б. А. Рыбакова, что полупятины или «половины»— это древние новгородские «областные сотни», как мы видели выше, не оправдывается показаниями источников. Названия новгородских «сотен» сближаются с древними новгородскими «волостями», а не с полупятинами XVI в.

ГЛАВА VIII

В последней четверти X в. русское государство вело борьбу с «ляхами» за господство над славянским населением, обитавшим в области Зап. Буга и в Прикарпатье. Перерыв в этой борьбе, переход к мирным отношениям был зафиксирован в летописной записи, попавшей в «Повесть временных лет» под 996 г.: «и бѣ (Владимир) живя с князи околними миромь, съ Болеславомъ Лядьскымь и съ Стефаномь Угрьскымь и съ Андрихомь Чешьскымь, и бѣ миръ межю ими и любы»[1]. Об этой борьбе мы знаем мало. Но в первом, древнейшем известии о юго-западном крае как раз читаем: «иде [Володимеръ] к Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью»[2].

Борьба за эту территорию, во всяком случае с Польшей, продолжалась еще в XI в. В конце концов господство «Русской земли», господство «Руси» над этой территорией, лежавшей к западу от «Русской земли», было утверждено: «иже суть и до сего дне под Русью». Так писал составитель древнейшего киевского свода не позже середины XI в. Так повторял и автор «Повести временных лет» в начале XII в.

Пограничная с Польшей территория начиналась на севере с Берестейской волости[3]. Надо полагать, таким образом, что среди «иных градов», перешедших из сферы влияния ляхов в сферу влияния Руси, было и Берестье.

Берестейская волость лежала в непосредственной близости к поселениям ятвягов. Об этом свидетельствуют летописные известия (так в 20-х годах XIII в. ятвяги воевали окрестности Берестья; Романовичи, идя на ляхов, оставляли здесь князя Владимира Пинского оборонять землю от ятвягов)[4]. Мы вправе ожидать, таким образом, что переход Берестья от ляхов к Руси вызывал походы против ятвягов. И действительно: через два года после занятия Червена и «иных градов» Владимир идет на ятвягов и берет «землю их»[5].

---

[1] Лавр., Радз. и Акад. лл. под 6504 (996) г. Запись сделана позднее. А. А. Шахматов указал, что Андрих — это Ольдрих (1012—1034). («Разыскания...», стр. 464). А. В. Флоровский полагает, что Андриха следует заменить Болеславом II (см. «Чехи и восточные славяне», т. I, 1935, стр. 35).

[2] Там же, 981 г.

[3] Берестье приурочивается к Брест-Литовску на Зап. Буге, что согласуется с показаниями летописей.

[4] Ипат. л., 6735, 6737 гг.

[5] Лавр. л., 983 г.

Имея в виду местоположение Берестья, надо полагать, что в 1018 г., когда Болеслав «городы Червеньскыя зая собѣ», влияние ляхов снова распространилось на Берестье, хотя само Берестье не принадлежало, как увидим ниже, к составу «Червенских городов»[1]. Показания источников не противоречат такому положению. Так, в 1019 г. Святополк бежит, разгромленный Ярославом. На пути он заболевает. Его приносят на носилках «к Берестью». Но, опасаясь погони, он «не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю» и погиб «в пустыне» «межю Ляхы и Чехы». В Хлебниковском списке читаем «побѣже». Но в Ипатьевском списке и в Лаврентьевской летописи и в Радзивилловском и Академическом списках читаем «пробѣже», «пробѣжа», что является первоначальным чтением и позволяет понимать текст в том смысле, что Берестье в 1019 г. находилось уже в пределах влияния «Лядьской земли». Ярославу приходилось вновь закреплять «русское» влияние в Берестейской волости и он в 1022 г. идет «к Берестию»[2]. Позже, в начале 30-х годов XI в. Ярослав берет Белз, а год спустя он и Мстислав идут «на Ляхы», занимают «Червеньские грады», воюют «Лядьскую землю» и приводят много пленных, а через несколько лет Ярослав предпринимает поход на ятвягов[3]. На основании всех этих данных можно заключить, что Берестейская волость в 80-х годах X в. перешла к «Руси»; в 1018 г. ее положение стало менее определенным, а в 1022 г. окончательно отошла к «Руси».

Если Ярослав ходил к Берестью в 1022 г., как сообщает «Повесть временных лет», то он не мог ходить сюда со стороны «Червенских городов», с юга, так как они были в это время под властью «ляхов». Во всяком случае нам доподлинно известно, что были пути, соединявшие Пинск с Берестьем, что по этой линии осуществлялись отношения военно-стратегического порядка. В конце XI в. Святополк, по требованию Мономаха (Владимир требовал, чтобы Святополк изгнал из Владимира-Волынского Давыда, подучившего его ослепить Василька), идет к Берестью, откуда зовет «ляхов» на переговоры и задаривает их, чтобы они не помогали Давыду. Затем он идет («поиде») к Пинску, «послав по воѣ», и приходит к Дорогобужу, где дожидается «вои своих»; оттуда он должен был итти на Владимир-Волынский[4].

К тому же можно сомневаться, чтобы вся территория, отделявшая Червень от Берестья, была в X и в первой половине XI в. освоена в отношении дани и суда. Во-первых, известные нам поселения, лежавшие по этой территории между Берестьем, с одной стороны, и Турийском и Устилогом, с другой, появляются в летописи поздно[5]. От Берестья до

---

[1] Лавр., Ипат. лл., 1018 гг.

[2] Там же, 1022 г.

[3] Лавр., Ипат. лл., 1030, 1031, 1038 гг. Город Белз ныне лежит на территории Польши, к северу от г. Львова.

[4] Там же, 1097 г.

[5] Турийск — это Турийск, находящийся в верховьях р. Турии, в 114 км от Луцка Волынской области. Устилог — ныне Устилуг, или Устилог, районный центр при устье Луги, впадающей в Зап. Буг, в 12 км от Владимира-Волынского, Волынской области.

Володавы нам вообще не известно никаких поселений в домонгольскую эпоху. Впрочем, и Володава, расположенная при впадении Володавки в Зап. Буг, упоминается только в известиях 40-х годов XIII в., как находившаяся к северу или к западу от Холма [1]. Угровеск, Верещин, Столпье и Комов названы под 1204 г., Андреев под 1245 г., Бусовно под 1248 г., Любомль под 1287 г., Ухани под 1205 г., Шекарев под 1219 г. [2]. Холм был, как известно, построен впервые Даниилом в XIII в. Во-вторых, по линии от Устилога (при устье Луги), приблизительно до Шеполя и Луцка, проходила естественная граница двух географических зон, о чем ниже нам придется говорить подробнее[3].

Берестье не только подпало под господство «Руси». Берестье сразу же, во всяком случае в XI в., было присоединено к составу Киевской «области». Это явствует из слов Давыда Игоревича, помещенных в летопись под 1097 г. Подготовляя ослепление Василька, Давыд Игоревич уверял Святополка, что Василько убил будто бы брата Ярополка и хочет убить его, Святополка, и «заяти волость твою Туров и Пинеск и Берестие и Погорину»[4]. Берестье оставалось в составе Киевской «области» и в первой половине XII в. Так, в 1142 (6650) г. Всеволод Ольгович давал Берестье наряду с другими к и е в с к и м и городами. Сначала он давал братьям Берестье, Дорогичин, Черторыеск и Клеческ. Несколько позже предлагал им Берестье, Дорогичин, Клическ, Городец, Рогачев. Затем он дал Давыдовичам — Берестье, Дорогичин, Вщиж и Ормину, Игорю — Городец, Гюргов и Рогачев, а Святославу — Клеческ и Черторыеск[5]. Таким образом, Берестье оказалось крайней на западе частью «областной» киевской территории, примыкавшей с запада к Турово-Пинским землям[6].

В иное положение по отношению к Киеву попала территория, примыкавшая к верховьям Зап. Буга, а также «горная страна Перемышльская». Нет сомнения, что киевский стол в равной мере пытался и эти волости присоединить к составу киевской территории. Первые же более или

---

[1] Володава упоминается в Ипатьевской летописи под 6751 г. (1243 г.). Ныне Влодава (Польша)— сев.-вост. Люблина, при впадении Влодавки в Зап. Буг.

[2] Угровеск упоминается в Ипатьевской летописи под 6712, 6721 и 6737 гг. наряду с Верещиным и другими селениями. Близ Верещина есть с. Угруйск при Зап. Буге (М. П о г о д и н. Исследования, замечания и лекции, т. IV, стр. 196). Угруйск — в Польше, восточнее Люблина. Верещин —селение, юго-восточнее от Люблина, по дороге из Грубешова в Белз, ныне — в Польше. Столпье ныне — с. Столпье, к северо-западу от Холма, в Польше. Комов ныне — Кумов, к югу от Холма, в Польше. Андреев—с. Андреево на верховьях Влодавы (Н. Б а р с о в. Указ. соч.; Г р у ш е в ь с к и й. Історія України-Руси, т. II, стр. 608). Бусовно— селение по дороге из Красностава во Влодаву, ныне— в Польше. Любомль — город Волынской области между Ковелем и Зап. Бугом. Ухани— м. Уханье, к югу от Холма, ныне — в Польше. Шекарев, по летописным известиям,—недалеко от польского рубежа (см. Ипат. л.), лежал на месте Красностава в Польше (Б а л и н ь с к и й. Starożytna Polska, т. II, стр. 948—949; Г р у ш е в ь с к и й. Указ. соч., стр. 609).

[3] В настоящее время Шеполь лежит к северо-западу от Луцка.

[4] Лавр., Ипат. лл., 1097 г.

[5] Ипат. л., 1142 г.

[6] К Волынской «области» Берестье было присоединено во второй половине XII в.; см. в Ипат. л., 6681 (1173) г., о смерти меньшого брата Романа в Берестье.

менее подробные записи XI в. о событиях на этой территории обнаруживают желание Киева, чтобы эти волости приросли к составу Киевской «области» так, как приросли земли древлян и, в значительной мере, земли дреговичей, как приросло Берестье. Но здесь Киев успел мало. Границы между Киевской «областью» и территорией, тянувшей к Червену и Перемышлю, не стерлись. Князьям, посаженным в Верхнем Побужье, приходилось только признавать господство «Русской земли». Все сказанное мы обязаны обосновать на источниках, тем более что оно служит к правильному уразумению происхождения юго-западных «областей» — Волынской и Галицкой. Эти «области», по нашему мнению, зародились не в результате распада несуществовавшей монолитной Киевской Руси (как неверно было бы ее представлять себе), а как следствие местных отношений: здесь, к тому времени когда сюда пришло «русское» господство, уже существовали города с местным правящим классом феодалов, спаявшим, объединившим известную территорию, населенную восточными славянами: тиверцами, хорватами и др. Летопись называет их: Перемышль и Червен. На существование местных правящих сил в Берестье указаний нет.

Переход Перемышля и Червеня под господство «Руси» означал, что вместе с этими городами под господство «Руси» перешла какая-то более или менее значительная территория. Об этом свидетельствуют прежде всего древнейшие летописные известия о борьбе «Руси» за эти города. Эти известия указывают, например, на «червенские города», т. е. города, объединявшиеся под главенством города Червена. Об этом же говорят и показания источников о крайней на западе линии городов, считавшихся в первой половине XII в. «русскими»: линия эта проходила не по Зап. Бугу, а значительно восточнее. О том же свидетельствуют, наконец, некоторые данные (на них мы остановимся ниже), использованные составителем одного документа из «Хроники» Козьмы Пражского.

Первые ориентировочные сведения извлекаем из карты поселений, составленной по известиям X—XI вв. Мы берем те поселения, которые лежали за пределами «русской» территории, к западу или к юго-западу от крайней линии городов «Русской земли». Эта линия определялась городами, расположенными на Горыни и по Ю. Бугу; Ипатьевская летопись прямо называет «русские» поселения: Гнойницу и Тихомль на верховьях Горыни, Шумск, тянувший к Дорогобужу, и Бужск на Ю. Буге[1]. За пределами этой линии в X—XI вв. лежали к юго-западу Перемышль, Звенигород, Микулин, Теребовль, и к западу — Червен, Сутейск, Владимир-Волынский, Шеполь, Луцк, Перемыль, Всеволож, Броды, Белз. Как видим, в списке этом нет поселений по Днестру, нет поселений южнее линии Перемышль — Теребовль. Большинство из них расположено в Побужье, точнее, на территории от Стыря до западной стороны верхнего Зап. Буга. Уже из этих данных можно заключить, что наиболее сильный территориальный центр вырос в Побужье, о чем также свидетельствует

[1] Ипат. л., 1148—1152 г. Тихомль—с. Тихомель на берегу р. Горыни возле Ямполя. Сел. Шумское— районный центр Тарнопольской области. На карте УССР 1950 г. имеется Велика Гнійлиця Плужнянского района Каменец-Подольской области.

и термин «Червенские города». Имеем другие сведения, показывающие, что в Побужье задолго до появления «Руси» проявлялись тенденции к консолидации, к образованию территориальных объединений.

Во-первых, предания, дошедшие до киевского летописца, свидетельствуют о том, что в среде дулебов происходили процессы образования новых территориальных объединений: «дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне»; «...бужане, заше сѣдоша по Бугу, послѣже велыняне». Масуди, как давно отмечали, говорит одновременно о «дулаба» и о «волыняна», причем уверяет, что в прежнее время племени «волыняна» подчинялись другие славянские племена, а баварский географ, живший не позднее X — начала XI в., называет одновременно и «busani» и «velunzani»[1].

Мы приводим эти данные не для того, чтобы попытаться разместить дулебов, бужан и волынян в пределах Побужья. Задача эта едва ли вообще выполнима. Мы полагаем, что перед нами явление социально-экономического порядка, показывающее не существование каких-либо стабильных объединений, а процесс брожения, назревания новых социально-экономических задач, потребностей и интересов.

О населении Поднестровья, где жили уличи, и Прикарпатья, где жили хорваты, аналогичных сведений нет. По сравнению с дулебами племя уличей было для киевского летописца более «историческим» племенем. Во-первых, данные о том, что дань с Пересечена была отдана Свенельду, стоят в связи с другими известиями о Свенельде и не носят случайного характера. Во-вторых, сообщения об уличах имеются не только в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, но и в Новгородской 1-й летописи, и есть основание полагать, что оно было в летописании, предшествующем «Повести временных лет». Это — сведения о войнах Игоря с уличами и о взятии Пересечена. Однако уличи нигде в летописи не упомянуты позже княжения Игоря, хотя летописи не раз говорят о населении и территории Ю. Буга и Днестра и нижнего Дуная. Возможно, в начале XII в., когда составлялась «Повесть временных лет», и позже население это не считало себя «уличами» и их не называли этим именем.

Стремление к консолидации в Побужье, к образованию территориального объединения по сути дела было, как и в Новгородской «области», стремлением к ликвидации многочисленных civitatum, из которых составлялись племена, «родов» — по терминологии новгородского летописца. Об их существовании напоминают некоторые городища, в обилии находимые в юго-западном крае, а также сведения баварского географа. Он оставил описание: «civitatum et regionum ad s e p t e n t r i o n a l e m plagam D a n u b i i»: «Busani habent civiatates CCXXXI... U n l i z i populus multus, civitates CCCXVIII... velunzani, civitates LXX»[2].

Как явствует из слов летописца, в момент борьбы «Руси» с Польшей за влияние на верхнем Побужье Червен был уже центром, сплачивавшим, подчинявшим себе известную населенную территорию. Южные пределы червенского объединения («Червенские грады») остаются неизвестными.

---

[1] См. «Mon. Polon. Hist», t. I, Lwów, 1864, стр. 10—11.

[2] «Mon Polon. Hist.», t. I, стр. 10—11.

Можно, например, понимать летописный текст в том смысле, что Белз не входил в состав «Червенских градов»: сначала Ярослав вернул «Руси» Белз, затем, по летописи, Ярослав с Мстиславом вернули «Червенские грады»[1]; в термине «земля Белзская и Червенская» можно видеть указание на былую равноправность обоих городов[2]. Однако нельзя быть уверенным в правильности такого толкования.

Судя по тому, что Перемышль указан в древнейшем известии перед Червеном, можно думать, что Перемышль был центром особой территории. Правда, в XI в. сын Изяслава, сидевший в Побужье, владел также Перемышлем и Теребовлем. Однако вскоре в Перемышле, Звенигороде и Теребовле образуются свои столы.

На западе «Червенские грады» граничили с Польшей. Здесь, близ польского рубежа, лежал Сутейск[3]. К северо-западу от нижней Луги, впадающей в Зап. Буг, начиналась «Украина»[4]. Позднее граница с Польшей проходила между польской Тернавой, с одной стороны, и Белзом, с другой. Здесь, по летописи, находились «Ворота»: «се же бѣашеть мѣсто твердо, зане немощно бысть обоити его никудаже, тѣмже нарѣчахуться Ворота тѣснотою своею»[5]. Сам Червен лежал там, где находятся две почти смежные деревни Чермно и Вакиев, расположенные в полуверсте от р. Гучвы, впадающей в Зап. Буг слева. Еще в прошлом столетии между населением этих деревень ходило предание, что на месте Чермно-Вакиев стоял некогда город Червенск. Близ самой деревни имеется городище овальной формы. На Вакиеве есть урочище «Червенец» или «Черменец», а в б. имении Чермно — урочища «Монастырь» и «Черноземка»[6].

В северном направлении червенская территория не могла простираться на широком пространстве далеко за линию Устилог — Владимир — Шеполь — Луцк. Ни известия X—XI вв., ни известия XII в. не отмечают каких-либо поселений севернее этой линии. Исключение составляет Турийск на верховьях р. Турии, на месте нынешнего Турийска. События 1097 г. застают там «мужей» Туряка Лазаря и Василя, советовавших ранее Давыду убить Василька. Очевидно, в конце XI в. владимиро-волынская дань распространялась на верховья Турии. По указанной линии проходила граница двух географических зон, как мы уже упоминали. К северу начиналось Полесье, страна низменная, песчаная, болотистая, пересеченная множеством озер, речек и ручьев, почти сплошь покрытая обширными лесами. Зимою большинство болот (за исключением некоторых открытых трясин) замерзает и делается доступным, по ним прокладываются дороги, расстояния между населенными пунктами вследствие этого значительно сокращаются, тогда как в остальное время года, чтобы

---

[1] Лавр. л., 1030, 1031 гг.

[2] Ипат. л., 6733 (1225) г.

[3] О таком положении Сутейска говорит «Поучение» Владимира Мономаха и известие Лавр. л., под 1097 г.

[4] Ипат. л., 6721 г.

[5] Ипат. лет. 1268 г.

[6] А. В. Лонгинов. Червенские города. Варшава, 1885, стр. 183—184.

попасть из одного села в другое, отстоящее от первого зимою всего лишь на 3—4 км, приходится делать 21 км и более из-за болот, разделяющих их [1].

К югу от указанной линии шли места холмистые, более свободные от лесов и более плодородные. Многочисленные курганы в районе нижней Луги говорят о заселенности тех мест. Так, близ Владимира-Волынского, у д. Зимно в лесу обнаружено до 500 курганов. Около 100 курганов зарегистрировано невдалеке от Владимира, по дороге в Луцк. У Устилога имеется 29 курганов, причем на берегу Буга показывают четырехугольное городище [2]. Поселение, расположенное между рр. Лугой и Смочем, с переходом Побужья под господство «Руси», сделалось новым политическим центром и было названо в X в. в честь, очевидно, Владимира Киевского, городом Владимиром.

На востоке червенская территория граничила с «Русскою землею». Нет сомнения, что червенская территория захватывала течение р. Стыря, но не доходила до Горыни. Луцк, или Луческ, лежал при впадении Гижицы в Стырь. Район этот был значительно заселен, особенно по правую сторону Стыря, где у д. Вишнев отмечают около 100 курганов, у д. Сапогов — 60, у д. Теремно — 45 [3]. Далее на восток по Горыни были расположены, как мы видели, города, принадлежавшие к «р у с с к о й волости». Таким образом, где-то в междуречье Стыря и Горыни проходил рубеж, отделявший червенскую территорию от «Русской земли».

На Стыре же лежал Перемиль на месте нынешнего села Перемыль, где на берегу Стыря есть круглое городище, а у села — пять курганов. Район этот также был заселенным (у с. Берестечно зарегистрировано 40 курганов, у с. Вечулки — 36, у Русиново-Берестечно — 20, у Волковыя — 20) [4]. Перемыль находился между Луческом и Бродами (ныне — Броды), расположенными за пределами «русских волостей». Где-то между Бродами и Владимиром-Волынским, недалеко от Владимира, лежал Всеволож. Точнее его местоположение нам определить не удалось. Во всяком случае Всеволож не мог быть Воложками, как думали Надеждин и Неволин, так как известия 6605 (1097) г. явствует, что он лежал на пути из Теребовля во Владимир [5].

В свете этих данных понятно, что именно до р. Стыря на восток, но не далее, могла претендовать пражская епископия на распространение своих прав. Напомним, что, по исследованию Вас. Регеля, «реки Буг и Стырь составляют пределы епархии in partibus infidelium и представляют собою возобновление границы моравской епархии св. Мефодия...» Исследователи, сомневающиеся в подлинности грамоты 1086 г., сохранившейся

---

[1] «Военно-статистическое описание Волынской губернии», ч. 1. Сост. А. Забелин. Киев, 1887, стр. 14—15.

[2] «Археологическая карта Волынск. губернии». Сост. В. Б. Антонович. «Тр. XI археол. съезда в Киеве 1899 г.», 1901, т. 1, стр. 63—66.

[3] «Археологическая карта Волынской губернии». Теремно — под г. Луцком.

[4] Там же, стр. 72—74.

[5] Лавр., Ипат. лл., 1097 г. Город Броды — районный центр Львовской области; Берестечко —районный центр Волынской области; Луцк—районный центр Волынской области УССР.

в «Хронике» Козьмы Пражского, ставят, однако, вопрос: как попали в текст Буг и Стырь? Весьма возможно, что «в основе этих указаний лежит в сущности неоправдываемая реальными возможностями пражской церкви традиция церковной экспансии, унаследованная от более ранних церковных установлений»[1].

Надо заметить, впрочем, что выводы наши о червенской территории значительно расходятся с мнением, высказанным А. В. Лонгиновым в 1885 г. в книге «Червенские города» и, в сущности, дожившим до наших дней. Определяя «объем Червенской страны, присоединенной Владимиром к русским владениям и затем, после завоевания ее поляками, снова возвращенной Ярославом и Мстиславом», Лонгинов включает в состав «территории Несторовых Червенских городов» области «Брестскую, Холмскую, Белзскую, Галицкую и Перемышльскую», полагая вместе с тем, что за пределами этой территории лежал Владимиро-Волынский край, который был «сплочен» с «Червенскими городами» Владимиром Киевским. Лонгинов пришел к такому заключению, пользуясь приемами исследования, которые с нашей точки зрения не могут быть названы научными. Достаточно указать, что первым основанием для него служили «народные предания и песни», записанные в XVII в. и позже[2]. Интересные сами по себе, они не могут, конечно, служить основанием при решении поставленной им проблемы. Оперирует он и с другим позднейшим этнографическим и историческим материалом. Вместе с тем он остается слепым к тем социальным явлениям, которые стояли за изучаемыми им фактами территориального образования. Нельзя в этом смысле ставить на одну доску Берестье и такие территориальные центры как Червен, Перемышль, Галич. Киевский стол, судя по некоторым признакам, желал, чтобы вся юго-западная территория приросла к киевской. Но ни в верхнем Побужье, ни в Перемышле он уже в XI в. не встретил, видимо, сочувствия.

Напомним, что Владимир Киевский дал в Червенский край своего сына Всеволода. Ни Всеволод, ни его преемники не сидели в самом Червене. Ярослав послал во Владимир сына Игоря, а после смерти отца Игорь был переведен братьями в Смоленск. Это случилось в 1057 г.[3] С тех пор и до 1078 г. Побужье оставалось без князя, что указывает на желание Киева присоединить весь юго-западный край к составу «областной» киевской территории, низвести его на положение, аналогичное положению Турова, Пинска, Берестья, Дорогобужа. Дальнейшие события в полной мере подтверждают такое толкование. Всеволод Киевский посадил в 1078 г. во Владимире Ярополка, «придавъ ему Туровъ»[4]. Соединение в одних руках Турова и Владимира-Волынского, таким образом, не было следствием захвата со стороны владимирского

---

[1] «Mon. Polon Hist.», t. I, стр. 147; А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I, 1935, стр. 27; В. Регель. «О Хронике» Козьмы Пражского. СПб., 1890, стр. 82; Его же. Учредительная грамота пражской епископии. «Сб. статей по славяноведению», СПб., 1883, стр. 326—327.

[2] А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 69—73, 96—98 и др.

[3] Лавр. л., 1057 г.

[4] Там же, 1078 г.

стола, а совершилось по распоряжению из Киева. Ясно, что соединение это означало не приращение волынской территории, а нарушение особности владимирского стола. По мысли Всеволода, Ярополк был его наместником. Соединение Владимира с Туровом продолжалось недолго. В Побужье хотели иметь своего князя, князя их «области»-княжения хотя бы и подвластного «Русской земле». Началась глухая, напряженная борьба, сопротивление политике Всеволода. В 1084 г., когда Ярополк поехал к Всеволоду, князья Ростиславичи, жившие ранее с Ярополком, выбежали («выбѣгоста») «от Ярополка». Куда они бежали, источник не говорит; имея в виду некоторые события 90-х годов, надо думать, что в Червен. Во всяком случае они бежали с враждебным намерением «и пришедша прогнаста Ярополка»[1]. Краткая запись не сообщает, кто стоял за спиной Ростиславичей. Всеволоду пришлось послать своего сына Владимира (Мономаха), и только тогда Ростиславичи были выгнаны, а Ярополк вновь водворен в г. Владимире. На этом дело не кончилось. Борьба продолжалась, обнаружив, что действительно за спиной Ростиславичей стояли местные силы. Орудием домогательств местной среды оказался сам Ярополк. Летопись прямо говорит, что он (1085 г.) «послушавъ злыхъ совѣтникъ», решил итти против отца, против Всеволода Киевского[2]. Вспомним, что в подобное же положение попал в Новгороде ранее молодой Ярослав, вынужденный также порвать с отцом. Тогда Владимир Святославич собирался итти в поход на Ярослава; только смерть Владимира предупредила столкновение отца с сыном. Теперь Всеволод предупредил сына, который готовился к походу в Луческе, ближайшем к «русской» границе большом центре Червенской «области», и послал против Ярополка сына Владимира (Мономаха).

На первых порах Владимир торжествовал. Ярополк, бросив свою мать и «дружину» в Луческе, бежал «в Ляхы». «Лучане» сдались, и Владимир посадил во Владимире-Волынском Давыда, но не надолго. Владимиру пришлось все же договориться с Ярополком, пойти, видимо, на уступки: «приде Ярополкъ из Ляховъ, и створи миръ с Володимеромь, и иде Володимеръ опять Чернигову, Ярополкъ же сѣде Володимери». Мы не знаем о содержании их переговоров. Но необходимо отметить, что вскоре (в 1088 г.) в Туров приехал княжить из Новгорода князь Святополк[3].

Свидание Владимира с Ярополком состоялось в южном пограничном месте Червенской «области», в Бродах, как видно из «Поучения» Мономаха.

В согласии с приведенными фактами стоят данные о Перемышле XI в. То немногое, что известно о Перемышле XI в., склоняет к мысли, что в Перемышле также существовала местная правящая среда, местная знать, заинтересованная в том, чтобы получить своего князя, в сохранении целостности своей территории, заинтересованная в том, чтобы Перемышль не попал в положение киевской волости. Те самые Ростиславичи, которые пытались изгнать из г. Владимира Ярополка, но были

---

[1] Лавр. л., 1084, 1097 гг.

[2] Лавр., Ипат. лл., 1085 г.

[3] Лавр., Ипат. лл., 1085—1088 гг.

побеждены Владимиром Мономахом и сами изгнаны из г. Владимира, нашли поддержку в Перемышле. Мало того: их положение там оказалось настолько прочным, что они удержались в Перемышле, несмотря на то, что из Перемышля была предпринята диверсия против Ярополка (Ярополка убили; тело его отвезли в Киев) и к Перемышлю пришлось «ходить» самому Всеволоду из Киева [1]. По решению Любецкого съезда, один из Ростиславичей (Володарь) был утвержден в Перемышле, а другой (Василько) в Теребовле [2].

В последней четверти XI в., таким образом, один из Ростиславичей сел в Теребовле, считавшемся теперь «властью Василька». Чтобы понять, почему Василько сел не в Звенигороде, не в каком-либо другом городе, а именно в Теребовле, надо допустить, что во второй половине XI в. Теребовль с точки зрения получения дани и иных доходов стал удобным отправным местом, что его местоположение в этом отношении было выгодным. Теребовль лежал на Серете, впадающем в Днестр. И позже Теребовль служил воротами в Галичский край (6652, 6661 гг.). Думаю, что население Поднестровья оправдывало выбор Василька. Имеем основания утверждать, что пути по Днестру были Васильку хорошо знакомы. Есть сведения о связях Василька Теребовльского с югом, с «полем», о связях его с половцами, с которыми он ходил, например, в «Ляхи» [3]. Подтверждается наше утверждение также словами самого Василька о его планах на Дунае; он признавался, что хотел «переяти Болгары Дунаискыѣ и посадити я у собе», иными словами, увеличить число своих «смердов», плательщиков, путем переселения обитателей Подунавия [4]. Ясно, что пути по Днестру и от Днестра ему были знакомы. Наконец, наше объяснение, почему Теребовль стал стольным городом, подтверждается тем, что сын Василька Иван оказывается в 40-х годах XII в. княжащим на Днестре в Галиче, первые сведения о котором относятся к 30—40-м годам XII в.[5].

Мы отнюдь не хотим сказать, что только деятельностью Василька население Поднестровья было объединено под властью одного центра. Первые же известия о Галиче и галичанах говорят о роли «галичан» и Галича в политической «областной» жизни. Они играют первенствующую роль в военных событиях 1144 и 1153 гг.; они пытаются распорядиться галицким столом при жизни галицкого князя Володимерки и зовут к себе Ивана Ростиславича Берладника. Самый Теребовль «галичане» называют «своим городом» (6652 г.).

Возвышение Галича относится к первой половине XII в. Раньше, во второй половине XI в., мы не слышим о нем ничего. В это время его значение как территориального центра, вероятно, только определялось. В это же время в Теребовле на притоке Днестра образуется княжеский стол. Какая-то доля участия в образовании территории будущего полу-

---

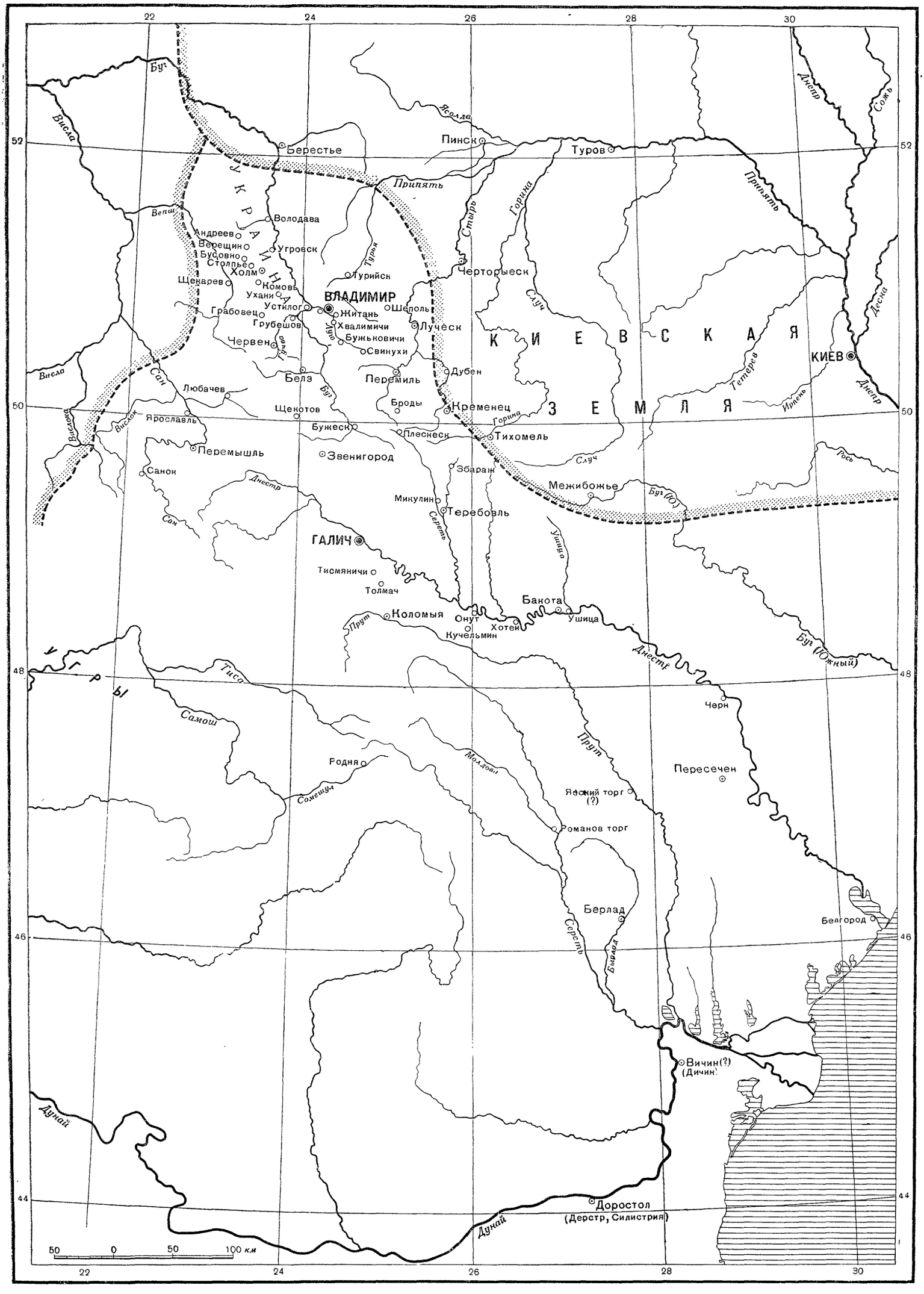
[1] Лавр., Ипат. лл., 1086 г.

[2] Там же, 1097 г.

[3] Там же 1092 г.

[4] Там же, 1097 г.

[5] Ипат. л., 6649 (1141) г.; смерть Ивана Васильковича в Галичи; о «галичанах» см. Лавр. л., 1138 г.



Галицко-Волынская земля. Граница до середины XII в.; показана схематически.

А. П. Насонов

государства в Поднестровье Васильку Теребовльскому, конечно, принадлежала.

Таким образом, с последней четверти XI в. Поднестровье снова появилось в поле зрения Киевщины. Дело в том, что еще в начале X в. киевский князь, как мы упоминали, предпринимал далекий поход, чтобы уничтожить военную твердыню уличей — г. Пересечен. В то время как часть уличей, жившая по соседству с древлянами, к югу от них, соглашалась давать дань киевскому князю, другая часть, опиравшаяся на Пересечен, не соглашалась на дань: «и не вдадящется единъ градъ именемъ Пересеченъ»[1]. Местоположение его определяется со времен Надеждина селением Пересечиной, лежащим «по правую сторону почтового тракта из г. Оргѣева в г. Кишиневъ», как говорится в «Списке населенных мест Бессарабской области по сведениям 1859 г.» (№ 638), ныне — Крыулянского района Молдавской ССР. Это большое селение имело в середине прошлого века 1070 душ мужского пола и 1009 душ женского. По древнейшему тексту, сохранившемуся в Новгородской 1-й летописи, Пересечен осаждали «три лѣта» и едва взяли («и едва взя»). Наступление на южнорусскую степь печенегов в первой половине X в. лишало Киев возможности поддерживать связь с Поднестровьем, и в XI в., когда составлялся Древнейший киевский свод, едва ли знали даже, где этот полулегендарный Пересечен находится. В наших летописях он в более поздних известиях никогда не упоминается, и отмеченный в списке «Киевских градов» Пересечен ничего общего не имел (только, может быть, по происхождению своих обитателей) с Пересеченом уличей и лежал где-то в районе Киева. Выше, в главе II, мы говорили, что уличи ушли от Днепра не позднее IX в.; и в XI в., когда составлялся Древнейший киевский свод, они, конечно, жили по Днестру. Но составитель Древнейшего киевского свода пишет, что уличи перешли («переидоша») от Днепра «межи Богъ и Днѣстръ» и там сидели («сѣдоша тамо»)[2]. Видимо, его не интересовало, кто жил по Днестру; но его интересовали места, граничившие с запада с «русскими» волостями. Обстоятельства изменились к началу XII в. Автора «Повести временных лет» Поднестровье без сомнения интересовало. Описывая «предѣл» Афета, он не забыл сказать о Днестре и Угорских горах (т. е. Карпатах), а местопребывание уличей и тиверцев он определил так: «сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху к Дунаеви»[3].

Итак, во второй половине XI — первой половине XII в. образовалась «областная» территория, по верхней части течения Днестра. На юго-восток, по Днестру, она простиралась до Ушицы (ныне — Старая Ушица)[4]. Здесь галицкий князь держал «засаду». На «смердов», живших в городе, местных жителей-тяглецов, князь, конечно, не мог положиться[5]. Их он должен был «блюсти» как платежеспособную силу и держать в узде. В юго-западном направлении галицкая территория захватывала вер-

---

[1] Новг. 1-я л., 6430 г.

[2] Там же. См. также А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 543.

[3] Лавр., Ипат. лл.; А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I.

[4] Старая Ушица теперь — районный центр Каменец-Подольской области.

[5] Ипат. л., 6652, 6667 гг.

ховья Прута, где известия XIII в. называют Коломыю, доходы с которой шли «на роздавание оружьникомъ»[1]. Повидимому, этот район был галицким и в XII в., когда упоминается Удеч. Оттуда возили соль[2]. В 1165 г. груз с солью, направлявшийся из Удеча в Галич, потонул в разливе Днестра. В междуречье Прута и Днестра лежал, по данным XII в., Кучельмин, впоследствии — Кучурмик[3]. Здесь уже начиналось «поле»[4].

Сама территория получила название «Галицкой земли». Напомним, что в начале 40-х годов XII в. «волости» Галицкая и Перемышльская объединились в руках галицкого князя[5]. Термин «Галицкая земля» встречаем уже в середине XII в. По известию 1152 г., «земля Галичкая» начиналась у р. Сан[6]. Тогда уже существовал Ярославль за Саном, укрепленный, возможно, судя по его названию, молодым князем Ярославом, сыном Володимерка Галицкого[7]. По известию 1229 г., «Галичкая земля» определяется пространством от р. Боброка «до рѣкы Ушицѣ и Прута». В этом определении верховья Днестра отнесены к «Перемышлеской земле», что подтверждается летописным текстом 1226 г.[8].

Итак, в XII в. «областная» территория подходила уже к «полю», где кочевали степняки.

Мы говорили, что славянское население на нижнем Днестре оказалось в первой половине X в. во власти печенегов и попадало в положение как бы вольницы. От Киевщины оно было отрезано. Власть юго-западных князей начала распространяться в верхней части течения Днестра только во второй половине XI в. Причерноморские города (Аккерман и др.), где некогда хозяйничали «ромеи», лежали в развалинах[9].

Славянское население, обитавшее к северу от берегов нижнего Дуная («присѣдяху къ Дунаеви»), имело соседом сильную Болгарию, простиравшуюся по правую сторону Дуная, а с другой стороны — печенегов, одно из колен которых в середине X в., по словам Константина Багрянородного, кочевало всего на полдня пути от границ Болгарии. Область рек Прута и Серета (т. е. другого Серета, впадающего в Дунай) была также занята печенегами, откуда они вытеснили угров, т. е. венгров («турок» — по терминологии Константина Багрянородного)[10].

Остатки оседлого населения на нижнем Днестре, нижнем Пруте, на

---

[1] Ипат. л., 6748 г. Коломыя— ныне город, районный центр Станиславской области УССР.

[2] Там же, 6672 г.

[3] Там же, 1159 г.

[4] «Поле» начиналось где-то между Онутом и Кучельмином (см. Ипат. лет., 6721 г.). Онут лежал несколько выше Хотина, по Днестру, на берегу реки. В этих местах — деревни Онута и Пол-Онута. Первая при Днестре (см. Список населенных мест Бессарабской области, № 920 и 921). Деревня Онут — Заставновского района Черновицкой области.

[5] Ипат. л., 6649 (1141) г.

[6] Там же, 6660 (1152) г.

[7] Там же.

[8] Там же, 6734, 6737 гг.

[9] «De administrando imperio», гл. 37.

[10] Там же, гл. 37, 38.

Серете и близ нижнего Дуная едва ли платили кому-либо дань в конце X и в первой половине XI в. Во всяком случае русские князья со времен Святослава, говорившего, что Переяславец на Дунае «есть середа (средина) земли моей», сюда не проникали. В аналогичном приблизительно, или, точнее, сходном, положении оказались во второй половине XI в. также и города, расположенные по берегу нижнего Дуная.

В первой половине XI в. пало Болгарское царство, разрушенное и захваченное византийцами. Эти события позволили империи распространиться до нижнего течения Дуная. Но вместе с тем, в результате этих же событий на северных рубежах Византии образовалась пустота, куда могли хлынуть орды кочевников. Так и случилось, когда с середины XI в. обитатели южных степей бросились в страхе перед появившимися новыми кочевыми ордами (половцами). Печенеги, узы и вместе с ними славяне, обитавшие на открытых пространствах, бежали на запад, к пределам «Греческой земли», которую теперь не отделяла более от степняков сильная Болгарская держава. Население «поля» пришло в движение. Даже в Киеве крайним выходом считали уход на территорию Византии, как можно заключить из слов киевлян, отмеченных в летописи под 1069 г.: «зажегше градъ свои, ступимъ въ Гречьску землю»[1].

В 1086 г., по рассказу Анны Комниной, какой-то «народ скифский», подвергавшийся «постоянному разбою савроматов» (под последними разумеются половцы), бросил родные края и пришел к Дунаю. Стал переходить реку. Пользуясь «некоторым успокоением», пришельцы начали «пахать землю и сеять овес и пшеницу»[2]. В. Г. Васильевский приводит основания в пользу своего мнения, что под «скифским народом» Анна Комнина разумеет русских[3].

Далеко не все русские оседали, пахали землю. Едва ли не бóльшая часть обращалась в «бродников», отряды которых вели полукочевой образ жизни. Латинские тексты XIII в. указывают на «бродников» вблизи Венгрии[4]. Города по нижнему Дунаю наполнялись также печенегами, узами, славянами и попадали под их власть. В старом Доростоле, известном на Руси со времен Святослава (иначе — Дерстр, Силистрия), выдвинулся в вожди некий Татуш, судя по имени,— печенег. В другом городе главарь носил русское имя Всеслава. Этот город у Анны Комниной назван Вичин (βιτζινα). Возможно, он тождественен с г. Дичином, или Дцином, упомянутым в нашей летописи и в «Списке городов дальних и ближних»[5]. Златарский ищет Вичин на месте г. Мичина, или Мечина[6], рас-

[1] Лавр. и Ипат. лл., 1069 г. О Византии и Болгарии см.: Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, 1948, гл. 3; В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. Труды, т. I, 1908.

[2] Анна Комнина, кн. VI, § 14.

[3] В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 131—132.

[4] См. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia, collecta ab Aug. Theiner. Romae, 1859, стр. 87, 93 и др.

[5] Анна Комнина, кн. VI, § 14; «Список городов дальних и ближних» в рукописи, содержащей Новгородскую 1-ю летопись по Комиссионному списку.

[6] В. Златарский. История на българската държава прѣзъ срѣднитѣ вѣкове, т. II, стр. 183.

положенного у Дуная, значительно ниже Дерстра, недалеко от впадения рек Серета и Прута. Такое положение согласуется с указанием «Списка городов», где Дичин помещен между Дерстром (Дрествином) и Килией. Он лежал, следовательно, не очень далеко от хорошо известной на Руси Берлади, названной так по имени реки Берлади, впадающей в Серет. В этих-то местах, как увидим ниже, Иван Берладник набирал себе «берладников». Там же, у г. Дичина, или Дцина, Георгий Нестерович и Якун в «насадах» нагнали «берладников», пограбивших Олешье, их «избили» и взяли «полон»[1].

Византия фактически утеряла придунайские владения. «Чтобы удержать за собою по крайней мере номинальную власть на Дунае, чтобы замкнуть кочевую орду, поселившуюся в Болгарии, в более или менее твердом круге», она приносила «большие жертвы. В то время как Охридская Болгария стонала под игом византийской финансовой системы, воинственное население придунайских городов ежегодно получало из Константинополя богатые поминки. Нечего говорить о том, что само оно ничего не платило. Эта уступчивость и щедрость притязательной византийской казны объясняется желанием поддержать ослабевающие связи между центром империи и северными ее окраинами, чтобы не выпустить из рук влияния на всю страну между Дунаем и Балканами». Так писал в специальном исследовании о печенегах в Византии В. Г. Васильевский[2].

Интерес к Дунаю, питавшийся экономическими связями, мог получить теперь толчок в силу новой политической обстановки, сложившейся к концу XI в. Князь Василько Теребовльский ходил за Дунай или собирался итти походом, как явствует из его собственных слов: «и помыслихъ: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядьскую и мьщю Русьскую землю; и посемъ хотѣлъ есмъ переяти Болгары Дунаискыѣ и посадити я у собе»[3]. Судя по тому, что на ляхов он ходил с половцами (1092 г.), надо думать, что за Дунай он ходил или собирался итти вместе с половцами. Напомним также, что на территорию Византии в 1091 г. пришел вместе с половцами пятитысячный отряд, вышедший «из стран более горных», т. е. из Прикарпатья. Отряд этот перешел на сторону императора Алексея[4].

С судьбою придунайских городов были связаны широкие планы Владимира Мономаха. В 1116 г. он, по рассказу нашей летописи, послал Ивана Войтишича и посажал своих посадников по Дунаю. Здесь идет речь, повидимому, о городах по Дунаю от Дерстра до Килии. В том же году Мономах отправил сына своего Вячеслава «на Дунаи» с Фомой Ратиборовичем. Этот шаг имел в виду поддержать восстание царевича Льва,

---

[1] Ипат. л., 6668 г. Вопрос о местоположении г. Вичина нельзя считать решенным. Ю. Кулаковский приводил соображения и данные в пользу мнения, что существовал город Вичин, отличный от Дичина на Дунае; он лежал на реке Вичине, впадающей в Понт между Варной и Месемврией (Ю. Кулаковский. Где находилась вичинская епархия. «Визант. времен.», 1897, т. IV).

[2] В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 34.

[3] Лавр. л., 1097 г.

[4] В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 101—102.

который поднялся против императора Алексея. Льву подчинились несколько дунайских городов, но в Дерстре он пал от подосланных императором «сарачинов». Вячеслав подошел к Дерстру, но не имел успеха и вернулся [1]. О судьбе посадников, посаженных Мономахом на нижнем Дунае, мы ничего более не знаем. Но мы имеем полное основание полагать, что Владимир Мономах, посылая посадников на Дунай, а затем сына своего Вячеслава к Дерстру, действовал в союзе, в согласии с Васильком Ростиславичем. На следующий год он вместе с Васильком и Володарем Ростиславичами идет к Владимиру-Волынскому на Ярослава, вынудив его к полной покорности («веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову»). Фому Ратиборовича спустя несколько лет мы видим посадником в Червене [2].

Подчинение Берлади власти юго-западных князей происходило постепенно. Иван Ростиславич, сын перемышльского князя, княживший сначала в Звенигороде, а потом приглашенный на стол в Галич, установил какие-то связи с Берладью. Во-первых, об этом свидетельствует прозвище его «Берладник», во-вторых, красноречиво говорят об этом биографические сведения о нем. Когда он был выбит из Галича князем Владимиром и ему оставалось только бежать, он пробился «сквозѣ полк» и пошел «к Дунаю», как прямо сказано в Ипатьевской летописи. «Оттуда» он «полем прибѣже ко Всеволоду» в Киев [3]. Через 15 лет он снова появился на Дунае. В Галиче в это время сидел сын Владимира Ярослав Осмомысл, требовавший у киевского князя выдачи ему Ивана Берладника. Иван пошел из Киева «в поле» к половцам; вместе с отрядом половцев он двинулся к Дунаю и остановился в подунайских городах. Ни здесь, ни на пути к Ушице он, повидимому, не встретил ни «засад», ни какого-либо сопротивления со стороны представителей власти Ярослава Осмомысла. К нему стекались «половци мнози», к нему шли «берладники», их скопилось у него до 6000. С половцами и с берладниками он прошел к Кучельмину и «ради быша ему». Первое сопротивление он встретил только в Ушице [4].

Во второй половине XII в. Берладь (Берлад) входит уже в какие-то отношения зависимости, может быть не очень прочной и постоянной, от галицкой «державы». Экономические связи благоприятствовали такого характера отношениям. Иван Ростиславич, остановившись в подунайских городах, «изби двѣ кубарѣ» (т. е. корабля) и взял много «товара», т. е. имущества с этих двух кораблей, и «пакостяше рыболовомъ галичьскымъ» [5]. Ярослав Осмомысл мог сам наезжать в Берладь, но мог и присылать своих доверенных лиц. В летописном некрологе о нем говорится, что, когда бывала ему «обида», он сам не ходил с полками своими,

---

[1] Ипат. л., 6624 г. Н. И. Успенский, недооценивающий значение русских источников для истории Византии, отмечает, не вдаваясь в подробности, сведения о походе Мономаха к Дунаю в своей «Истории Византии» (т. III, стр. 177).

[2] Ипат. л., 6625, 6629 гг.

[3] Там же, 6652 (1144) г.

[4] Там же, 6667 г.

[5] Там же.

но посылал с «воеводами»[1]. В «Слове о полку Игореве» читаем о нем, что он высоко сидит на своем златокованном столе, «подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная». Власть Ярослава Осмомысла, по «Слову о полку Игореве», простиралась от Карпат до Дуная. Из летописи видно, что на Берладь смотрели как на зависимую волость, расположенную только за пределами «Русской земли». Андрей Боголюбский передавал через своего мечника Ростиславичам: «не ходите в моей воли, ты же, Рюриче, поиди въ Смольньскъ къ брату во свою отчину; а Давыдови — обращался он к мечнику,— рци: а ты поиди въ Берладь, а въ Руськои земли не велю ти быти»[2].

Иван Берладник подошел к Ушице не со стороны нижнего Днестра, а со стороны Прута (Берладь — Кучулмин — Ушица). Галичские рыболовы, на которых нападал Иван Берладник, ходили, вероятно, по Пруту и Дунаю. По Днестру ходили торгово-промышленные караваны, например «лодьи» из Олешья с рыбой и вином[3]. Днестр и ниже Ушицы не был мертвым. Есть данные о выходцах из Галичской земли, обитавших по Днестру. В 1223 г., когда собирали силы против татар, кроме галичан и волынцев и их князей, прибыли еще «выгонци галичькыя». Эти последние вышли «по Днестру» «в море» и с моря вошли в Днепр. Их было много: 1000 «лодий». Возглавляли их не князья, а какие-то вожди, повидимому, бояре: Домамерич Юргий и Держикрай Володиславич[4]. В каких городах они могли жить? В X в., как мы знаем, Белгород и другие южные города лежали в развалинах. Но, во-первых, археологи в 1946 г. обнаружили на среднем Днестре городищи и славянские селищи XI—XII вв.[5]. Во-вторых, до нас дошел «Список городам русским, дальним и ближним». Так как «Список» относится к XIV в. или к первой половине XV в., нельзя быть уверенным, что все помянутые в нем города существовали в XII—XIII вв. Однако очень вероятно, что отнесение ряда южных городов к числу «русских» восходит ко временам Галицкой земли. В «Списке» этом читаем: «А на сеи сторонѣ Дунаа, на усть Днѣстра надъ морем: Бѣлъгородъ, Чернъ, Ясьскыи торгъ на Прутѣ рѣцѣ, Романовъ торгъ на Молдовѣ, Нѣмечь в горахъ, Корочюновъ каменъ, Сочява, Серетъ, Баня, Чечюнь, Коломыя, Городокъ на Черемошѣ, на Днѣстрѣ Хотѣнь»[6].

Белгород — это Белгород Днестровский (Аккерман), расположенный на западном берегу Днестровского лимана; Черн — с. Чорна, лежащее на правом берегу Днестра в б. Оргеевском уезде, в прошлом столетии имело 103 двора[7]; Хотен — г. Хотин на Днестре Черновицкой области;

[1] Ипат. л., 6695 г.

[2] Там же, 6682 (1174) г.

[3] Там же, 6721 г.

[4] Там же, 6732 г.; Воскр.л., 6731 г., где правильное чтение: «по Днѣстру».

[5] П. И. Засурцев. Славянские поселения в Молдавии. «Кр. сообщ. ИИМК», 1949, в. XVII.

[6] См. рукопись Археографической комиссии, содержащую Новгородскую 1-ю летопись по Комиссионному списку.

[7] Список населенных мест Бессарабской области, 1861 г., № 520. Следует отметить, что по другую (по отношению к Аккерману) сторону Днестровского лимана в Овидио-

Ясьский торг на Пруте находился где-то близ нынешних Ясс, в Румынии; Романов торг на Молдове — г. Романов, или Роман, лежащий при впадении Молдовы в Серет в Румынии [1]; Немеч в горах приурочивается к теперешнему Немети в Семиградии на Самоше [2]; Сочява и Серет соответствуют одноименным селениям в районе верхнего Серета; Баня — это Баня Родна, известная летописям и ныне сохранившаяся в названии поселения (Rodna) в Семмигадии, у истоков Б. Самоша [3]; Коломыя нам уже знакома. Необходимо отметить, что Баня Родна, как и Коломыя, лежала, по прямому смыслу летописного текста, в галичских пределах: «и прииде к бани, рекомѣи Родна, и оттуда иде во Угры»; следовательно, на пути из Галича в Угры, недалеко от угорского рубежа [4].

Ясский торг и Романов торг были расположены в непосредственной близости к р. Берлади, и места эти могли привлекать галичских князей возможностью установить здесь сбор «мыта» [5].

Резюмируем некоторые результаты исследования.

Берестейская волость как территория имеет свою историю, отличную от истории «Червенских городов». Внешние события объединили оба района в том отношении, что оба района, расположенные по Зап. Бугу или примыкающие к нему, отошли под господство «Руси» в результате борьбы с «ляхами» в X—XI в. Однако внутренняя история этих двух населенных пространств глубоко различна. В Верхнем Побужье, в районе «Червенских городов», по ряду признаков, давно назревало объединение государственного типа. Здесь образовался местный правящий класс феодалов и сложилась определенная территория, тянувшая к Червену. Никаких признаков местного правящего класса в Берестейской волости источники не обнаруживают. Территория Берестейской волости (даже едва ли соприкасавшаяся тогда с территорией «Червенских городов») вошла в состав киевской территории, территории будущего Киевского феодального полугосударства. Территория «Червенских городов» не слилась с киевской территорией. Попытка Всеволода Киевского присоединить эту территорию к составу киевской не имела успеха. На западе

польском районе Одесской области имеется д. Роксоляны (Бузьиноата): см. Список населенных мест Херсонской губернии, 1868 г., № 2262.

[1] В городе имеется собор XVI в.

[2] О г. Немети см.: Н. Барсов. Очерки..., стр. 111.

[3] О Баня Родна см.: М. Погодин. Указ. соч., т. IV, стр. 206; Барсов, стр. 282—283. Баня означает вообще соловарня. Немеч, Сочява, Серет, Баня Родна — в Румынии.

[4] Ипат. л., 6743.

[5] «О мыте» см. в тексте душевной грамоты князя Владимира Васильковича, вписанном в Ипатьевскую летопись под 6795 г :«далъ есмьеи село свое Городелъ и с мытомь». Ср. СГГ и Д, т. II, № 5. Мы согласны с Н. Дашкевичем, что надо «воздержаться пока от полного решения вопроса о подложности грамоты Берладника» и «что вряд ли существующие данные для этого решения дают полное право на отрицательное заключение о содержании означенной грамоты». См.: Н. Дашкевич. Грамоты князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. «Сборник статей, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову». Киев, 1904, стр. 381. В грамоте указан «мыт» в Малом Галиче (предположительно — нынешний Галац), в Берлади и в Текучем (Текуч ныне— селение на р. Серете) — т. е. на территории Румынии.

Червенская территория граничила с Польшей, на востоке она захватывала течение Стыря и в междуречье Стыря и Горыни граничила с древней «Русской землей». Менее данных о древней территории Перемышля (также находившегося за пределами древней «Русской земли»), впоследствии вошедшей в состав «областной» территории с центром на Днестре, где территория начала оформляться, по ряду признаков, начиная со второй половины XI в. Образование стола в Теребовле во второй половине XI в. обусловливалось возраставшим интересом к Поднестровью. Возвышение Галича на Днестре относится к первой половине XII в.

Галичская территория распространилась до «поля». На рубеже XI—XII в. обнаружилась тяга к нижнему Дунаю (Василько Теребовльский, Владимир Мономах). Постепенно отношения господства распространились на Берладь. Выходцы из Галичской земли («выгонци галичьскыя») скоплялись на Днестре, где, по данным более позднего времени, существовали города (Черн, Белгород) и недавно обнаружены городища и славянские поселения XI—XII вв.

Отношение «Русской земли», князей Среднего Поднепровья в XI и в первой половине XII в. к юго-западным «областям», по сути дела было аналогично отношению к Новгороду, Смоленску, Ростову и др. Из «Руси» требовали вассального подчинения, выражавшегося (если требование удовлетворялось) в оказании в случае необходимости военной помощи и, повидимому, в денежных дарах. К сожалению, сведения на этот счет весьма скудны. Знаем, что в 1144 г. под Звенигородом Владимирко Галицкий, вступив в переговоры с Всеволодом Ольговичем Киевским, створил «мир» и затем уплатил Всеволоду Ольговичу 1400 (вариант: 1200) гривен «серебра». Характерно, что Всеволод Ольгович Киевский поделился «серебром» этим с «князи русскиѣ», как говорит летопись, пришедшими вместе с ним на Галицкую землю[1]. Среди них был князь Переяславля-Русского (Изяслав Мстиславич) и князь Чернигова (Владимир Давыдович).

К XIII в. имя «Русской земли» перешло на юго-западный край. Термин «русский» давно бытовал за Карпатами, а с татарским нашествием еще шире там распространился вместе с переселенцами, уходившими от татар на Запад.

---

[1] Ипат., Лавр. лл., 1144 г.

ГЛАВА IX

Источники конца XI в. знают по отношению к Полоцкой земле и термин «область» и термин «волость»[1]. Полоцкая «область-волость», согласно «Повести временных лет», выросла из объединения части племени кривичей.

Надо сказать, что в начале XII в. печерский летописец, составитель нового летописного свода, мог получать сведения о Полоцке двумя путями. Во-первых, в декабре 1105 г. был поставлен в Полоцк епископом Мина, из постриженников Печерского монастыря[2]. Во-вторых, в начале XII в. особые знаки внимания проявлял к Печерскому монастырю полоцкий, точнее, минский князь Глеб Всеславич: его «повелением», например, была заложена трапезница в Печерском монастыре, «иже ю и стяжа», законченная в 1108 г.[3]

Составитель «Повести временных лет» узнал, что «перьвии насельници» в Полоцке — «кривичи», а так как из легенды, помещенной в предыдущий летописный свод, он знал, что Рюрика призывали кривичи, чудь и меря, то сделал вывод, что Полоцк (как город кривичей), принадлежал Рюрику. Полочан и р. Полоту он не забыл упомянуть, когда писал о древнейших княжениях. «И по сихъ братьи,— читаем в «Повести временных лет»,— держати почаша родъ их княженье в Поляхъ, [а] в Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленьскъ, тудѣ бо сѣдять Кривичи»[4] и т. д. Среди «племенных» объединений он упоминает, таким образом, и объединение «полочан», подобное существовавшему у «полян».

Однако здесь же он дает понять, что это племя в некотором отношении отличается от племени полян, древлян, дреговичей, что объединение «полочан» представляло собою иного рода объединение; от полочан, пишет он, происходят те «кривичи», которые сидят «на верхъ Волги и на

[1] См., например, Ипат. л., 980 г.; Лавр. л., 1092 г.

[2] Лавр. л., 1105 г.; Патерик Киево-Печерского монастыря.

[3] Ипат. л., 1108 г. Глеб дал «в животѣ своемъ» Печерскому монастырю с княгинею 600 гривен серебра и 50 гривен золота. По смерти Глеба его вдова дала в монастырь 100 гривен серебра и 50 гривен золота, а «по своемъ животѣ» дала «5 сел и съ челядью и все да и до повоя» (т. е. все до новойника) (Ипат. л., 1158 г.). Вдова Глеба умерла в 1158 г., через 40 лет после смерти мужа.

[4] «Лаврентьевская летопись», изд. 1897 г., стр. 10.

верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленьскъ». Иными словами — одно «княжение» у кривичей было на Полоте, а другое — в Смоленске; полочане — тоже кривичи. Составитель «Повести временных лет» именно так понимал дело: вспомним, что «перьвих насельников» в Полоцке он считал «кривичами», так же понимал дело и его киевский продолжатель: сохранились записи первой половины XII в., из которых видно, что полоцких князей считали в Киеве «кривическими» и «кривичами» называли тех, против кого посылали войско на южный полоцкий город Изяславль [1].

В том же тексте, где летописец говорит о «княжениях» у разных племен, он ниже передает сведения о народах «иже дань дають Руси». Во времена летописца, как явствует из этих его слов, «Полоцкая земля» уже в полной мере могла называться «областью», а не племенным «княжением», ибо в числе данников полочан были ливы, обитавшие на нижнем течении Зап. Двины, далеко от Полоцка, семигаллы и другие народы. Само название «полочане» стали употреблять чаще в смысле населения г. Полоцка, а иногда в смысле населения территории Полоцкой «области». Так, летопись отмечает, например, что население Полоцка и «области» испытало навождение: «и тако уязвляху люди полоцкиа и его область; тѣмь и человѣци глаголаху: яко навье бьють полочанѣ. Се же знаменье поча быти отъ Дрьютьска»[2].

Обстоятельства, при которых образовалось особое княжество в Полоцке, нам неизвестны. Можем только указать на то, что известные нам факты заставляют предполагать существование в Полоцке местного феодального класса, в интересах которого было создать аппарат принуждения, распространяя его действие на значительное территориальное объединение, и бороться за расширение своей «областной» территории и за увеличение своих доходов. Какие же это факты? Еще до того, как на Полоцк распространилось южнорусское господство, в Полоцке княжил Роговолод, имевший, по выражению Начального свода, «власть свою в Полотьскѣ»[3]. В памяти потомков он был князем не южнорусским, вышел не из «Руси», и не из «внешней Руси», не из Новгорода. Он принадлежал или к местному кривичскому княжескому роду, или пришел из заморья, если верить летописцу и не думать, что он в данном случае отдал дань моде (что могло быть; вспомним, например, что в XVII в. считалось нужным возводить дворянские роды во что бы то ни стало к выходцам из-за рубежа). Летописец не объясняет, откуда именно он вышел «из заморья». Он мог выйти от балтийских славян «съ Кашуб, от Поморья варязского», например. Древние сношения по Зап. Двине с балтийскими славянами вполне допускают такую возможность[4].

---

[1] Ипат. л., 1140, 1128 гг.

[2] Лавр. л., 1092 г.

[3] Новг. 1-я л., 980 г.

[4] На древние сношения кривичей с балтийскими славянами по Зап. Двине указывает топография кладов с куфическими монетами. См.: А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910; Р. Фасмер. Список монетных находок «Кр. сообщ. ИИМК», т. I.

Попытка установить господство киевских князей над Полоцком не дала прочных результатов. Роговолод был убит. При каких обстоятельствах это произошло, мы хорошо не знаем. Роговолод был современником Святослава Киевского. В рассказе, передающем о событии, представляется вполне достоверным, что нападение «русского» князя на Полоцк было предпринято из Новгорода. Мы увидим ниже (в главе XI), что, по ряду данных, киевское господство пришло в Ростов также из Новгорода. Для правильной критической оценки источника необходимо иметь в виду, что он восходит к устной традиции рода Добрыни, записанной, впрочем, уже в конце XI в., и что в Начальном своде и «Повести временных лет» он вошел обработанным в плане общих задач летописания [1]. По счастью, рассказ дошел до нас в двух редакциях, причем в более первоначальном виде традиция записана в Лаврентьевской летописи под 1128 г., где на первый план выдвинут Добрыня — «воевода и храборъ и наряденъ мужь». Вполне естественно, что причиной похода на Полоцк в рассказе выставлялась «ярость» Добрыни, оскорбленного мотивировкой отказа за свой род, а главным результатом похода — торжество Добрыни и месть, выразившуюся в дикой сцене, выпущенной составителем Начального свода, но сохранившейся под 1128 г. в киевской летописи. По версии «Повести временных лет», Владимир выступил на Полоцк тогда, когда Рогнеду собирались вести за Ярополка. Таким образом, поход на Полоцк поставлен здесь в связь с борьбой Владимира и Ярополка.

Как было в действительности, мы не знаем. Но для нас важно, что вскоре в Полоцке на столе оказываются потомки Рогнеды, занимавшие нередко недружелюбную позицию по отношению к Киеву. Как это случилось? По преданию, записанному в первой половине XII в. (под 1128 г.), Владимир Киевский «воздвигнул», восстановил «отчину» Рогнеды, дочери Роговолода, возвратив ее в свою «область», где она села со своим сыном Изяславом Володимеровичем. Такое решение он принял по совету «бояр» (киевских, очевидно). Так повествует предание в полном согласии с данными «Повести временных лет» и Начального свода. Можно только усомниться в том, что малолетний Изяслав с матерью сел в г. Изяславле, ибо в «Повести временных лет» мы читаем, что Владимир посадил его в Полоцке. Думаю, что «воздвигая» «отчину» Рогнеды, Владимир делал уступку полочанам. Сын Изяслава начал «мечь взимать» против киевского князя. Вспомним, что в Новгороде, где в начале XI в. видим местную знать, организованную в «тысящу», была попытка в начале XI в. прекратить уплату дани в Киев. Но Новгород не вышел из повиновения, так как киевские князья продолжали держать там своих сыновей. В Полоцке, где также, очевидно, существовала местная правящая среда, дело обстояло несколько иначе; там с конца X в. утвердилась одна особая княжеская линия. Киевские князья не придавали Полоцку такого значения, как Новгороду. Но и в Полоцке они, повидимому, пытались укрепить свое

[1] Лавр., Ипат., Новг. 1-я лл., под 980 г.; А. А. Шахматов считает первоначальной редакцию Лавр. л. под 1128 г. (см. «Разыскания...», стр. 174—176, 248—251).

влияние, как и в Новгороде, но с меньшим успехом. Отголоски этих отношений слышаться в «Eymundar Saga».

Мы видели, что в Новгороде «русские» князья использовали в своих интересах наемный варяжский отряд. Поскольку в Полоцке сидела своя княжеская линия, полоцкие князья сами пытались использовать варягов в местных полоцких интересах. Об этом говорят два разных источника: Длугош и «Eymundar Saga». Длугош сообщает, что «Bretislavus, сын Изяслава, князь Полоцкий, собравши войско из своих полочан и варягов (congregato de suis Polocensibus et Varahis exercitu), выступил против Новгорода и завладел им»[1]. «Eymundar Saga» рассказывает о том, как варяг Эймунд нанимался к Брячиславу Полоцкому. Пользуясь сагой как источником, мы отбрасываем всю фантастику, присочиненную ради возвеличения Эймунда, в частности, повествование об условиях договора между Брячиславом и Ярославом. Эта фантастика особенно заметна при сравнении «Eymundar Saga» с русской летописью. Но некоторые живые черты действительности сага сохранила. Нанимая варягов на свою службу, полоцкий князь, по «Eymundar Saga», предварительно советовался со своими «мужами»: «потому что они вносят мне деньги, хотя я отпускаю их из своих рук (расходую)»[2].

И русская летопись и древнесеверная сага одинаково показывают, что Ярослав добивался господства «Русской земли» над Полоцком. По Новгородской летописи, Ярослав требовал, чтобы Брячислав действовал в единении с ним: «буди же съ мною единъ»[3]. Даже в вымышленной части рассказа саги подчеркнуто, что Эймунд, посаженный в Полоцкой стране, «держал защиту ее (landvarn) от имени конунга Ярислейфа» (т. е. Ярослава) и что Эймунд передал свои права Рагнару «по соизволению конунга Ярислейфа и господыни Ингигерды»[4]. По Новгородской летописи, в результате соглашения Брячислава с Ярославом, Брячислав воевал совместно с Ярославом до самой смерти своей, последовавшей, согласно «Повести временных лет», в 1044 г. Когда он умер, Всеслав, «сын его сѣде на столѣ его»[5]. Еще в 1060 г. Всеслав действовал в единении с «русскими» князьями и ходил с ними «на коних и в лодьях» против степняков — торков[6].

Подчинение господству князей Среднего Поднепровья не было прочным. Ярослав добился его путем соглашения ценою значительных территориальных уступок Брячиславу. Было ясно, что и Всеслав потребует новых территориальных уступок. В чем же заключались их территориальные требования? И Брячислав и Всеслав добивались расширения «областной» территории путем борьбы. Территория росла не без помощи военной силы.

[1] А. И. Лященко. «Eymundar Saga» и русские летописи. «Изв. АН СССР», 1926, № 12, стр. 1084.

[2] В переводе О. И. Сенковского «Древнесеверные саги и песни скальдов», СПб., 1903, стр. 56.

[3] Новг. 4-я л., 1021 г.

[4] Перев. Сенковского. Указ. соч., стр. 61; см. также: Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. «Изв. АН СССР», 1934, № 8, стр. 621.

[5] Лавр. л., 1044 г.

[6] Там же, 1060 г.

Те факты, которые находятся в нашем распоряжении, показывают, что в интересах местного, полоцкого правящего слоя было создать значительное территориальное объединение и бороться за расширение своей «областной» территории, за увеличение своих доходов.

Древнейшая полоцкая территория, судя по определению «Повести временных лет» и самому названию «племени», охватывала преимущественно места по Зап. Двине в районе р. Полоты. Следы заселенности края заметны к западу и к югу от Полоцка, по левую сторону Двины, а также к северо-востоку от Полоцка, на путях из Полоцка в Невель, т. е. как раз приблизительно в районе р. Полоты и далее. Из шести курганных групп, зарегистрированных А. М. Сементковским в Полоцком уезде, две группы находятся на путях из Полоцка в Невель, одна — близ берега Дриссы и три — к юго-западу от Полоцка [1]. Из двух пригородных селений, лежавших под Полоцком в домонгольское время, из числа отмеченных источниками, одно (Бельчицы) находилось к югу от Полоцка, в 2—3 км от ручья Бельчица (впоследствии здесь были расположены рядом четыре селения Бельчицы) [2]; другое пригородное селение лежало к северо-востоку от Полоцка, на р. Полоте, где был расположен Евфросиниев монастырь. Это — Сельцо, место погребения полоцких епископов. Однако древнейшее полоцкое население располагалось главным образом по левую сторону Зап. Двины (так можно думать, имея в виду данные археологии). «Древнейшие курганы полочан,— писал А. А. Спицын,— исследованы по левую сторону Зап. Двины в Полоцком и Лепельском уездах. Обряд погребения в них — трупосожжение в могиле и вне могилы» [3]. Согласно обследованию Лявданского, в Бельчицах обнаруживаются древние слои, свидетельствующие об исконном заселении местности полочанами [4].

Некоторые вехи на пути образования полоцкой территории наметить нетрудно. В первой половине XI в. полоцкая дань пришла в соприкосновение на северо-востоке с новгородской; во второй половине XI в. пришла в соприкосновение на севере с псковско-новгородской, а на востоке — со смоленской. Труднее определить, когда она пришла в соприкосновение с киевской на юге.

Известно, что во времена Константина Багрянородного «русские» князья ездили в «полюдье» к дреговичам и кривичам, следовательно, во всяком случае часть дреговичей и кривичей платила дань в «Русскую землю». Так как в полюдье ездили князья «со всеми россами», из Киева,

---

[1] А. М. Сементковский. Белорусские древности. СПб., 1890, вып. 1, стр. 12—13. Древнее полоцкое городище, находящееся на правом берегу Полоты, против «нижняго замка», выросло на поселении VIII—IX вв. В Заполотье обнаружены остатки селища X—XI вв. См.: А. Н. Лявданскі. Археалогічныя досьледы у Полацкай акрузе. «Зап. аддзелу гуманітарн. навук Белар. Акад. Навук», кн. II, Менск, 1930, стр. 166—169.

[2] Ипат. л., 1159 г.; Список населенных мест Витебской губернии, Витебск, 1906, стр. 300, № 92—95.

[3] «Зап. имп. Русск. археол. об-ва», нов. серия, 1897, т. IX, вып. 1—2, стр. 258

[4] В Бельчицах обнаружены курганы IX—X вв. и остатки селища. См. А. Н. Лявданскі. Археалогічныя досьледы у Полацкай акрузе. «Зап. аддзелу гуманітарн. навук Белар. Акад. Навук», кн. II, 1930, стр. 161, 173.

то всего вероятнее, что дреговичи эти обитали поблизости от Днепра. Во второй половине X в. или в начале XI в. Владимир Киевский посадил уже в Турове сына своего Святополка. Святополк, таким образом, еще при жизни Владимира Киевского господствовал над дреговичами. Тем не менее не все дреговичи оказались во власти киевских князей. На дреговичей, обитавших севернее, распространилась власть Полоцка. Еще А. Грушевский отмечал, что поселения дреговичей «заходят в область верхнего Немана, за водораздел р. Припяти и Немана»[1]. Современные археологи также исследуют дреговичские курганы в районе Минска и Заславля (г. Изяславля)[2]. Таким образом, прежде чем сюда пришла дань киевского ставленника из Турова, дреговичи эти уже были втянуты в сферу полоцкой «власти». Клецск и Случеск оказались в пределах туровских владений, а Изяславль и Минск — на территории Полоцкой «области»[3]. Эти данные заставляют думать, что территория Изяславля действительно очень рано стала полоцкой, не во второй половине XI в., а не позднее начала XI в. Поэтому мы склонны полагать, что основание г. Изяславля связано с деятельностью Изяслава Полоцкого, умершего в 1001 г.

Расширение полоцкой территории в северо-восточном направлении совершилось в первой четверти XI в. В отличие от Новгородской и Смоленской земель Полоцкая земля вначале лежала как бы в стороне от основной водной магистрали «из Варяг в Греки». Из Днепра был водный путь к Зап. Двине через Лукомль, как показывает топография кладов куфических монет[4]. Шел он волоком с Друти в Уллу и выходил к Зап. Двине недалеко от Полоцка, несколько ниже по течению реки. Этим путем могли ездить к морю по Зап. Двине.

На северо-востоке по соседству с полоцкой территорией были места, через которые шли основные пути «из Варяг в Греки». Один шел через Витебск, городище которого возникло не позднее IX в.[5] Близ города впадала в Зап. Двину р. Лучеса, верховья которой подходят почти к самому Днепру. Кроме того, р. Обольянка, приток Лучесы, верховьями своими сближается с Одровью, притоком Днепра, и с Друтью, впадающей

---

[1] А. Грушевский. Очерк истории Турово-Пинского княжества X—XIII вв. «Унив. изв.», 1901, № 6, стр. 12.

[2] Обследованные А. Н. Лявданским курганы относятся к XI и началу XII в. См.: А. Н. Лаўданскі. Археолегічныя раскопкі у м. Заслаўі Мінскай акругі. «Працы катэдры археолегіі», т. 1, 1928.

[3] Археологические раскопки (в сопоставлении с письменными данными) «свидетельствуют о времени возникновения Минска сначала (X в.) в виде поселения сельского типа, превратившегося вскоре (не позднее первой половины XI в.) в городское поселение... и о том, что место возникновения Минска находится при слиянии двух рек—Немиги и Свислочи, т. е. в пределах нынешнего Минска» (В. Р. Тарасенко. К истории г. Минска. «Изв. АН БССР», 1948, № 6, стр. 43. Клецск ныне — г. Клецк, районный центр Барановичской области, в 44 км от Барановичей. Случеск — г. Слуцк Бобруйской области, в 115 км от Бобруйска.

[4] П. Любомиров. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Учен. зап. гос. Сарат. ун-та, слав.-истор. отдел. педаг. фак.», 1923, т. I, вып. 3, стр. 21—23.

[5] А. Н. Лаўданскі. Археолегічныя досьледы у Віцебскай акрузе. «Працы археол. камісіі», т. II, 1930.

в Днепр[1]. Другой, важнейший путь «из Варяг в Греки» пролегал через Усвят. Верх Ловати близко подходит к оз. Усвяту. Из озера течет в Зап. Двину р. Усвяч, и почти против нее в Двину же впадает Каспля, подходящая верховьями своими почти к самому Днепру[2] (см. ниже главу X). Писцовая книга XVI в. отмечает, «над оз. над Усвятом городище Старое Усвятцкое, а на городище земля пашенная»[3]. В поисках новых доходов Полоцк стремится распространить свою власть туда, где были наиболее платежеспособные «веси и города». На рубеже второго и третьего десятилетий XI в. Усвят и Витебск стали предметом вожделений полоцких властителей.

Между тем на эти места, во всяком случае на Усвят, должен был претендовать Новгород: отсюда вытекала новгородская Ловать, служившая воротами в сердце, в «середу» Новгородской земли, использованными впоследствии Литвою для набегов на Новгородскую «область». Сюда же, вероятно, до междуречья Днепра и Зап. Двины, доходили киевские князья, когда «со всеми россами» они, как свидетельствует Константин Багрянородный, ходили в полюдье в земли кривичей. Выше, в главе V мы выяснили, что нападение Брячислава на Новгород было связано с притязаниями Полоцка на территорию, прилегавшую к верховьям Ловати. Ярослав разбил Брячислава, затем вызвал его на переговоры, предлагая ему Усвят и Витебск, но вместе с тем требуя, чтобы Брячислав признал его руководящую роль. Соглашение состоялось, и Полоцк, таким образом, получил важнейшую территорию на пути «из Варяг в Греки». Любопытно, что «Eymundar Saga» (передающая события в сильно искаженном виде) говорит, что предметом раздора между тремя князьями были «города», «деревни», «веси» и «торги», «удобные для сбора доходов»[4].

Нарастание полоцкой территории, согласно ряду признаков, продолжалось во второй половине XI в. Оно шло в нескольких направлениях. Во-первых, на север, пока полоцкая дань не встретилась с псковско-новгородской. Во-вторых, Полоцк распространял свою дань на народы, обитавшие на северо-западе от него: на семигаллов, куронов и ливов. В-третьих, на западе данью обкладывались литовцы. На востоке Полоцк владел значительной частью течения р. Друти. Но здесь он стремился распространить свою дань на места, уже бывшие под властью другого «областного» центра — Смоленска, захватить места по течению Днепра.

Выше (в главе V) мы говорили, что в 60-х годах XI в. начинаются нападения Всеслава на новгородскую территорию: сначала на Псков (1065 г.), затем на Новгород (1066—1067 гг.). Место, где был разбит Мстислав Изяславич Новгородский (на Черехе), свидетельствует о том, что Всеслав

---

[1] О находках куфических монет в районе Витебска см.: А. Марков. Указ. соч. (Витебская губ.).

[2] А. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 11.

[3] «Писцовые книги XVI в.», изд. Н. Калачева, ч. 1, 1877, стр. 445. По А. М. Сементковскому, Усвятская волость «едва ли не самая богатая земляными памятниками старины в Велижском уезде» («Белорусские древности», СПб., 1890, вып. 1, стр. 32—33).

[4] Перев. Сенковского. Указ. соч., стр. 38, 56.

Полоцкий шел с юго-востока на Псков, т. е.. всего вернее, через территорию, где со временем сложилась Пусторжевская волость. Вскоре он напал и на Новгород, причем угнал в плен население целого района (погоста). Эти данные позволяют думать, что к середине 60-х годов XI в. полоцкая дань на севере вошла в соприкосновение с новгородско-псковской.

Естественно думать, что в это же время и в последующие десятилетия полоцкая дань распространялась на северо-западе. Возможно, что в этом направлении полоцкие князья с полочанами ходили за данью в очень древние времена. Но борьба с народом, обитавшим к югу от нижней Двины, продолжалась еще в начале XII в.

Среди данников «Руси» «Повесть временных лет» упоминает «Либь» или «Ливь», т. е. ливов, народ, родственный финнам, обитавший на нижнем течении Зап. Двины и близ побережья Балтийского моря. Мы знаем, что автор «Повести временных лет» называет «Русью» в данном случае восточных славян. На среднем течении Зап. Двины господствовали полочане. Киевское и новгородское летописание до нас дошло, но оно ни слова не говорит о походах киевских или новгородских князей на ливов. Приходится сделать вывод, что в начале XII в. с ливов собирали дань полоцкие князья. Такой вывод в полной мере подтверждается показаниями западноевропейских хроник и известиями русской летописи XII в. Генрих Латвийский прямо свидетельствует, что священник Мейнард (в конце XII в.) получил р а з р е ш е н и е проповедывать среди ливов «от короля полоцкого Владимира (Woldemaro de Ploceke), которому л и в ы, еще язычники, п л а т и л и д а н ь»[1]. Арнольд Любекский также говорил в «Chronica Slavorum» (кн. VII, гл. IX, стр. 10): «король Руссии из Полоцка имел обыкновение время от времени собирать дань с этих ливов»[2]. В конце 20-х годов XIII в. Либь приходила по приглашению псковичей. Но в XII в., сколько нам известно, она выступала только в помощь полоцким князьям[3].

Понятно, что другое племя, обитавшее к юго-востоку от ливов, ближе к Полоцку, в начале XII в. также числилось в числе данников «Руси». Это — «зимигола», т. е. семигаллы, жившие, по данным хроник и древних географических карт, к югу от Зап. Двины[4]. Конечно, не все семигаллы платили Полоцку дань, а вероятно, те, поселения которых лежали поблизости от Зап. Двины. С другими приходилось вести борьбу. Так, в 1106 г. был предпринят совместный поход полоцких князей («Всеславичей») против зимиголы, победившей и убившей 9 тысяч из их «дружины»[5].

---

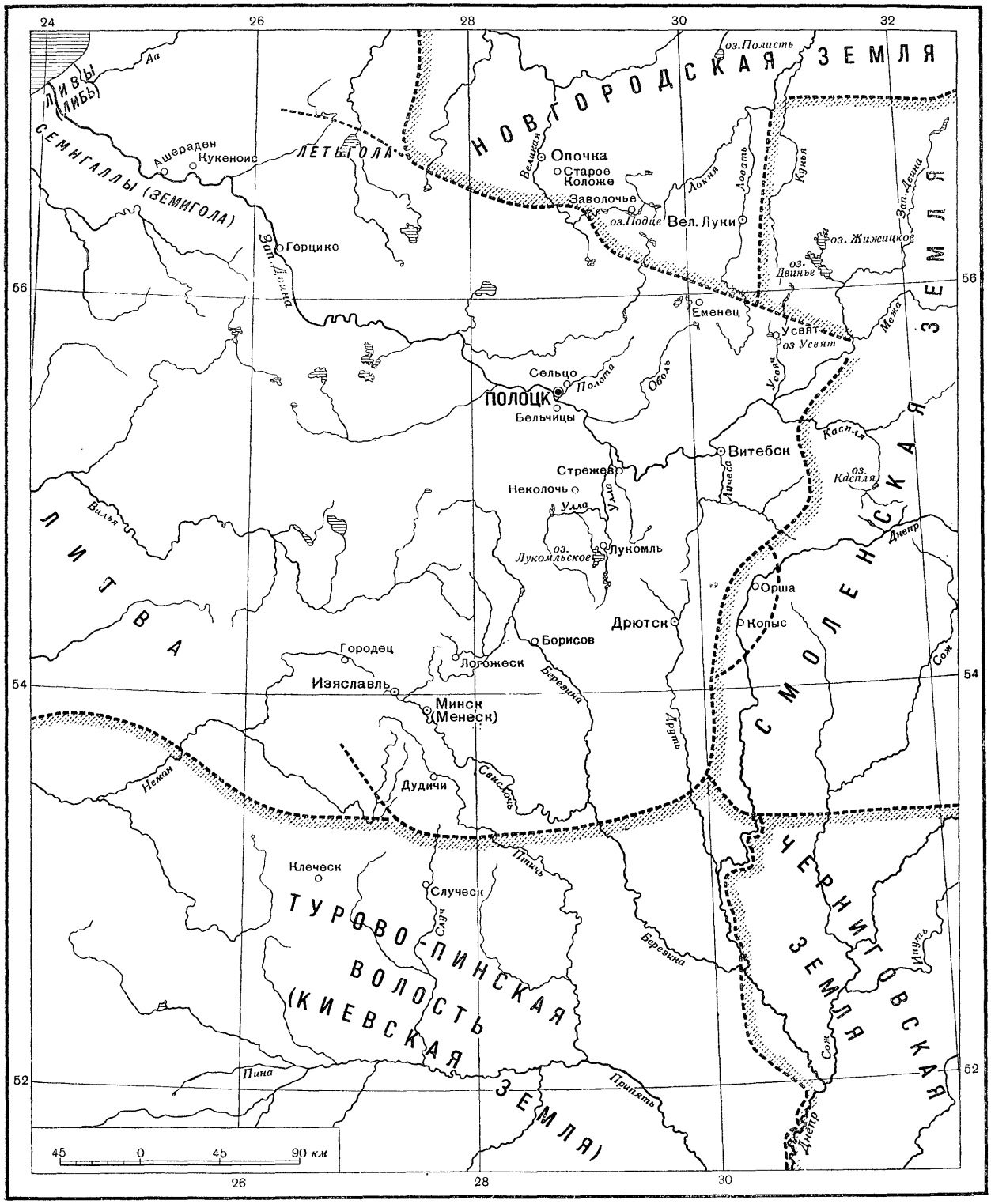
[1] Генрих Л а т в и й с к и й. Хроника Ливонии. Перев. С. А. Аннинского, кн. 1, § 3. 1938, стр. 59.

[2] «Monum. Germ. Hist. Script.», t. XXI, стр. 212; Генрих Л а т в и й с к и й. Указ. соч., стр. 251.

[3] Ипат. л., 1180 г.

[4] См., например, карту Меркатора 1595 г. (В. К о р д т. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910, вып. II, № 10). О предках латышей см.: Ф. В. Б а л л о д. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII ст. М., 1910. Х. А. М о о р а, Этногенез народов Прибалтики по данным археологии (Кр. сообщения Института этнографии, в. XII, 1950 г.).

[5] Лавр. л., 1106 г.



Полоцкая земля. Граница начала XII в.; показана схематически.

А. Н. Насонов

Так как в том же перечне «Повесть временных лет» упоминает также «корсь», т. е. куронов, живших по балтийскому побережью, главным образом к югу от Рижского залива, можно думать, что полоцкая дань распространялась к юго-западу от устья Двины.

Без сомнения, дань полочанам платила также часть лэтигаллов, населявших территорию к северу от берегов Зап. Двины. В связи с распространением, вероятно, полоцкой дани по течению Зап. Двины, возникли два укрепления — «города», подвластные Полоцку, ставшие (к тому времени, когда о них упоминает источник) стольными. Это — Герцике и Кукенойс. К сожалению, русские летописи о них не упоминают совсем. Сведения о них в хрониках и актах идут не ранее того времени, когда на берега Зап. Двины началось наступление немцев. Кукенойс был расположен недалеко от правого берега Зап. Двины в нижнем ее течении, в 142 км от Даугавпилса (Двинска) и в 358 км от Полоцка. Герцике лежал, повидимому, на месте дер. Царьграда, в б. Двинском округе Витебской губернии, в 42 км от Даугавпилса.

Среди лэтигаллов, непосредственно соседивших с кривичами, полочане должны были начать раньше собирать дань, чем среди семигаллов, ливов и куронов. Однако «Повесть временных лет» почему-то не упоминает «летьголу» в числе народов, платящих дань. Вместе с тем она упоминает «Литву».

Кому платила дань Литва, упомянутая в перечне «Повести временных лет»?

Литовцы, так же как и лэтигаллы, были непосредственными соседями кривичей. «Литва», упоминаемая в летописных известиях XII—XIII вв., обитала к западу от основной полоцкой территории. Из известия 1159 г. можно вывести, что она жила в «лесах» по соседству с минским районом, а по летописному рассказу под 1162 г. она выходит вместе с Володарем на бой из Городца, расположенного на притоке Немана р. Березине (Володарь вышел «из города с Литвою»; Ипат. л.). Как далеко на запад тянулись поселения кривичей, мы точно не знаем. Данные, добытые археологическими работами последнего времени в Вильно и Гродно, могут дать новый материал для решения этой проблемы[1].

---

[1] О материале из Гродно см.: Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. «Кр. сообщ. ИИМК», 1949, вып XXVII; В. И. Пичета. Основные моменты исторического развития Зап. Украины и Зап. Белоруссии. 1940, стр. 5; М. Любавский. Областное деление и местное управление. 1893, стр. 3; В. Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы. «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 77.

Из известий под 1200 и 1225 гг. явствует, что Литва во время своих набегов проходила значительные пространства, а если новгородцы преследовали иногда Литву только до Усвята, то потому, что Усвят был пограничным с новгородской территорией местом Полоцкой «области», откуда шли пути к Зап. Двине и дальше. Поэтому мы никак не можем согласиться с А. И. Соболевским, полагавшим, что, по известиям XII—XIII вв., Литва жила в б. Витебской губернии у Усвята и вниз по Зап. Двине от устья Межи, а также в губерниях Псковской, Тверской, Московской и Смоленской. «Чтобы из-под Вильны добраться до Великих Лук, необходимо было пройти через владения полоцких князей, через населенную русскими область,— писал Соболевский;— а чтобы оттуда же достигнуть до Зубцева, Торжка и Бежиц (Бежецка), требовалось сделать поход на конях или пешком чрез огромные пространства. Не говорим уже о дви-

Кому же платила дань «Литва», упомянутая в «Повести временных лет», киевскому князю или полоцкому? Наши источники упоминают о двух походах на Литву двух киевских князей. Но анализ материала заставляет думать, что оба раза киевские князья ходили на Литву совместно с полоцкими. Так, в 1040 г., по «Повести временных лет», или в 1044 г. (незадолго до смерти Брячислава), по Новгородской 1-й летописи, Ярослав ходил на Литву. Это было, таким образом, уже после соглашения 1021 г. между ними, в годы, когда Брячислав Полоцкий, по словам летописца, воевал совместно с Ярославом. Поход 1040—1044 гг. нужно понимать, следовательно, как совместный поход Ярослава с Брячиславом Полоцким на Литву. Других походов киевских князей на Литву в XI в. источники не знают. В 1131—1132 гг. на Литву ходил сын Мономаха Мстислав Киевский со своими сыновьями («съ сынъми»), с Ольговичами и со Всеволодом Городенским. Киевляне пошли неохотно: сначала не пошли с князем, потом пошли отдельно, за что и поплатились. Предприятие имело место после того, как полоцкие князья были посажены в Константинополь (1129 г.), а в Полоцке Мстислав посадил сына своего Изяслава, который, очевидно, принимал участие в этом походе на Литву [1].

Известия 1159, 1162, 1180 и 1198 гг. заставляют думать, что во второй половине XII в. Литва если и платила тогда дань, то в Полоцк, а не в Киев [2]. Как было в XI и в начале XII в., сказать трудно. Но, как мы видели по ряду данных, киевские князья ходили на Литву совместно с полоцкими.

Крайними на юго-востоке полоцкими владениями в XI в. было течение р. Друти. Отсюда, как мы говорили, через Лукомль шел древний путь к Зап. Двине. Территория б. Сенненского уезда, по наблюдениям Е. И. Романова, замечательно богата древними земляными насыпями, городищами и курганами различных периодов [3]. На верхней Друти лежал древний полоцкий г. Друцк, выросший на городище IX—X вв., служивший, судя по летописным известиям (1116, 1180 гг. и «Поучению» Мономаха), как бы воротами в Полоцкую землю [4]. С присоединением к Полоцкой

жении из-под Вильны в Черниговскую область Ольговичей. Очевидно, Литва, о которой сообщают вышевыписанные известия, жила не близ Вильны и Трок, а по другую сторону, восточную сторону Полоцкого княжества, то есть в пределах нынешних Витебской и Смоленской губерний» (А. И. Соболевский. Где жила Литва? «Изв. АН СССР», 1911, № 15, стр. 1053). Так думал Соболевский. Между тем на самом деле отношения между Полоцком и Литвою в конце XII и в первой половине XIII в. были таковы, что Литва могла беспрепятственно проходить через полоцкие владения или с согласия полоцких князей, или, со временем, пользуясь своей силой (так, в 1198 г. полочане ходили вместе с Литвою на новгородские Великие Луки, а в 1180 г. Литва ходила под водительством полоцких князей вместе с полочанами в военный поход). В 30-х годах XIII в. Литва уже грозила самостоятельности Полоцка.

[1] Лавр. л., 1129 г.; Ипат. л., 1132 г.; Лавр., Радз., Акад. лл., 1131—1132 гг.

[2] Ипат. л., 1159, 1162, 1180 гг.; Новг. 1-я л., 1198 г.

[3] Е. И. Романов. Курганы Могилевской губернии. «Протоколы засед. Антропол. отд. Об-ва любит. естеств., антропол. и этногр.», 1890, стр. 597—598.

[4] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. «Сообщ. ГАИМК», 1932, № 7/8, стр. 58; Ипат. л., 1116, 1180 гг.; Лавр. л., 1096 г.

«области» Витебского района часть междуречья Зап. Двины и Днепра отошла к Полоцку (см. ниже); но значительная часть пути «из Варяг в Греки», от Касплинского озера до Орши и Копыси, оказалась в руках Смоленска. Судя по известию 1067 г., Орша принадлежала Смоленску. Естественно, что Полоцк точил зубы на эти места, сулившие значительные доходы[1].

В рассказе под 1067 г. Орша выступает в качестве пограничного места. Стремление расширить свои владения в ущерб интересам соседних областей приводило Полоцк к изолированному положению. Нападение Всеслава на Новгород вызвало наступление «Русской земли» на Полоцкую землю. В 1067 г. Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Минск «на щит» и разбили Всеслава на Немизе. Самого Всеслава удалось захватить только обманом. Он был вызван для переговоров в Оршу. Хотя оршинское городище находится на правой стороне Днепра, «русские» князья стали лагерем на левой стороне реки. Всеслав переехал Днепр и был вероломно захвачен «на Рши (т. е. Орши) у Смоленьска»[2].

Как известно, обстоятельства позволили Всеславу вернуться в Полоцк. Из событий конца 70-х годов XI в. и событий 1116 г. можно понять, что агрессивная политика Полоцка была направлена в сторону смоленских владений. В конце 70-х годов XI в. Владимир Мономах, судя по тексту его «Поучения», дважды ходил «под Полтескъ», причем второй раз со Святополком; Святополк затем прошел в Новгород, а Мономах «на Одрьск, воюя»; местоположение Одреска неизвестно; быть может, он лежал в районе реки Одрови, впадающей в Днепр. Далее Мономах в своем «Поучении» повествует, что Всеслав напал на Смоленск и сжег город. Преследуя Всеслава, Мономах ходил на Дрюцк, «воюя», «воевал» до Лукомля и до Логожска[3]. Из летописного рассказа под 1116 г. выясняется, что Орша и Копыс были под властью минского князя Глеба Всеславича. Мономах, наказывая Глеба за то, что тот нападал на дреговичей и сжег Случеск, пошел с союзниками на Полоцкую землю, взял Дрюцк и Минск и вернул Смоленску Оршу и Копыс. Из грамоты Ростислава Смоленского (середина XII в.) явствует, что Копыс остался в составе смоленских владений[4].

Постараемся в общих чертах обрисовать границы Полоцкой «области», как они определялись в начале XII в.

Где проходили рубежи Новгородско-псковской земли и Полоцкой? Пределы Новгородско-псковской земли на юге оставались более или

---

[1] Так, доходы с Копыса определялись его местоположением на перекрестке путей: «на Копысѣ полюдья четыре гривны, а перевоза четыри гривны, а торговаго четыре гривны, а корчьмити невѣдомо, но что ся сойдеть, из того десятина святѣи Богородици» (см. текст Уставной грамоты Ростислава в «Хрестоматии» Владимирского-Буданова, т. I, изд. 2-е, стр. 224). Орша ныне — районный центр Витебской области, в 87 км от Витебска. Копысь — поселок городского типа той же области.

[2] Ипат. л., 1067 г. Об оршинском городище см.: З. І. Даўгяла. Аршанскі замак. «Зап. аддз. гуман. навук», кн. 2; «Працы археол. камісіі», т. II, Менск, 1930.

[3] Лавр. л., 1096 г.

[4] Ипат. л., 1116 г.; АИ, т. I, № 4; «Хрестоматия» Владимирского-Буданова, т. I.

менее устойчивыми. Мы говорили, что псковскими городами на юге были Опочка и Коложе; на соседней новгородской территории источники указывают «Заволочье». Надо предполагать, таким образом, что граница Новгородско-псковской земли проходила где-то в верховьях р. Великой. Такое предположение подтверждается материалом писцовых книг XVI в. и данными местной топонимики.

По писцовым книгам, территория Полоцкого повета захватывала южный изгиб р. Великой, в верхнем течении ее[1]. Недалеко от изгиба Великой (к востоку от Себежа, в 42 км) лежит д. Рубежник[2].

Далее рубеж проходил где-то между р. Великой и «Заволочьем». Писцовая книга отмечает: «а от Великой р. рубеж пошел Полоцку с Опочкою да с Завеличьем»[3]. Без сомнения, он проходил где-то между Великими Луками и Еменцом, так как Еменец принадлежал Полоцку. Через Еменец ходили из Новгорода в Полоцк, как видно из известия под 1185 г.[4] Дорога шла через Озерище; по крайней мере в XVI в. через Озерище пролегала «Полотская большая дорога»[5]. Впоследствии недалеко от «Езирища», к юго-западу от него, находилась д. Большой Рубеж (Городокского уезда, Холомерской волости); в тех же местах лежала и д. Малый Рубеж[6]. Новгородско-полоцкий рубеж шел к верховьям Ловати и, повидимому, отсюда несколько менял направление, поворачивал на восток, проходил севернее Усвята и выходил к Зап. Двине в районе устья Межи, где отделял полоцкие владения от смоленских. Здесь лежала деревня Рубеж (в б. Велижском уезде, Серейской волости, в 50 км от Велижа) и выселок Рубежник в соседней Маклоковской волости[7]. Далее, по ряду данных топонимики, смоленско-полоцкий рубеж поворачивал на юго-запад. В б. Чепельской волости того же уезда значилась д. Рубеж (к юго-востоку от Велижа, в 31 км)[8]; по границе б. Велижского уезда и б. Порсченского уезда Смоленской губернии течет р. Рубеж, впадающая в Зап.

---

[1] «Писцовые книги XVI в.», изд. Н. Калачева, ч. 1, 1877, стр. 427—428; см. также карту Полоцкого повета, составленную Н. Оглоблиным, «Сб. Археолог. ин-та», кн. 4, под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1880.

[2] Список населенных мест Витебской губернии, ст., 376, № 10. Город Себеж в настоящее время — районный центр Великолукской области.

Используя для нашей цели поселения с названиями «Рубеж», «Рубежник», «Рубежники», «Рубежница», мы предварительно исключили из их числа, во-первых, поселения, имеющие, кроме этого, какое-либо другое название, и, во-вторых, «заст.», «фольв.», «им.» и т. п., состоящие из одного двора (в одном случае — двух дворов). Остальные поселения с такими названиями б. Витебской губернии мы нанесли на карту. Любопытно, что все они лежат близ рубежей древней Полоцкой области. Быть может, единственным исключением является д. Рубеж б. Дриссенского уезда (расположенная в 6 км от б. уездного города).

[3] «Писцовые книги XVI в.», ч. 1, стр. 428.

[4] Новг. 1-я л., 1185 г. К сожалению, неизвестно, каким путем шли новгородцы с псковичами к Полоцку в 1168 г., когда они повернули в 30 км от города (Новг. 1-я и 4-я, Соф. 1-я лл., 1168 г.).

[5] «Писцовые книги XVI в»., ч. 1, стр. 551—552.

[6] Список населенных мест Витебской губернии, стр. 97, № 26 и 41.

[7] Там же, стр. 59, № 60; стр. 57, № 60.

[8] Там же, стр. 65, № 5.

Двину (г. Велиж — районный центр Смоленской области)[1]; в б. Велятковской волости Витебского уезда — д. Рубежница (к югу или к юго-востоку от Суража, в 47 км); в той же волости протекает р. Рубежница, а в р. Каплю впадает р. Рубеж, текущая по границе б. Витебского уезда с б. Поречским уездом Смоленской губернии. Можно еще отметить, что р. Рубежница впадает в Мошню, приток Черницы, впадающей с правой стороны в Лучесу[2].

Таким образом, рубеж проходил между Касплинским озером и р. Лучесой, а затем огибал Днепр с запада, к востоку от р. Друти; мы видели, что Орша (Рша) и Копыс на Днепре принадлежали Полоцку только непродолжительное время. Далее Полоцкая «область» граничила с Турово-Пинскою землею. Рубеж пересекал р. Друть и Березину, в верховьях которой был расположен г. Борисов с городищем на левой стороне реки, обстроенный, повидимому, Борисом Всеславичем (ум. в 1128 г.) и упомянутый под 1127—1128 гг.[3] Рубеж проходил южнее Дудичей, расположенных на р. Птиче и севернее Слуцка (Случеск) и Клецка (Клеческ), тянувших к Турову. На запад Полоцкая территория простиралась едва ли далеко, так как все известные нам полоцкие поселения группируются к северу от м. Дудичи: Минск, Логожск (Логотск), Городец, Изяславль (Заславль). Быть может, полоцкая территория на юго-западе доходила до гористой местности, где, на р. Суле, впадающей в Неман, лежит м. Рубежевичи[4]. К западу и к северу начинались места, населенные не только славянами, но и литовцами. Как далеко на запад, на «Литву», заходила полоцкая дань, мы не знаем. Севернее, по р. Двине, полоцкая дань доходила до моря[5], причем на нижней Двине, как известно, лежали два

---

[1] Впадает в Зап. Двину у д. Мал. Баевой (А. Сапунов. Река Зап. Двина. Витебск, 1893, стр. 53).

[2] Список населенных мест Витебской губернии, стр. 8, № 99; А. Сапунов. Указ. соч., стр. 57, 59. Сураж — районный центр Витебской области.

[3] Лавр. л., 1127 г.; Ипат. л., 1128 г.

Князь Мстислав Киевский повелел Всеволоду Ольговичу со своей «братьею» итти «на Стрѣжевъ к Борисову», что на современном языке означает «на Борисов к Стрежеву». Таким образом, Стрежев лежал севернее Борисова. Поэтому правы те исследователи, которые не отождествляют Стрежев с м. Стрешин б. Рогачевского уезда Минской губернии, в настоящее время — Гомельской области, в 107 км от Гомеля, а ищут его следы у озера Стрижева в б. Лепельском уезде. Со Стрешиным б. Рогачевского уезда следует отождествлять «Стрѣшинъ», упомянутый в летописном списке городов среди «киевских» (см. прилож. к Новг. 1-й л.). Стрежев, названный под 1127 г., если бы попал в список городов («а се имена всѣм градом...»), то только в число «литовских». А. М. Сементковский в «Белорусских древностях» (стр. 55) отмечает, что между Бешенковичской и Бочейковской почтовыми станциями на полуострове озера Стрижева «насыпан большой курган». В. Е. Данилевич («Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст.», Киев, 1896, стр. 20) указал, что у озера находится д. Стрежево и что еще в XVI в. видим на этом месте город. О Борисовском городище см.: З. Даугяла. Барысаускі замак. «Зап. аддз. гуман. навук, Белар. Акад. Навук», 1930, кн. 2, стр. 265.

[4] О м. Дудичи и м. Рубежевичи см.: П. Семенов. Россия, т. IX, стр. 520 и 424.

[5] В новом освещении см. данные в статье: В. Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы. «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 79.

стольных города, подвластных Полоцку: Герцике и Кукенойс. «Вместе со своими уделами (Герцике, Кукенойс и, вероятно, еще иными) княжество полоцкое в XII в.,— пишет С. А. Аннинский,— владело всем средним течением Двины, примерно, от Двинска до Ашерадена, а в более древнее время, может быть, и нижним течением вплоть до моря. К северу от реки княжество охватывало территорию вплоть до линии, идущей от устья р. Трейден-Ла к истокам р. Эвста. Напрасно было бы, однако, предполагать, что вся эта, сравнительно обширная территория в одинаковой степени была освоена Полоцком. И старые и новейшие исследователи склонны рассматривать как непосредственное владение князя Полоцкого и удельных князей Герцике и Кукенойса лишь ближайшие к политическому центру княжества местности, считая более отдаленные только „сферой влияния“ соответствующего князя, где „подданство“ ограничивалось не всегда регулярной данью и временами военной повинностью»[1].

На восток от верховьев Эвста рубеж шел, повидимому, к Люцинскому району, где, к северо-западу от Люцина, в 40 км лежит д. Рубежники[2]. Оттуда граница направлялась к верховьям р. Великой (см. выше).

---

[1] См. примеч. 3 на стр. 249 в издании Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, 1938.

[2] Список населенных мест Витебской губернии, стр. 229, № 93.

ГЛАВА X

«Областная» территория г. Смоленска, разноплеменная по составу ее обитателей, выросла из территории племенной группы. Первоначально Смоленск был политическим центром тех кривичей, которые обитали в верховьях Днепра, Зап. Двины и Волги. Об этом свидетельствует, во-первых, один из источников «Повести временных лет», сообщающий: «Словѣни свое (т. е. княжение) в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане; от нихъже кривичи иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ; тудѣ бо сѣдять Кривичи»[1]. Во-вторых, из источников XI в. известны только смоленские поселения — Торопец, Орша, Копыс. Все они лежали в очерченных пределах[2]. В-третьих, территория, населенная голядью, обитавшей в то время на верхней Протве, была завоевана в 1058 г.[3] Следовательно, территория, заселенная вятичами на р. Похре, входившая в состав Смоленской «области» в середине XI в., как лежащая восточнее верхней Протвы, не могла принадлежать Смоленску до второй половины XI в. Наконец, пограничные с территорией, населенной радимичами, крепости Мстиславль и Ростиславль, судя по их названиям, были построены только в первой половине XII в.; следовательно, в первой половине XII в. явилась потребность у смолян укрепить свои права на территории радимичей, где смоленская дань дошла до Пропойска на Соже и до Зароя на Ипути и образовались смоленско-черниговские рубежи.

Древний Смоленск (X — первой половины XI в.), территориальный центр племенной группы кривичей, был расположен, как предположительно установлено А. А. Спицыным и подтверждено работами А. Н. Лявданского, не на месте нынешнего Смоленска, а в 10 км от него, вниз по Днепру, по правую сторону реки, где излучина Днепра близко подходит к возвышенному месту и где ныне у с. Гнездова обнаружено значительное по размерам городище, остатки древнего селища и богатейший могильник, заключавший 3826 курганов (ранее их было больше) IX—XI вв., принад-

---

[1] «Лавр. летопись», изд. 1897 г., стр. 9.

[2] Орша, лежавшая на верхнем Днепре, упомянута в Ипатьевской летописи под 1067 г. Копыс, расположенный несколько ниже по течению, упомянут под 1059 г. в Новгородской 1-й летописи и под 1116 г. в Ипатьевской. Торопец (точнее, «торопечанинь» или «торопчанин») упомянут в Лаврентьевской летописи, а также в Академической и Радзивиллоиской летописях под 1074 г.

[3] Ипат. л., 1058 г

лежавший в массе своей местному кривичскому коренному населению[1]. Самый «город» был обитаем и в нем обнаружены слои с VI до XII в.[2]

Наиболее заселенной частью области была территория вокруг Смоленска, занимающая западную часть б. Смоленской губернии, где расположено больше всего курганов (Поречье, Духовщина, Дорогобуж, Ельня, Красный)[3]. В нескольких верстах выше старого Смоленска, при речке Ясеной близ д. Верхне-Ясеной, обнаружено городище древней родовой эпохи, в верхнем слое которого найдены следы обитателей более позднего времени (посуды на гончарном кругу)[4]. Сама д. Ясная известна под именем с. Ясенского по грамоте Ростислава Смоленского середины XII в.[5] В нескольких верстах ниже по Днепру от старого Смоленска, при впадении Ольши в Днепр, обнаружены городище и селище, одновременные приблизительно гнездовским. Здесь и ниже выходил к Днепру великий путь «из Варяг в Греки». От Днепра ходили Катынью, Купринским озером, речкой Песочной, из нее волоком в р. Лелекву, затем Выдрой и Касплей в Зап. Двину, или Купринским озером и р. Взгорней, откуда волоком к Выдре. Вдоль всего этого пути идут курганы. По р. Катыни и кругом озера всего их насчитывается 65. Близ ст. Катынь и вокруг Купринского озера лежит пять городищ, из которых на двух (в городище в б. им. Вонлярово и близ д. Ерши-Лодыжицы) обнаружены следы обитателей X в. В 2 км от городища, лежащего близ д. Ерши-Лодыжицы, находятся остатки селища со следами лепленой и гончарной посуды, вероятно, место древних Лодейниц, упомянутых в грамоте Ростислава Смоленского, где брали 10 гривен дани. Населенной в то время была и местность к югу от Днепра, где карта земли IX—XIV вв. указывает, согласно показанию источников, значительное число поселений. Здесь же в 27 км к юго-востоку от нынешнего Смоленска, близ д. Ковшаров, лежало укрепленное поселение (городище), жизнь в котором не прекращалась с VIII по XII в., а вокруг него открыты следы поселения площадью до 4—5 гектаров. Следы керамики с орнаментом типа Ковшарокского городища найдены в новом (нынешнем) Смоленске под слоем обломков плимф от храма, построенного Владимиром Мономахом в 1101 г.[6]

---

[1] А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. 1924; его же. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. НИСГУ, т. III, вып. 3; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках Сергеева, ИАК, вып. 15, стр. 7—8 и др.

[2] Н. А. Андреев и Н. П. Милонов. Раскопки на гнездовском городище в 1940 г. «Кр. сообщ. ИИМК», 1945, вып. XI.

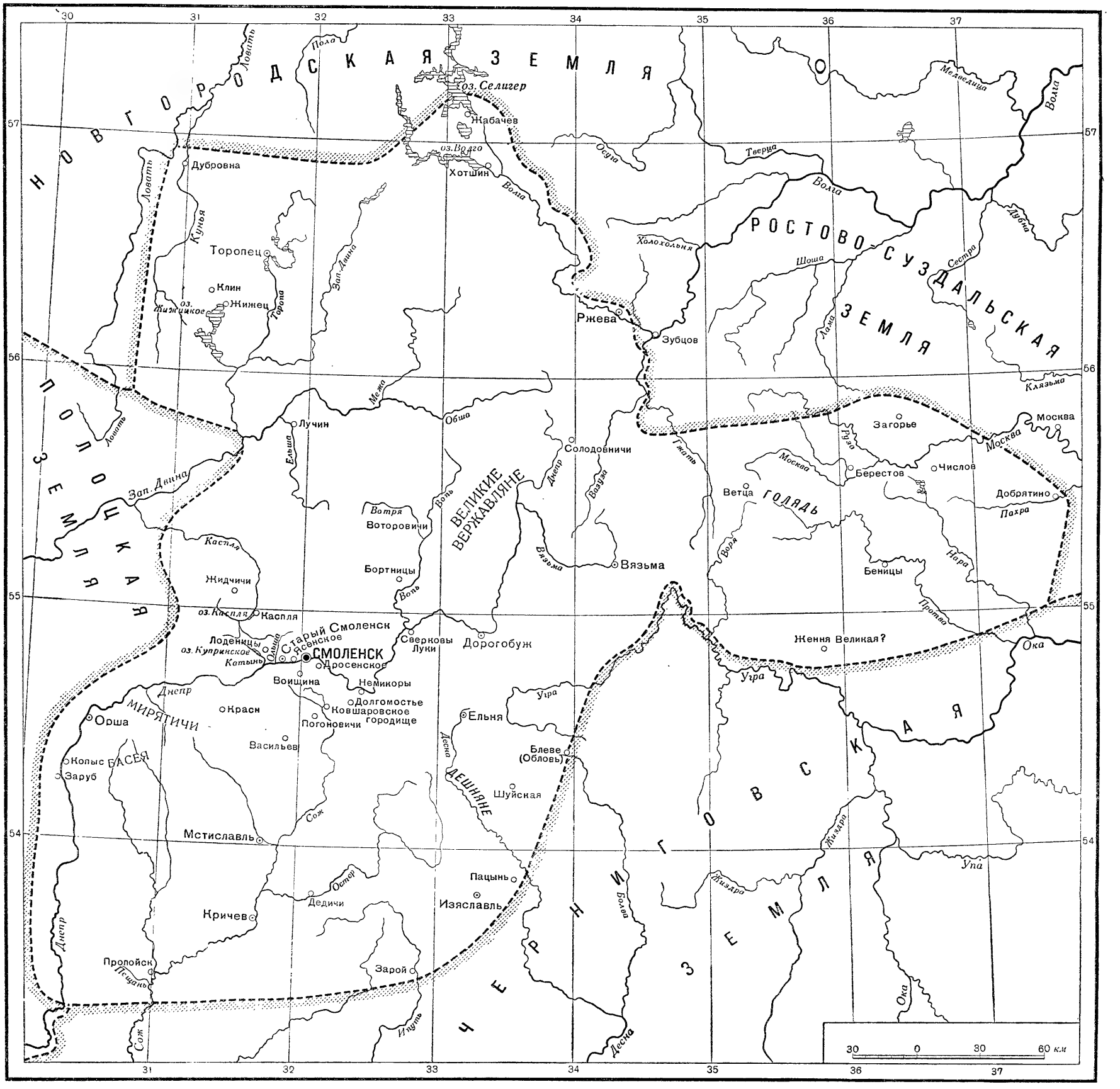
[3] «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении». «Зап. имп. Русск. археол. об-ва», 1899, т. XI, стр. 178.

Поречье ныне — г. Демидов, районный центр Смоленской области, в 120 км к северо-западу от Смоленска; Духовщина — районный центр Смоленской области, в 86 км от Смоленска; Ельня — 82 км от Смоленска; Красный — районный центр, в 67 км от Смоленска; Дорогобуж — в 125 км от Смоленска.

[4] А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 209.

[5] «Село Ясенское и съ бортником и съ землею и съ исгои...» (Уставная грамота Ростислава).

[6] А.Н. Лявданский. Там же, стр. 252—255 и др.; Ипат. л., 1101 г.; см. также: грамоту Ростислава Смоленского; 3-верстную военно-топографическую карту.



Смоленская земля. Граница около середины XII в.; показана схематически.

А. Н. Насонов.

И по летописи и по данным археологии старый Смоленск был уже значительным центром, когда на него распространилось господство «Русской земли»; подтверждается это и сведениями Константина Багрянородного.

Интерес к Смоленску на юге, в «Руси» имел место уже во времена Игоря. Об этом свидетельствует, во-первых, Константин Багрянородный, говоря, что киевский князь со всеми росами ездит в полюдье, между прочим к кривичам, и упоминает Смоленск в числе тех центров, откуда приходят одподеревки [1]. Во-вторых, по рассказу фрагмента какой-то смоленской летописи, отразившейся в Архангелогородском летописце, Игорь был первый южнорусский князь, признанный Смоленском. Город управлялся тогда старейшинами». Плывшие ранее по Днепру мимо Смоленска Аскольд и Дир «не явистася въ Смоленску: зане градъ великъ и многъ людми» [2].

Интерес к Смоленску, естественно, должен был вырасти с ослаблением хазарского ига, наступившим вслед за нашествием угров и особенно после нашествия печенегов в конце IX в. Как определилось преобладание «Русской земли» над Смоленском, мы не знаем. Историческое объяснение летописцев основывается на двух легендах: на легенде о том, что Игорь был сыном Рюрика и его законным политическим преемником, и на легенде о том, что варяги, пришедшие из «заморья», брали дань с словен, кривичей и чуди. Первая легенда исчерпывающе проанализирована Шахматовым [3]. Вторая легенда требует некоторых комментариев. Если мы обратимся к летописному тексту, в древнейшем своем виде сохранившемуся в Новгородской 1-й летописи, то связь между рассказом о дани в пользу варягов со словен, кривичей и мери и рассказом о дани, платимой теми же племенами в Киев, станет совершенно очевидной. По Новгородской 1-й летописи, рассказ о призвании варягов начинается с того, что словене, кривичи и меря, жившие «кождо своимъ родомъ», платили дань варягам. О чуди вставлено позже; это видно из контекста и было правильно отмечено Шахматовым [4]. Повествование об утверждении Олега и Игоря в Киеве кончается сообщением, что с Игорем были варяги, осевшие в Киеве, и что словене, кривичи и меря стали платить дань варягам в Киев.

Текст Новгородской 1-й летописи несколько испорчен повторением слова «варягом»: выходит, что варяги, наряду с другими племенами, стали платить дань самим себе. Первоначально повторения этого не было, как можно заключить из сравнения Новгородской 1-й летописи с Лаврентьевской и Ипатьевской. Во всяком случае ясно, что, по мысли составителя

С реки Ольши — волок в реку Молодую, затем в Удру и по ней в Касплю (Л я в д а н с к и й..., Материалы., стр. 4). Населенность местности к югу от верхнего Днепра в Смоленской «области» подтверждается также археологической картой. См.: А. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Днѣпра і Касплі у Смаленскай губерні. «Працы археол. камісіі», т. II, 1930.

[1] См. гл. 9 «De administrando imperio».

[2] «Лѣтописецъ содержащій в себѣ Россійскую исторію отъ 6360 до 7106 года», М., 1819, стр. 6—7.

[3] А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания..., стр. 292—293 и др.

[4] Там же, стр. 294.

летописного рассказа, три племени, платившие сначала дань варягам, пришедшим из «заморья», стали потом платить дань в Киев, где осели варяги вместе с Игорем (или Олегом).

Выше мы видели, какие отношения в XI в. создавали почву для появления такой легенды. Уплата дани в Киев из Новгорода и Смоленска была для составителей летописных сводов XI в., как мы говорили, современной действительностью. Кроме того, известно было, что варяги приходили с севера. Таким образом, киевский летописец сообщил о путешествии Игоря из Новгорода в Киев, связав этот рассказ с киевской легендой о падении власти Аскольда и Дира. По пути Игорь и воевода его Олег «н а л ѣ з о с т а Днѣпрь рѣку и Смолнескъ град»[1]. Рассказ этот содержит зерно истины: находясь между «Русскою землею» и «внешней Русью», Смоленск должен был признать господство киевского князя. Но как это произошло, мы в точности не знаем. Заключать с уверенностью на основании Константина Багрянородного, что сам Смоленск входил в состав «внешней Руси», мы не можем, так как текст К. Багрянородного не дает данных. «Русское», т. е. южнорусское, влияние обнаруживается на археологическом материале старого Смоленска. По словам археолога Сизова, раскопанный им один из самых больших гнездовских курганов «по своим размерам, по грандиозности погребального обряда и по характеру вещей... можно считать третьим после курганов «Гульбище» и... «Черная могила», раскопанных Самоквасовым близ Чернигова, весьма сходных по погребальному обряду с гнездовским курганом и относящихся также к X веку»[2]. Заезжий византиец или араб X в. имели некоторые основания считать такого представителя смоленской знати «русом», как и представителя знати киевской или черниговской[3].

В Смоленске южнорусские князья в X в. не стремились, повидимому, создать своей базы, подобно тому как они стремились к этому в Новгороде или близ Новгорода. Недаром в первой половине X в. у арабов сложилось представление о трех племенах «Руси», из которых одно они приурочивали к словенам, другое — к Киевщине, а третье — к Причерноморью. Возможно, конечно, что они посылали в Смоленск своих «мужей», но ни о каких «мужах», посаженных в Смоленске Игорем, летописец первоначально не говорил, судя по тексту Новгородской 1-й летописи. Интерес к Смоленскому краю на юге выражался преимущественно в осуществлении права сбора полюдья; киевский князь со всеми россами (в первой половине X в.) наезжал и собирал полюдье среди кривичей, как пишет Константин Багрянородный. Со временем это право перешло в право взимания дарового полюдья со Смоленска. Приходится констатировать отсутствие известий о Смоленске в киевских летописях до второй полови-

---

[1] Новг. 1-я л., 854 г.

[2] В. И. С и з о в. Курганы Смоленской губернии. «Материалы по археологии России», 1902, вып. 28, стр. 11.

[3] О восточном пути, пролегавшем через Смоленск (Днепр — Угра — Ока — Волга), некоторые данные см.: Г. К. Б о г у с л а в с к и й. О восточном торговом пути, пролегавшем в великокняжескую эпоху через г. Смоленск и его область. «Тр. XI археол. съезда», т. I.

ны XI в.: Древнейший киевский свод носил местный, южнорусский характер. Смоленск упоминается под 1015 г. только потому, что под Смоленском, на Смядыни, был убит Глеб. Признавая суверенитет «Руси», Смоленск оставался признанным на юге центром кривичей Верхнего Поднепровья, о чем мы говорили выше, а также кривичей верхней Зап. Двины и верхней Волги и стремился распространиться за пределы территории кривичей. Какие же силы обеспечивали за Смоленском эту роль, это положение?

Нет сомнения, что в старом Смоленске IX—XI вв. сложилась своя сильная феодальная знать, богатство которой раскрывает содержимое гнездовских погребений. Она выросла на местном корню: гнездовские курганы в массе своей принадлежали кривичам, как признают все археологи. Можно думать, что богатство и могущество этой знати держалось на эксплоатации зависимого и полузависимого населения. Она обогащалась и посредством примитивного обмена, о чем свидетельствуют многочисленные гирьки для взвешивания диргемов, обнаруженные на гнездовском кладбище [1]. Нет сомнения также, что это была знать, организованная в военном отношении. Военный характер погребений бесспорен, как утверждает А. В. Арциховский [2]. В курганах обнаруживают трупосожжения с оружием. Поражает число этих «дружинных» курганов, свидетельствующих о сосредоточенном существовании смоленской военной знати на территории селища и городища. Письменные памятники, относящиеся к XII—XIII вв., говорят, что в Смоленске были сотские и тысяцкий [3].

Почему Смоленск стремился укрепиться в верховьях Днепра, верховьях Зап. Двины и верховьях Волги? Уже априорно можно полагать, что там Смоленск находил платежеспособное население. Грамота Ростислава Смоленского в полной мере подтверждает такое предположение. Если мы из многочисленных названий погостов и волостей, помянутых в грамоте, выберем только те, которые платили дани от 100 гривен и более, и нанесем их на карту, то убедимся, что все они лежали в указанных районах. Великие Вержавляне (9 погостов), платившие 1000 гривен, лежали близ верховьев Днепра, на пути с Днепра в Обшу, Межу и Зап. Двину [4]. Торопец, плативший 400 гривен, лежал на р. Торопе, притоке

[1] В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 24 и др.

[2] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 184—185.

[3] «Тысячьский» Михалко, предводительствовавший смоленским полком, упомянут в Ипатьевской летописи под 1195 г. В 1159 г. должность тысяцкого в Смоленске занимал, повидимому, Внезд. В этом году Ростислав Мстиславич посылает двух сыновей «и Внѣзда и смолняны и новгородци». В начале 1160 г. Ростислав посылает в Киев Ивана Ручечника и Якуна, «от смолнянъ мужа и отъ новгородечь» (Ипат. л.). В начале 1169 г., когда Ростислав ехал к Смоленску, его начали встречать «лутшии мужи смолняны за 300 верстъ» и встретили его «сынъ Романъ и епископъ Мануилъ и Внѣздъ» (Ипат. л.). «Сотьскои» Пантелей упомянут в списке XIII в. Смоленской торговой правды (Русско-ливонские акты). Народная редакция смоленской легенды о Меркурии передает, что Меркурий, живший в г. Смоленске, «часто приходил к кресту господню молиться за мір, зовомыи Петровскаго ста» (Ф. Буслаев. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861, стр. 173.

[4] В Списке населенных мест Смоленской губернии — д. Вержа при рч. Вержице (№ 1342). См. также: П. Голубовский. История Смоленской земли до начала

Зап. Двины, на пути в Великие Луки, к Ловати, и на сухом пути из Руси в Новгород через Буйце. Кроме того, он платил 40 гривен урока и поставлял лисицы, черные куны, рыбу, скатерти, убрусы и т. п. Как торговый центр он был уже известен в XI в.: по житию Феодосия, принятый Антонием в Печерский монастырь Чернь был в миру «богат»: «бѣ бо купець торопчанин»[1]. Врочницы, платившие 200 гривен, как предполагают, лежали близ верховьев Зап. Двины, между Зап. Двиной и Торопой[2]. Хотшин, плативший 200 гривен, лежал в верховьях Волги, на Селигерском пути[3]. Жабачев, плативший 200 гривен, лежал на берегу озера Селигер (у д. Верхней Руды), на Селигерском пути[4]. Жижец, плативший 130 гривен, кроме погородия, лежал у пути «из Варяг в Греки», из Зап. Двины в Кунью и Ловать[5]. Каспля, платившая 100 гривен, лежала на пути «из Варяг в Греки» близ верхнего Днепра, на пути от Днепра в Зап. Двину, о котором мы говорили выше, указывая на признаки населенности этого района[6]. Наконец, Воторовичи (Вотовичи), платившие 100 гривен дани, лежали на р. Вотри, близ Днепра, откуда, как полагают, начиналась переправа товаров и людей к р. Елше и Зап. Двине[7].

По некоторым данным, распространение смоленской дани на севере шло именно из Торопца. Это распространение шло от Торопца на север и на северо-запад, в сторону Ловати, где со временем было остановлено встречным движением со стороны Новгорода. Одним из крайних смоленских поселений в этом направлении была Дубровна, упомянутая в Новго-

---

XIV в., стр. 65. По карте Смоленской области 1943 г. имеется р. Вержа и р. Вережа, ее приток; впадает в Днепр справа.

[1] Лавр. л., Акад и Радз. лл., 1074 г.

[2] Местоположение Врочниц — гадательно. Голубовский приурочивает их к с. Роково Торопецкого уезда Псковской губернии (П. Голубовский. Указ. соч., стр. 63).

[3] Хотшин — д. Хотошино при озере Волго (см. Список населенных мест Тверской губернии, № 8514). Место обследовано И. Н. Красноперовым. См. «Некоторые данные по географии Смоленского и Тверского края в XII в. «Журн. Мин. нар. просв.», 1901, № 6, стр. 352.

[4] Голубовский ошибочно отождествлял Жабачев с д. Жабье при озере Собро в б. Тверской губ. И. Н. Красноперов лично обследовал д. Жабье и выяснил, что деревня возникла лишь за несколько лет до уничтожения крепостного права. Он нашел место древнего Жабачева. «В писцовых книгах Ржевского уезда 1624 г. (когда к нему принадлежал и Осташковский уезд) деревня Верхняя Руда, ныне Рудино (с 32 крестьянскими дворами), названо еще Жабиной, и сейчас еще конец деревни, носящий название на карте деревни Огаревой, крестьянами называется Жабиной. С левой стороны деревни Руды, близ озера, находится довольно высокий холм — курган, в настоящее время совершенно распаханный... во время весеннего половодья вода из Селигера подходит к самому холму. Здесь крестьяне находили человеческие кости, стеклянные бусы и другие вещи. Отсюда прямой и кратчайший путь в Волгу по озеру и р. Селижаровкой» (Красноперов, стр. 352).

[5] См. погост Жижец при оз. Жижце в Торопецком уезде (Список населенных мест Псковской губернии», № 12981). См. также П. Голубовский, стр. 60—61. Ныне — пос. Жижина.

[6] Каспля — с. Каспля при реке Каспле (см. Список населенных мест Смоленской губернии, № 8570). Каспля теперь — районный центр Смоленской области.

[7] П. Голубовский. Указ. соч., стр. 62.

родской 1-й летописи, как «селище в Торопецкой волости»[1]. С юго-запада укрепленным форпостом Торопецкой волости был названный выше Жижец, тянувший (по более поздним данным) к Торопцу. Есть основания полагать, что распространение смоленской дани на северо-восток, к озеру Селигер и к верховьям Волги, шло также из Торопца. Во-первых, «Торопецкую волость» воевали из Торжка, следовательно, она выходила к северо-восточным рубежам Смоленской «области»[2]. Во-вторых, в Уставной грамоте Ростислава упомянуты Хотшин и Жабачев, лежавшие в районе Селигера и верхней Волги, и не упомянута Ржева. Сама Ржева упоминается в начале XIII в. как город торопецкого князя[3]. Таким образом, распространение смоленской дани на верхнюю Волгу шло не со стороны р. Вазузы, а со стороны Торопца. Это подтверждается тем, что г. Зубцов, расположенный при впадении Вазузы в Волгу, к Смоленской «области» не принадлежал; а далее, вниз по Волге, в районе р. Холохольни шли места, где брали дань новгородцы.

В XI в. Смоленску потребовался свой смоленский князь, который сидел бы в Смоленске. Эта потребность, вызванная интересами местной феодальной знати, необходимостью «блюсти» смердов и обеспечивать их эксплоатацию, стояла с связи также с территориальным ростом не только Смоленской земли, но и соседних земель — Новгородской и особенно Полоцкой, угрожавшей Смоленску. Единственное направление, в котором Смоленск не мог расширять своей территории, было направление западное, ибо здесь интересы Смоленска очень рано столкнулись с интересами и притязаниями Полоцка. Орша выступает уже в летописном известии под 1067 г. в качестве пограничного поселения, принадлежащего Смоленску: оттуда, из «Рши у Смоленьска», Ярославичи вызывают Всеслава Полоцкого, и он к ним «переѣха в лодьи чресъ Днѣпръ»[4]; судя по этому известию, поселение Орша частью могло находиться на левой стороне Днепра (городище в Орше лежит на правом берегу реки); лежавший ниже на Днепре Копыс, служивший в XII в. источником смоленского дохода в качестве узлового места на путях, упомянут уже в Ипатьевской летописи под 1059 г. Полоцкие владения подходили к самому сердцу Смоленской земли. Так было и в XII в.; из сообщения Новгородской 1-й летописи под 1198 г., когда полочане встретили новгородскую рать «на озѣре на Касъпле», видно, что полоцкий рубеж близко подходил к Касплинскому озеру. Полоцкая территория, таким образом, близко подходила к самому Смоленску. В 60—70-х годах XI в. Полоцк стал проявлять агрессивность по отношению к Смоленску. В 1067 г. Всеслав делал, повидимому, приготовления к нападению на Смоленскую землю, но встретил отпор со стороны Ярославичей. В 70-х годах Всеслав совершил нападение на Смоленск, сжег город и ушел в свою землю. Владимир Мономах не успел его захватить,

[1] Новг. 1-я л., 1234 г. Местоположение Дубровны на реке Кунье в б. Новгородской губернии определено Голубовским (стр. 84).

[2] Воскр. л., 1215 г.

[3] Новг. 1-я, Акад., Воскр. лл., 1216 г.

[4] Ипат. л., 1067 г.

но в отместку опустошил города Полоцкой территории Лукомль, Логожск и Дрютск[1]. Из известия под 1116 г. можно вывести, что полочанами были захвачены Орша и Копыс, но Мономах отнял их у Глеба Всеславича[2]. Организационная сила князя требовалась и при овладении иноязычным населением, обитавшим к востоку от Смоленска.

По сведениям позднейших летописей, нуждающимся в проверке, Владимир Киевский посадил в Смоленске своего сына Станислава, умершего, предположительно, в 30-х годах XI в.[3] По сведениям вполне достоверного источника, в Смоленске в 1055 г. сел сын Ярослава Вячеслав, а после его смерти — Игорь Ярославич, умерший в 1060 г.[4] Еще при жизни Игоря Смоленского Изяслав Киевский, помогая, очевидно, своему младшему брату, ходил на Голядь и «побѣди»[5]. Видимо, распространение смоленской дани на восток не встречало препятствий со стороны других «областных» центров во второй половине XI и в первые десятилетия XII в. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что территория Смоленской «области» глубоким языком вдается на восток. Во-вторых, на востоке Смоленской «области» до второй половины XII в. письменные источники не указывают ни одной крепости. Можайск, повидимому, как «город» в XII в. еще не существовал. В Уставной грамоте Ростислава и в приписке к ней он не упомянут. Первые сведения о нем вообще появляются только во второй половине XIII в.[6] Признаки сопротивления со стороны соседей на востоке появляются в 40-х годах XII в. Но и тогда, в 1147 г., врагами смоленского князя были захвачены «люди Голядь» на верхней Протве; нападение было организовано не с востока, а с юга: Юрий Долгорукий приказал князю Святославу Ольговичу Новгород-Северскому повоевать Смоленскую землю. В том же году Святослав Ольгович посылал половцев опустошать верховья Угры, принадлежавшие Смоленску[7]. С этой стороны, вероятно, и ранее грозила опасность, чем и объясняется построение восточнее Смоленска на Днепре крепости Дорогобуж и г. Ельни в верховьях Десны, где волость Дешняны платила Смоленску 30 гривен дани. Близ верховьев Угры на р. Оболви смоленская дань в первой половине XII в. пришла в соприкосновение с черниговской, так как Оболвь принадлежала к Черниговской «области», но там, как мы уже говорили, смоляне собирали «гостинную дань».

С верхней Протвы, где обитала голядь, смоленская дань распространялась на Пахру: грамота Ростислава Смоленского указывает Добрятино, лежавшее на р. Пахре, как хорошо известно нам из других источников.

---

[1] «Поучение» Владимира Мономаха (Лавр. л.). Событие произошло в конце 1078 г. или в начале 1079 г. См.: Шляков. О «Поучении Владимира Мономаха». «Журн. Мин. пар. просв.», 1900, № 6; П. Голубовский. Указ. соч., стр. 264 — 265.

[2] Ипат. л., 1116 г.

[3] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 89, прим. 2.

[4] Ипат. и Лавр. лл.

[5] Лавр. и Ипат. лл., 1058 г.

[6] Симеон. л., 1293 г.; ср. Воскр. л., 1277 г. В начале 1304 г. Можайск был взят Юрием Даниловичем Московским, а князь Святослав (Глебович) захвачен и приведен в Москву (Симеон. л.).

[7] Ипат. л., 1147 г.

Распространялась ли смоленская дань далее на восток? В грамоте Ростислава Смоленского упомянута «Суждали залѣсская дань, аже воротить Гюгри» (т. е. Юрий Долгорукий). Эту фразу долгое время толковали и толкуют в том смысле, что «ранее смоленские владения простирались гораздо далее на северо-восток (в тексте, по описке,— на северо-запад) в область Суздальско-Залесскую, с которой шла на Смоленск дань, захваченная Юрием Долгоруким». Так писал Н. Барсов[1]. Ту же мысль развивал П. В. Голубовский: «если мы посмотрим на карту, то увидим, что еще в XII ст., как и в XIV, смоленские владения занимают почти все среднее течение р. Москвы, охватывают ее с севера (Ископа, Берестов, Загорье) и юга (Числов, Сутов, Добрятино, Доброчков). Это обстоятельство заставляет предполагать, что то место на среднем течении р. Москвы, где стоит город Москва, также входило в состав Смоленской земли. Известно, что город Москва, т. е. раньше бывшее тут древнее поселение, был укреплен Юрием Долгоруким. Это был со стороны суздальских князей первый шаг к захвату всей восточной половины Смоленской земли, окончательно осуществившийся лишь в XIV в. На этот первый захват и указывают слова уставной грамоты: «Суждали залѣсская дань, аже воротить Гюрги»[2] и т. д. Следует заметить, однако, что из данных карты П. Голубовского не вытекает, что смоленские владения простирались далее на восток и захватывали территорию Москвы: Москва, по данным карты, оказывается пограничной с суздальской территорией.

П. Барсов и С. М. Середонин объясняли «залѣсскую» дань колонизационным движением смоленских кривичей по Клязьме «до самой Волги»[3]. Середонин отметил, что «залѣсскими городами назывались тогда города Владимир и Переяслав», и полагал, что слова грамоты о «Суждали залѣсской дани» служат указанием на то, что долина р. Клязьмы заселялась из Смоленской земли[4]. Мы вернемся ниже к объяснению Барсова и Середонина, связывавших права на «залѣсскую» дань с процессом колонизации, а предварительно попытаемся без предвзятой мысли подойти к тексту самой грамоты.

В ней говорится о какой-то «дани», которая ранее передавалась в Смоленск и которую отобрал, взял себе Юрий Долгорукий. Десятина с нее шла ранее в пользу церкви св. Богородицы. Дань эта названа «Суждали залѣсская дань», что буквально означает: залесская дань, получаемая с «Суждаля», с Суздаля, Суздальской земли, подобно тому как выражения «Бѣница 2 гривны» или «Дѣдичи и дань и вира 15 гривнъ», или «на Копысѣ полюдья четыри гривны» означают в тексте грамоты дань или другие поборы, получаемые с Бениц, Дедичей, Копыса и т. п.[5] Из текста таким образом, никак нельзя вывести, что дело идет о пограничной смоленской территории, захваченной Юрием, и тем более, что дело идет о территории,

---

[1] Н. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 188.

[2] П. Голубовский, стр. 75.

[3] Н. Барсов, стр. 176.

[4] С. М. Середонин. Историческая география. Птг., 1916, стр. 239.

[5] В настоящее время с. Дедино расположено к востоку-северо-востоку от Кричева.

захваченной незадолго до составления грамоты. П. Голубовский полагал, что дело шло о дани, захваченной Юрием в конце 40-х годов XII в. В конце 40-х и в начале 50-х годов XII в. Юрий действительно вел военные действия против Изяслава и Вячеслава Киевского и Ростислава Смоленского; в эти же годы он у Новгорода «дани от них (т. е. от новгородцев) отоимал»[1]. Нет никаких сведений, чтобы ранее Юрий предпринимал какие-либо военные, враждебные действия против Ростислава Смоленского. Но если бы прав был Голубовский и дело шло бы о дани, незадолго перед тем захваченной Юрием, то в тексте грамоты не могло бы стоять: «Суждали залѣская дань». А еще ранее, при жизни Мономаха, такого захвата Юрием смоленской территории, на возвращение которой мог бы рассчитывать Ростислав, конечно, быть не могло. Скорее можно допустить, что дело шло не о дани с захваченной смоленской территории, а о дани, собираемой с суздальской территории Смоленском одновременно, параллельно с Суздалем, но подобные случаи известны только в пограничных местах. Останется непонятным в таком случае, почему дань названа «залѣсской». Середонин и Барсов, полагая, как мы говорили, что она собиралась в долине р. Клязьмы, связывали ее установление с процессом колонизации. Но, по данным А. В. Арциховского и О. Н. Бадера, вятичи обитали не только в районе Москвы, но и в восточной части б. Рузского уезда, в южной части Звенигородского уезда и занимали выступ на верховьях Клязьмы, причем курганы истоков Клязьмы в основном были вятичскими, но в них имеются и кривичские погребения[2]. Мы готовы допустить, что была колонизационная струя из Смоленской земли в Ростово-Суздальскую. Но если бы это движение (если оно существовало) определяло распространение смоленской дани на восток, то смоленская дань распространилась бы по течению Волги, от Вазузы до Медведицы, и на территорию, лежавшую к югу от верхней Волги до р. Истры. Между тем мы видели, что в районе Холохольни, впадающей в верхнюю Волгу, и на территории водораздела между Ламою, Лобью, Шошею и Держею, с одной стороны, и Истрою и Рузою—с другой, дань была захвачена новгородцами.

Если какая-то дань, получаемая с «Суждаля», передавалась ранее в Смоленск, то естественнее всего заключить, что дело шло о признании чьих-то суверенных прав в Суздальской земле, подобных тем правам, которые имели киевские князья в Новгороде, получавшие с Новгорода дань. Есть ли данные, что такие права в Суздальской земле действовали ранее? Это были права «Русской земли» над Ростово-Суздальской землею: права Киева, Чернигова и Переяславля-Русского. По представлению составителя Древнейшего киевского летописного свода, они восходили ко временам Игоря, при котором меря, наряду с словенами и кривичами, должна была давать в Киев дань. Знаем вполне достоверно, что Святослав Черниговский, сын Ярослава Мудрого, посылал в «Ростовскую область» Яна Вышатича брать там дань. В 70-х годах XI в. в руках Всево-

[1] Ипат. л., 1148 г.

[2] «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 7; «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. I, 1947; О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы, стр. 160.

лода Ярославича Переяславского (Переяславль-Русского) сосредоточились и Смоленск и Ростово-Суздальская земля[1].

После смерти Всеволода (1093 г.) и Смоленск и Ростово-Суздальская земля перешли во владение его сына Владимира Мономаха, владевшего Переяславль-Русским с 1084 г. Мы знаем, что Смоленск был особенно предметом его забот. Он хотел учредить там особую епископию, о чем говорит запись 1101 г., и учрежденную только внуком его Ростиславом Смоленским в 1137 г., как известно из летописи[2]. Сама изучаемая нами грамота заявляет об установлении епископии и о том, что Манунл является первым смоленским епископом. Мономах поставил в новом Смоленске церковь св. Богородицы, ту самую церковь, доходам которой специально посвящена изучаемая нами грамота, и ей назначил доходы, как случайно обнаруживается из приписки к грамоте: «и се еще и Холмъ даю святѣи Богородици и епископу, якоже д а н о д ѣ д о м ъ м о и м ъ В о л о д и м е р о м ъ Семенови[3] преже епископу строить нарядъ церковныи и утверженье». Нет сомнения, что дань с Ростово-Суздальской земли привозилась при Мономахе через Смоленск. Только в 1095—1096 гг. смоляне припяли к себе и держали Давыда Святославича[4]. Это был обычный, проторенный путь к Поднепровью. Мы достоверно знаем, что именно через Смоленск ездил в Ростово-Суздальскую землю Мономах в начале XII в.: «и потомь паки идохомь к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смолинску; и се нынѣ иду Ростову... и на зиму Смолинску идох, и Смолинска по Велицѣ дни выидохъ; и Гюргева мать умре (мать Юрия, жена Мономаха умерла в 1107 г.) ...идохомъ Смоленьску, и потомь идохъ Ростову». Так писал сам Мономах в своем «Поучении». Здесь разумеется уже новый Смоленск, выросший на одном из трех городищ, расположенных в 10 км от старого Смоленска вверх по Днепру, где Мономах держал в начале XII в. своего сына Святослава и где он предполагал учредить резиденцию епископа. Еще при жизни отца своего Всеволода приехав из Смоленска, Мономах передал ему 300 гривен золота[5].

Когда по смерти отца или, вернее, в последние годы жизни его, Мономах посадил в Ростове малолетнего Юрия и другого сына Мстислава, позванного в 1095 г., по свидетельству Лаврентьевской летописи, новгородцами в Новгород, куда он и поехал из Ростова, Мстислав, а затем Юрий должны были, очевидно, отсылать часть дани в Русь, ибо Ростово-Суздальская волость считалась «волостью» Мономаха. Это признавал и Олег Святославич, воевавший с сыновьями Мономаха: «иди в волость отца своего Ростову»,— говорил он в 1096 г. Изяславу Владимировичу,

---

[1] Ипат. и Лавр. лл.; «Поучение» Владимира Мономаха; Ш л я к о в. Указ. соч.

[2] Ипат. л. 1101, 1137 гг.

[3] Епископ Симеон, вероятно, епископ владимирский (южный) и туровский (М. Д. П р и с е л к о в. Очерки ..., стр. 334).

[4] Приняв Давыда, смоляне, однако, не захотели принять к себе Олега («и не приняша его смолняне», Ипат. л., 1096 г.), хотя потом дали ему «вои». На Любецком съезде 1197 г. Давыд получил Черпигов.

[5] См. текст «Поученпя».

сидевшему в Муроме[1]. В конце 1096 и в начале 1097 г. Мстислав снова был в Ростово-Суздальской земле вместе «съ малым братомъ своимь (т. е. Юрием) хлѣбъ ѣдучи дѣдень» и (в январе — феврале) уехал в Новгород[2]. В первые десятилетия XII в. Юрию, очевидно, приходилось отдавать часть дани в Русь. Мы не знаем, как полностью расходовалась эта дань, на какие она шла нужды. Мы знаем только, что десятина «залесской дани», получаемой в «Суздале», была определена церкви св. Богородицы, построенной в новом Смоленске Мономахом. Очень вероятно, что именно, подражая своему отцу, Андрей Боголюбский в 1158 г. определил, как мы знаем, «десятины в стадѣхъ своихъ и торгъ десятый» церкви (тоже — св. Богородицы), построенной им тоже в новой княжеской резиденции и притом в городе своего отца, им основанном (г. Владимире-Залесском).

Таким образом, упоминание в грамоте Ростислава Смоленского «о залѣсской» дани, получаемой в «Суждале», служит указанием на суверенные права «Русской земли» в Ростово-Суздальской «волости», прекратившие действовать до сентября 1151 г. при Юрии Долгоруком. Дань эта обозначена в грамоте Ростислава Смоленского, хотя шла она в «Русскую землю». Но и «погородие», перечисленное в приписке к грамоте Ростислава, шло, как выше мы видели, в «Русскую землю». В «Русскую землю» Ростислав передавал и «даровое полюдье», как явствует из летописного известия 1133 г. Традиция передачи «залесской» дани не нарушалась, по всем признакам, при преемнике Мономаха Мстиславе Киевском, походившем на своего знаменитого отца и пользовавшегося неизменным авторитетом среди своих младших братьев; он продолжал традицию Мономаха в «Русской земле»; достаточно напомнить, что, по образному выражению летописца, Мстислав загнал половцев за Дон, за Волгу и за Яик[3].

По смерти Мстислава отношения Юрия с Киевским югом несколько поколебались. Юрий начал враждебные действия против Ярополка и его племянника Всеволода, домогаясь Переяславля-Русского. Ему пришлось пойти на соглашение. Ярополк Киевский уступил ему Переяславль-Русский, получив взамен часть Ростово-Суздальской земли с Ростовом и Суздалем[4]. Тем самым дань в «Русскую землю» как бы обеспечивалась. Но в 1137 г. Юрий вернулся в Ростов, а в конце 40-х годов наступил полный разрыв между Изяславом Киевским и Ростиславом Смоленским, с одной стороны, и Юрием — с другой. Суздальская дань была окончательно отнята Юрием Долгоруким, о чем и свидетельствует Уставная грамота Ростислава. В сентябре 1151 г., когда писалась дата, еще была надежда,

---

[1] Лавр. л., 1096 г.

[2] См. текст «Поученія»; Шляков. Указ соч.; А. С. Орлов. Владимир Мономах, 1946.

[3] «Се бо Мьстиславъ великыи наслѣдив отна своего путь Володимера Мономаха великаго. Володимиръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Рускую, а Мьстиславъ мужи свои посла, загна половци за Донъ и за Волгу, за Яикъ: и тако избави богъ Рускую землю отъ поганыхъ» (Ипат. л., 1140 г.).

[4] Ипат. л., 1135 г.

что Юрий «воротить» залесскую дань в «Русскую землю», где сидели Изяслав и Вячеслав, которого Изяслав и Ростислав Смоленский нарекли своим «отцом»[1]. Наш вывод, что Юрий отнял дань, которая должна была итти в «Русскую землю», в Киев, подтверждается сведениями о новгородской дани. Из переговоров Изяслава с Юрием, помещенных в Ипатьевскую летопись под 6657 (1149) г., видно, что Изяслав желал сохранить за собою не только Киев, но и права князя-сюзерена в Новгороде и что он, уступив Юрию Киев, настоял на том, чтобы Юрий уступил ему («Изяславу») все же «все дани новгороцкыи», т. е., очевидно, дани, получаемые Изяславом в качестве киевского князя. Вытесненный ранее из Киева Юрием, Изяслав отвез с собою (во Владимир-Волынский) митрополита Клима. В Новгороде сидел сын его Ярослав.

Итак, на восток смоленская дань не шла далее верхней Москвы и течения р. Пахры. На юге смоленская дань распространилась в область радимичских поселений и дошла по р. Сож до Пропойска, т. е. до тех мест, где исстари радимичи платили дань в «Русь». Еще Владимир Святославич Киевский посылал воеводу на радимичей, обитавших по р. Пещане (Пищане). Нам достоверно известно, что эти радимичи платили дань на юг, «Руси», в XI в., когда составлялся киевский летописный свод: «повозъ везуть и до сего дне», читаем в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 984 г. Река, или ручей, Пещана (Пещань, Пещаня) впадает с запада в р. Сож, в 6 км от Пропойска. По сведениям Щекатова, в этих местах имелась в изобилии болотная руда и еще на рубеже XVIII—XIX вв. здесь выделывалось железо, причем употреблялось «на крестьянские токмо надобности»[2]. Смоленско-черниговские рубежи образовались едва ли ранее первой половины XII в. Крепости Мстиславль и Ростиславль, судя по их названиям, были построены, как мы говорили, в первой половине XII в. Продвижение Смоленской дани по Сожу до Пропойска должно было привести к столкновению интересов Смоленска и Чернигова. В начале 40-х годов XII в. Ростислав Смоленский вторгся в черниговские пределы и воевал черниговскую волость в районе Гомия на Соже[3]. По р. Сож в XII в. установилось движение, судя по тому, что, согласно грамоте Ростислава, в Прупое (т. е. Пропойске) брали «10 гривен... а в к о р ч м и т ѣ х'ъ не вѣдати...» Из летописи действительно видно, что по Сожу был путь из Киева в Новгород[4]. В лежавшем на этом же пути, но в северной, противоположной стороне Смоленской «области» Лучине уставная грамота также отмечает корчмы как источник дохода. Восточнее р. Сож смоленская дань дошла

---

[1] Ипат. и Лавр. лл. 1151 г. Юрий, оставив сына своего в Городце, пошел в Суздаль («Суждалю»). Изяслав же сел с Вячеславом в Киеве: Вячеслав «на Великомъ дворѣ, а Изяславъ подъ Угрьскым, а сына своего посади Мстислава Переяславли» (Лавр. л.).

[2] Щ е к а т о в. Словарь географический. М., 1805, стр. 1146.

[3] «...и взя около Гомия волость ихъ всю» (Ипат. л., 1142 г.).

[4] Ипат. л., 1168 г. Так через Чичерск на Соже ехал Ростислав из Киева в Новгород. См. также под 1169 г. в Ипатьевской летописи путь с Юго-западного края в Ростово-Суздальскую землю «на Радимичѣ». Этот путь по р. Сож не был известен в IX, X и в первые десятилетия XI в., судя по топографии находок восточных монет.

до течения р. Ипути, где лежал Зарой, упомянутый в летописи в качестве смоленского пограничного поселения [1].

Сопоставление данных подтверждает, что в X и в первой половине XI в. Смоленск был территориальным центром племенной группы кривичей, обитавших в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, в эпоху старого Смоленска (Гнездово), замечательного богатством своей военно-феодальной знати из местного кривичского населения [2]. Подчиняясь киевским князьям, Смоленск, однако, не привлекал в такой мере внимания Киева, как Новгород. Смоленск в первую очередь укреплял свою дань там, где находил платежеспособных смердов. В XI в. смоленская территория пришла в соприкосновение с соседними «областями» — Полоцкой и Новгородской. Широкие возможности к продвижению дани оставались на востоке. Местная знать получает своего постоянного князя, сидевшего в Смоленске. На востоке смоленская дань захватила неславянское племя, обитавшее в верховьях Протвы, и дошла до вятичей на р. Пахре. На территорию г. Москвы и восточнее смоленская дань не распространилась. «Залесская» дань, получавшаяся с «Суждаля», была данью в «Русскую землю» из Ростово-Суздальской земли; десятину с этой дани получала смоленская церковь св. Богородицы. Колонизация не могла не влиять на ход распространения смоленской дани, но определяющей роли не играла. Можно смело утверждать также, что торговое движение не играло роли в распространении дани на восток, в сторону Москвы, так как признаки такого движения наблюдаем здесь сравнительно в очень поздние времена. В первой половине XII в. смоленская дань находилась в соприкосновении с черниговской; во времена Мстислава и Ростислава Смоленск укреплял свою дань в местах обитания радимичей. Центром области был новый Смоленск, ставший епископской резиденцией (по мысли Мономаха, при Ростиславе) и резиденцией смоленского князя.

---

[1] Зимой 1154/55 г. Юрий двинулся к волости Ростислава Смоленского. Ростислав с войском вышел «противу ему к Зарою; ту же и ста» (Ипат. л.).

[2] Отражение смоленского ремесла в «деревенских» курганах Смоленской земли обнаружено в богатых курганах (предположительно — дружинных). См.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 463—464 и др.

ГЛАВА XI

На северо-восточную «страну» господство Киева распространилось не позднее конца X — начала XI в., так как князь Владимир Киевский посылал туда своего сына Ярослава, предположительно уже после того, как южнорусское преобладание установилось над Новгородом. Изучение топографии куфических монет в сопоставлении с другими данными обнаруживает что в IX — первой половине XI в. не существовало прямых наезженных путей с Северо-востока к Южному Поднепровью, что они шли преимущественно через Новгородский край, а затем через Смоленский.

Они шли в направлении к Ловати, Волхову и Зап. Двине (?), частью Мологой и Мстой, но главным образом через оз. Шлино, а также верховьями Волги. От оз. Мстино (куда с Волги можно было подъехать и с Мологи, и с Медведицы, и с Тверцы), двигались прямо на запад р. Шлиною и оз. Шлино (где найден бочонок с 200 диргемами), а оттуда волоком в Явону, на которой у старого города Демана открыт клад с куфическими монетами [1]. Этот путь, таким образом, шел параллельно и частью совпадал с «Деманской дорогой» (помянутой нами выше на основании письменных источников более позднего времени), соединяя Поволжье с Ловатью: с Явоны шли в Полу, впадающую в Ловать почти у самого Ильменя. Верховья Волги помечены находками кладов выше Зубцова, откуда выходили к Меже и Зап. Двине или на Селигер [2]. Волжский путь шел в Болгары, к средней и нижней Волге. Не так давно в печати было высказано мнение, что он обходил ростово-суздальское междуречье Клязьмы и Волги и шел Волгою от Ярославля до устья Оки [3]. Это неверно. От Ярославля до устья Оки по Волге совсем неизвестно находок куфических монет [4]. Места от Костромского района до устья Оки были довольно безлюдными. Здесь наши памятники письменности не указывают никаких поселений [5]. Наоборот,

[1] А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 28; Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. «Сообщ. ГАИМК», т. I, стр. 292; П. Любомиров. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—IX вв. «Уч. зап. гос. Сарат. ун-та, слав.-истор. отдел. педаг. фак.», 1923, т. 1, вып. 3, стр. 34 и др.

[2] А. Марков. Указ. соч., стр. 46—47.

[3] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. 1946, стр. 36.

[4] А. Марков. Указ. соч.; Р. Р. Фасмер. Указ. соч.; Любомиров. Указ. соч.

[5] Со временем, но и то значительно позже (в XIV—XVI вв.), появляются сведения о поселениях между реками Костромой и Унжой на Волге: Плесо, Кинешма, Юрьевец (о них см. ниже). Ниже Унжи берега Волги до Городца оставались довольно безлюдными и позже.

путь через Ростовское озеро и по Нерли чрезвычайно явственно обозначен находками кладов и отдельных монет[1]. С Нерли попадали несколькими путями на Волгу, но главный из них проходил через район Ростова[2]. Места эти отнюдь не были безлюдными[3]. Можно только отметить, что в IX—X вв. славянское население, занимая места, удобные для земледелия, располагалось первоначально главным образом вдоль водных путей. Плодородная Опольщина заселялась славянами вглубь преимущественно в XI—XII вв. [4]

Путь р. Вазузой с Волги на Смоленск не был в древнейшее время широко использован[5]. Но в первой половине XI в. путь из Смоленска Волгой был хорошо известен, судя по житию Бориса и Глеба; а в конце XI — начале XII в., как мы видели выше, был более или менее обычным. Во второй половине XI в. проникают уже в Ростовский край через землю вятичей, но только известия Ипатьевской летописи 40—50-х годов XII в. позволяют говорить, что «прямоезжая» дорога «сквозѣ вятичѣ» стала более или менее проторенной.

Итак, киевское преобладание над Северо-востоком устанавливается предположительно уже после того, как оно установилась над Новгородом. Вполне возможно, что совершилось это, как свидетельствует Комиссионный список Новгородской 1-й летописи, при Игоре, установившем дани «мерям». Напомним, что, по Константину Багрянородному, Игорь держал в Новгороде сына Святослава.

В то время северо-восточный край еще был в какой-то степени мерянским, хотя славяне количественно значительно преобладали и очень рано меряне частью слились со славянским населением, частью были им оттеснены. Нет ничего удивительного в том, что в новгородской легенде второй половины XI в. меря призывает князей-варягов совместно с кривичами и словенами: во-первых, было известно сообщение летописного свода о том, что Игорь уставил дани словенам, кривичам и «мерям», во-вторых, в Новгороде и в княжой среде знали, что меря принадлежит к числу племен, издавна плативших дань «русским» князьям, т. е. князьям Игоревой династии.

Когда «Русская земля» распространила свою «дань» над северо-восточною «страною», там уже существовал славянский «город», соответству-

---

[1] А. Марков, стр. 53—54.

[2] Любомиров, стр. 27—28.

[3] По Оке проходили не только к Клязьме и Нерли, но подымались по ее течению до ее верхней части, как показывают находки монет. Само собою разумеется, нельзя утверждать, что не ездили прямо от Ярославля вниз по Волге в «Болгары» и к Каспию. Так, в 1152 г. вверх по Волге до Ярославля подымались болгары (с целью нападения). Но, если придавать значение показаниям источников, то следует признать, что широко был использован путь, проходивший через междуречье Волги и Клязьмы.

[4] О местоположении более древних славянских (А. С. Уваров ошибочно считал их мерянскими) курганов (с сожжением) и сравнительно более поздних (с погребением) Уваров сообщает следующее: «Рассматривая карту исследованных местностей, видно, что меряне во вторую эпоху колонизации не держались, как делали прежде, водных путей. Они теперь удаляются от берегов рек и углубляются вглубь страны» (А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, стр. 52).

[5] А. Марков. Указ. соч.; Любомиров, стр. 24.

ющий старому Смоленску и старой Ладоге. Город этот — Сарское городище близ Ростова, которое археологи отожествляют с древнейшим Ростовом. Городище, расположенное на р. Саре, близ с. Диабол (Деболы), известно и по летописной записи 1216 г. в Новгородской 1-й летописи: «и быша (князья Мстислав и Владимир) на Городищи на рѣцѣ Сарѣ, у святѣи Маринѣ, въ великую суботу, мѣсяца априля въ 9; прииде князь Костянтинъ съ ростовьци, крестъ цѣловаша». Как видно, к началу XIII в. городище было еще не совсем заброшенным. Теперь установлено П. Н. Третьяковым, что материал слоя IX—X вв. на городище однотипен с гнездовским (старосмоленским) городищем и с соответствующим слоем старой Ладоги. О славянском происхождении Ростова свидетельствует само название, имеющее явно славянское обличие.

Вполне понятно, что древнейший летописный свод не упоминал о Ростове. Свод этот носил в значительной мере южный, киевский «областной» характер. Не упоминает о Ростове и Константин Багрянородный, что подтверждает оторванность северо-восточной «страны» от Южного Поднепровья в X в. Отношения «Русской земли» к Ростовскому краю в то время ограничивались, повидимому, получением дани. Мы знаем, что в следующем столетии Ярослав приезжал в Ростовскую землю из Новгорода[1]; Святослав Черниговский, когда присылал своего сборщика дани, держал в Новгороде сына[2]; Мстислав приезжал из Новгорода в Ростовскую землю[3] (сведения о Борисе в Ростове взяты, как известно, Шахматовым под сомнение). Таким образом, вероятно, что в X в. дань в «Русскую землю» доставлялась через Новгород. В новгородских летописных записях встречаем первое упоминание о Ростове (о том, что Ярослав сослал туда новгородского посадника Константина)[4]. О Ростове предшествующего времени упоминание встречаем в «Повести временных лет» — памятнике начала XII в.

Из каких источников о Ростовском крае мог почерпнуть сведения знаменитый печерский «черноризец»? Во-первых, из предшествующей летописной традиции, сообщавшей о мери, как даннице «Русской земли». Во-вторых, из рассказов ростовского епископа Исаи, вышедшего из монахов Печерского монастыря и приезжавшего из Ростова на юг, о чем мы знаем достоверно. Печерский летописец не мог не знать, какое сопротивление в Ростове оказывала языческая среда мероприятиям по христианизации края, не мог не знать о насильственной смерти предшественника Исаи епископа ростовского Леонтия, тоже поставленного из монахов Печерского монастыря. Он знал также, вероятно, что по смерти епископа Исаи Ростов был оставлен без епископа, что было не случайностью, так как следующий епископ был назначен только около середины XII в. Надо думать, что Исаия рассказывал и местные предания о языческой мери. Вполне понятно, таким образом, почему летописец написал о Ростове,

---

[1] Лавр., Новг. 4-я, Соф. 1-я лл., 1024 г.

[2] Лавр. л., 1071 г.; Новг. 1-я л., 1068—1079 гг.

[3] Лавр. л., 1095—1096 гг.; ср. Новг. 1-я л., 989 г.

[4] Новг. 4-я л., 1020 г., Соф. 1-я, 1019 г.; А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 620.

что «перьвии насельници» там — меря. Надо сказать, что эти сведения не совсем лишены оснований. По наблюдениям П. Н. Третьякова, славянское сарское городище выросло на восточно-финском поселении VII—VIII вв., близ которого обнаружено и кладбище его обитателей; есть основание считать это поселение мерянским[1]. В IX—XII вв. край был славянским. Но упорное сопротивление местного населения христианизации края объясняет, почему печерский летописец помещает на Ростовском озере мерю, а на Клещине-озере — «мерю же», не упоминает о Ростове как средоточии местного славянского населения и не говорит, что здесь издревле было «свое княжение», подобно тому как он говорит о Новгороде, Полоцке, Смоленске. Зато ему пришлось разъяснить о Рюрике, родоначальнике единственно законной, по его мнению, династии, что тот посылал своих «мужей» в Смоленск, Полоцк и Ростов.

Сведения о Ростове и Ростовской земле до середины XII в. (до 1157 г.) скудны. Не очень много дает и археологический материал, который мог бы служить важным дополнением к письменному. Грандиозные раскопки, предпринятые в 50-х годах прошлого столетия Уваровым и Савельевым, разрывшими более 7000 курганов, будут, по словам А. А. Спицына, «долго оплакиваться наукой и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок»[2]. Нас интересует, какова роль Ростова в истории образования ростовской территории. Какие же данные мы извлекаем из материала по интересующему нас вопросу?

Позволим себе начать с указания на два древних известия о Ростове. Это—ростовское известие под 1135 г., записанное по припоминанию в XII в. о том, что «ростовцы» побили новгородцев на Ждане-горе[3], и запись ростовской летописи под 1152 г. о том, как «ростовци», получившие весть о затруднительном положении Ярославля, осажденного болгарами, немедленно вышли, побили болгар и освободили Ярославль. Достоверность первого из них не вызывает сомнений: сведения подтверждаются новгородской записью о тех же событиях, имеющейся в Новгородской 1-й летописи. Равным образом и второе известие не вызывает сомнений: оно дошло до нас в тексте владычного ростовского свода в составе Типографской летописи и подробно рассказывает о событии. Эти драгоценные известия не оставляют сомнения в том, что в Ростове была военная организация, возглавляемая, вероятно, местной знатью, распространявшая свою власть на «областную» территорию. Мы знаем, что городские полки были и в других городах «области»: в Суздале, в Белоозере, позже — во Владимире. Но есть основания полагать, что военно-организующая власть Ростова распространялась на всю «областную» территорию. Так, во-первых, Георгий Симанович, посаженный в Суздале в качестве воеводы-кормильца при малолетнем князе Юрии, считался «ростовским тысяцким». Мы знаем, что Юрий и его семья жили в Суздале. Из Киево-Печерского патерика узнаем, что и Георгий Симанович жил именно в городе Суздале[4]. И тем

[1] «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, вып. 5, стр. 90—97.
[2] «Изв. Археол. ком.», 1905, вып. 15, стр. 90.
[3] Лавр. л., Новг. 1-я лет.
[4] Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 62.

не менее встречаем достаточно ясные указания на то, что он считался не суздальским, а «ростовским» тысяцким. Это указание не возбуждает сомнений, потому что имеется в Ипатьевской летописи, текст которой первой половины XII в. обычно употребляет термины «Суздаль» и «суздальский» в обобщающем смысле, и если Георгий Симанович назван «тысяцким ростовским», то потому, что тысяча в действительности носила название «ростовской»[1]. Во-вторых, после смерти Андрея Боголюбского произошли события, записанные современником во Владимире, и из подробнейшей записи видно, что центр, руководивший военными силами «области», был ростовским, хотя перед тем почти в течение 20 лет г. Владимир был на положении княжеской резиденции. «Ростовци» пытаются остановить непрошенного князя Михалку и «по повѣлѣнью ростовець» владимирский полк в количестве полутора тысяч человек выехал против «князема». И это было несмотря на то, что во Владимире нарастали настроения, явно враждебные распоряжениям «старейшего» города.

Мы не знаем точно, как и когда образовалась ростовская тысяча; быть может, во времена Ярослава, а быть может, гораздо раньше. Но те сведения, которыми мы располагаем, говорят за то, что предпосылки к образованию военной организации, возглавляемой местной знатью, существовали уже в X в. Выше мы говорили, что материал Сарского городища IX—X вв. однотипен с гнездовским (старосмоленским) и соответствующим слоем старой Ладоги. Под Ярославлем известно большое кладбище гнездовского типа, причем варягам принадлежат только два погребения, и притом не самые богатые; остальная масса погребений принадлежит местным воинам кривичам[2]. Самые древние записи о Ростовской «области» (1024 и 1071 гг.) явно свидетельствуют о существовании местной знати («старая чадь», «лучшие»), богатой пашнями («житом») и промысловыми угодьями («скорою» и «рыбой»). Обитатели Сарского городища IX—X вв. имели достаточные возможности и средства, чтобы, подобно военной знати старого Чернигова и старого Смоленска, иметь своих ремесленников. Впоследствии, с развитием свободного городского ремесла, некоторые характерные изделия, аналогичные находимым в Сарском городище, были вытеснены на периферию. По наблюдениям археолога-исследователя, «украшения в виде „коньков“ и треугольных подвесок в районе костромского течения Волги и в бассейне озер Неро и Плещеева в несколько видоизмененных формах сохраняются вплоть до XII—XIII столетий, удерживаясь, однако, главным образом не в центральных областях этого края, лежащих вокруг феодальных городов, а на периферии, в частности в области костромского течения Волги»[3].

[1] Ипат. л., 1130 г.

[2] А. В. Арциховский. Введение в археологию. 1947, стр. 190.

[3] «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 5, стр. 96. Не нахожу оснований к утверждению, что «на материалах Сарского городища можно констатировать завершение... процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, процесса завершения второго крупного общественного разделения труда» (стр. 95). Отсутствие земледельческих орудий в богатом и разнообразном материале Сарского городища не свидетельствует в пользу наличия обмена между сельскохозяйственной округой и Сарским городищем как ремесленным центром.

События XI в. застают знать на территории «области»: «в стране той», по «погостам». Это — местные люди; по крайней мере, у «лучших жен», которых избивали по «погостам» на Шексне, оказалась родня среди «повозников»[1]. Эта знать вызывает против себя озлобление низов населения, что приходится связывать с усилением и распространением поборов. Она обогащается хлебом, «скорою» (мехами), медом, рыбой, как явствует из летописного рассказа. Много позже, в Пермской земле усилением поборов и недовольством населения пользовались волхвы, чтобы вызвать движение языческой реакции. В подобной же роли волхвы выступают в XI в. в Ростовской «области», причем восстания, возглавляемые ими, направлены против знати («старой чади», «лучших жен», 1024, 1071 гг.).

Можно полагать, что на рубеже X—XI вв. южнорусская земля играла некоторую стимулирующую роль в распространении дани, в расширении ростовской территории. Во-первых, в конце X или в начале XI в. в Ростове был посажен Ярослав. Впоследствии он приезжал из Новгорода в Ростовскую «область», усмирил восстание волхвов и «устави землю ту». Возможно, что, подобно тому как Ольга уставляла погосты и дани в Новгородской земле, Ярослав уставлял «погосты и дани» на Северо-востоке. Затем, само название г. Ярославля заставляет думать, в согласии с местным преданием, о деятельности Ярослава. Но значение «Русской земли» на Северо-востоке приходится в данном случае ограничить, хотя русское имя и перешло на Северо-восточный край. Во-первых, территория древней «Русской земли» не знала термина «погост». Он бытовал в Новгородской земле, в Смоленской и на северо-востоке. Очевидно, он существовал там (во всяком случае — на севере) до установления «русской» власти. Во-вторых, пребывание Ярослава в Ростово-Суздальской земле было непродолжительным. Потом он уехал и из Новгорода. С начала XI в. и до конца его (до 1095 г.) никто из «русских» князей в Ростовской земле не сидел. Не сидели там сыновья Ярослава, биографические сведения о которых мы имеем. Не княжил там Святослав Ярославич Черниговский, присылавший туда сборщика дани из «Русской земли». Так же, видимо, поступал и Всеволод. Только раз, судя по «Поучению» Мономаха, он посылал в Ростов сына Владимира. Епископ из Руси встретил к своей деятельности резко враждебное отношение, как мы говорили выше.

К 70-м годам XI в. территория Ростовской «области» была уже значительной. В ее состав входило Белоозеро, а по Волге от Ярославля и по Шексне лежал ряд погостов. Сам древний город Белоозеро, как показывает летописный текст XI в., был расположен при истоках р. Шексны, что подтверждается летописными известиями более позднего времени[2]. По известиям 90-х годов XI в. ростовская областная территория охваты-

---

[1] Лавр. л., 1071 г.

[2] Лавр. л., 1071 г.: «сташа на устьи Шексны» (т. е. у истоков реки). Новый город Белоозеро лежал в 17 км от старого. В 1398 г. «старыи городок Бѣлоозерскыи» не был занят войсками великого князя, которые сидели в «новом городке» (Новг. 1-я л.; П. С е м е н о в. Россия, т. III, стр. 410). В настоящее время г. Белозерск — районный центр Вологодской области.

вала «Поволжье» не только от Ярославля до Шексны, но и далее, до р. Медведицы.

К устью Мологи ростовская дань распространилась, повидимому, от Ярославля по Волге; заметим, что впоследствии моложское княжество выделилось из ярославского. Река Сить, по мнению А. А. Спицына, составляла западную окраину Ростово-Суздальской области[1]. К району Углича ростовская дань могла проникнуть от Ярославля, но, вернее, она проникла непосредственно из Ростова р. Устьем и малыми притоками Волги. Впоследствии, с размежеванием епархиальной (между двумя епархиями) и княжеской (с выделением ростовского княжества) территорий, ростовское Поволжье в узком смысле слова (т. е. связанное с ростовским столом и ростовской епархией) обнимало течение Волги от Ярославля до Углича включительно, но не более. Выше по Волге, в район устья Нерли, впадающей в Волгу (другая Нерль впадала в Клязьму), ростово-суздальская дань могла распространиться не непосредственно из Ростова, а с Клещина по р. Нерли. К концу XI в. территория ростово-суздальского Поволжья захватывала уже течение р. Медведицы. По летописному рассказу 1096 г., где-то в районе р. Медведицы были ростовские «данници» (сборщики дани). Их «изъимал» двигавшийся из Новгорода Мстислав или, точнее, посланный им «в сторожѣ» Добрыня Рагуилович. Ярослав, брат Олега, захватившего перед тем Ростовскую «область», стоял на Медведице «в сторожихъ», когда к нему пришла весть о том, что «данници» задержаны. Олег и Ярослав отступили «к Ростову»[2]. Последующие события подтверждают, что территория ростово-суздальского Поволжья простиралась на запад до р. Медведицы. В 1134 г. Всеволод, наступавший из Новгорода, вернулся с Дубна. В 1148—1149 гг. Изяслав, пришедший из Новгорода, чтобы обрушиться на ростовское Поволжье, соединился с Ростиславом Смоленским «на усть Медвѣдици», как было решено заранее, причем Ростислав со смоленскими и «русскими» полками подошел к месту встречи «по Волзѣ»[3].

Мы не знаем, когда Белоозеро вошло в состав Ростовской «области». Оно могло войти в первой половине XI в. Но направление (далеко на север), в котором распространялась ростовская дань, нас не удивляет. Белоозеро — страна веси, куда ездили для меновой торговли восточные купцы,— была хорошо известна как богатейшая страна даже в волжской Болгарии X в. Более 100 лет назад академик Френ пришел в обстоятельном специальном исследовании к выводу, что «страна вису» — это белозерская весь[4]. Вопрос, конечно, нуждается в пересмотре специалистов. Но следует напомнить, что со времен Френа наука обогатилась новыми данными, подтверждающими те сведения, на которые опирался в своем исследовании Френ[5].

---

[1] «Изв. Археол. ком.», вып. 15, стр. 95.

[2] Лавр. л., 1096 г.

[3] Новг. 1-я л., 1134 г.; Ипат. л., 1148 г.

[4] К. Ф р е н. Ibn Fozlan's u. anderer Araber Berichte über die Russen. СПб., 1823.

[5] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. 1939; Journ. Asiat.», 1925 (текст Гарнати).

Итак, к концу XI в. территория Ростово Суздальской земли тянулась от устья Нерли клязьменской к устью Которосли, впадающей в Волгу, охватывала Поволжье, от устья Которосли до устья Медведицы, и тянулась по Шексне до Белоозера.

Славянское население, обитавшее на ростово-суздальской территории в XI в., было в племенном отношении более или менее однородным. Рубежей между Ростово-Суздальской «областью» и Смоленской, а также между Ростово-Суздальской «областью» и Черниговской еще не существовало. Так как г. Владимир-Залесский был основан только в начале XII в., верхнее течение Клязьмы оставалось и позднее мало населенным, названия поселений и урочищ в междуречье Клязьмы и Волги становятся известными по летописям только в начале XIII в., а сама Москва в середине и в третьей четверти XII в. имела еще несколько названий,— то можно полагать, что в конце XI в. ростово-суздальская дань не проникла еще вверх по течению Клязьмы (выше области устья Нерли). Можно полагать только, что она распространялась по Опольщине, судя по известиям последующего времени и археологическим данным. С северо-запада складывалась новгородская волость Волок-Ламская, известная уже в первой половине XII в. Здесь рубежей с Ростово-Суздальской землей в конце XI в. по всем признакам еще не существовало. С запада, от верхней Протвы к Пахре и по верхнему течению р. Москвы, продвигалась во второй половине XI в. смоленская дань. С юга наступала дань черниговская, двигавшаяся в направлении на северо-восток от территории Сновской тысячи, и в конце XI в. распространялась от р. Жиздры и Воротынска вниз по Оке. Территория по бассейну верхней Клязьмы и р. Москвы была населена в первой половине XII в. почти исключительно вятичами. Начиная с верховьев Клязьмы и далее к северу тянулись поселения кривичей. В первой половине XII в. ростово-суздальская дань распространялась по территории, населенной вятичами.

Вятичи, заселявшие бассейн верхней Оки и Москвы, были известны Мономаху, владевшему Черниговом еще при жизни отца. «Сквозѣ вятичѣ» он при жизни отца ходил на Северо-восток. Мы знаем также, что «по двѣ зимы» ходил он на вятичей, на Ходоту и к Кордьну ходил «первую зиму»[1]. Часть вятичей в то время уже была черниговской, и естественно было ожидать, что и остальные вятичи будут притянуты Черниговской областью. Но сильным конкурентом Чернигова была Ростово-Суздальская «область». В 1093—1097 гг. произошли события, ускорившие наступление на землю вятичей со стороны Суздаля.

В 1093 г. умер Всеволод, отец Мономаха, и киевский стол занял Святополк Изяславич. Чернигов был уступлен Мономахом Олегу Святославичу, занявшим стол своего отца, а в 1097 г. окончательно утвержден за Святославичами. В руках Мономаха остались Переяславль Русский и Ростово-Суздальская «область». С этого времени Мономах начинает развивать усиленную деятельность на Северо-востоке.

Надо сказать, что Ростов при Мономахе был уже не на р. Саре, а на

---

[1] Лавр. л., 1096 г.

берегу Ростовского озера, где он стоит и поныне; может быть, Мономах перенес его туда. Там он выстроил церковь св. Богородицы наподобие церкви Печерской. Первую из указанных в «Поучении» поездок Мономаха на Северо-восток приурочивают к 1068—1072 гг. К этим же годам следует относить построение Мономахом в Ростове церкви св. Богородицы [1].

О последующих десятилетиях в жизни Ростова мы мало что знаем. Мономах, повидимому, вплоть до конца XI в. в Ростове не показывался. Но в 1093—1094 гг. он сажает в Ростове своего сына Мстислава, что как раз совпадает по времени с уходом Мономаха из Чернигова [2]. Через два года Мономах переводит Мстислава в Новгород, а княжеской резиденцией делает Суздаль, где сажает своего юного сына Юрия. С этого времени Ростово-Суздальская земля становится предметом усиленного внимания со стороны Мономаха.

Нет сомнения, что Ростов оставался главою «области». Это первенствующее значение Ростова признавал сам Мономах, что явствует из его «Поучения», в котором он под «Ростовом» разумеет всю волость. Так было и ранее: из письма Мономаха к Олегу и из летописного рассказа об Олеге видно, что они «Ростовом» называли всю «волость». В первой половине XII в. Ростов назывался «Ростовом великим» [3]. А из событий 70-х годов XII в. следует, что во Владимире всю «область» считали «Ростовской», а князя, княжившего во Владимире, называли «великим князем всея Ростовьскиа земли».

Вместе с тем в XI—XII вв. подымается значение Суздаля. В Новгороде именем Суздаля называли всю Ростовскую волость. В первой половине XII в. и ранее в Киеве также называли нередко «Суздалем» всю Ростовскую «область». Это значение Суздаля было связано, очевидно, с ростом суздальского боярства, значение которого особенно ясно обнаруживается впоследствии в событиях, разыгравшихся после смерти Андрея. В чем же выразилось в дальнейшем усиленное внимание, которое стал проявлять Мономах к Ростово-Суздальской земле?

Во-первых, в Ростово-Суздальскую землю он посылает, как мы говорили, в качестве тысяцкого Георгия Симоновича. Напомним, что, согласно древней южнорусской традиции, тысяцкие имели ближайшее отношение к сбору дани.

---

[1] Патерик Киево-Печерского монастыря, 1911, стр. 9. Владимир Мономах «взем мѣру» печерской церкви и «всѣмь подобиемь създа церковь в градѣ Ростовѣ: въ высоту и в ширину и въ долготу, но и письмя на хартии (т. е. на пергамене) написавь, идѣже кииждо праздникъ в коемь мѣстѣ написанъ есть». Таким образом, Мономах на коже, приготовленной для письма, начертал рисунок или описание печерского иконостаса с обозначением или указанием, на каком месте какой праздник написан (ср. Ф и л а р е т. Обзор русской духовной литературы, стр. 28). В харатейном Прологе XIII—XIV вв. Синодального собрания читаем, что Леонтий был положен по смерти «в церкви пресвятыя Богородица, юже бѣ создалъ прежебывшии его епископъ» (см. л. 103 и сл.). Но Леонтий был первым ростовским епископом. Таким образом, построение Мономахом церкви св. Богородицы в Ростове следует относить ко времени Леонтия.

[2] Новг. 1-я л., 989 г.; Лавр. л., 1095 г.

[3] Ипат. л., 1151 г.

Во-вторых, Мономах оказывал, по некоторым признакам, руководящее влияние на деятельность Юрия. Так, например, по Патерику, Юрий, подражая отцу, построившему церковь св. Богородицы в Ростове, создал церковь «въ градѣ Суждалѣ, в ту же мѣру»[1]. Здесь идет речь не о церкви св. Спаса, построенной Юрием в Суздале позже, а о церкви св. Богородицы, распавшейся в начале XIII в. («яже по лѣтехъ вся та распадошася»). В начале XIII в. летописец приписывал ее построение Владимиру Мономаху и Ефрему, епископу Переяславля-Русского [2]. Очевидно, Юрий строил ее под руководством отца.

Сам Мономах начал часто ездить в Ростово-Суздальскую землю. Из четырех поездок Мономаха к «Ростову» три падают как раз на изучаемый период, и притом на самое начало XII в. Некоторые сведения показывают, в каком направлении развивал свою деятельность Мономах на Северо-востоке. В 1108 г. он основал г. Владимир-Залесский на Клязьме.

Город Владимир-Залесский впервые упоминается под 988—990 гг. в тексте Владимирского Полихрона [3].

Однако сведения, сообщаемые в этих известиях, о построении города Владимира-Залесского Владимиром Святославичем не соответствуют действительности. Первое достоверное известие о Владимире-Залесском встречаем под 1108 г. в Львовской летописи — о построении г. Владимира-Залесского Мономахом. Прибавление, которого нет в печатном тексте Львова («а заложил его преже Володимеръ Киевскии»), вызвано, очевидно, желанием согласовать это известие с известием того же свода под 988 г. Известие Львовской летописи о построении Мономахом г. Владимира подтверждается, во-первых, данными «Поучения» Владимира Мономаха. В «Поучении» после сообщения о том, что Мономах у Аепы взял дочь, говорится: «идохомъ Смоленьску, и потомь идохъ Ростову». Известие о женитьбе Юрия на дочери Аепа имеется в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 6615 (1108) г. и датировано 12 января. Таким образом, подтверждается известие Львовской летописи о пребывании Мономаха в Ростовской земле в 1108 г. Во-вторых, известие Львовской летописи подтверждается статьей рукописи Археографической комиссии, содержащей Новгородскую 1-ю летопись, «А се князи русьтии», где читаем о том, что Мономах поставил Владимир-Залесский, причем сообщаются хронологические данные, указывающие на 1108 г. Известия об основании Владимира-Залесского Владимиром Святославичем такого же, возможно, происхождения, как и ложные известия о том, что им были посланы Федор и Илларион в Ростово-Суздальскую землю [4].

Внешним поводом к построению города послужило, очевидно, нападение болгар на Суздаль в 1107 г. В этом году Юрий был в Киеве, вероятно, вызванный отцом, где отец его женил на дочери половецкого князя. Тем временем болгары, воспользовавшись отсутствием князя (с ним, вероятно,

---

[1] Патерик.. , стр. 9.

[2] Там же; Лавр. л., 1222 г.

[3] Соф. 1-я, Новг. 4-я, Воскр. лл., Эрм. сп. Публ. библ., № 216 б.

[4] Судя по Синодальному списку жития Леонтия, эта последняя легенда начала уже складываться во второй половине XII в.

уехал и Георгий Симонович), напали на Суздаль: «сущии же людье въ градѣ не могуще противу ихъ стати, не сущю князю у нихъ». Осажденные решились на вылазку и побили болгар. Из рассказа можно заключить, что на Клязьме укреплений не было[1]. Однако оборона от нападений болгар едва ли была главной целью построения города. Дело в том, что город был построен не ниже впадения Нерли на Клязьме, а выше, в 10 км от устья Нерли. Таким образом, он охранял подступы к Ростово-Суздальской земле со стороны Черниговской «области». Так правильно понимали дело историки Н. Барсов и С. Ф. Платонов. Основание Владимира-Залесского, по мнению С. Ф. Платонова, как бы предваряло основание Москвы. «Следя по летописям за первыми судьбами Москвы,— писал С. Ф. Платонов,— мы прежде всего встречаем ее имя в рассказах о военных событиях эпохи. Москва — пункт, в котором встречают друзей и отражают врагов, идущих с юга. Москва — пункт, на который прежде всего нападают враги суздальско-владимирских князей. Москва, наконец,— исходный пункт военных операций суздальско-владимирского князя, сборное место его войск в действиях против юга. К Москве поэтому смело можно применить указание, сделанное Н. П. Барсовым относительно Владимира-на-Клязьме. По словам Барсова, он был построен „едва ли не в видах ограждения Ростово-Суздальской земли со стороны Черниговского порубежья“»[2]. Имея в виду сказанное нами выше, получаем основание полагать, что начало распространения ростово-суздальской дани на вятичей было положено Мономахом. Постараемся точнее определить, когда и как ростово-суздальская дань распространилась на территорию северо-западных вятичей.

В Ипатьевской летописи под 1149 (6656) г. читаем, что Владимир Давыдович и Святослав Ольгович стали «в ъ с в о и х ъ вятичѣхъ, ожидаюча и зряча, что ся тамо учинить межю Гюргемъ (Юрием) [и] Изяславом». Они предполагали итти «на Вятичѣ к Ростову». Как можно понять из рассказа, сфера владения вятичами уже была разграничена. Крайним черниговским поселением на севере, по летописным данным, служил Колтеск, расположенный на Оке, где ныне с. Колтово, между реками Каширкой и Лопасней. Из летописи видно также, что через Колтеск ходили из Черниговской земли в Ростово-Суздальскую, как показывает Ипатьевская летопись под 1146 г. Путь этот шел к р. Москве или к р. Яузе и (у Мытищ) к р. Клязьме или к р. Мерской, или Нерской, и этим притоком р. Москвы и волоком к р. Клязьме. Летопись знает «Волочек», находившийся на р. Мерской или близ нее, не очень далеко от Клязьмы[3]. Устьмерска упоминается под 1207 г. в Лаврентьевской летописи: «князь же великыи приде отъ Коломны на Устьмерьскы». Коломенская волость Устьмерска упоминается в заве-

---

[1] Типогр. л., 1107 г.

[2] С. Ф. П л а т о н о в. О начале Москвы. Статьи по русской истории. СПб., 1903, стр. 103.

[3] Волочек упоминается в Воскресенской летописи под 1209 г., как лежавший между Мерской и Клязьмой. Недалеко протекала р. Дроздна, упомянутая там же, известная и поныне. Рекой Мерскою на Коломну пролегал путь из Ростово-Суздальской земли в Рязанское княжество (Лавр. л., 1176 г. и др.). Волочек находился на этом пути.

щании Калиты[1] (в XII в., как известно, Коломна была рязанской). Селение Устьмерску знают грамоты XVI в.[2] «Устьмерский стан» описывают писцовые книги, причем в Устьмерском стану отмечают: «пуст., что было слц. Мытищево»[3]. Летопись отмечает и другие географические названия этого района (Литова, р. Дроздна, впадающая в Клязьму близ Мерской). Черниговская дань не распространилась далеко к северу от Оки и остановилась приблизительно там, где показывают черниговскую окраину летописные известия 40-х годов XII в.

Таким образом, к 40-м годам XII в. здесь образовался черниговско-суздальский рубеж. Как далеко он проходил от Оки? Некоторые данные получаем при рассмотрении местоположения с. Голубина, упомянутого в Воскресенской летописи под 1207 г. Нельзя согласиться с мнением Надеждина и Неволина, что Голубино и Волочек лежали на левом, северном берегу Клязьмы. В летописи говорится, что Волочек лежал где-то на Мерской и что оттуда Георгий посылал полк «за реку Клязьму». В Волочек приехал из Голубина. Следовательно, Голубино лежало южнее или юго-восточнее р. Клязьмы. Георгий шел по следам рязанского князя Изяслава. Откуда Георгий пришел в Волочек? Узнав о том, что Изяслав и Михаил воюют «села около Москвы», он поехал против них из Владимира; вероятно, ехал он через Москву и там получил сведения, что враг около Голубина. Но в Голубине он их уже не застал, а узнал, что Изяслав «на Мерске», а Михаил «на Литове». Не удалось ему настигнуть их и на Мерской, и, как мы говорили, он послал полк «за реку Клязьму». Таким образом, данные летописи вполне допускают, что летописное Голубино лежало на месте большого села Голубина, расположенного при р. Выдре, в б. Московской губернии Серпуховского уезда, в 50 км от уездного города, в настоящее время — Михневского района Московской области[4]. К западу от Москвы шло смоленское порубежье, а в юго-западном направлении соседями оказались не только смоленские поселения, но и черниговские, так как нижняя часть течения Протвы была захвачена Черниговом. Верхняя половина Протвы находилась в смоленских руках, и грамота Ростислава Смоленского (1151 г.) отмечает лежавший здесь погост Беницы. Однако во второй половине XII в. или в первые десятилетия XIII в. Чернигов распространил свою дань и выше по Протве, судя по тому, что во власти Рязани, отнявшей после татарского нашествия у Чернигова часть владений, оказались Лужа, Боровск и Верея, перешедшие впоследствии к Москве[5].

Если к 40-м годам XII в. образовался суздальско-черниговский рубеж, то распространение дани на вятичей, обитавших по р. Москве, следует относить к более ранним временам и связывать начало этого дела с деятельностью Мономаха на Северо-востоке. Москва первоначально могла быть

---

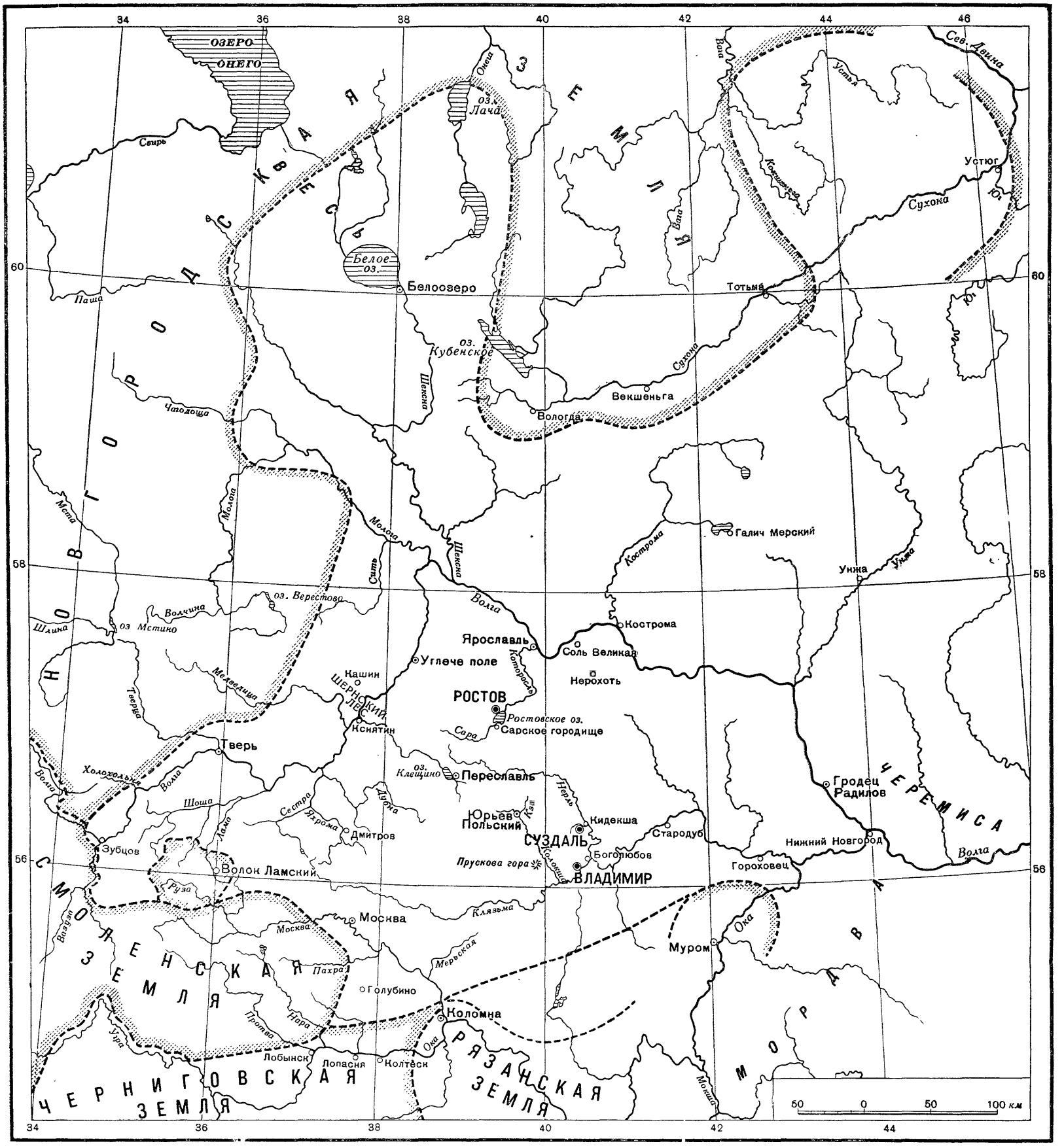
[1] СГГ и Д, т. I, стр. 31 и др.

[2] Н. Барсов. Очерки..., стр. 54.

[3] «Писцовые книги XVI в»., изд. Н. В. Калачева, 1872, стр. 584.

[4] Список населенных мест Московской губернии, № 5629.

[5] Дух. и догов. грамоты..., под ред. Л. В. Черепнина, 1950 г., № 10 и 11. Верея в настоящее время — районный центр Московской области.



Ростово-Суздальская земля. Граница второй половины XII — начала XIII в.; показана схематически.

А. Н. Насонов

«становищем», «станом», где князь останавливался со своей семьей, со своей дружиной, когда был в полюдье. По крайней мере знаем достоверно, что «город» Дмитров был заложен Юрием двумя (?) годами раньше, там, где князь останавливался во время «полюдья»[1].

Вместе с тем в северо-западном направлении в первой половине XII в. не было значительного продвижения. Поволжье выше Медведицы оставалось как бы нейтральной территорией или в сфере влияния Новгорода. На Холохольне и позже, когда Верхнее Поволжье было присоединено к Ростово-Суздальской «области», хозяйничали новгородцы. С Верхнего Поволжья можно было проникнуть в самое сердце Ростово-Суздальской земли — к Переяславлю, к Ростову. Но Мономах держал и в Смоленске и в Новгороде своих сыновей, и ему не представлялось существенным в интересах военной безопасности Ростово-Суздальской земли распространять ростово-суздальскую дань в северо-западном направлении. Сам он приезжал в начале XII в. в Ростовскую землю через Смоленск, т. е. следовательно, по верхней Волге, о чем говорят и его собственные слова: «усрѣтоша бо мя слы (т. е. послы) отъ братья моея на Волзѣ»[2]. Только по смерти Мономаха отсюда начались нападения на Ростово-Суздальскую землю (1134, 1135, 1148—1149, 1180—1181 гг.).

В 1134 г. новгородцы решили воспользоваться тем, что Ростово-Суздальская земля была временно уступлена Юрием и там не было князя. По Новгородской 1-й летописи Всеволод, сидевший в Новгороде, хотел «в Суждали» посадить своего брата. Новгородцы шли верхней Волгой и затем, повидимому, по р. Нерли к Переяславлю. На «Ждане горе», находящейся на р. Кубре, притоке Нерли, «ростовци» нанесли новгородцам поражение[3]. Ростовцы оказались в состоянии сами, без князя, организовать оборону. События 1135 г. обнаружили, что подступы к Переяславлю не были укреплены, не было укреплено и устье Нерли. По Никоновской летописи Кснятин (Константин) при устье Нерли был построен Юрием Долгоруким. Известие помещено под 1134 г. Но в 1133—1134 гг. Юрий был в Киевщине. О возвращении Юрия «Ростову» Ипатьевская летопись передает вслед за известием о битве на Ждане-горе. Таким образом, г. Кснятин при устье Нерли мог быть им построен только после битвы ростовцев с новгородцами в 1135 г., по возвращении его в Ростово-Суздальскую землю.

Тогда же, возможно, Юрием были построены и некоторые другие «городки» из числа упомянутых в рассказе о событиях 1148—1149 гг. Разрыв с Изяславом Киевским и прекращение уплаты дани в «Русскую землю», политика Юрия в Новгороде, желание навязать новгородцам своего сына, враждебное отношение к Святополку, сидевшему в Новгороде, привели к войне 1147 г. Юрий воевал «новгородские волости», взял Новый Торг и «всю Мсту», задерживал новгородских «гостей», творил

---

[1] Типогр. л., Новг. 4-я л., 1154 г. Указание на год основания «града» (укрепления) Москвы — 6664 (1156) в Тверском сборнике — требует проверки, так как Юрий в эти годы жил на юге (Лавр. л., 6663—6665 гг.).

[2] Лавр. л., 1096 г.

[3] Типогр. л., 1152 г.

новгородцам «пакости на путех». Новгородцы обвиняли Юрия, что он захватывает их «дань»[1]. Может быть, он собрал дань и на Верхнем Поволжье. В ответ Святополк пытался предпринять поход в 1147 г., а зимой 1148—1149 гг. Изяслав с Ростиславом Смоленским нагрянули на Поволжье, о чем мы говорили выше, и опустошили берега по обеим сторонам Волги, «много» воевали «людье Гюргево», от Кснятина пошли к Углечу и далее к Мологе, «попустошили» до Ярославля и увели 7000 пленных. При этом летопись отмечает, что было взято шесть «городков»[2].

Итак, к середине XII в. выяснилось стратегическое значение территории Верхнего Поволжья. Но, видимо, ни при Юрии, ни при Андрее Боголюбском северо-восточная «держава» не была еще достаточно сильной, чтобы овладеть всем Верхним Поволжьем до р. Вазузы, как сделал это позже великий князь Всеволод. К середине XII в. ростово-суздальская дань несколько продвинулась к северу от Москвы, распространившись в бассейн р. Сестры, где в 1154 г. на р. Яхроме был основан г. Дмитров. Два года (?) спустя была укреплена Москва, лежавшая на окраине вятичской зоны, тянувшейся по бассейну Оки. Район Москвы был довольно населен. Курганы вятичей тех времен находятся и поныне к северу от Москвы (в Митине, Тушине, Никольском, Болшеве, Пушкине), к западу (в Черневе, Ангеловке, Немчиновке), к югу (в Дьякове, Царицыне, Чертанове) и к востоку (в Косине, Троицком и т. д.). Довольно много вятичских курганов раскопано на окраинах города, в современной городской черте Москвы[3]. Нет ничего удивительного, что уже при Юрии Долгоруком здесь был, как мы предположили, сопоставляя известия о Дмитрове, хозяйственно-административный центр, становище, где князь останавливался при объезде, находясь «в полюдьи». Уже в X в., как показали раскопки в Зарядье, здесь, на берегу Москвы-реки существовало селение[4]. С этим вполне согласуется известие 1147 г. о том, что Юрий Долгорукий здесь давал «обед силен» своему союзнику Святославу Ольговичу и его дружине. Этот центр — Москва — находился в XII в. недалеко от границ княжеств Смоленского, Черниговского и Рязанского; на север пролегал путь в Новгород. Понятно, что именно здесь было поставлено по приказу Юрия укрепление: на устье Неглинной, выше р. Яузы. Крепость Москва Юрия Долгорукого помещалась, видимо, на Боровицком холме, в юго-западной части нынешнего Кремля. Если год, указанный Тверской летописью (1156), верен, в чем можно сомневаться, то надо предполагать, что непосредственно строил укрепление не сам Юрий, а сын его Андрей, еще

---

[1] Новг. 1-я и Ипат. лл.

[2] Ипат. и Новг. 1-я лл.

[3] «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. I, 1947, стр. 17, 19.

[4] В 1949—1950 гг. в Зарядье, в слоях X в. найдены, между прочим, архаичные проколки, костяные наконечники стрел и иглы — вещи, характерные для древних славянских поселений. В слоях X—XIII вв. обнаружены хрустальные и сердоликовые бусы, принадлежащие вятичскому племенному убору, весьма древние по форме ножи и свинцовые перстни — печати и т. п. (материал дан в статье М. Рабиновича, напечатанной в «Вопросах истории», 1951 г., № 5).

ранее связанный с Кучковичами, как явствует из статьи Археографической рукописи[1].

Освобождение Новгорода от господства юга, запечатлено в словах Комиссионного списка Новгородской 1-й летописи, относящихся к дани, ранее платившейся Новгородом в Киев: «еже не дають». К сожалению, неизвестно, когда именно Новгород освободился от этой дани. Вероятно, это произошло не сразу. Еще южное известие середины XII в. упоминает о ней[2]. Ростово-Суздальская земля освободилась от дани в «Русскую землю», как мы видели, при Юрии Долгоруком. Но это освобождение не было прочным. К концу своей жизни Юрий переехал на юг, в Киев, разместив своих сыновей на юге и Андрея в Вышгороде, сохранив за собою обладание Ростово-Суздальской землей. Таким образом, господство «Русской земли» над Северо-востоком должно было по сути дела возобновиться, что, конечно, не отвечало интересам ростово-суздальского боярства. В свете этих отношений понятны последующие события: переезд Андрея на Северо-восток «без отнѣ волѣ», т. е. против желания отца; интриги в этом событии Кучковичей («его же лестью подъяша Кучковичи»), принадлежавших не к южным, а к числу северо-восточных, «суздальских» бояр, некоторые из которых оказались размещенными по «городам» и «селам» на юге в последние годы жизни Юрия, о чем прямо свидетельствует Ипатьевская летопись; избрание по смерти Юрия князя Андрея «ростовцами» и «суздальцами», т. е. руководящими слоями Ростово-Суздальской «области», знатью Ростова и Суздаля («ростовци и суждалци, здумавше вси, пояша Аньдрѣя сына его старѣйшаго, и посадиша и в Ростовѣ на отни столѣ и Суждали»); попытки Андрея добиться учреждения на Северо-востоке особой митрополии (РИБ, VI). Старейшинство было оторвано от киевского стола. С этого времени скорее можно было думать, что идея общерусского господства будет перенесена на Северо-восток, чем о возобновлении преобладания «Русской земли» над Северо-востоком.

Территория Ростово-Суздальской земли формировалась несколько позже большинства других «областей»: значительная часть ее территории образовалась во второй половине XII и первой половине XIII в., в эпоху господства феодального способа производства. Северо-восточному князю приходилось в первую очередь быть князем, радеющим о том, чтобы обеспечить эксплоатацию смердов и «блюсти» их, распространить ростово-суздальскую дань и суд, хотя дань как источник обогащения знати в эту эпоху не играла той роли, какую она играла раньше. В этом отношении его деятельность отвечала интересам «ростовцев» и «суздальцев». Но в отмеченную эпоху характер княжеской власти меняется, и уже поведение Андрея со временем вызвало против него озлобление тех самых Кучковичей, которые раньше имели влияние на его поступки. Андрей стал избегать боярского окружения и удалил «мужей отца своего передних». Он выбрал своей резиденцией г. Владимир и старался возвысить этот «при-

---

[1] См. статью Археографической рукописи («Новгородская первая летопись», 1950, стр. 467). В 1156 г. Юрий был в Киевщине (см. Ипат. лет., 6663—6666 гг.)

[2] См. Ипат. л., 1149 г.

город», а потом удалился в Боголюбово. Но забота о всей «области» в интересах правящего класса, о распространении суда и дани, об эксплоатации смердов оставалась главной заботой владимирского князя[1].

В событии времен Боголюбского обнаруживается значительное продвижение ростово-суздальской территории в двух направлениях: на севере — в Заволочье, на юго-востоке — от нижней Клязьмы до Заволжья. В обоих случаях продвижение вызывала деятельность владимирского князя.

Если мы взглянем на карту Ростово-Суздальской земли XII—XIII вв., то увидим, что новгородские владения на Сухоне и близ Сухоны как бы разделяют ростовские владения на нижней Сухоне (Устюг) и ростовские владения на Белоозере. Как это случилось? Как Ростово-Суздальская «область» могла допустить, чтобы ее владения на Сухоне были отрезаны новгородскими погостами? Вопрос решается просто. Оказывается, что Новгород вышел на Сухону (с севера, как мы видели) раньше Ростова. В самом деле, уже по грамоте Святослава 1137 г. новгородцы имели становище «у Вели» и, южнее, становище «у Тотьмѣ» на р. Сухоне. Вместе с тем первые известия об Устюге появляются только в первой половине XIII в.; о «суздальских» смердах в Заволочье новгородские источники говорят не ранее 60-х годов XII в.; к этому же времени относятся и первые столкновения новгородцев с Ростово-Суздальской землею из-за дани в Заволочье. Самое раннее известие, которое позволяет подозревать, что дело идет о споре за дань на север, относится к 1149 г., когда новгородские сборщики («даньници») двигались «въ малѣ», о чем проведал Юрий. Он послал князя Берладского «с вои», и новгородцы стали «на островѣ», а «они, противу ставше», начали «городъ чинити въ лодьяхъ», и на третий день произошло побоище и много полегло «обоихъ»[2]. Но достоверно мы не знаем, где разыгрались эти события и куда шли новгородские «даньници»; об этом Новгородская 1-я летопись умал-

---

[1] Проф. С. В. Юшков в книге, специально посвященной общественно-политическому строю и праву Киевского государства (1949 г.), в главе о Ростово-Суздальской земле даже не ставит вопроса об образовании государственной территории на Северо-востоке. Зато он уделяет большое внимание, двигаясь по старой колее, процессу «княжеской» колонизации. Никто не сомневается в том, что князья заботились о военной безопасности края и им приходилось укреплять поселения, строить «города». Но роль южнорусских князей как «колонизаторов» в общем процессе заселения края славянами была весьма ограниченной. Очень вероятно, что они принимали меры, способствовавшие заселению Владимира-Залесского и Боголюбова. Но полагаем, что князья успешно боролись с оппозиционными кругами местной феодальной знати не потому, что они, князья, были «колонизаторами», а потому, что они на Северо-востоке нашли социальную среду (горожан и землевладельцев), на которую могли опереться. Нам приходилось указывать вместе с тем на некоторую стимулирующую роль южнорусских князей в развитии феодального землевладения на Северо-востоке в распространении боярских, княжеских, церковных и монастырских «сел» (см. «Князь и город в Ростово-Суздальской земле» в сб. «Века», 1924; статью «Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского» в сб. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», 1940; ср.: С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. 1949, стр. 397—401).

[2] Новг. 1-я л.

чивает. Таким образом, распространение ростовской дани в Заволочье имело место в 50—60-х годах XII в., во всяком случае едва ли раньше 30—40-х годов, когда новгородцы уже обосновались на Сухоне.

В Важский край новгородцы проникали как бы с двух сторон. Во-первых, с северо-запада, с Моши на Вель, где позже сидел «владычный волостель», откуда, очевидно, верхней Вагой они спустились на Сухону (Тотьма), и, во-вторых, с Двины вверх по Ваге в Шенкурье, ибо Шенкурье с Подвиньем вплоть до Ваймуги составляло один погост, а Вель лежала за пределами Шенкурского погоста. Как могли ростовцы удовлетворить свое стремление к богатому Заволочью? Они могли обойти новгородцев на Сухоне (Тотьму) и с Сухоны (ниже Тотьмы) распространить свою дань в бассейн Ваги, с юго-востока от новгородских владений в Шенкурье и на Вели. Здесь оставались неосвоенными плодородные места по рр. Кокшенге и Устью. Нет никакого сомнения, что дело происходило именно так.

По грамоте 1314—1320 гг. «ростовские межи» проходили где-то к югу от Паденги и Селенги, что уже заставляет искать их в районе Устья и Кокшенги[1]. В грамоте Святослава реки Устье и Кокшенга не отмечены новгородскими становищами. Таким образом, эти места никогда не принадлежали новгородцам, как ошибочно полагал М. Едемский, автор специальной статьи, посвященной истории Кокшенского края[2]. Наш вывод подтверждается также тем, что по актам первой половины XVI в. и летописям территория по рр. Кокшенге и Устью и места по верхней Ваге принадлежали к Устюжской земле[3]. Ростовская дань проникла сюда именно с Сухоны, и путь этот хорошо известен летописям. Он шел с Городишны к верховьям Кокшенги, на которой известия XV в. отмечают «градки» и «городок Кокшенгский». Так с Сухоны в XV в. ходили на Кокшенгу, на Селенгу и к Ваге[4].

Близ Кокшенги и ныне лежит «Ростовский погост Рожества Богородицы». Известен еще «Ростовский Вознесенский погост» на Вели. Но, к сожалению, мы не знаем, когда эти погосты возникли[5]. Проникала ли в то время ростовская дань в места на Вели и в верховья Ваги, неясно; во всяком случае в этом можно сомневаться.

Столкновения ростовцев с новгородцами из-за Заволочья были неизбежны. Во-первых, владения новгородцев и ростовцев лежали чересполосно. Во-вторых, новгородцы были непрочь собирать дань и с «суздальских смердов», существование которых в Заволочье они все же признавали; о том и другом свидетельствует Новгородская 1-я летопись. В-третьих, новгородцы стремились ходить за данью в Заволочье кратчайшим путем, т. е. через белозерские владения ростовцев.

---

[1] АЮ, стр. 269.

[2] М. Едемский. О старых торговых путях на Севере. «Зап. Отд. русск. и славянск. археологии Русск. археол. об-ва», 1913, т. IX, стр. 45—49.

[3] М. Любавский. Указ. соч., стр. 103.

[4] Воскр. л., 1452 г.; Архангелогор. л., 6961, 6974 гг.; М. Едемский. Указ. соч., стр. 55—56.

[5] О них см. М. Едемский, стр. 50—51, примеч.

Под 1166 г. Лаврентьевская летопись отмечает: «тое же зимы иде Мстиславъ за Волокъ». О каком Мстиславе идет речь? В Новгороде в то время сидел князь Святослав. Мстислав Георгиевич, брат Боголюбского, был изгнан другими братьями из Ростово-Суздальской земли ростовцами, ушел в Царьград, где получил «волость»[1].

Таким образом, Мстислав, помянутый под 1166 г., мог быть только сыном Боголюбского, о котором ниже, под 1168 г., мы читаем: «тое же зимы посла князь Андрѣи ис Суждаля сына своего Мстислава на кыевьскаго князя Мстислава с ростовци и володимерци и суждалци». Посылка Андреем сына «за Волок» тем более представляется значительным событием, что ни Андрей, ни отец его Юрий никогда, сколько нам известно, не ездили на север и даже в северные ростовские города Ярославль, Углич и Белоозеро, как будто те были в непосредственном ведении ростовцев[2]. Не слышно о построении там этими князьями церквей или укреплений. Область деятельности Юрия, например, захватывала районы р. Нерли клязьменской, Опольщину, р. Нерли волжской, Москвы и Яхромы (Суздаль, Кидекша, Владимир, Юрьев-Польский, Переяславль новый, Кснятин, Москва, Дмитров).

Спустя три года (в 1169 г.) разыгралось побоище с новгородскими сборщиками дани, ходившими «за Волок». По рассказу Синодального списка Новгородской 1-й летописи, Даньслав Лазутинич пошел из Новгорода «за Волок даньникомь съ дружиною». Андрей Боголюбский проведал об этом и прислал на него «пълкъ свои», и они бились. Из новгородской летописи, сохранившейся в более поздней редакции, узнаем, что дело происходило «на Белѣозерѣ»[3]. Как сообщает Синодальный список, новгородцев было меньше, но «суждальць» полегло значительно более; все же новгородцы отступили. Потом они воротились («и опять воротившеся») и взяли «всю дань», а «на суждальскыхъ смьрдѣхъ другую». События эти послужили одной из причин похода на Новгород, организованного Андреем тогда же, «на зиму», причем был послан тот самый Мстислав, который за три года перед тем ходил «за Волок».

Другое направление, в котором ростово-суздальская территория в течение XII в., к началу 70-х годов, значительно расширилась, было направление от нижней Клязьмы на восток, к Заволжью.

Под 1172 г. в летописи впервые встречаем упоминание о г. Городце-Радилове на Волге[4]. Он лежал на месте слободы Городец, ныне — города, районного центра Горьковской области, расположенного на левой, восточной стороне Волги, в 53 км от Горького на сев.-северо-запад. Остатки валов и местоположение древнего Федорова Богородичного монастыря заставляли думать, что древний Городец лежал на левой стороне Волги,

---

[1] Ипат. л., 1162 г.; см. также: Иоанн К и н н а м. Краткое обозрение доблестных дел... Иоанна Комнина и повествование о делах... Мануила Комнина, кн. 5, гл. 12.

[2] Вместе с тем в Ростов великий князь владимирский (Всеволод) ездил «в полюдье» (Лавр. и Типогр. лл., 1190 г.); 23 января он был в полюдье в «Ростовѣ », а 8 февраля он был уже «в Переяславли в полюдьи».

[3] Новг. 4-я л.

[4] Лавр. л.

что требует проверки. Городец был расположен выше устья Оки; поэтому возникает вопрос: не был ли Городец основан со стороны Ярославля, не появился ли он в результате продвижения ростово-суздальской дани с северо-запада? Знакомство с показаниями источников вынуждает решительным образом отвергнуть эту мысль. Дошедшие до нас сведения о Городце показывают, что Городец лежал там, где, на противоположной стороне Волги, выходил путь от Владимира, Боголюбова, Суздаля и Ростова к среднему течению Волги. По этому пути двигались войска, когда шли на волжских болгар, и здесь, очевидно, находили продовольственную базу. В самом Городце стоял военно-транспортный флот. Войска подходили на конях. В Городце часть войск погружалась в «лодьи» и «насады». Дорога соединяла Волгу у Городца с устьем Нерли клязьменской и подходила к Боголюбову у р. Сурамли. На пути лежало село или урочище Смут[1]. Любопытно, что к устью Оки подходили от Городца: в XII и в начале XIII в. при устье Оки еще не было соответствующей военной базы. В 1220 г. Юрий и Василько Ростовский сходятся в Городце. В 1172 г. князь Мстислав Андреевич сначала вышел к Городцу, а затем уже спустился вниз к устью Оки, где его ожидали князья муромский и рязанский[2].

Во второй половине XII в. Городец имел уже более или менее значительное население, так как в 1186 г. Всеволод посылал на болгар «воеводы свои с городчаны» и «городчане» принимали также участие в Липицкой битве (1216 г.) на стороне Юрия Всеволодовича[3].

Трудно сказать, когда ростово-суздальская территория распространилась от нижней Клязьмы к Заволжью. Еще в начале XII в. укреплений на Клязьме не было, судя по известию о нападении болгар на Суздаль в 1107 г.; вероятно ростово-суздальские владения не заходили тогда далеко на восток от устья Клязьмы; зато в районе Суздаля болгары нашли «погосты» и «села»[4]. Продвижение, повидимому, началось при Юрии, ходившем в 1120 г. на болгар. Но основание Городца вернее относить предположительно к 1164 г., ко времени первого похода Андрея Боголюбского «на Болгары». Он не только служил военной базой при движении против болгар, но и охранял подступы к верхней Волге (ср. нападение болгар на Ярославль в 1152 г.).

Время основания Стародуба и Гороховца нам неизвестно. Стародуб лежал там, где ныне Клязьминский городок, на правом берегу Клязьмы. Первое упоминание о нем встречаем под 1218 г. в Лаврентьевской летописи. Ниже по течению Клязьмы, тоже на правой стороне реки, был укреплен Гороховец, упомянутый в Лаврентьевской летописи под 1239 г. как «град святыя Богородица», т. е. город, доходы с которого шли в пользу церкви св. Богородицы во Владимире[5]. Под 1176 г. в Лаврентьевской летописи рассказано, что Ростиславичи отнимали у владимирской церкви

[1] Воскр. л., 1220 г.

[2] Воскр. и Лавр. лл.

[3] Воскр. л., 1186, 1216 гг.

[4] Типогр. л., 1107 г.

[5] В настоящее время г. Гороховец — районный центр Владимирской области.

св. Богородицы «городы ея и дани». Не исключена возможность, следовательно, что Гороховец существовал уже в то время как «град святыя Богородица». О времени основания Нижнего Новгорода запись сохранилась. Под 1221 г. читаем, что Юрий «заложи градъ на усть Окы и нарече имя ему Новъградъ»; по сравнению с Городцом он был, действительно, новым городом. «За Новымгородом» начинались «пределы мордовские», как написано в летописи под 1228 г. Но нет нигде прямых указаний, чтобы суздальская дань (муромская дань распространялась на Мордву уже в начале XII в.) охватывала мордовские поселения: летопись говорит только о победах над мордвою ростово-суздальских князей и упоминает Пуреша, «ротника Юргева», т. е. союзника или вассала великого князя владимирского [1].

Важным этапом в истории образования ростово-суздальской «областной» территории было присоединение Верхнего Поволжья, предопределившее образование княжеской «части» на Волоке-Ламском и в Торжке.

Древнейший из сохранившихся договоров Новгорода с великими князьями владимирскими — договор с великим князем Ярославом Ярославичем, составленный в 60-х годах XIII в., предусматривает, что великий князь на Волоке-Ламском и Торжке держит тиуна «на своей части», а новгородцы — «на своеи» [2]. Грамота в начале и в конце делает ссылки на дедов и отцов и на великого князя Ярослава Всеволодовича, что вынуждает поставить вопрос, не сложились ли эти отношения владения Волоком и Торжком при Ярославе Всеволодовиче или при его отце.

Нам представляется, что правильное выяснение обстоятельств возникновения этих «частей» может быть дано только при рассмотрении этого вопроса в связи с вопросом, выдвинутым впервые в настоящем исследовании,— о присоединении Верхнего Поволжья к ростово-суздальской «областной» территории. С присоединением Верхнего Поволжья Волок-Ламский оказался в значительной мере оторванным от Новгорода, и его положение существенным образом изменилось. С другой стороны, территория Торжка была теперь в непосредственном соседстве с территорией суздальского Поволжья. В руки владимирских князей перешла территория, лежавшая на стыке трех «областей», «самостоятельных полугосударств»: Ростово-Суздальской, Смоленской и Новгородской.

Когда же Верхнее Поволжье было присоединено к ростово-суздальской территории? Это совершилось не ранее 1181 г., времени битвы при р. Влене. Из летописного описания битвы можно заключить, что к 80-м годам XII в. при устье Тверцы еще не было суздальской крепости, что ростово-суздальская территория только несколько расширилась, захватив течение Волги между Дубной и устьем Тверцы, что где-то в районе Дубны были суздальские «города», которые новгородцы встретили при своем движении на Переяславль-Залесский. Напомним, что в 1180 г. Святослав, внук Ольгов, «из Руси» и сын его Владимир из Новгорода пошли на Ростово-Суздальскую землю. Соединились они на Волге при устье Тверцы.

---

[1] Лавр. л., 1228 г.

[2] См. текст грамоты, приложенной к исследованию А. А. Шахматова «О языке новгородских грамот XIII и XIV вв.».

Оттуда пошли на Переяславль-Залесский и на пути («и оттолѣ идуще») положили «всю Волгу пусту» и пожгли «города»[1]. С Волги они свернули в районе Дубны. Река Вленя — левый приток Дубны, протекающий по б. границе Московской и Владимирской губерний. Таким образом, территория между Дмитровом и Волгой уже была к тому времени суздальской. В 40 км от Переяславля-Залесского, на р. Влене, они были остановлены.

Так как из известия под 1208—1209 гг. узнаем о существовании г. Твери, принадлежащего к владениям великого князя Всеволода, а запись о Липецкой битве под 1216 г. обнаруживает существование при устье Вазузы суздальского Зубцова и описывает места по р. Шоше, как принадлежавшие к ростово-суздальской территории, то присоединение Верхнего Поволжья могло свершиться только в последней четверти XII или в самом начале XIII в. Как раз в 90-х годах XII и в начале XIII в. Всеволод властно распоряжался Новгородом; и присоединение Верхнего Поволжья к ростово-суздальской территории, что ущемляло преимущественно интересы новгородцев, вернее всего относить именно к этому времени. Труднее определить, когда были выделены «части» на Волоке-Ламском и в Торжке; возможно, что окончательно — позднее, при великом князе Ярославе Всеволодиче, хотя под 1196 г. мы читаем в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи, что Ярослав Владимирович, изгнанный из Новгорода, княжил в Торжке, «въ своеи в о л о с т и»[2].

К XIII в. ростово-суздальская дань распространилась также далеко на северо-восток, на обширнейшую территорию. Она охватывала район к юго-западу от Костромы по р. Солонице, район г. Костромы и распространилась вверх по р. Костроме, проникла на Галицкое озеро и оттуда перешла на р. Унжу. Ряд данных показывает, что ростово-суздальская дань на Унжу проникла не с Волги, не с юга, а северо-запада, со стороны Галицкого озера. Во-первых, Унжа впоследствии входила в состав Галицкого княжества. Во-вторых, о поселениях и городах, расположенных по Волге между Костромой и устьем Унжи, впадающей в Волгу, сведения появляются не раньше второй половины XIV в. (Плесо, Кинешма, Юрьевец). В-третьих, территория Костромского княжества не доходила до р. Унжи, и по течению р. Волги занимала пространство от устья Солоницы до р. Елнаты.

Так как о г. Унже говорится уже под 1219 г., надо полагать, что ростово-суздальская дань распространилась на территорию Нерехты, Соли Великой и Галича-Мерьского в течение второй половины XII и начала XIII в., но не раньше. В середине XII в., судя по известию о нападе-

---

[1] Академический и Комиссионный списки Новгородской 1-й летописи.

[2] Установление «частей» новгородцы могли рассматривать как меру ограничения прав князя в этих волостях, необходимую в связи с продвижением и усилением Владимирского княжества.

Заметим, что «появление в виде письменного текста договорного формуляра, который постепенно подготовливался и в более раннее время, с середины XII в.», Л. В. Черепнин относит к 90-м годам XII в. (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.—Л., 1948, стр. 253).

нии болгар на Ярославль в 1152 г., восточнее Ярославля «городов» на Волге не было. Можно предполагать, что расширение ростово-суздальской территории в этом направлении было связано в какой-то мере с деятельностью Всеволода и сына его Ярослава Переяславского. Под 1214 г. в Летописце Переяславля-Суздальского и под 1213 г. в Воскресенской летописи впервые названа Кострома в качестве города, тянувшего не к Ростову, а к Владимиру-Залесскому. По данным летописи, в состав владений Ярослава Переяславского входили Тверь, Дмитров и Нерехта.

Распространение дани на Нерехту и Соль Великую отчасти обусловливалось, повидимому, экономическим значением этих мест, известных впоследствии соляными варницами. По данным XIV—XVI вв., юго-западная часть Костромского княжества была наиболее заселенной. Под 1214 г. впервые упоминается в Летописце Переяславля-Суздальского «Нерохъть», т. е. Нерехта, ныне город Костромской области на р. Солонице. Тот же Летописец Переяславля-Суздальского называет под тем же годом Соль Великую, как принадлежавшую к владениям великого князя владимирского. Она лежала, где ныне посад Большие Соли, на нагорной стороне Волги, в 3 км от устья Солоницы. Под 1219 г. великокняжеский владимирский свод Юрия (в составе Воскресенской летописи) говорит об Унже как о городе, к которому прошли болгары от Устюга, но были отбиты унжанами; а под 1238 г. летопись впервые упоминает Галич-Мерьский, в качестве окраинного места, куда доходили от Волги татары («доже и до Галича Мерьскаго»).

На Сухону ростово-суздальская дань вышла не с Костромы и Унжи, а с запада, с Шексны, как мы видели выше. Нет сомнения, что и Устюг был выдвинут как форпост на северо-востоке, со стороны древних ростовских владений на Белоозере и Шексне, а не со стороны Унжи или Костромы. Об этом свидетельствует древняя связь Устюга с г. Ростовом[1]; к северу же от Костромы и Унжи лежали новгородские владения на Сухоне и близ Сухоны (Вологда, Тотьма). Устюг на Сухоне и Унжа на р. Унже составляли северо-восточную окраину ростово-суздальских владений. Данных о распространении ростово-суздальской дани на верхнюю Двину мы не имеем. Акты первой половины XVI в. и летописи не называют во-

[1] В 1207 г. Всеволод Юрьевич вывел сына Константина из Новгорода и дал ему Ростов и «инѣх 5 городов да ему к Ростову» (Лавр. л., 1207 г.). Из последующих событий выясняется, что этими городами не были ни Кострома (Воскр. л., 1213 г.; Эрм. сп. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, № 216 б, 1213 г.), ни Переяславль-Залесский (Воскр. л., Эрм. сп., 1216 г.), ни Юрьев-Польский (Воскр., Эрм. сп., 1212 г.), ни Суздаль (Воскр. л., 1216 г.), ни Тверь (Воскр. л., Эрм. сп., 1213—1216 гг.), ни Зубцов (там же), ни Коснятин (там же). Остаются, таким образом, города, лежавшие к северу от Ростова: Ярославль, Углич и др. В состав особого ростовского княжества в XIII в. действительно входили Ярославль, Углич, Молога, Белоозеро и Устюг. Когда в начале XIII в. ростовская епархия разделилась на ростовскую и владимирскую, в состав первой вошли Ярославль, Углич, Молога, Белоозеро и Устюг (Лавр. л., 1214, 1231 гг.; Типогр. л., 1396 г.; ср. известия XIII в. в Архангелогородской летописи). О том, что Устюг входил в состав особого ростовского княжества, свидетельствует известие 1220 г., когда князь Василько Константинович Ростовский, по приказанию великого князя владимирского Юрия, послал на болгар два «полка»: один из Ростова, а другой с Устюга «на верхъ Камы» (Воскр. л., Увар. л.).

лостей на Двине, принадлежащих к Устюжской земле[1], хотя отдельные места на Двине могли быть захвачены устюжанами. К сожалению, мы не знаем, когда возник «Ростовский Троицкий погост», расположенный на правом берегу Сев. Двины, примерно в 40 километрах выше впадения в Двину Ваги[2].

Нет оснований утверждать, что ростово-суздальская дань перешла на Вятку, куда впоследствии распространилась дань великих князей московских.

Рассмотрение процесса дробления территории «областей»-полугосударств не входит в нашу задачу. В XIII в., когда еще не вполне закончилось формирование территории самостоятельного Ростово-Суздальского полугосударства, уже появились признаки его территориального дробления.

Подведем некоторые итоги. Уже в XI в. территория Ростовской «области» растянулась длинной, неровной лентой на громадном пространстве, от устья Нерли Клязьменской до Белоозера, захватывая Поволжье от Ярославля до Медведицы. С образованием местной знати и военной организации в Ростове было связано образование подвластной территории, распространение погостов, а усиление феодальной эксплоатации вызывало сопротивление со стороны низов населения, восстание против тех, кто обладал землями и промысловыми угодьями. Ростов и Суздаль не являлись географическими центрами «областной» территории XI в. В этом отношении история образования территории Ростово-Суздальского полугосударства подтверждает выводы и наблюдения, сделанные нами при рассмотрении истории образования территории других «областей». Термин «погост» (их мы видим и под Суздалем, и по Волге, и по Шексне) не был принесен с «русского» юга, но сохранившиеся летописные известия заставляют предполагать некоторую стимулирующую роль южнорусской земли в лице Ярослава и позже в лице Мономаха, в распространении ростово-суздальской дани, в расширении территории. Получив своего князя, Ростово-Суздальская земля вскоре выходит из состояния подчинения «Русской земле».

В первой половине XII в. к Ростово-Суздальской земле прирастают обширные пространства на юго-западе, заселенные преимущественно вятичами, с центром в Москве. В 40—60-х годах XII в. ростово-суздальская дань проникает в Заволочье, где захватывает места по рр. Кокшенге и Устью, конкурируя с новгородской в Важском крае. К 70-м годам, в течение XII в., ростово-суздальская территория значительно расширяется в юго-восточном направлении, от нижней Клязьмы к Заволжью, где на берегу Волги вырастает Городец, а позже, в первой половине XIII в., при устье Оки образуется другой центр — Нижний-Новгород. В конце XII — начале XIII в. к ростово-суздальской территории присоединяется

---

[1] М. Любавский, стр. 103.

[2] О нем см. М. Едемский, стр. 50.

территория по Верхнему Поволжью, на пространстве от Медведицы до Вазузы, что предваряет образование великокняжеских (суздальских) «частей» на Волоке-Ламском и в Торжке, а при устье Тверцы вырастает новый центр — Тверь. Наконец, ростово-суздальская дань проникает в богатые соляными промыслами места по Солонице и к Соли Великой и в течение второй половины XII в. и первых десятилетий XIII в. охватывает костромской район течения Волги, течение р. Костромы и места по Галицкому озеру, откуда переходит на Унжу. К началу XIII в. при устье Юга на Сухоне вырастает Устюг как крайний на северо-востоке форпост со стороны ростовских владений.

ГЛАВА XII

О древнейших судьбах Муромо-Рязанской земли известно очень мало. Но то, что мы знаем, заставляет думать, что отношение князей Среднего Поднепровья к Рязани и Мурому в XI в., было таким же, как и к Ростову, что центром, от которого нарастала рязанская территория, территория будущего «самостоятельного полугосударства», был не Чернигов, а Рязань, что Муром как территориальный центр первоначально не был связан с Черниговом. Короче говоря, отношение южных князей к Мурому и Рязани получает объяснение в общем плане отношений в Киевском государстве южнорусской земли к «областям», лежащим за ее пределами, а рязанская и муромская территории имеют свою историю, отличную от истории черниговской территории.

В качестве территориального центра Муром существовал уже в конце X — начале XI в., судя по тому, что в XI в. сложилась легенда, по которой в Муроме княжил сын Владимира Глеб, а в начале XI в. Муром, по достоверному известию, был центром «на Оцѣ рецѣ», куда распространялась сфера влияния Ярослава, княжившего в Новгороде [1]. Но отнюдь нельзя быть уверенным, что Рязань в то время подчинялась Мурому, входила в состав муромской территории. Если взглянем на карту поселений, известных по источникам XI—XV вв., то убедимся, что муромский край и рязанский представляли собою два различных района, отделенных малонаселенным пространством; пространство это начиналось к востоку от р. Пры и тянулось до территории, прилегающей к Мурому с юга. Места по средней и нижней Оке населяли мордва и мурома, как свидетельствуют «Повесть временных лет» и данные археологии. Но оба района были различны по племенному составу славянского населения. Муромский край заселялся кривичами с северо-запада, Рязанский — вятичами с запада.

Вместе с тем можно с уверенностью утверждать, что Муромский край в древности не был связан с Черниговом и представлял собою как бы самостоятельный территориальный центр. Во-первых, есть основания полагать, что в X и в первые десятилетия XI в. (см., например, данные топографии куфических монет) не было прямых путей из Чернигова в Муром. Во-вторых, в Муромском районе, как мы упоминали, обнаружены курганы «владимирского типа». В-третьих (и это самое главное), известия 1019—

[1] Новг. 4-я, Соф. 1-я лл.

1024 гг. свидетельствуют, что Ярослав, княживший сначала в Ростове, перешел в Новгород, откуда сослал посадника Константина в Ростов, а «на третье лѣто» Константин был убит, по приказанию Ярослава, в Муроме, куда его, очевидно, перевели из Ростова[1]. На основании только этого известия нельзя утверждать, что Муром принадлежал к Ростовской «области». Мало того, по легенде о Борисе и Глебе, Муром, как известно, представлял собою отдельное от Ростова княжение. Достоверность этой легенды взята (не без оснований) под сомнение Шахматовым. Но легенда обнаруживает, что в XI в. не считали, что Муром был неразрывно связан с Ростовом. Помянутые известия 1019—1024 гг. показывают только, что Муром, наряду с Ростовом, был в какой-то мере подчинен Ярославу.

Из приведенных данных следует, что господство «русских» князей над Муромом установилось не позднее начала XI в. (Ярослав) и, предположительно, не ранее первой половины X в., так как шло с северо-запада (Глеб, по легенде XI в., ездил из Мурома в Киев через Ростов; следовательно, Муром подпал под «русское» господство после Ростова). Согласно тексту Древнейшего киевского свода, Игорь установил «дань даяти» словенам, кривичам и мери, но не мурому.

Так как легенда не знает прямого пути в Муром с юга, так как Ярослав овладел Муромом из Новгорода, так как о таких путях не говорит и топография находок кладов с куфическими монетами, заключаем, что на территорию Рязани в начале XI в. еще не проникали прямо из Черниговской «области» или Переяславля-Русского. Проникновение на территорию Рязани прямо из «Русской земли» с юга неминуемо должно было повести за собою установление южнорусского господства над этой землею. Это проникновение естественно было ожидать со стороны черниговского стола, так как черниговский стол стремился поддерживать связи по степным южнорусским путям. Источники свидетельствуют о распространении южнорусского господства с запада или юго-запада в область Оки при черниговском князе Святославе: по смерти Ярослава он стал собирать дань со «всей восточной страны до Мурома». В одной из статей, приложенных к Комиссионному списку Новгородской 1-й летописи, мы читаем: «и взя вятший Изяслав Киев и Новгород и ины городы многы Киевьскыя в предѣлѣх; а Святославъ Черниговъ и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суждаль, Бѣлоозеро, Поволожье». Ясно, что под «восточной страной» имелась в виду юго-восточная область, крайним пределом которой на востоке был Муром («до Мурома»); ясно, таким образом, что в пределы этой области входила и Рязань. Несмотря на то, что в 50—60-х годах XI в. в южнорусских степях появились уже половцы, черниговский князь Святослав в 1064—1065 гг. ходил в Тмуторокань, где посадил сына своего Глеба; Глеб вскоре вернулся к отцу, изгнанный Ростиславом[2]. По всем признакам сношения по степным путям для черниговских князей были делом важным. Нет ничего удивительного поэтому, что источники показывают о пути «полем» как о древнейшем пути в Ря-

[1] Новг. 4-я, Соф. 1-я лл.

[2] Лавр. л., 1064 г.; Ипат. л., 1065 г.; Новг. 1-я лет., изд. 1950 г., стр. 469.

зань. Именно полем шел в Муром Изяслав, сын Мономаха, в 1095 г. Во-первых, летопись говорит, что он пошел «из Курска»[1]. Во-вторых, он не мог итти через Черниговскую «область». В это время между Олегом Черниговским и Владимиром Мономахом была «ненависть»[2]. К тому же Изяслав шел с враждебным намерением занять Муром, где сидели посадники Олега. Изяслав не мог рассчитывать беспрепятственно совершить долгий путь со своей дружиной через владения врага. Ясно, что он мог итти только «полем». О пути из «Русской земли» в Рязань «полем» прямо рассказывает нам Ипатьевская летопись под 1146 г. Наконец, о пути в Рязань половецким полем повествуют «Повести о Николае Заразском», причем, как явствует из текста, с нашествием половцев сношения по этим путям все более и более затруднялись[3].

Распространившееся господство «Русской земли» над Рязанью закреплялось тем, что «вся восточная страна до Мурома» вошла в состав черниговской епископии, образовавшейся приблизительно в конце 60 — начале 70-х годов XI в. Судя по тому интересу, который проявлял к Рязани и Мурому Олег Святославич Черниговский в 1096 г., судя по настойчивости в отстаивании им своих прав, как прав «отчинных», перешедших к нему от отца, взымать дань в «Русскую землю» с Рязани и Мурома, судя по тому, что он сам поехал в Рязань в 1096 г., можно думать, что он еще раньше, при жизни отца, бывал в Рязани. Но вообще южнорусские князья до середины 90-х годов XI в. Рязань, видимо, не посещали или посещали мало. О Святославе Черниговском мы имеем довольно обстоятельные сведения, и нет оснований думать, чтобы он сам когда-либо ездил в Рязань; вероятно, он посылал туда своего сына или «мужа», подобно тому, как посылал Яна Вышатича на Белоозеро. Ни Всеволод, ни сын его Владимир в Рязани не были, судя по «Поучению» Мономаха и летописным данным. Вместе с тем, из известий под 1096 г. видно, что с «рязанцами» приходилось входить в соглашение. Изяслав, «пришед, створи мир с рязанци»[4]. Очевидно, в городе сложилась какая-то правящая группа, руководившая жизнью Рязани. Ряд данных заставляет предполагать существование в Рязани феодальной знати. Сведения о руководящем слое рязанского населения скудны; к тому же не всем сведениям мы можем дать веру: в известиях Никоновской летописи, например, о рязанских тысяцких вымысел переплетается с действительностью. Но мы знаем достоверно, что в 1175 г. приезжали в Переяславль-Залесский рязанские послы Дедилец и Борис, оказавшие влияние на дела Ростово-Суздальской земли[5]. Знаем достоверно, что в 1208 г., когда Всеволод Суздальский посадил своего сына Ярослава в Рязани на стол, «рязанци» сначала вынужденно покорились, но «вскорѣ изымаша люди его и исковаша», а других изморили «в погребѣхъ засыпавше», а ко Всеволоду послали «буюю рѣчь

[1] Лавр. и Ипат. лл., 1095 г.

[2] Там же.

[3] См. тексты «Повести о Николе Заразском», изд. С. Д. Лихачевым. «Тр. Отд. др.-русск. литер»., 1949, т. VII, стр. 284 и др.

[4] Лавр. и Ипат. лл., 1096 г.

[5] Лавр. л., 1175 г.

по своему обычаю и непокорьству»[1] Всеволод жестоко расправился с ними; он сжег Рязань и Белгород, а «рязанцев» увел с собою. Кто были эти «рязанцы»? Летописная статья, помещенная перед Воскресенским списком, прямо называет их «лучшими», т. е. рязанской знатью («лучших людей рязанцов развел»). Через несколько лет в год смерти Всеволода, они были отпущены в Рязань. Об их значении в Рязани в последующие годы свидетельствует жалованная грамота Ольгову монастырю. В ней говорится, что при Ингваре Рязанском святой Богородице были переданы доходы с пяти погостов и девяти земель бортных: «а возрѣвъ есмь въ даныи грамоты, съ отцемь своимь съ владыкою съ Васильемъ и съ бояры: коли ставили по первыхъ прадѣди наши святую Богородицю, князь великии Инъгваръ, князь Олегъ, князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужии 600; тогда дали святои Богородици дому 9 земль бортныхъ, а 5 погостов»[2]. Вопрос о передаче доходов с этих погостов Ольгову монастырю решали, таким образом, рязанские князья и с ними 300 бояр и 600 мужей.

Рост рязанской областной территории падает преимущественно на последние десятилетия XI и первые десятилетия XII в. В конце XI — начале XII в. Рязань была еще мало известна на юге в качестве территориального центра. Хотя можно констатировать признаки накопления богатств на Оке в очень древние времена, ряд косвенных признаков склоняет к мысли, что Рязань стала территориальным центром позднее Мурома. Напомним, что автор «Повести временных лет» не счел нужным ее упомянуть, перечисляя «областные» или племенные центры; напомним, что Муром стал стольным городом ранее Рязани и т. д. «Повесть временных лет» подчеркивает консерватизм вятичей. В противоречии с данными источников стоит теория Рязани как «третьего русского племени» (Артании) первой половины X в. арабских географов. Но повинны ли в этом арабские географы? Позволяет ли их рассказ отожествлять Артанию с Рязанью? Необходимо самым решительным образом ответить отрицательно на этот вопрос. Такое гипотетическое отожествление было бы возможно, если бы рассказ первоисточника о трех племенах русов не содержал никаких указаний на местоположение Артании. Но первоисточник (а первоисточником о трех племенах русов является рассказ Балхи) содержит данные для географического определения третьего племени русов, и данные эти противоречат мнению, что Артания — это Рязань, и делают указания на совсем иной географический район. Во-первых, никто не сомневается, что Куяба — это Киев, а Куяба по тексту Балхи из перечисленных им трех племен «ближе к Булгару», а это явно противоречит мнению, что Артания — это Рязань, которая лежала ближе к Булгару, т. е. к волжской Булгарии, чем Киев. Во-вторых, данными для географического определения Артании служат слова: «что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, путешествующего по их земле»[3]. Этот рассказ о русах подтвер-

[1] Лавр. л., 1208 г.

[2] АИ, т. I, № 2.

[3] Гаркави. Сказания мусульм. писателей о славянах и русах. 1870, стр. 276.

ждается сообщением жития Георгия Амастридского, дошедшего до нас в своем первоначальном виде и в греческом подлиннике и написанном до 842 г. Житие рассказывает о нашествии русов на Малую Азию и указывает на «древнее таврическое избиение иностранцев у них, сохраняющее свою силу»[1]. Таким образом, другой подлинный источник подтверждает, что существовало мнение о сохранявшемся у русов обычае убивать иностранцев, как обычае Тавриды. В последнее время археолог А. Л. Монгайт, защищая мнение, согласно которому Артания — это Рязань, вспомнил, что, по предположению Томашека, слово «мордва» является иранским эквивалентом геродотовых андрофагов[2]. Это возможно, но источник (Балхи) достаточно ясно говорит не о мордве, а о «русах» и об избиении иностранцев, причем такое же свидетельство о «русах» имеется также и в другом (не арабском) подлинном древнем источнике. В-третьих, наконец (и это весьма существенно), в рассказе Балхи о трех племенах русов говорится, что русы «граничат с северной стороной византийского государства»[3]. Здесь источник (Балхи) мог разуметь владения Византийского государства на Таврическом полуострове. Никаких данных, которые указывали бы на область мордвы как на местонахождение «третьего русского племени», источник (Балхи) не содержит[4].

Путь полем шел с р. Воронежа и р. Рясы на Хупру и Проню к Оке у старой Рязани. Около старой Рязани домонгольские источники называют ряд поселений, расположенных полукругом вокруг нее: Белгород и Исады к востоку от нее, Добрый Сот к юго-западу, Ужеск, или Ожеск,— к западу. Белгород лежал ниже по течению Оки, так как Всеволод, двигаясь от Коломны к Белгороду, прошел Рязань. Археологи полагают, что Белгород находился на месте с. Городища, при р. Кишне, на левой стороне Оки[5]. В 10 км от старой Рязани лежали Исады, где в настоящее время расположено на правом берегу Оки село Исады Спасского района Рязанской области[6]. Ужеск, или Ожеск, Неволин и Надеждин отожествляли с Ужеск-Вожским городищем, находящимся при впадении р. Вожи в Оку,

---

[1] Текст см. в «Трудах» В. Г. Васильевского, т. III, 1915, стр. 64. «Таврическая ксеноктония,— пишет Васильевский,— с которою Россы явились в Пафлагонии, указывает на северные берега Черного моря как их родину» (там же, стр. CXLI).

[2] См А. Л. Монгайт. К вопросу о трех центрах древней Руси. «Кр. сообщ. ИИМК», 1947, т. XVI, стр. 111.

[3] Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах... Ибн-Даста, 1869, стр. 174, 177; Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. 1870, стр. 276—277.

[4] Для южнорусской полосы, где вплоть до половецких времен, наряду со славянским, обитало население иранского происхождения, происхождение термина «Артания» объяснимо. Так, в географической номенклатуре Хорезма часто встречаются слова сложные с древнеперсидским прилагательным «арта» (хороший, превосходный). Ср.: В. В. Бартольд. Орошение..., стр. 86.

[5] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. «Тр. XII археол. съезда», т. I, № 96. Ср.: «Россия», под ред. П. П. Семенова, т. II, стр. 321.

[6] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. III, примеч. 178.

выше новой Рязани около 15 км[1]. По сведениям, собранным рязанским губернским статистическим комитетом, по правому нагорному берегу Оки, близ впадения в нее р. Вожи, близ сс. Митинского и Волыни находятся четыре городка: в полкилометре от с. Митинского,— так называемое Митинское городище; в полкилометре от с. Волыни — Вожское, или Воложское, городище; на расстоянии в четверть километра от деревни Романовой и в километре от д. Шишкиной[2]. Однако, по летописному рассказу, Ужеск лежал на пути из Пронска в Ольгов, и, следовательно, искать его на р. Вожe нельзя. Так, по Лаврентьевской летописи, туда пришли кормовщики, посланные великим князем Всеволодом из-под Пронска к «лодьям». Там они узнали, что на лодейников у Ольгова напал князь Роман Игоревич, вышедший из Рязани (старой)[3]. В Воскресенской летописи Ужеск не упомянут. О кормовщиках ничего не говорится. Сообщается, что великий князь Всеволод с самого начала отпустил «лодьи» «на остров ко Ольгову со всем товаром». Всеволод послал к Ольгову людей, когда узнал, что на них напал Роман. Итак, следы Ужеска, или Ожеска, следует искать не при устье Вожи, а на месте с. Выжгород (Вышгород), находящегося на правом берегу Оки, при впадении в нее Раки, т. е. недалеко от старой Рязани[4]. К юго-западу от старой Рязани, в 21 км, лежал Добрый Сот, на нижнем течении р. Прони, на левом берегу ее[5].

Местоположение старой Рязани на выходах пути с юга к Оке напоминает о ее значении территориального центра земель, лежащих от нее к югу; в этом же направлении простирались и наиболее плодородные земли края, в то время еще в значительной части своей покрытые лесом, вплоть до Воронежа[6]. И действительно: два сохранившихся известия о «Воронеже» домонгольской эпохи говорят оба о том, что какие-то места по Воронежу входили в состав Рязанской земли[7]. Из летописной повести о нашествии Батыя видно, что под «Вороножком» могли разуметься только места, лежавшие в верховьях Воронежа, так как татары пришли «лесом». Во второй половине XII в. вырастает значение Пронска. Любопытно, что знаменитые шиферные пряслицы в изучаемой «области» обнаружены в

---

[1] М. Погодин. Исследования, замечания и лекции. М., 1850, т. IV, стр. 251.

[2] «Прибавления» к «Рязанским епархиальным ведомостям», 1874. Селения Волынь и Шишкино расположены ныне к северу от (новой) Рязани.

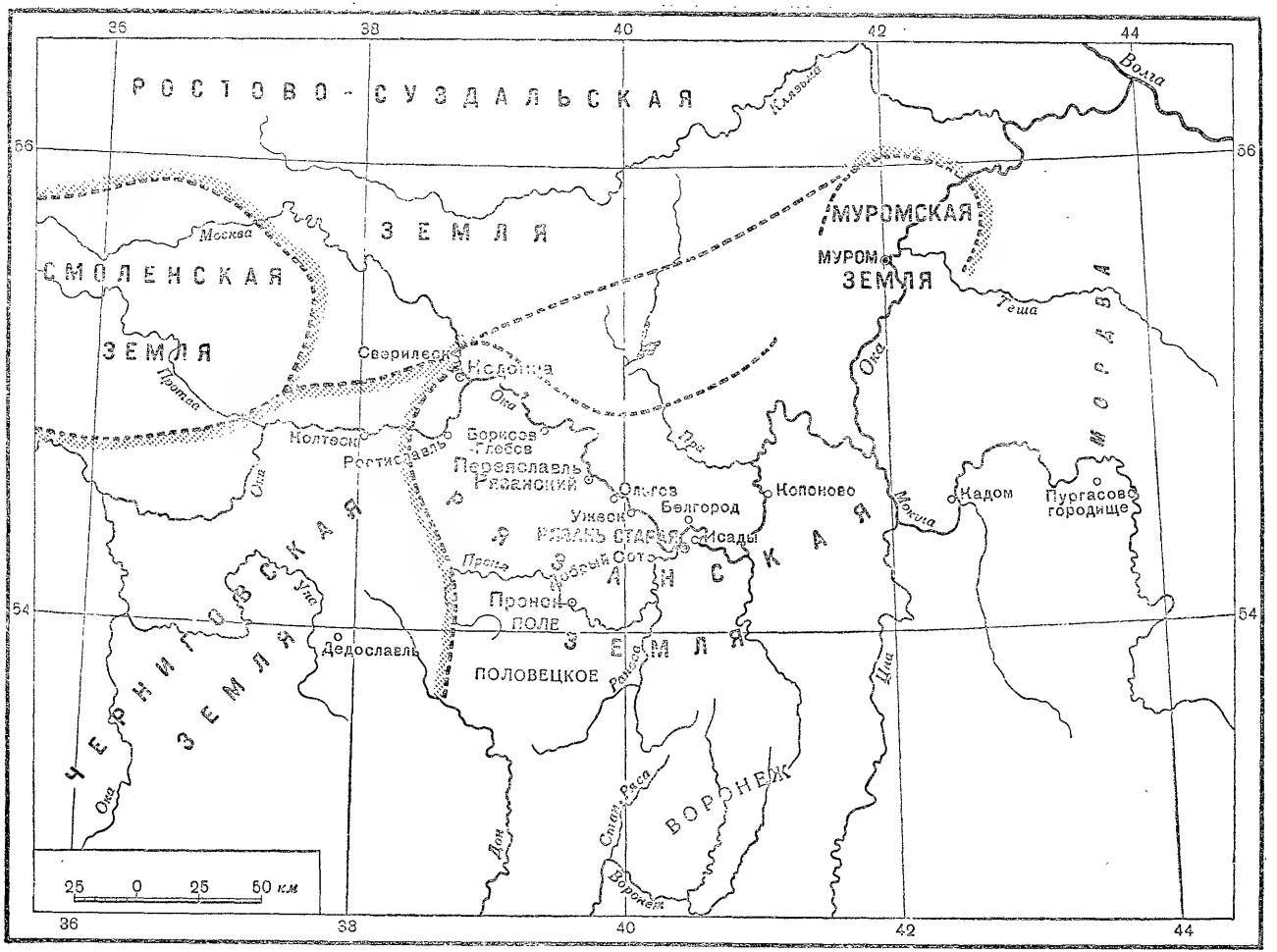
[3] Лавр. л., 1207 г.

[4] В. А. Городцов, № 63.

[5] Лавр. и Воскр. лл., 1207 г. Как явствует из летописного рассказа, Добрый (Добрагост, Добрый Сот) лежал на левом берегу Прони, близ старой Рязани. Еще Калайдович указал на р. Проне сел. Добрый Сот.

[6] Герберштейн писал о Рязани, что «эта область плодороднее всех прочих областей Московии... Там великое изобилие меду, рыб, птиц и зверей и древесные плоды гораздо превосходнее плодов московских» («Записки о Московских делах»., изд. А. И. Малеина, 1908, стр. 104). Данные о лесах собраны в статье П. П. Некрасова «Очерки по истории Рязанского края XVI в.», Журн. Мин. нар. просв., апрель, 1914, стр. 274 и др.

[7] В 1177 г. рязанцы, «ѣхавшие в Вороножь, яша его (Ярополка) и приведоша его в Володимерь» (Лавр. л.). Это было сделано по требованию, предъявленному Всеволодом «рязанцам» (Лавр. л.). О «Воронаже»в «земле Рязанской» см. рассказ о нашествии Батыя в Новгородской 1-й, Воскресенской и Академической летописях.



Муромская и Рязанская земли. Граница второй половины XII—начала XIII вв., показана схематически.

старой Рязани, Пронске и в окрестностях Воронежа [1]. В какое время Воронеж вошел в состав рязанской территории, мы не знаем. Можно только заметить, что кажется более вероятным, что он тянул уже к Рязани до нашествия половцев, кочевья которых доходили до р. Прони. Нашествие половцев, а затем татар в некоторой мере лишило Подонье оседлого населения. Сбитое со своих мест, оно частью бежало, ища защиты и новых мест для поселения (ср. бегство беловежцев в Русь), частью обращалось в полукочевое состояние, образовывая хорошо известные источникам отряды «бродников». Если мы не признаем появления бродников в пределах Муромо-Рязанского края как результат половецких нашествий, то не поймем участия «муромцев и бродников» в Липицкой битве. Обращаем внимание на это упоминание источника о бродниках рядом с муромцами [2]; оно весьма важно, так как дает ключ к пониманию «Пургасовой Руси» в Мордовской земле, где по соседству с территорией Муромского княжества находилась «Пургасова волость». Чтобы понять, как далеко на север заходили половцы, достаточно указать, что «половецкое поле» простиралось «за рекою» под Пронском, о чем свидетельствует текст летописи [3].

Как бы мы ни толковали происхождение самого названия «Рязань» (как известно, некоторые историки видят в нем искаженное «Эрзянь»), нельзя не считаться с тем, что именно в этом районе, от Воронежа до Оки, название Рязань не является неожиданным. Существует несколько речек, притоков Воронежа, с названием «Ряса». Несколько севернее, по упоминанию источников, лежало «Рясское поле», где был переволок к р. Хупте, на пути от Воронежа к Оке [4]. В б. Раненбургском уезде, неподалеку от двух селений со старыми названиями (Истобенка и Городки) значилось с. Рязанка [5]. На Хупте вырос г. Рязской (впоследствии Ряжск), а на Оке, в районе старой Рязани и устья Прони, акты указывают с. Рясы [6].

Распространение рязанской территории, шедшее первоначально вверх от старой Рязани по Оке, имело место в последних десятилетиях XI в. и в первые десятилетия XII в. В этот сравнительно короткий промежуток

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 468.

[2] Воскр. л., 1216 г.

[3] Лавр. л., 1207 г. В настоящее время Пронск — районный центр Рязанской области.

[4] Так, в 1502 г. великий князь передавал: «отпустилъ есмь судномъ посла турецкого до Старои Рязани; а от Ст. Рязани ѣхати ему Пронею вверх, а из Прони к Прапову, а из Праповой Хупгою вверх до переволоки до Рясского поля. И ты послал бы 130 человѣк его проводити до переволоки, да переволокою Рясским полем до р ки до Рясы...» (Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. VI, примеч. 563).

[5] См. Список населенных мест Рязанской губернии, № 2515, 2516, 2519; все три селения — при р. Рановой.

[6] О г. Рясском см. «Книгу, глаголемую Большой Чертеж», 1846 г., стр. 124, и в новом издании под ред. К. И. Сербиной — стр. 122; ААЭ, т. II, стр. 76. О с. Рясы см. Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 249. Ныне г. Ряжск — районный центр Рязанской области. В настоящее время имеется с. Рясы к юго-востоку от г. Спасска.

времени рязанская территория достигла тех пределов в северо-западном направлении, в которых она оставалась в XII и первой половине XIII в.

Святослав Черниговский господствовал над Рязанским и Муромским краями до самой смерти своей, последовавшей в декабре 1076 г. С 1073 г. он занимал киевский стол. По смерти Святослава на киевский стол вернулся Изяслав, а в Чернигове утвердился Всеволод Переяславский с сыном Владимиром (Мономахом). Сын Святослава Олег, находившийся в Чернигове у Всеволода еще в 1078 г., бежал вскоре от Всеволода в Тмуторокань[1]. Таким образом, «русская» опека над «восточной страной» до Мурома перешла в руки Всеволода, князя Переяславль-Русского.

Образование рязанской территории, распространение рязанской дани вверх по Оке прослеживаются сопоставлением ряда данных. Мы знаем, что со временем рязанская территория дошла до г. Ростиславля на Оке, остатками которого является Ростиславское городище, находящееся там, где существует д. Ростиславль, или Расчислово, на правом возвышенном берегу р. Оки, в 19 км выше Городни, в 21 км от Зарайска[2]. Река Москва впадает в Оку ниже Ростиславля. Когда же Рязань утвердилась в низовьях р. Москвы? Когда Коломна сделалась рязанской?

Рязань утвердилась здесь до того, как на нижнюю Москву пришла ростово-суздальская дань. Устье реки Москвы представлялось важным местом с точки зрения как стратегической, так и экономических и культурных отношений; само собою разумеется, что Ростово-Суздальская «область» не уступила бы Рязани этих мест, если бы ранее Рязань не распространила сюда свою дань. Ростово-Суздальская «область» не посягала на эти места даже в период могущества Владимирского княжества. Коломна, как известно, была захвачена с севера много позже, в начале XIV в. Равным образом и Чернигов не уступил бы Коломны Рязани, если бы Рязань не распространила сюда свою дань ранее Чернигова. Мы знаем, что Коломна оставалась рязанской и после того, как последние связи (церковно-политические) Чернигова с Рязанью были разорваны. Из предыдущей главы известно, что ростово-суздальская и черниговская дань подошли к этим местам приблизительно к 40-м годам XII в. Таким образом, приходим к выводу, что Рязань утвердилась в низовьях Москвы не позднее первых десятилетий XII в. Такой вывод подтверждается другими данными. Мы знаем, что Коломна была не крайним пунктом рязанских владений на Оке. Крайним пунктом был упомянутый г. Рости-

---

[1] Лавр. и Ипат. лл., 1078 г.

[2] По Никоновской летописи, «град Ростиславль у Оки рѣки» был построен в 1153 г. князем Ростиславом Ярославичем Рязанским. Точная дата отсутствует, и вернее думать, что известие основано не на современной событию записи, а на предании. В 1152 г. Ростислав вместе с Юрием Долгоруким ходил на вятичей и на Мценск (Ипат. л.). Возможно, что в 1153 г. было укреплено поселение, которое ранее уже было занято рязанцами в качестве становища. Позже, в первой половине XIV в., здесь сел князь Ярослав Пронский, после того как выгнал князя Ивана Коротопола из Переяславля-Рязанского (Воскр. л., 1342 г.). О Ростиславском городище и д. Ростиславль см. «Прибавления» к «Рязанским епархиальным ведомостям», 1874, № 21 и Список населенных мест Рязанской губернии, 1862 г., № 1262 (д. Ростиславль — при р. Оке, между Каширской дорогой и р. Осетром).

славль, основанный князем рязанским Ростиславом Ярославичем, княжившим в Рязани в 30-х годах XII в., а также бывшим в Рязани и после занятия муромского стола, в 40-х годах XII в. и начале 50-х. Так как Коломна расположена близ Оки, ближе к Рязани, чем Ростиславль, то, следовательно, низовья Москвы должны были стать рязанскими не позже первых десятилетий XII в. Постараемся определить теперь, не р а н е е какого времени Коломна могла стать рязанской. Некоторые данные для решения этого вопроса находим. Значительно ближе к Рязани, чем Коломна, лежал на Оке г. Переяславль-Рязанский. Освоение территории Переяславля-Рязанского было связано с деятельностью какого-то князя Переяславля-Русского. На это указывает не только название города, но и название речки, на которой город лежит. Переяславль-Рязанский, как и Переяславль-Русский, лежали на р. Трубеже[1]. Князем переяславским, с деятельностью которого было связано освоение территории Переяславля-Рязанского, мог быть только Всеволод (и сын его Владимир), получавший дань с «восточной страны» в 80-х и начале 90-х годов XI в. Распространение рязанской дани далее, в глубь страны вятичей по Оке до низовьев р. Москвы включительно, могло совершиться, таким образом, едва ли ранее конца XI в. На этом отрезке течения Оки лежал Борисов-Глебов, названный Лаврентьевской летописью под 1180 г. Калайдович предполагал, что остатками Борисова-Глебова является Глебово-Городище на р. Воже, расположенное при впадении в нее речки Реберки, в 31 км от Зарайска, по направлению к Рязани, при б. границе уездов Зарайского, Рязанского и Михайловского. Но, как явствует из летописного рассказа, Борисов-Глебов был расположен на пути из Коломны в старую Рязань. Поэтому нам пришлось остановиться на мнении Неволина и Надеждина, по которому Борисов-Глебов мог лежать возле села Вакина (в настоящее время — Рыбновского района Рязанской области), находящегося близ запустелого городища; в селе была приходская церковь Бориса и Глеба[2]. В списке городов в числе «рязанских» упомянут Глебов[3].

Если распространение рязанской дани на территорию Переяславля-Рязанского было связано с деятельностью Всеволода Переяславского, его «мужей», то в таком случае рязанская территория по Оке, вверх от

---

[1] Новое становище и неизвестная дотоле река были названы именами родного края и теми же самыми именами, какими были названы, также в память родного края, река и поселение на берегу Клецина озера. Переяславль-Рязанский лежал на месте нынешнего города Рязани. Как известно, в одной записи на псалтири XVI в., принадлежавшей библиотеке Рязанской духовной семинарии, читалось под 1095 г. о «заложении» града Переяславля-Рязанского «у церкви Николы Старого» («Рязанские достопамятности», 1882, стр. 2). Весьма возможно, что в 1095 г., в год разрыва Олега с Мономахом и Святополком («бысть межи ими ненависть»), после того как Изяслав прошел к Мурому и захватил там Олегова посадника, Олег приказал укрепить подступы к Оке с верхнего Дона и существовавшее здесь поселение. К сожалению, Лаврентьевская летопись упоминает о Переяславле-Рязанском только под 1301 годом, когда Данило Московский «приходил на Рязань ратью, и бился у Переяславля».

[2] См. «Прибавления» к «Ряз. епарх. вед»., 1874, № 21; М. П о г о д и н, стр. 248; В. А. Г о р о д ц о в, № 36.

[3] Прилож. к Новг. 1-й и к Воскр. лл.

старой Рязани к 70-м годам XI в. охватывала еще незначительное пространство. На этом пространстве, между Переяславлем-Рязанским и Ужеском, или Ожском, ближе к первому, лежал летописный Ольгов. По Воскресенской летописи, Ольгов — «город»[1]. В 15 км вост.-ю.-вост. от (новой) Рязани лежит село Льгово (Ольгово, Ольхово). В окладной книге 1676 г. Ольгов значился селом и назывался также Старым Льговом[2]. В списке городов этот г. Льгов обозначен по ошибке «Старый Львов», вместо «Старый Льгов»[3]. «Старым» он назывался в отличие от «нового городка Ольгова на усть Проне», помянутого в том же списке. Остатками древнего Ольгова является, вероятно, как указал Городцов, городище близ д. Новоселки, лежащей несколько западнее с. Льгова[4]. Происхождение самого названия «Ольгов» возможно связывать, таким образом, с деятельностью Святослава Черниговского и сына его Олега.

В восточном направлении, вниз по Оке, рязанская дань дошла до устья Пры (Тепры). В 1187 г. крайним местом рязанских владений было Копоново, как видно из рассказа Академической, Радзивилловской и Лаврентьевской летописей. Из слов летописи можно заключить, что селение лежало близ Оки. По дороге из Спасска к Касимову поныне находится «Копонов перевоз», а близ него за Окой находится деревушка Копоново, на левом берегу Оки[5]. Деревня Копоново (б. Касимовского у. Рязанской губ.) Ерахтурского района Рязанской области расположена недалеко от устья р. Пры, или Тепры.

Как известно, близ Касимова Ока из вятичской становится кривичской[6]. Перешла ли Рязанская территория за пределы поселений вятичей, неизвестно. Никоновская летопись под 1209 г. сообщает, что в Кадоме был убит тысяцкий рязанский Матвей Андреевич. Может быть, это известие следует понимать, что рязанцами была сделана неудачная попытка захвата Кадома. Может быть, просто это известие искажает историческую действительность. Во-первых, мы ниже отметим ряд искажений исторической действительности в известиях XII в. Никоновской летописи. Во-вторых, старый Кадом лежал на р. Мокше, в земле мордвы, причем там обнаруживаются следы пребывания мордовского Пургаса, разбитого только в 1229 г.[7] Близ старого Кадома имеется село Пургасово, Кадомского района Рязанской области, а в 60 км к востоку было известно в XVII в. «Пургасово городище»[8]. Никаких указаний на борьбу

---

[1] Воскр. л., 1207 г.

[2] «Прибавления» к «Ряз. епарх. вед.», 1874, № 20.

[3] ПСРЛ, т. VII и Новг. л. по Синод. списку, 1888, стр. 448.

[4] В. А. Городцов. Указ. соч., № 58. Новоселки — Рыбновского района Рязанской области.

[5] Н. Будде. Заметка о городе Копонове нашей летописи. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук», 1898, т. III, кн. 1, стр. 142—144.

[6] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 121.

[7] Лавр. л., 1229 г. О Старом Кадомском городище, лежащем в 8 км от г. Кадома вверх по р. Мокше, на правом берегу реки, см. «Сборник-календарь» Тамбовской губ. на 1903 г., стр. 83, 162.

[8] Там же, стр. 163; П. Степанов. Пургасово городище. «Зап. н.-и. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР». Саранск, 1946.

рязанцев с мордвою летописи не дают. Вместе с тем они указывают на борьбу с мордвою муромских князей. Уже в начале XII в. часть мордвы платила дань, как видно из «Повести временных лет». На рубеже XI—XII вв. в Муроме садится Ярослав Святославич. Известие Ипатьевской летописи под 1103 г. свидетельствует, что Ярославу Муромскому приходилось вести с мордвою борьбу и не всегда успешно. В 1228 г. муромский князь Юрий Давыдович «вшед в землю Мордовьскую, Пургасову волость пожгоша, жита и потравиша и скот избиша, полон послаша назад, а Мордва вбѣгоша в лѣсы своя, в тверди»[1]. К сожалению, мы не можем быть уверены, что «Пургасова волость» лежала на Мокше, а не охватывала более обширную территорию. Не совсем ясно, почему Пургас на следующий год, после нападения на его волость муромского князя, воевал не Муром, а Нижний Новгород[2]. Мордва, подвластная Пурешу, который подчинялся владимирскому князю Юрию, обитала ближе к Волге, чем мордва Пургаса. По крайней мере, Пуреша воевали Болгары; на волость Пургаса, как мы видели, нападал муромский князь, и на Пургаса одновременно с Пурешом нападали половцы[3].

Распространяясь вдоль течения р. Оки, преимущественно на северо-запад от старой Рязани, рязанская дань вместе с тем не проникла далеко от течения Оки, на север от старой Рязани. Во-первых, все известные нам из источников домонгольской эпохи рязанские поселения, расположенные к северу от течения Оки, лежат близ ее побережья. Во-вторых, прямых путей от старой Рязани, от Оки к Клязьме, во Владимир-Залесский через леса Мещерской стороны не существовало. От старой Рязани попадали во Владимир или через Коломну, или через Муром. Нет оснований, таким образом, предполагать, что к северу от старой Рязани рязанская территория в XII в. соприкасалась с ростово-суздальской. Последнее подтверждается тем, что в начале XIII в. течение р. Пры (Тепры) еще не было освоенным. Так, в 1210 г. Всеволод Суздальский посылал «полком» своего меченошу Кузьму Ратьшича на Тепру: «и взя Тепру и възвратися со многымъ полономъ в Володимерь»[4].

Как далеко распространялась рязанская дань на запад? Доходила ли она, как утверждают рязанские известия XII в. Никоновской летописи, до Тулы, Ельца, Мценска и Тешилова?

Уже беглое знакомство с текстом Никоновской летописи, содержащим описание событий XII в., не может не возбудить некоторых сомнений. Так, например, рассказывая о знакомом уже нам новгородском сборщике дани Даньславе Лазутиниче, собиравшем дань в Заволочье, Никоновская летопись, сообщив о том, что он взял другую дань на «суздальцах», прибавляет: «и на резанцех»[5]. Само собою разумеется, что рязанских владений на далеком севере не существовало. Но автор счел необходимым,

---

[1] Лавр. л., 1228 г.
[2] Там же, 1229 г.
[3] Там же, 1228, 1229 гг.
[4] Там же, 1210 г.
[5] Никон. л., 1171 г.

очевидно, объяснить по-своему участие рязанцев в походе Андрея Боголюбского на Новгород, последовавшем вскоре после этих событий.

Под 1146 г. Никоновская летопись после рассказа о болезни Иванки, когда Святослав Ольгович пришел в Дедославль, содержит следующее известие: «князь же Святослав Ольговичь иде в Рязань, и быв во Мченскѣ, и в Тулѣ, и в Дубкѣ, на Дону, и в Ельцѣ, и в Пронскѣ, и прииде в Резань на Оку, и поиде по Окѣ, и пребыв вверхѣ во градѣ Осетрѣ». Известие это в соответствующем рассказе Ипатьевской и Воскресенской летописей отсутствует. Разберем обстоятельства, при которых происходили события.

Когда Святослав узнал, что на него идут не только Давыдовичи, но и Изяслав Мстиславич с киевскою силою, он решил покинуть Новгород-Северский; союзники его советовали итти в «лесную землю», ибо оттуда «близ слати к отцю своему Гюргеви»[1]. Таким образом, двигаясь в «лесную землю» с Иванкой Юрьевичем, Святослав прежде всего имел в виду возможность получения новой помощи от Юрия Суздальского, которую, как увидим, он и получил в действительности. Изяслав Давыдович, отделившись от своих союзников, поехал быстро наперерез Святославу к Карачеву, но был разбит Святославом. Когда Святослав получил весть о движении главных сил неприятеля, он бежал из Карачева «за лес у Вятиче», и прибыл в Козельск, где узнал, что Изяслав Мстиславич повернул в Киев, а Давыдовичи с Ростиславом Смоленским хотят на него итти. Давыдовичи прошли в Брянск, а Святослав — в Дедославль. Из Дедославля Святослав проехал «ко Осетру» и затем прибыл в «городок» Колтеск. Туда к нему пришла «помочь», от Юрия — тысяча белозерцев. Неприятель, достигнув Дедославля, узнал о прибывшей к Святославу помощи и повернул обратно. В это же время сыновья Юрия Суздальского ходили к Рязани на Ростислава Ярославича, и Ростислав бежал «в Половци». Дело в том, что раньше, еще до того как был послан из Суздальской земли в Новгород-Северск Иванко Юрьевич к Святославу, Изяслав, узнав о том, что сам Юрий двинулся в помощь к Святославу, послал в Рязань к Ростиславу Ярославичу Рязанскому с просьбой, очевидно, начать военные действия против Юрия. Ростислав начал воевать «волость» Юрия, и это вынудило тогда Юрия вернуться, а вместо себя послать в Новгород-Северск сына Иванку[2].

Из сказанного явствует, что, уходя от неприятеля в восточном и северном направлениях, Святослав имел в виду прежде всего приблизиться к границам Ростово-Суздальской земли и получить новую помощь от Юрия, что и произошло в действительности; кроме того, видно, рязанский князь с самого начала вступил в союз с врагами Святослава и находился в состоянии войны с его союзником. Таким образом, известие Никоновской летописи о том, что Святослав от Дедославля или с пути от Дедославля к Осетру повернул назад на Мценск и затем совершил большую поездку по Рязанской земле, посетив и Рязань, стоит в противоречии с летописным же материалом. Он торопился получить помощь

[1] Ипат. л.; Воскр. л., 1146 г.

[2] Там же, 1146 г.

от Юрия и двигался к границам Ростово-Суздальской земли; к тому же его связывала болезнь Иванки. А по Никоновской летописи, он повернул в обратном направлении. Рязанский князь Ростислав находился в это время в состоянии войны с Юрием, союзником Святослава, а, по Никоновской летописи, Святослав едет на Рязань. Можно, конечно, строить разные догадки, чтобы примирить подобные противоречия и объяснить несообразности. Но едва ли следует делать подобные усилия, когда естественно сделать вывод, что автор рязанского известия Никоновской летописи прибег к сочинительству, тем более что в приведенном известии Никоновской летописи находим другие несообразности, и притом — явные. К числу рязанских городов причислен Мценск, который, как мы знаем из Ипатьевской летописи, лежал на территории Черниговского княжества. Встает вопрос, не относится ли цитированная вставка Никоновской летописи к той эпохе, когда Литва занимала Черниговщину вплоть до реки Сосны и подошла к границам Рязанского княжества, когда в интересах рязанских князей было доказать, что некоторые пограничные города издревле были рязанскими, а не черниговскими [1]. В ходе дальнейшего исследования мы получим новые данные, подтверждающие такое предположение.

Чрезвычайно любопытно, что города, перечисленные в приведенном известии Никоновской летописи, кроме Пронска, принадлежали к числу окраинных по отношению к Рязанскому княжеству; они действительно существовали в XIV—XV вв.; и в XV в. Рязань распространяла на них свою власть или рассчитывала на это. Так, Тула известна нам по документам XIV—XV вв. Существование рязанской Тулы в XII в. никакими источниками не подтверждается. Территория тульского района в XII в. принадлежала к Черниговской «области» (Дедославль). Как видно из договора 1402 г., Тула в начале XV в. принадлежала Рязани [2]. В конце XV или в начале XVI в. она отошла к Москве. Равным образом в первой половине XV в. Елец входил в состав Рязанской земли, как видно из известия Симеоновской летописи под 1415 г. В XIII в., судя по родословным елецких князей XIV в., Елец мог принадлежать Черниговскому княжеству, а в конце XIV в. Елецкое княжество находилось уже в зависимости от Рязанского [3].

О Дубке на Дону мы знаем, как о рязанском городе, сожженном Мамаем [4]. Несомненно, что летопись разумеет здесь тот самый Дубок, который упоминается в списках городов летописных сборников («и в верху Дону Дубок») в числе «градов рязанских». Никаких указаний на существование рязанского Дубка в XII в. источники не дают. Под г. Осетром, вероятно, разумеется тот самый «Новгородок на Осетре», который также упоминается в числе «рязанских» в списке городов. Города Осетра в XII в. источники

---

[1] Само собою разумеется, что окончательно вопрос будет решен после того, как исследователи разложат на составные части текст Никоновской летописи.

[2] СГГ и Д, т. I, № 36, 48. Дух. и дог. грам., 1950 г., стр. 53, 84.

[3] «Временник Моск. об-ва истории и древностей росс.», т. X, стр. 68; В. Р. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику. «Лет. зан. археогр. ком.», СПб., 1893, стр. 148, 215.

[4] Никон. л., 1379 г.

не знают. Наконец, о Мценске, входившем в XII в. в состав Черниговской области, нам известно, что в XV в. он принадлежал Литве[1]; знаем также, что в 1456 г. рязанские воинские люди воевали Мценск[2]. Весьма вероятно, что в XV в. Рязань рассчитывала распространить со временем на Мценск свое влияние. В начале XVI в. Мценск перешел к Москве[3].

Наблюдения наши в полной мере подтверждаются анализом другого известия Никоновской летописи под 1147 г.— о том, что Святослав Ольгович, повоевав Голядь, возвращается в Рязань и затем едет на Москву: «съ Рязани из Тешилова». Как видно из рассказа Ипатьевской летописи, Святослав, исполняя приказание Юрия Долгорукого, воевал Голядь на «верх Поротве», а затем получил приказ ехать на Москву. На Москву он поехал с Лобынска, с устья Протвы, куда и вернулся, как прямо говорится в Ипатьевской летописи[4]. В XII в. течение р. Оки выше Колтеска принадлежало Черниговской «сбласти». К XIV в. устье Протвы (Новый Городок), район Нары и район Тешилова принадлежали уже Рязанскому княжеству. Земли по Протве и Наре были приобретены от Рязани Москвой в XIV в.[5] Что касается Тешилова, то он принадлежал Рязани и в XV в. отошел к Москве, как отмечено в договоре 1483 г.[6] Тешилов лежал ниже и Протвы и Нары[7]. Автор XV в. заменил район устья Протвы Тешиловым. Само существование Тешилова до XIV в. источниками не подтверждается. В списке городов Тешилов намечен среди «рязанских», каким он и был в XV в.

Итак, приведенные известия Никоновской летописи не являются тем доброкачественным материалом, опираясь на который можно было бы делать прочный вывод. Оговоримся, что мы имеем в виду только известия Никоновской летописи XII и начала XIII в. Известия Никоновской летописи XIV—XV вв. подобных сомнений у нас не вызывают

В XII и начале XIII в. рязанская территория граничила на северо-западе с черниговской в районе черниговского Свирельска, причем граница проходила восточнее черниговского Колтеска на Оке (Тешилов лежал на Оке выше Колтеска). Далее, она пересекала р. Осетр и шла где-то между рязанским Пронском и черниговским Дедославлем. Возможно, что здесь рязанские владения непосредственно не соприкасались с черниговскими и что здесь шли места, мало обитаемые и неосвоенные. Верховья р. Прони, видимо, были рязанскими. По крайней мере здесь находим погост Заячены, доходы с которого были переданы Ольгову монастырю рязанскими князьями (Ингваром и др.), боярами и мужами[8]. Как явствует

[1] АЗР, т. I, № 50.

[2] Там же, № 58.

[3] Там же, № 192.

[4] Ипат. л., 1147 г.

[5] СГГ и Д, т. I, № 32. Дух. и дог. грам., 1950 г., № 10 и 11.

[6] СГГ и Д, т. I, № 83. Дух. и дог. грам., 1950 г., стр. 285.

[7] О с. Тешилове на правом берегу Оки см.: П. Семенов. Россия, т. II, стр. 429.

[8] АИ, т. I, № 2. О с. Заячины в Моржовском стану см.: М. Любавский. Указ. соч., стр. 131 и карта. На карте Рязанской области 1940 г. обозначено сел. Зайчин к юго-зап. от г. Михайлова.

из текста грамоты, погосты эти были погостами в территориальном смысле слова. Но распространялась ли рязанская дань на верховья Дона? Предполагать это возможно, но данных для решения этого вопроса у нас нет. Верховья Дона в древности были заселены. О следах древнего населения на берегах верхнего Дона, обратившихся к концу XIV в. в безлюдную пустыню, повествует «Хождение Пименово в Царьград» (1389 г.). От Переяславля-Рязанского путники, волоча за собою три струга и насад на колесах, прошли к верховьям Дона, где спустили суда. На второй день они дошли до «Чур Михайловых»[1] — места, где «некогда» был «град», и сели в суда: «Бысть же сие путное шествие печально и уныльниво, бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже: ни града, ни села, аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣнием мѣста, точью пусто же все и не населено; нигдѣ бѣ видѣти человѣка, точию пустыни велиа, и звѣреи множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарави и прочая и бяше все пустыни велиа». Когда они подплывали к Тихой Сосне, то видели «столпы камены бѣлы, дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы, бѣлы же и свѣтли зѣло, над рѣкою над Сосною»[2].

Итак, в конце XIV в. были видны еще остатки некогда «красных» и «нарочитых» городов.

Согласно повести о нашествии Батыя, сохранившейся в Новгородской 1-й летописи, Академической и Воскресенской летописях, «Воронаж» находился на пути из Нузлы (Нузы) к Рязани. К Нузле «в землю Рязанскую» татары подошли «лесом». По предположению Надеждина и Неволина, Нузла — это Уза, приток Суры[3]. Но летопись говорит, что татары ее «взяша», почему скорее можно думать, что здесь речь идет не о реке, а о городе. Последнее подтверждается тем, что в списке городов летописных сборников имеется город «Онузѣ». Поскольку в этом списке город «Онузѣ» помещен среди «литовских», правильнее думать как будто, что он лежал к западу от «Воронажа», а не к востоку. Татары перед нападением на Рязанскую землю могли пройти к западу от «Воронажа», в сторону р. Сосны, для того, чтобы отрезать путь «полем» из Рязанской «области» в киевское Поднепровье, согласно правилам своей стратегии. К сожалению, местоположение Нузлы неизвестно, и вопрос о том, где татары первоначально остановились, приходится оставить открытым.

Простирались ли рязанские владения далеко в глубь половецких степей? Захватывали ли они места по Червленому Яру, по Хопру и по Великой Вороне? Мы считаем необходимым поставить этот вопрос потому, что, согласно известиям XII в. Никоновской летописи, места эти лежали «в Резани».

Рост рязанской «областной» территории падает преимущественно на

---

[1] Местоположение Чур-Михайловых определено В. К. Кудряшовым («Половецкая степь», 1948, стр. 20).

[2] Никон. л., 1389 г.

[3] М. Погодин. Указ. соч., т. IV, стр. 255. Заметим, что на Суре есть поселение Уза (П. Семенов. Словарь, т. IV, Сура).

последние десятилетия XI и первые десятилетия XII в., и есть основания полагать, что до нашествия половцев рязанская территория на Оке не была еще обширной. Мало вероятно, чтобы «Рязань», занимая небольшую территорию по Оке, в первой половине XI в. представляла собою обширнейшую степную «область». Вся известная нам рязанская «областная» территория по составу славянского населения была вятичской. Даже «Воронаж» заселялся, повидимому, не северянами, а вятичами, выходившими с Оки; так заставляют думать новейшие археологические разыскания[1]. Но славянские обитатели среднего Дона и его притоков уже не были вятичами. По всем признакам здесь обитали северяне. Мало вероятно, чтобы места, лежавшие в глубоком тылу половецких кочевий, сохраняли связь с Рязанью по суду и дани.

Нет данных для предположения, что существовали в XII в. какие-либо связи между христианским населением Подонья и русской епископией, хотя нет оснований и решительно отвергать, что не было таких связей между этим населением и сначала черниговской епископией, а затем рязанской, образовавшейся в начале XIII или в конце XII в. (после 1187 г.)[2] В этом нет ничего невероятного. Но следует иметь в виду, что те события, которые разыгрались в XIV в., вызванные спором сарайской епископии и рязанской из-за того, в чьем ведении должно находиться христианское население, обитавшее в Червленом Яру и в городах по Великую Ворону «по караулом возлѣ Хопор до Дону», сами по себе не вызывают необходимости в предположении о таких связях в XII в. Червленым Яром назывались места на Дону, между Тихой Сосной и Битюком, где впадала в Дон река Червленый Яр, а также — ниже устья Воронежа и места на Хопре[3]. «Хопор» — это р. Хопер; Великая Ворона — река, впадающая в Хопер и протекающая в пределах б. Пензенской и Тамбовской губерний. Спор из-за этих мест между сарайской и рязанской епископиями мог возникнуть только после 1261 г., когда была образована сарайская

---

[1] П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена, 1948, стр. 173.

[2] В 1187 г. Рязань еще была «черниговской епископьей» (Лавр. л.); о рязанском епископе Арсении см. там же под 1207 г.

[3] См. грамоты Феогноста и Алексея в т. VI «Русск. историч. библиотеки» (памятники канонического права), № 18 и 19, и в «Актах исторических», т. I; см. в Никон. л., 1389 г., «Хождение Пимена» и отрывок из «сказки козловского попа» в «Рязанских достопамятностях», Рязань, 1882.

Эти данные интересны и с другой точки зрения. Они показывают, что южнорусская территория, простиравшаяся на юго-восток от Орла и Курска к Дону и к Волге, не была полностью брошена населением в XII—XIV вв., что оставались островки оседлого населения. Приведенные данные памятников канонического права подтверждаются указанием Никоновской летописи под 1389 г. на елецкого князя Юрия, который «с бояры своими и со многими людми» выехал встречать Пимена к Дону. Выше мы говорили, что, судя по родословным, Елец на Сосне в XIII в. мог принадлежать к Черниговскому княжеству, а в конце XIV в. находился в зависимости от Рязанского. Юрий исполнял (в 1389 г.) повеление Олега Ивановича Рязанского. Таким образом, в конце XIV в. еще существовало Елецкое княжество, пострадавшее в 1415 г., когда татары воевали по Задонью (Никон. л.). Напомним также, что из слов Вильгельма де Рубрука можно заключить, что в районе среднего течения Дона было татарское и русское оседлое население (см. Рубрук в перев. А. И. Малеина, 1911, стр. 87—88).

епархия, объединившая территорию от Волги до Переяславля-Русского (епархия Переяславля-Русского вошла в состав сарайской). Тогда неизбежно встал вопрос, кому же подведомственна территория по Великой Вороне, по Хопру и по Дону от Тихой Сосны до Хопра. Спор был решен в пользу рязанской епископии. Таким образом, в XIV—XV вв. места эти были окраинными, южными местами рязанской епархии. Как места спорные, они были хорошо известны из актов (собор в Костроме, грамота Феогноста и Алексея). Нет ничего удивительного, что автор рязанских известий Никоновской летописи счел необходимым упомянуть о них, рассказывая о событиях XII в. Из известия под 1400 г. Никоновской летописи о том, что татары были побиты «въ предѣлехъ Черленаго Яру и в караулехъ возлѣ Хопоръ до Дону», видно, что составителю была известна грамота митрополита Алексея, где читаем ту же фразу: «въ переделѣх Черленого Яру и по караулом возлѣ Хопорь до Дону». Под 1148 г. по Никоновской летописи, Глеб Юрьевич, после того как Изяслав взял Упенеж, Белую вежу и Бахмач, едет «в Резань», по городам Червленого Яра и на Великую Ворону, а затем вновь возвращается на помощь черниговским князьям. По Ипатьевской летописи, Глеб Юрьевич был сначала в Посемье за полем и у Выря, а затем, после занятия Изяславом Упенежа, Белой вежи и Бахмача, сел в Городке, где его застал Изяслав и вынудил «умириться». В следующем, 1148 г. Глеб поехал в Чернигов, откуда направился к отцу. О далеком путешествии на Великую Ворону, таким образом, ничего не говорится. Под 1150 г. мы прочтем в Никоновской летописи, что «в Резани» на Великой Вороне были побиты половцы, а под 1155 г.— что приходили «татарове» «на Резань», на Хопорть. В 1152 г. сын Изяслава Мстислав действительно побил половцев, но это было не в пределах бывшей Пензенской или Тамбовской губ., а на Самаре и Угле, притоках Днепра [1].

Мы исчерпали тему настоящей главы. Мы убедились, как легко впасть в ошибку при некритическом отношении к письменным источникам по истории Рязанского края. По состоянию материала имеем возможность только частично, фрагментарно восстановить историю образования Рязанской территории, территории этого феодального полугосударства.

По ряду признаков Рязань стала территориальным центром позднее Мурома. В противоречии с этим мнением стоит теория, согласно которой Рязань уже в первой половине X в. была будто бы центром «третьего русского племени» (Артания). О «третьем русском племени» передают нам арабские географы (первоисточник — Балхи)[2]. Текст первоисточника дает показания о местоположении Артании, не позволяющие даже гипотетически отожествить Артанию с Рязанью.

«Русское» господство распространилось на территорию Мурома не позднее начала XI в. и, предположительно, не ранее первой половины X в. В качестве территориального центра Муром существовал уже в конце X — начале XI в., причем в дальности он не был связан с Черниговом.

[1] См. Ипат. л., 1152 г.

[2] Ср. также текст, изданный А. Я. Гаркави, «Древнейшее арабское известие о Киеве». «Тр. III археол. съезда...», ч. I.

В начале XI в. на территории Рязани и Мурома не проникали прямо из Чернигова и Переяславля-Русского. Проникновение по этим путям предрешило господство южнорусской земли над территориями Рязани и Мурома из Чернигова, установившееся после смерти Ярослава. Южнорусские князья до конца XI в. не посещали Рязани или посещали мало. Наибольший интерес к ней проявлял князь Олег Святославич. Продолжительное господство «Русской земли» над Рязанью осуществлялось Всеволодом Святославичем, князем Переяславля-Русского, владевшим Черниговом. Отношение южнорусских князей к Рязани и Мурому было по сути дела таким же, как и к Ростову и некоторым другим центрам феодальных полугосударств, лежавшим за пределами древней «Русской земли». К сожалению, мы не знаем, что представляла собою та организация г. Рязани («рязанци»), с которой приходилось входить в соглашение князю Изяславу, как передают первые древнейшие летописные известия о г. Рязани. Но ряд данных не оставляет сомнений в том, что в Рязани образовался класс местных рязанских феодалов.

Распространение рязанской территории вверх по Оке от старой Рязани прослеживается сопоставлением ряда показаний источников. Вниз по Оке от старой Рязани рязанская территория дошла до устья Пры. Муромские князья стремились подчинить себе соседнюю мордву, которая платила дань уже в начале XII в. В первой половине XIII в. муромские князья ведут борьбу с мордвою Пургаса, «волость» которого захватывала течение Мокши. «Пургасова Русь» — это бродники, появившиеся в результате половецких нашествий.

Прямых путей от старой Рязани во Владимир-Залесский не существовало; к северу от старой Рязани рязанская «областная» территория, повидимому, в XII в. не соприкасалась с ростово-суздальской. При определении западных границ Рязанской «области» в XII в. нельзя руководиться показаниями Никоновской летописи о Тешилове, Мценске, Туле и Ельце, как расположенных «в Резани». Достоверно, что в «Рязанской земле» лежал «Воронаж», т. е. места, находившиеся, повидимому, в верховьях р. Воронежа. О верховьях Дона ясных показаний не имеем. Что же касается мест, расположенных в глубоком тылу половецких кочевий — в пределах Червленого Яра, по рр. Хопру и Великой Вороне,— то их принадлежность к рязанской территории в XII в., по некоторым данным и соображениям, весьма сомнительна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение позволим себе вернуться к содержанию всей книги, решающей одну из проблем, поставленных ходом развития нашей советской историографии.

В 1904 г. М. С. Грушевский, пренебрегая истиной, высказал упрек тем историкам, которые историю Киевской Руси склонны были рассматривать как начало общерусского исторического процесса. «Новгород имеет свою историю, так же как и Ростово-Суздальская земля. Но отсюда не вытекает отрицания целого периода в истории восточноевропейского общества, когда Киев объединял огромную территорию, в состав которой входили и Новгород, и Суздаль, и Ростов». Так писал Б. Д. Греков[1].

И действительно, каждый центр, подобный поименованным, ставший со временем центром «самостоятельного полугосударства», имел свою особую историю; но их историю совершенно невозможно отрывать от истории южной Руси, как делал, искажая историческую действительность, М. С. Грушевский. Аналогичную мысль нам пришлось высказывать еще в 1924 г.[2]

Древней, доступной нашему исследованию государственной территорией на восточноевропейской равнине была территория государства Среднего Поднепровья, называвшегося «Русской землей», поднявшегося там, где, в силу местных социально-экономических условий, рано образовалась феодальная знать, о которой свидетельствуют памятники археологии VIII—X вв. и текст грамот первой половины X в. Источники позволяют предположительно и в общих чертах восстановить территориальные пределы южнорусского государства, расположенного к западу и к востоку от среднего Днепра.

В конце IX или в начале X в. (с объединением Киева с Новгородом) власть киевских князей стала распространяться на другие «земли», лежавшие далеко за пределами древней «Русской земли». Тем самым образовалось государство с огромной территорией во главе с Киевом (Киевское государство). Древняя «Русская земля» Среднего Поднепровья первоначально в составе Киевского государства играла роль территориального и политически господствующего ядра. В основе развития всех «земель» лежало разложение родоплеменной организации (с распространением

[1] Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. 1937, стр. 16—17; его же. Крестьяне на Руси, 1946, стр. 513.

[2] Князь и город в Ростово-Суздальской земле (сб. «Века», 1924).

феодального способа производства) и образование местной феодальной знати и зависимых земледельцев, о чем свидетельствуют прежде всего отмечаемые источниками боярские и княжеские села, расположенные близ крупных городов. Знаем, что феодальные угодья, например промысловые, принадлежавшие одному и тому же владельцу, могли быть разбросаны на значительном расстоянии уже в X в. Через несколько столетий разбросанность феодального землевладения была характерной чертой. Среди этих центров выделялся Новгород, сделавшийся центром государственного образования во второй половине IX в. На рубеже IX—X вв. и в течение первой половины X в. власть киевских князей распространилась на Ладогу, Новгород, Псков, Смоленск. Из Новгорода господство южнорусских сюзеренов перешло на Ростов в первой половине X в., а позже, при Владимире, на Полоцк. На юго-западе в X—XI вв. под Русью» оказались «червенские города». Не позднее начала XI в. южнорусское господство установилось над Муромом, а после смерти Ярослава — над Рязанью. Останавливаясь на характере этого сюзеренитета, мы отмечали ряд данных из истории Киевского государства, бросающих свет на предшествующую эпоху.

Под господством киевских князей расширялась государственная территория, тянувшая к центрам, разбросанным на широком пространстве Восточноевропейской равнины.

Изучая рост территории Киевского государства в эпоху распространения феодального способа производства, в эпоху, когда вызревали и складывались будущие феодальные «самостоятельные полугосударства», мы прежде всего вынуждены констатировать: фактический материал заставляет отказаться от мысли, что решающую роль в расширении территории, тянувшей к «областным» центрам, играл рост внутреннего обмена, притягивающая сила города как центра свободного обмена.

Не могла играть решающей роли и колонизация. Некоторую роль, конечно, колонизация играла в расширении территории государства, но это были два разных процесса, иногда только связанные друг с другом.

Некоторую роль играли и физико-географические условия (косвенно — поскольку влияли на распространение феодального способа производства, и прямо — поскольку влияли на распределение населения, обитавшего преимущественно по бассейнам рек). Но роль этих условий была ограниченной. В процессе образования территории того или иного феодального княжества водоразделы не служили препятствием.

Ведущая причина роста территории лежала в деятельности военной организации феодальной знати, аппарата принуждения, деятельности князей, воевод-тысяцких и т. п. Государственная территория росла путем распространения дани и суда, причем важным моментом было установление постоянных мест суда и сбора дани — «становищ» и «погостов». Территория будущих «земель-княжений» росла не только на Севере и на Северо-востоке, но в первую очередь на Юге, где из состава старой территории «Русской земли» вырастали территории трех княжеств — Киевского, Черниговского и Переяславского, далеко вышедшие за пределы территории древней «Русской земли».

Эти три особых феодальных княжества образовались после раздела «Русской земли» по завещанию Ярослава. Но их территории стали складываться задолго до этого события. Наблюдая рост территории этих «областей» за пределами древней «Русской земли», убеждаемся, что он сопровождался борьбой, походами на «племенные» земли, убеждаемся в военном происхождении организации данничества, точнее — дани и полюдья. Выясняя роль «воевод» в распространении данничества, убеждаемся, что они, как и князья, опирались на местную феодальную знать, защищали ее интересы. Так, территория, тянувшая к Киеву (точнее — к Киеву и Вышгороду), стала складываться в X в., с «уставами» и «становищами». Постепенно складывалась и территория будущего Черниговского княжества. Ряд данных позволяет выделить древнейшее территориальное ядро этого княжества, совпадающее со «Словской тысячью».

Равным образом можно проследить, как росла территория Новгородской земли. Государственное образование существовало здесь на рубеже IX—X вв. В среде феодальной знати ликвидировались междоусобия, складывалась публичная власть. В первой половине X в. новгородская территория расширялась, и «погосты» распространялись ко Мсте и Луге (по Волхову часть территории тянула к Ладоге). Местная (словенская) знать возглавляла «тысящу», как прямо свидетельствуют события начала XI в. Переломным моментом в истории новгородской территории были 40—50-е годы XI в., когда Ярослав пошел, по ряду признаков, навстречу желаниям новгородской знати. В состав новгородских владений перешли Псков и Ладога с их территориями и земли Ижорская, Приладожская Корела и Корельский перешеек; упрочились связи с Прибалтикой.

Нет сомнения, что и территории других феодальных «полугосударств» во второй половине XI в. образовались не вдруг, а постепенно. Так, на юго-западе вместе с Червеном и Перемышлем под власть «Руси» отошла определенная значительная территория, послужившая ядром будущих «самостоятельных полугосударств» в силу местных условий социально-экономического развития. Вместе с тем соседняя Берестейская территория (по Зап. Бугу), где, повидимому, не образовалось правящей феодальной знати и княжеского стола, отошла в состав территории, непосредственно тянувшей к Киеву. Полоцкая территория уже в X—XI вв. сделалась разноплеменной, охватывая поселения дряговичей с Изяславлем, а в первой четверти XI в. расширилась в северо-восточном направлении. Смоленская территория подошла к верховьям Волги и к Селигеру, но не со стороны р. Вазузы, а со стороны Торопца. Территория Ростовской «области» в XI в. растянулась длинной, неровной лентой на громадном пространстве от устья Нерли клязьменской до Белоозера, захватывая Поволжье от Ярославля до Медведицы. Источники прямо указывают на местную феодальную знать: на «лучших», богатых хлебом, рыбой и мехами, на «старую чадь». Рост территории был связан с распространением «погостов»; их отмечают источники и под Суздалем, и по Волге, и по Шексне. Рязань стала территориальным центром позже Мурома. Муром в качестве территориального центра существовал уже в конце X — начале XI в., причем в древности он не был связан с Черниговом.

Интенсивно, напряженно процесс образования территории отдельных «земель» протекал во второй половине XI и в начале XII в. Это был период не только быстрого распространения феодального землевладения, но и период особенного интереса к «вирам» и «продажам», как свидетельствует Начальный свод. Это был период, когда создавались новые княжества.

В этот период черниговская территория, быстро расширяясь по земле вятичей и отчасти радимичей, преодолев водоразделы, пришла в соприкосновение с территорией освоения соседних «областей»: Смоленской, Ростово-Суздальской и Муромо-Рязанской. Смоленское княжество, расширяясь далеко на восток, преодолев водоразделы, пришло в соприкосновение с Ростово-Суздальским, значительно расширившимся в западном направлении. Полоцкая дань вышла к верховьям р. Великой и пришла на севере в соприкосновение с новгородско-псковской, а также распространилась на ливов семигаллов и куронов. После того как Ладога перешла под власть Новгорода, начали возникать новгородские погосты в Прионежье, выросла громадная территория Обонежского ряда, а затем, преодолевая водоразделы, новгородская дань вышла к бассейну Северной Двины, и погосты распространились по Двине, Ваге и вышли на Сухону. Складывалась новая новгородская волость на Ламе и территория будущей Пусторжевской волости. На Юго-западе в этот период складывается территория княжества по Днестру, распространившего свою власть далеко на Юг, за Карпаты, до нижнего течения Дуная. На Востоке, именно в этот период преимущественно, вырастает рязанская территория.

С середины XII в. территориальные пределы феодальных «самостоятельных полугосударств» более или менее стабилизуются. Широкие возможности к расширению территории оставались главным образом на востоке и на севере. Так, Ростово-Суздальское княжество во второй половине XII и в первые десятилетия XIII в. значительно расширилось в северном и в северо-восточном направлениях. На Новгородском севере на одной и той же площади в течение ряда веков заметно увеличивалось число погостов, что отчасти могло быть связано с распространением новгородской дани на новые места. К северу от Рязанской «области» оставалось неосвоенным значительное пространство, отделявшее Рязанскую «область» от Ростово-Суздальской. Вместе с тем приблизительно к середине XII в. феодальные полугосударства становятся самостоятельными по отношению к Киеву.

Попутно нам пришлось решать некоторые частные вопросы. Так, вопрос о «Суждали Залѣсской дани», упомянутой в грамоте Ростислава Смоленского, решавшийся до сих пор в том смысле, что смоленские владения когда-то охватывали, в связи с процессом колонизации, будущую территорию Суздальской земли, теперь получает иное объяснение, подтверждаемое рядом фактов.

Итак, во второй половине XI и в начале XII в., в эпоху распространения феодального способа производства, с ростом «областных» территорий в пределах Киевского государства, территории эти приходят в соприкосновение друг с другом и на значительном протяжении образуются

рубежи. Таким образом, территории эти сливаются в сплошную (хотя и разделенную рубежами) территорию Киевского государства. Иными словами, территориальное оформление феодальных «самостоятельных полугосударств» означало вместе с тем образование *сплошной* (хотя и разделенной рубежами) территории Киевского государства. Такой важный факт, как образование сплошной территории на значительном пространстве, не мог косвенно не повлиять на сознание современников, в частности на развитие идеи народности. Появление в эту эпоху «Повести временных лет», как летописного свода с широким историческим и географическим горизонтом, становится вполне понятным. И вполне закономерным представляется нам теперь появление в «Повести временных лет» учения о Руси, как восточно-славянской стране и народности. Эти идеи созревали в народном сознании постепенно. Проводником их оказался и Печерский монастырь, откуда вышла «Повесть временных лет».

Печерский монастырь в XI в. сделался, как известно, колыбелью русской письменности, культурным центром, опорой в борьбе против попыток установления греческой гегемонии. Одна древняя запись, сохранившаяся в «Повести временных лет», подчеркивает, что Изяслав поставил монастырь св. Дмитрия, надеясь на богатство, что много монастырей поставлено царями, боярами и богатством; им противопоставляется Печерский монастырь, основатель которого (Антоний) не имел ни злата, ни сребра[1]. С возникновением новых епископий, из постриженников Печерского монастыря ставили епископов, а новые епископии за пределами южнорусской земли стали возникать как раз во второй половине XI в. В Печерском монастыре не могли не интересоваться делами различных «областей» Восточной Европы.

Термин «Русская земля», который некогда применяли только по отношению к южнорусской земле, перешел со временем на всю страну. В этом новом, общерусском, смысле удержался он и тогда, когда южнорусская земля уже не господствовала над другими «землями». За всей страной сохранилось «русское» имя, с которым связывалось представление о громадной обобщающей роли южнорусской земли, о роли Киева.

Древнерусское феодальное государство, по условиям времени, состояло из «самостоятельных полугосударств» и не могло быть централизованным. На первенствующее положение претендовало Владимирское княжество на Северо-востоке. Но централизованное государство создалось позже, в иных социально-экономических и политических условиях и в борьбе с татарами.

---

[1] Лавр. л., 6559 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОСЕЛЕНИЯ, УРОЧИЩА И РЕКИ ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Белая Вежа (Белавежа). Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г. наряду с Уненежем, Всеволожем и Бохмачем как город Черниговской «области». Определение местоположения, как уже давно указывалось, не представляет затруднений. По «Книге Большому Чертежу», «река Остръ вытекала из под городища, из под Белые Вежи, от верху реки Удая» (изд. 1950 г., стр. 103). Там и поныне существует городище (Д. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам, 1908 г., стр. 117) и близ городища — два селения с названием Белая Вежа (Белавежа) Дмитриевского района Черниговской области (ср. Список населенных мест Черниговской губернии, 1844 г., № 464). Следует иметь в виду, что, кроме хазарской Белой Вежи (Саркела), существовали в южной Руси две Белые Вежи, так как под 1149 г. в Ипатьевской летописи Белая Вежа называется «Белавежа Старая»

Березый. Впервые упоминается под 1152 г. в Ипатьевской летописи. Из летописного известия можно как будто заключить, что Березый лежал недалеко от Чернигова, близ Гюричева и р. Свини, по дороге в Чернигов из Глухова. Такое понимание летописного текста позволило бы согласиться с мнением Маркова и Погодина, что Березый лежал на месте или близ с. Березанки, в 3 км от р. Свини, близ самой Глуховской дороги («Сп. насел. мест Черниг. губ.», 1866 г., № 28). Но анализ политических отношений и другие соображения заставили П. Голубовского склониться к мнению, что Березый — не с. Березанка, а г. Березна. Такое мнение может быть принято только при допущении, что выражение Ипатьевской летописи «к Березому» означало просто направление похода из Глухова к Чернигову, а не остановку у Березого (см. «Тр. XIII археол. съезда в Екатеринославе», т. II, М., 1908, стр. 2—5).

Блеве (Облове, Обловь). Впервые упоминается в Ипатьевской и Воскресенской летописях (Облове) под 1147 и 1159 гг. Блеве упомянута как поселение, находившееся в земле вятичей и принадлежавшее к Черниговскому княжеству. Вместе с тем по Уставной грамоте Ростислава (1150 г.) «во Облови» собиралась смоленская «гостинная дань» («Доп. к Актам историческим», т. I, № 4). Очевидно, Блеве лежала в пограничной полосе между Черниговским и Смоленским княжествами; возможно, что одновременно эксплоатировалась и смоленским и черниговским княжествами. Блеве, как правильно указали Надеждин и Неволин, лежала на месте селения Оболва, у самого истока р. Болвы, в б. Мосальском уезде Калужской губернии (Сп. насел. мест Калужск. губ., 1914 г.); с. Облова — Мосальского уезда Морозовской волости, в 71 км от уездного города. Мосальск в настоящее время — районный центр Калужской области.

Блестовет (Блестовит). Упоминается в Ипатьевской летописи под 1151 г. Блестовет не мог лежать в 31 км от Новгорода-Северского

(Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 1680), как думал Арцыбашев, так как Святослав вышел в понедельник на страстной неделе, а «велик день» встретил в Блестове, откуда пошел в Чернигов. Считаем более правильным предположение Погодина, что Блестовет — это с. Блистово, ныне Менского района Черниговской области на р. Пулке в б. Сосницком уезде Черниговской губернии. По Списку населенных мест Черниговской губернии, 1866 г., под № 2842 отмечена Блистава (Блистово), лежащая по левую сторону почтового тракта из г. Сосницы в Чернигов. Голубовский привел данные начала XVI в. (из описания границ между Московским и Литовским государствами), вполне подтверждающие мнение Погодина («Тр. XIII археол. съезда ...», т. II, стр. 5). Сосницы — районный центр Черниговской области, в 266 км от Чернигова.

Болдины горы. Упомянуты в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях под 1074 г. как находящиеся под Черниговом. Находятся в 2 км от г. Чернигова, к юго-западу. Там стоял монастырь св. Богородицы, основанный Антонием в XI в., впоследствии «Ильинский — Троицкий — Болдинский» (см. В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890, т. I, № 214).

Болдыж (Болдыжь, Болдежь). Упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 г. как расположенный между Карачевым, Севском и Путивлем. Эти данные позволяют полагать, что Болдыж лежал на месте или близ села Болдыж, расположенного в 4 км от города Дмитровска Орловской губернии, как указывали Надеждин и Неволин (Сп. насел. мест Орловск. губ., 1871 г., № 1165). На карте Курской области 1943 г.— с. Валдыш; Дмитровск-Орловский — Орловской области.

Боловос (Боловес). Впервые это название упомянуто в Ипатьевской летописи под 1148 г. Из известия под 1148 г. видно, что Боловос следует искать недалеко от «Ольгова поля» (район Чернигова), а из известий под 1152 и 1154 гг. можно заключить, что местонахождение Боловоса — близ Чернигова. Надеждин и Неволин сопоставили три селения, из которых одно, по их мнению, указывает на местоположение Беловоса, а два других — Ольгова поля: в 6 км от Чернигова с. Старый Белоус, а тут же, в 8 км, два хутора — Льгов и Льговский. Старый Белоус в настоящее время Черниговского района. По Списку населенных мест Черниговской губернии, 1866 г., Старый Белоус — в 7 км от Чернигова (№ 206), в 12 км от Чернигова — Льгов, а в 13 км — Льговский (№ 204 и 211). Представляется правдоподобным мнение Голубовского, что Боловос — не место под Черниговом, а река Белоус; летопись действительно не дает указаний на то, чтобы речь шла о поселении («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 5).

Бохмач. Упоминается как город Черниговской «области», наряду с Белавежью, Уненежем и Всеволожем, в Ипатьевской летописи под 1147 г. Как известно, Бохмач — это с. Бахмач в б. Конотопском уезде, при речке Борзне (см. Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 1352); ныне г. Бахмач — районный центр Черниговской области.

Воробейна (Воробиина). Упоминается впервые в Ипатьевской летописи под 1147 г. Из известия под 1160 г. (Ипат. л.) можно заключить, что Воробейна лежала где-то на дороге от Выря к Вщижу; а из известия под 1147 г.— что она лежала в земле вятичей или у границы земли вятичей. Согласно указанию Надеждина и Неволина, Воробейна — нынешнее с. Воробейня в б. Мглинском уезде Черниговской губернии. По Списку населенных мест Черниговской губернии 1866 г., № 1808,— между брянским и мглинским почтовыми трактами, в 55 км от Мглина, при рч. Теремушке (Теремке). В настоящее время Мглин — районный центр Брянской области. Остатками летописного г. Воробейна является, очевидно,

городище у с. Воробейна (см. Д. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 107).

Воротинеск. Впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1155 г. Воротинеск. Ныне — город Калужской области в 15 км к юго-западу от Калуги.

Всеволож. Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г.; под 1147 и 1159 гг. упоминается как город Черниговской «области» (ср. также в Ипат. л. под 1152 г.). По летописным известиям Всеволож лежал приблизительно в том же районе, где и Унеиеж, Белавежа и Бохмач. Название и данные о местоположении позволяют принять мнение Погодина, что Всеволож — это с. Сиволож, б. Борзненского уезда Черниговской губернии (см. Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 479). Это мнение подтверждается указанием польских актов XVII в. (см. «Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 8). В настоящее время с. Сиволож — Комаровского района Черниговской области.

Вщиж (Въщижь). Впервые упоминается в Ипатьевской летописи, под 1142 г. Летописные упоминания под 1156 (Ипат. л.), 1159 (Лавр. л.), 1160 (Ипат. л.) и 1167 (Ипат. л.) гг. дают основание полагать вслед за Погодиным, что летописный Вщиж — это одноименное село при р. Десне, выше Брянска, в 40 км от него, где имеется городище с развалинами каменной церкви (Сп. насел. мест Орловск. губ., 1871 г., № 1062).

Вырь. Впервые упоминается в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1113 г. и в «Поучении» Владимира Мономаха. Из известий Воскресенской летописи под 1159 г. и Ипатьевской летописи под 1160 г. видно, что Вырь входила в состав Черниговской земли. Из известий под 1147, 1159 и 1160 гг. можно заключить, что Вырь лежала где-то в Посемье или в лежащем близ Посемья районе, на пути в половецкую степь. Вырь лежала или на месте с. Старые Виры (при рч. Вире, притоке Сейма), как полагал еще Карамзин (Сп. насел. мест Курск. губ., 1868 г., № 1738), или, на месте «старого Вирского городища», где был построен г. Белополье (П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы, стр. 91—92). В настоящее время имеется с. Старые Виры Белопольского района Сумской области.

Вьяхань. Впервые упомянута в Ипатьевской летописи под 1147 г. Как можно заключить из известия под 1149 г. Лаврентьевской летописи, лежала на северо-восток или на восток от Белой Вежи, а из известия Ипатьевской летописи под 1147 г.— что не очень далеко от Выря. Летописные данные позволяют относить Вьяхань как к Переяславскому княжеству, так и к Черниговскому, точнее — к району, связанному с Курском и включавшему в свой состав «Посемье». Данные о местоположении позволяют вслед за Голубовским полагать, что Вьяхань лежала на месте Лехановского, или Дехановского городища, расположенного в 31 км к юго-западу от Белополья, в 5 км от с. Тернов (Терны) на берегу р. Терны (П. Голубовский. Указ. соч., стр. 93). В настоящее время с. Терны — Ульяновского района Сумской области (Сп. насел. мест Харьк. губ., 1869 г., № 2835).

Глебль. Впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1147 г. как город Черниговской «области», лежавший в том же приблизительно районе, что и Всеволож, Унеиеж, Белавежа, Бохмач, а под 1159 г.— как лежавший между Переяславлем и черниговским Хоробором. Эти данные о местоположении не позволяют принять мнение Карамзина, отожествлявшего Глебль со Старым Глебовым, лежащим между Десною и Днепром. Надеждин и Неволин связывали Глебль с названием села Твердоглебова в б. Роменском уезде Полтавской губернии на реке Бишкине, притоке Сулы. Однако и это сопоставление возбуждает сомнение. В Списке населенных мест Полтавской губернии 1862 г., значится не Твердоглебов,

а Твердохлебов (Ром. у.). Анализ летописных известий заставил П. Голубовского присоединиться к мнению, что древний Глебль совпадает с нынешним Красным Колядином б. Конотопского уезда. От древнего города Глебля осталось обширное городище, описанное Ляскоронским («Тр. XI археол. съезда...», т. II, стр. 453—456). См. «Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 10. Ныне Красный Колядин — Дмитриевского района Черниговской области.

Город Глебль не следует смешивать с «городом Глебовом», который был взят князем Игорем Святославичем «на щитъ» «у Переславля» (Ипат. л.. 1185 г.).

Глухов. Впервые упоминается в Лаврентьевской, Ипатьевской летописях под 1152 г. Глухов — город, районный центр Сумской области, на р. Ямани.

Гомии. Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1142 г. как поселение Черниговской земли. Название и данные о местоположении под 1142 и 1159 гг. позволяют отожествить Гомии с Гомелем на р. Соже в БССР.

Гостъничи (Гостоняничи, Стоняничи). Упоминается в Ипатьевской летописи под 1160 г. как лежавшее «подле» Десны под Черниговом. П. Голубовский высказал остроумное предположение, что в Гостъничи останавливались «гости» на пути от Киева, Переяславля и Остра в Чернигов, против перевоза через Десну. Перевоз во времена Мономаха, по Голубовскому, находился против с. Онисова, в 8 км к югу от Чернигова. Голубовский помещает Гостъничи на правом берегу реки, на месте Лесковицы, под Елецким монастырем («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 11—15). Однако выражение «вниз до Стояничъ» можно понимать в том смысле, что Стояничи (или Гостъничи) находились на левом берегу, как и «Крыров».

Гуричев (Гюричев). Упомянут в Лаврентьевской, Ипатьевской летописях под 1152 г. Из летописного известия можно заключить, что он лежал близ Березового, по направлению к Чернигову. Весьма вероятно поэтому, что Гуричев лежал на месте села Бобровица, которое народ издавна называл Юрьевскою, лежащего в 5 км от Березанки по Глуховской дороге к Чернигову, как было отмечено Марковым (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 23). Ныне с. Бобровица — Черниговского района (о курганах к востоку от Чернигова см.: Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 51. «Материалы и исследования по археологии СССР», т. II, 1949).

Девягорск (Девягорьск, Девягореск, Деревягореск). Упоминается впервые в Ипатьевской летописи под 1147 г. как поселение, лежащее между Дедославлем и Мценском. Точное местоположение неизвестно.

Дедославль. Упоминается впервые под 1146 г. в Ипатьевской летописи как поселение, лежавшее в Черниговском княжестве между Козельском, с одной стороны, и Остром и г. Колтеском — с другой. Эти данные позволяют, вслед за Арцыбашевым и Погодиным, полагать, что Дедославль лежал на месте села Дедилова б. Богородицкого уезда Тульской губернии, при реке Шивороне (Сп. насел. мест Тульск. губ., 1862 г., № 772). Дедилово в настоящее время — районный центр Тульской области.

Десна. Упоминается между прочим в «Повести временных лет» как река, по которой сидели северяне.

Домагощ Упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г., наряду с районом Подесенья, Брянском, Воробиином и Мценском, как поселение, которое было занято Святославом, когда он шел от Дедославля и Девягорска. Некоторые исследователи читают не «Домагощь», а «до Магощь». Надеждин и Неволин указывали на дер. Маговку в Ка-

рачевском уезде Орловской губернии, в 38 км от Карачева на юг, где вокруг многие местности доныне называются городищами. В настоящее время г. Карачев — районный центр Брянской области.

Дьбряньск (Добрянск, Брянеск). Упоминается впервые под 1146 г. в Ипатьевской летописи. Дьбряньск, Брянск, ныне — областной центр (на р. Десне).

Зартый (Зарытый). Упоминается впервые под 1160 г. в Ипатьевской летописи и под 1159 г. в Воскресенской. Из летописного известия видно, что он лежал где-то не очень далеко от Выря, в юго-восточной части Черниговского княжества, между Вырем и Путивлем, как указал Голубовский. Вслед за Филаретом Голубовский помещает Зартый на место городища на южном берегу р. Сейма, немного выше впадения в него р. Выря (Вира) (П. Голубовский. Где находились существовавшие в домонгольский период города Воргол, Глебль, Зартый, Оргошь, Сновск, Уненеж, Хороборь? «Журн. Мин. нар. просв.», 1903, май, стр. 117).

Игорев брод. В Ипатьевском списке: «брод», в других списках Ипатьевской летописи читаем: «брат»; в Воскресенской летописи: «город». Упоминается под 1160 (1159) г. как находившийся на пути в «поле» от левого побережья Десны под Черниговом. Принимать и вариант «город» и вариант «брод» одновременно, как делает Голубовский, нельзя. Принимаем вариант Ипатьевского списка, как наиболее древнего. Голубовский без достаточных оснований помещает «Игорев брод» и «Игорев город» на месте г. Нежина на р. Остре («Тр. XIII археол. съезда», т. II, стр. 16—19).

Игорево сельцо. Упомянуто под 1146 г. в Ипатьевской летописи как лежащее недалеко от Новгорода-Северского и, возможно, в направлении к Путивлю. Летопись говорит, что там был устроен «двор добре», но об укреплении, о «городе» ничего не говорит. Голубовский тем не менее приурочивает Игорево сельцо к городищу, которое находится у села Дегтеревки, недалеко от р. Десны, в 9 км к югу от Новгород-Северского («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 19). Ныне с. Дегтеревка — Новгород-Северского района Черниговской области.

Канин. Упоминается в Лаврентьевской летописи под 1152 г. Из этого известия можно заключить, что Канин (ручей, урочище, может быть— поле?) находился недалеко от Чернигова, под Гуричевом, который лежал, по определению Маркова, на месте с. Бобровицы (Юрьевского) (см. Гуричев). Снегирев сопоставлял это известие со словами в «Слове о полку Игореве», упоминающими о событиях битвы при Нежатиной ниве: «и на канину зелену паполому постла», полагая, что здесь разумеется «Канинский зеленый покров, означающий зеленую мураву поля или луга» (Е. Барсов. «Слово о полку Игореве»..., т. II, М., 1887, стр. 190). Голубовский без достаточных оснований полагает, что Канин и Свинь — одна и та же река (имея в виду, что в рассказе о движении Юрия к Гуричеву в Лаврентьевской летописи Юрий переходит и Канин и Свинь, а в Ипатьевской летописи упомянута Свинь и не упомянут Канин, «Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 2).

Козельск. Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 г. Козельск — б. уездный город Калужской губернии на реке Жиздре, при впадении в нее речки Драгунки; в настоящее время — районный центр Калужской области.

Колтеск (Полтеск). Упоминается под 1146 г. в Ипатьевской летописи. Из летописного рассказа видно, что Колтеск лежал недалеко от границ Ростово-Суздальской земли, что устье Протвы, впадающей в Оку, находилось по отношению к Колтеску вверх по Оке. На основании этих данных следует полагать, как еще указывал Ходаковский, что Колтеск лежал на месте села Колтова, расположенного в 5 км выше по реке от Каширы, на правой стороне, в бывшей Тульской губернии Каширского

уезда (Сп. насел. мест Тульской губ., 1862 г., № 2255), где следы городища (см. В. И. Чернопятов, Двор. сословие Тульской губ., т. III (XII), стр. 13)

К о р а ч е в (Кърачев, Карачев). Впервые упоминается в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях под 1146 г. Лежал в земле вятичей, как видно из известия Ипатьевской летописи под 1185 г.

К о р а ч е в — город Карачев, районный центр Брянской области.

К о р ь д н а. Упомянута в «Поучении» Владимира Мономаха, помещенном в Лаврентьевской летописи под 1096 г. в рассказе о событии начала 80-х годов XI в.; из слов «Поучения» можно, кажется, заключить, что она лежала в земле вятичей. Местоположение неизвестно.

К р о м. Впервые упомянут в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи под 1147 г. и в Воскресенской летописи. Из этого известия видно, что Кром лежал не очень далеко от Мценска. Кром — Кромы, город, районный центр Орловской области, на реке Кроме.

К р ы р о в о (Крыров). Упоминается в Ипатьевской летописи под 1160 г. Крыров находился, как видно из летописного рассказа, «подле Десну», на левой стороне реки Десны, близ Чернигова. Голубовский правильно указал, что Крыров (Крырово) — речка, впадающая в Десну: «по Крырову до устья». («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 12).

К у р с к. Впервые упоминается в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях под 1095 г. и в «Поучении» Владимира Мономаха, помещенном в Лаврентьевской летописи под 1096 г., в рассказе о событии 1072 г. Курск — в настоящее время областной центр, на реке Тускоре, притоке Сейма.

Л и с т в е н. Упомянут в Лаврентьевской, Ипатьевской и других летописях под 1024 г. В 1024 г. Ярослав из Новгорода шел на Мстислава, к Чернигову. Мстислав вышел к Листвену; там они сразились. Где же лежал летописный Листвен? В пределах б. Черниговской губернии Городнянского уезда находились два селения с таким названием. Первое — на почтовом тракте от г. Городни в Чернигов, в 18 км от Городни, при речке Руде (Мокроусовке) (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 855). В настоящее время — Тупичевского района Черниговской области. Второе — на дороге из Чернигова в слободу Радуль (№ 1105). Первое селение называется Листвень Великий, второе — Листвень Малый, или Листвен. Полагаем, что летописный Листвен лежал на месте последнего селения. Ярослав шел из Новгорода. Мы знаем, что с верхнего Днепра из Смоленского княжества в Чернигов была дорога через Любеч (Ипат. л., 1152 г.), Малый Листвень, или Листвен, лежит как раз недалеко от Днепра и западнее Любеча, т. е. мог быть на дороге из Чернигова в Любеч. Листвен Великий не лежит на дороге из Чернигова в Любеч, а путь из Новгорода через Смоленск и Зарой едва ли был тогда известен. Голубовский правильно полагает, что столкновение произошло у нынешнего села Малого Лиственя, где на берегу р. Белоуса сохранилось и городище («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 20).

Л о б ы н с к (Лобыньск). Впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1146 г. как «город». Лежал, согласно прямому показанию летописи, «на усть Поротве». По Никоновской летописи (1146 г.), город носит название «Любинец Омосов» (Амосов).

Л о к н а. Упомянута в Лаврентьевской летописи под 1127 г. и в Ипатьевской летописи под 1128 г. Половцы, стоявшие «за Выром», послали послов в Чернигов, которых перехватили «на Локне». Из этого видно, что в летописи разумеется не та речка Локна, которая впадает в Псел, а та, которая впадает в Вырь.

Л о п а с н а. Упомянута в Ипатьевской летописи под 1176 г. как поселение Черниговской «волости», лежащее не очень далеко от Москвы.

а также — от Свирельска. В б. Серпуховском уезде Московской губернии отмечали при р. Лопасне три находящиеся поблизости друг от друга селения Лопасни: Лопасня-Зачатейское (Сп. насел. мест Моск. губ. 1862 г., № 5409); Лопасня-Бадеево (№ 5410); Лопасня-Садки (№ 5412). Все три селения — в 24 км от Серпухова. Однако есть основания полагать, что летописная Лопасня лежала на южном берегу Оки. По договорной грамоте Олега Рязанского с Дмитрием Донским 1389 г., Лопасня была «на рязанской стороне за Окою». Свидетельство это подтверждается доныне существующим городищем против устья Лопасни, где находится погост «Городище», называемый «Четыре церкви» (П. И. Троицкий. Древний город Лопасня, его местонахождение и памятники. «Изв. XI археол. съезда в Киеве», 1899, стр. 55).

Лутава. Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1155 г. Из известия Ипатьевской летописи под 1175 г. можно заключить, что она лежала не очень далеко от Моравиеска. Название и данные о местоположении заставляют считать правильным мнение, что летописная Лутава лежала на месте с. Лутавы, находящегося в 4 км (по Надеждину и Неволину) или в 6 км (по Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г.) от г. Остра (там же, № 2614). Остер в настоящее время — районный центр Черниговской области.

Любеч (Любець, Любячь, Любеск). Впервые упомянут в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях под 882 г. Летописный Любеч — это Любеч, местечко б. Городнинского уезда Черниговской губернии при Днепре (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 1064). Ныне — районный центр Черниговской области.

Мелтеково село. Упомянуто под 1146 г. в Ипатьевской летописи как лежавшее где-то под Новгород-Северском. Местоположение неизвестно. На основании летописного рассказа можно допустить, что Мелтеково село лежало на пути из Чернигова в Новгород-Северский. Сравнение известия под 1146 г. с известием о движении Ярослава из Чернигова к Новгород-Северскому под 1167 г. привело к предположению, что Мелтеково село лежало на р. Малотечке (по летописи — Молочной), причем без достаточных оснований помещают обычно Мелтеково село на городище у села Стахорщины («Тр. XIII археол. съезда, ...», т. II, стр. 22).

Молочьна. Река «Молочьна» упоминается в Ипатьевской летописи под 1167 г., как протекавшая близ Новгород-Северского, в 15 км от города. Арцыбашев, Надеждин и Неволин полагают, что река Молочьна — это река Малотеч, протекающая именно в 15 км от Новгород-Северского по дороге из Чернигова.

Моровийск (Моривейск, Моровиеск). Впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1139 г. как поселение, находившееся на пути из Киева в Чернигов, а под 1159 г. как «город». Из летописного рассказа под 1175 г. видно, что Моравийск лежал (на пути в Чернигов) не очень далеко от Лутавы. Вполне основательно полагают, что Моровийск лежал там, где находится местечко Моровск, при р. Десне, в 15 км от г. Остра (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 2605); в настоящее время — Остерского района Черниговской области.

Мосальск. Впервые упомянут под 1231 г. в Новгородской 1-й летописи как город «Черниговской волости». Мосальск ныне — районный центр Калужской области на р. Можайке.

Мценск (Мьченьск). Впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1147 г. как город, где сидели посадники Владимира Изяславича. Мценск — это г. Мценск, районный центр Орловской области при р. Зуше.

Нежатина нива. Упоминается в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1078 г. как урочище, находившееся под каким-то «селом», близ Чернигова, недалеко от р. Десны. Упоминание о Канине в «Слове

о полку Игореве» в фразе, трактующей о битве при Нежатиной ниве, позволяет приблизительно определить местоположение Нежатиной нивы. Канин находился между р. Сновью и Гюричевом. Поскольку в «Слове о полку Игореве» говорится о зеленом покрывале Канина, надо думать, что Каниным называлась не река, как думает Голубовский, а луг или вообще урочище. Село, под которым происходила битва на Нежатиной ниве, могло быть Гюричевом, если в 1078 г. Гюричев еще не был «городом» (ср. известие под 1162 г.). Голубовский полагает, что Нежатина нива находилась где-то у села Свенковичей («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 28).

Н е р и н с к. Упоминается под 1147 г. в Ипатьевской летописи. Согласно летописному рассказу, Неринск лежал где-то не очень далеко от Лобынска, на правом берегу Оки. Неволин и Надеждин предполагали, что Неринск лежал близ устья Нары. Однако, имея в виду, что Святослав шел из Москвы в Лобынск, а из Лобынска в Неринск, можно предполагать, что Неринск лежал выше Лобынска по Оке, а не ниже. «В Каширском у. находится озеро Неринское» (Чернопятов, указ. соч., стр. 13).

Н о в г о р о д - С е в е р с к и й (Сиверский). Впервые упомянут в «Поучении» Владимира Мономаха, помещенном в Лаврентьевской летописи под 1096 г. в рассказе о событии начала 80-х годов XI в., а в Ипатьевской летописи — под 1141 г. как стольный город. Новгород-Северский ныне — районный центр Черниговской области, на правом берегу Десны.

Н о в о с и л ь. Упомянут впервые в Воскресенской летописи под 1155 г. в известии о том, что княгиня Юрьева прибыла в Киев («изъ Новосиля»). Однако можно думать, что слова «изъ Новосиля» являются испорченными словами «у весельи» («пребыша у весельи»), как читаем в Ипатьевской летописи в известии о приезде и пребывании в Киеве княгини и Ростислава. Княгиня, как узнаем из Ипатьевской летописи, ехала в Киев «из Суздаля» через Смоленск, следовательно, «из Новосиля» она приехать не могла.

О л ь г о в. Упомянут под 1152 г. в Ипатьевской летописи. Из этого известия можно заключить, что Ольгов лежал не очень далеко от Глухова, в направлении, по которому шли половцы из половецкой степи.

Весьма вероятно, что Ольгов, как полагают,— это город Льгов, ныне районный центр Курской области.

О л ь г о в о п о л е. Упомянуто в Ипатьевской летописи под 1148 г. как лежавшее в районе Чернигова, недалеко от р. Белоуса. Местоположение Ольгова поля определяется, возможно, местоположением двух хуторов — Льгова и Льговского, расположенных близ с. Старый Белоус, недалеко от Чернигова. По некоторым указаниям, требующим проверки, Ольговым полем называлось пространство от Троицкого монастыря до деревни Гущина и до берегов р. Белоуса («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 28).

О р г о щ ь. Упоминается под 1159 г. в Ипатьевской летописи как город, который, наряду с Любечем, Моравийском и Всеволожем, тянул к Чернигову. Судя по этим данным, весьма вероятно, что Оргощь — это сел. Рогоща, в 19 км от Чернигова, к северо-западу, в верховьях Белоуса (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 73, где отмечено с. Рогощ при рч. Белоусе, в 23 км от г. Чернигова). Указанное также Неволиным и Надеждиным с. Оржицу в б. Прилуцком уезде Полтавской губернии нельзя связывать с летописным Оргощем, так как Оржица лежала не в пределах Черниговского княжества, а в пределах Переяславского княжества. В с. Рогоще имелось городище. Тождество Рогоща и Оргоща окончательно установлено Голубовским, показавшим, что в древности (см грамоту литовского князя Александра 1496 г.) г. Оргощ назывался не только Оргощ, но и Ръгощь («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 29).

О р м и н а. Упомянута в Ипатьевской летописи под 1140 г. Город Ормина лежал на месте с. Ормино на р. Вормике в б. Мглинском уезде Чер-

ниговской губернии, как установил Голубовский при помощи описания границ литовского рубежа начала XVI в. («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 30). Село Ормино — на северо-восток от г. Мглина Брянской области.

П о п а ш. Упомянут в Ипатьевской летописи под 1147 г. Из этого известия можно заключить, что Попаш лежал где-то не очень далеко от Вьяхани в «Посемье» или близ «Посемья». Летописные данные позволяют относить Попаш как в Переяславскому, так и к Черниговскому княжеству, точнее — к области, связанной с Курском и включавшей в свой состав «Посемье». Попаш помещают при впадении р. Попадьи в Сулу, где имеется городище в 10 км к югу от Вьяханского городища (Г о л у б о в с к и й. Печенеги, торки и половцы. 1884, стр. 93—94; ср.: Г р у ш е в ь с к и й. Історія України-Руси, т. II, 1906, стр. 603).

П о р о т в а. Упоминается впервые в Ипатьевской летописи под 1146 и 1147 гг. как река, протекавшая частью в пределах Смоленского княжества, частью Черниговского. Протва — левый приток Оки.

П о с е м ь е. Впервые упоминается как географическое название, означающее район по р. Семи, в Ипатьевской летописи под 1146 г. Ср. под 1127 г. в Лаврентьевской летописи выражение: «по всеи Семи».

П у т и в л ь. Впервые упоминается под 1146 г. в Ипатьевской летописи как город, неплохо укрепленный, причем там находился большой «двор» князя с 700 человек «челяди». Путивль — г. Путивль, районный центр Сумской области, на высоком берегу Сейма и его притока Путивльке.

Р а д о щ (Радогощ). Упоминается впервые в Ипатьевской летописи под 1155 г., как лежавший не очень далеко от Стародуба. Юрий ехал в Стародуб из Смоленска и встретил на пути Святослава Ольговича «у Синина мосту у Радоща»; возможно, что Юрий намеренно несколько отклонился от прямого пути в Стародуб, чтобы встретиться со Святославом; из летописного рассказа видно, что Юрий ехал из Смоленска через Зарой (на верховьях р. Ипути). Название и данные о местоположении позволяют принять мнение Арцыбашева, что Радощ — это Радогост, ныне — г. Погар на р. Судости, притоке Десны, районный поселок Брянской области. Неволин и Надеждин отметили, что по дороге от Погара к Стародубу находится селение Синин, в 23 км от Стародуба (см. Синин мост). «Городище Радогощ» упоминается в «Книге Большому Чертежу» (под ред. К. Н. Сербиной). Голубовский показал, что этот город существовал и позже, в XV, XVI и начале XVII вв. («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 31).

Р а т ь м и р я (Ратмиря) д у б р о в а. Упоминается в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1127 г. (1128), как находившаяся «за Выремь» (см. Выръ).

Р а х н я. Упомянута под 1146 г. в Ипатьевской летописи, причем можно догадываться, что Рахня — речка, протекавшая где-то близ Новгород-Северского. Голубовский предположительно признает р. Рахной речку, протекающую мимо с. Дегтеревки и впадающую в Десну («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 19).

Р е ч и ц а. Впервые упоминается в Новгородской 1-й летописи под 1214 г. как город «Черниговский» (ср. также Густинскую летопись под 1213 г.). По данным о местоположении и названию, летописная Речица — это теперь город Речица на правом берегу Днепра, районный центр Гомельской области.

Р о п е с к. Упомянут впервые под 1159 г. в Ипатьевской летописи. Судя по летописному известию, лежал между Хоробором и Гомием. Название и данные о местоположении позволяют предполагать, что Ропеск лежал на месте с. Старый Ропск (в б. Новозыбковском уезде при рч. Ирпе), согласно указаниям Надеждина и Неволина (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 2374). Старый Ропск лежит к юго-востоку от Новозыбкова.

Такое определение подтвердилось исследованием Голубовского, указавшего, что Ярослав Всеволодович, встречавший в Ропске княгиню, сидел в это время в Стародубе и что, по документу первой половины XVII в., Ропск тянул к Стародубу («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 32—33).

Р о с у с ь (Роксусь). Упоминается в Ипатьевской летописи под 1160 г. Как можно заключить из летописного известия, Росусь лежала на пути от Выря к Вщижу, недалеко от Воробейна. Надеждин и Неволин указали на с. Расуху в б. Мглинском уезде Черниговской губернии (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 1799). По данным Голубовского, «тут сохранилось и древнее городище, остаток древнего города Росухи» («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 33). Село Рассуха лежит на Рассухе к западу-северо-западу от Стародуба.

Р о с ь. Упоминается под 1187 г. в Ипатьевском списке как река, протекавшая в «Черниговской волости». (?)

С е в ь с к о. Упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 г. как поселение, лежавшее между Путивлем и Болдыжем.

С е в ь с к о — город Севск, ныне районный центр Брянской области на рр. Севе и Морице.

С в е н к о в и ч и. Упоминается в Ипатьевской летописи под 1160 г. Как видно из летописного рассказа, лежали на правом берегу или близ правого берега Десны, близ брода через Десну, под г. Черниговом, повидимому, несколько выше по Десне. Багалей полагает, что Свенковичи — поселение, лежавшее при впадении в Десну Свини (см. «Историю Северской земли до половины XIV столетия». 1882, стр. 151). Можно указать еще на д. Свиньи (Свинь), лежавшую в 8 км от Чернигова, по левую сторону тракта от Городни на Чернигов (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1886 г., № 36). Голубовский привел данные, подтверждающие, что Свенковичи лежали у р. Свинь, близ впадения ее в Десну; по описанию границ земель города Чернигова конца XVII в. при впадении р. Свини в Десну действительно был брод, называвшийся «Свиньская переволока» («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 12).

С в е р и л е с к. Упомянут в Ипатьевской летописи под 1176 г. как поселение «Черниговской волости», захваченное раньше (перед 1176 г.) рязанским князем. Судя по летописному известию, лежало где-то не очень далеко от Лопасни по направлению к Рязани. В этом направлении встречаем р. Сиверку, начинающуюся недалеко от Лопасни и впадающую в Москву несколько выше Коломны; при устье Сиверки есть и село Сиверское (Северское) или «Северск», похожее по названию на «Сверилеск», как отмечали Надеждин и Неволин. По Списку населенных мест Московской губернии, 1862 г., № 3757, с. Северское (Северск) лежит в 7 км от Коломны, при рр. Москве и Северке, на правом берегу р. Москвы.

С в и н ь (Свиная). Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1152 и 1158 гг. как река («за Свиною рекою»), протекавшая недалеко от Чернигова, на пути к Глухову. По Маркову, «река Свинь в 11 верстах от Чернигова по дороге на Глухов, которая ныне двоякое имеет название: Свинь и Замглай, из коих последнее перешло к ней от болота, через которое она протекает, превратясь и сама в вид болотный, но вершина ее, вливающаяся в болото Замглай, и поднесь имеет одно название Свинь, равно как одно селение при устье ее сохраняет то же название» (М. П о г о д и н. Исследования..., т. IV, стр. 238).

С е л ь ц о св. С п а с а. Упомянуто под 1160 г. в Ипатьевской летописи, как лежащее близ Чернигова, выше по Десне, на правой стороне реки. Помещать Сельцо св. Спаса на место архиерейского загородного дома вслед за Голубовским достаточных оснований нет. Изяслав и, вероятно, половцы, которые сожгли Сельцо св. Спаса, переходили Десну у р. Свини (ср. «Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 37).

С е м ы н ь. Упомянута в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1152 г. как поселение, лежавшее под Черниговом, между Гюричевом и г. Черниговом. Попытка Голубовского отожествить Семынь с упомянутым в летописи под 1160 г. «Сельцом св. Спаса», остается необоснованной («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 37). О дружинных курганах IX—X вв. предполагаемого кладбища древнего села Семынь см.: Б. А. Р ы б а к о в. Древности Чернигова. «Матер. и исслед. по археол.», 1949, т. I, стр. 51.

С е м ь. Упоминается, между прочим, в «Повести временных лет» как река, по которой сидели северяне.

С и н и н м о с т. Упоминается в Ипатьевской летописи под 1155 г., как лежащий близ Радоща (ныне селения Родогост — Погар) (см. Радощ). Неволин и Надеждин отметили, что по дороге от Погара к Стародубу находится сел. Синин, в 24 км от Стародуба (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 3236). У Синина, на левом берегу р. Вабли, существовало городище, там, очевидно, лежало в древности поселение или городок Синин и существовал Синин мост (Д. С а м о к в а с о в. Северянская земля..., стр. 108; «Тр. XIII археол. съезда...», т. II, 38).

С п о в с к (Сновьск). Впервые упомянут в Ипатьевской, Лаврентьевской и других летописях под 1067 (1068) г. Из этого летописного рассказа видно, что Сповск лежал на реке или близ реки Снови, на правой ее стороне и недалеко от Чернигова (см. Лавр. л., 1068 г.). Из летописного рассказа под 1234 г. можно заключить, что он лежал «по Десне», т. е. недалеко от р. Десны (Ипат. л.). Марков и Погодин отождествляли Сновск с Седневом. Надеждин и Неволин помещали Сновск «при впадении Снова в Десну, где, по указаниям Ходаковского, при местечке Брусилове, ныне— Черниговского района, должен быть «городок» (РИО, т. VII, стр. 331). Данные описи границ между Литовским и Московским государствами начала XVI в. («Док. Арх. юст.», т. I, стр. 64), по исследованию Грушевского и Голубовского, заставляют полагать, что Сновск лежал на месте старого городища около Седнева (М. Г р у ш е в с ь к и й. Історія України-Руси, т. II, 1905, стр. 605; см. также «Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 39). Седнев в настоящее время — селение Черниговского района, к северо-востоку от Чернигова.

С о ж (Съжь). Упоминается впервые в летописях в «Повести временных лет» как река, где сел Радим и жили радимичи.

С о ж и ц а (Съжица). Упоминается под 1078 г. в Ипатьевской, Лаврентьевской и других летописях как урочище или река Переяславской или Черниговской земли. Карамзин, Надеждин и Неволин полагают, что следует читать «Оржица». Оржица — приток Сулы в б. Полтавской губернии.

С о с н и ц а. Упомянута под 1234 г. наряду с Хоробором и Сновском как город, лежащий близ р. Десны. По названию и данным о местоположении, летописная Сосница — это Сосница, б. уездный город Черниговской губернии при р. Убеди и рч. Вьюнке, в настоящее время поселок городского типа, районный центр Черниговской области.

С п а ш. Впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1147 г. Из известия под 1152 г. можно заключить, что он лежал между Мценском и Глуховом, а из известия под 1147 г.— что он лежал между Мценском и Кромами. Местоположение неизвестно. Связывать Спаш со Спасским монастырем под Севском, как делал Арцыбашев, нельзя, так как монастырь этот был основан в 1618 г. (В. З в е р и н с к и й. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890, т. I, № 474).

С т а р о д у б. Впервые упомянут в «Поучении» Владимира Мономаха, помещенном в Лаврентьевской летописи под 1096 г. в рассказе о

событии 1080 г. Стародуб — б. уездный город Черниговской губернии, в настоящее время районный центр Брянской области.

Стрижень (Стрежень). Речка, упомянутая в Лаврентьевской летописи под 1178 г. Стрижень — речка, разделяющая город Чернигов на две неравные части.

Тмуторокань (Тъмуторокань, Тмуторакань, Тьмуторокань). В русских источниках впервые упоминается в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 988, 1022 гг. и т. д. Известие о Тмуторокани под 988 г., по предположению А. А. Шахматова, является сообщением, «искусственно составленным», когда писался Начальный свод (см. А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 88—89). Конкретные условия образования Тмутороканского княжества выяснены в статье «Тмуторокань в истории Восточной Европы», напечатанной в «Историч. зап.», 1940, № 6[1].

Во второй половине XII и первой половине XIII в. Тмуторокань Черниговскому княжеству уже не принадлежала.

Трубецк (Трубьск, Трубеч, Трубьч). Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1185 г. и в Лаврентьевской летописи под 1186 г. Гор. Трубчевск ныне — районный центр Брянской области на р. Десне.

Унеиеж. Упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г. как город Черниговской области, находящийся в одном приблизительно районе с городами Всеволожем, Белой Вежей и Бахмачем. Из высказанных предположений считаем правдоподобным предположение, отождествляющее Уненеж с нынешним Нежином; принимаем во внимание и местоположение Нежина и сходство между обоими названиями. Указание, что переяславский город Нежатин лежал на Остре, находим не в летописи, а у Татищева, и потому не видим достаточно оснований отождествлять Нежатин с Нежином (ср. В. Лясковронский. История Переяславской земли. Киев, 1903, стр. 137). Голубовский полагает, что Уненеж лежал на месте городища в местечке Иван-город б. Борзненского уезда Черниговской губернии, на р. Остре. Однако такое предположение мало вероятно. Изяслав и Ростислав двинулись от Черной могилы к верхнему Посулью, где стояли их враги. Они успели пройти уже значительное расстояние, когда было решено переменить маршрут, ибо, пока они двигались, успели об их движении сообщить Всеволоду и Святославу, Изяславу же и Ростиславу сообщить о том, что Святослав и Всеволод пошли на Глебль в направлении к Чернигову. Следовательно, после того как Изяслав и Ростислав изменили направление и двинулись наперерез Всеволоду и Святославу («имь перекы») к городу Всеволожу, они (Изяслав и Ростислав) подходили к городу с юга, вернее, с юго-востока. Понятно, что и Бахмач и Белая Вежа и Уненеж (Нежин) остались в стороне; но городок, лежавший на месте Иван-города, должен был быть ими взят на пути; повидимому, он просто был брошен и население его спасалось за стенами Всеволожа; летопись прямо говорит: «и ина в немъ (в г. Всеволоже) бяста два города вошла». Голубовский утверждает, будто летопись под 1147 г. говорит, что «жители Бохмача и Белой Вежи бежали вместе с жителями города Унепежа, вместе с которыми и были захвачены на поле». Летопись говорит только, что они были перехвачены в поле. Мало вероятным представляется предположение Голубовского, что жители городов Унепежа и Белой Вежи бежали сначала к Бахмачу, а оттуда к Чернигову. Если допустить, что Уненеж лежал на месте г. Нежина, то надо полагать, что Изяслав и Ростислав сначала послали перехватить беглецов из Унепежа, а затем (или одновременно) — обитателей Бахмача; перехватить

[1] Прошу исправить следующие опечатки этой статьи: на стр. 81 напечатано «Истархи», следует читать «Истахри»; на стр. 91 в строке 30-й сверху напечатано: «заверить киевского князя», следует читать: «заверение киевского князя».

беглецов из Белой Вежи, а также из Глебля было нетрудно. Городище под Иван-городом и в XVII в. называлось «Иван-городище», и для отожествления его с Уненежем нет достаточных данных. С другой стороны, на месте г. Нежина существовало древнее городище еще в первой четверти XVII в. (А. М. Лазаревский. Описание старой Малороссии. Киев, 1893, т. II, стр. 51; «Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 18, 41—42). Нежин расположен по обоим берегам Остра, но «древний» город Уненеж, по словам Лазаревского, находился, повидимому, на месте теперешнего хутора «Городка» (между городом и с. Лопов-Рогом), расположенного на берегу Остра, топкие берега которого защищали Уненеж с юго-восточной стороны» (А. М. Лазаревский, т. II, стр. 51).

В настоящее время Нежин — районный центр Черниговской области, Иван-город — Бахмачского района Черниговской области.

Уполози. Упомянуты в Лаврентьевской летописи под 1232 г. Лежали на пути из Владимира-Залесского в Серенск, как можно заключить из летописного известия. Местоположение неизвестно.

Хоробор. Впервые упомянут под 1153 г. в Ипатьевской летописи. Из известия под 1159 г. можно вывести, что Хоробор лежал в Черниговской земле между Глеблем и Ропеском. Под 1234 г. упомянут наряду с Сосницей и Сновском как город, лежащий в области Десны. Название и данные о местоположении побудили Надеждина и Неволина предположить, что Хоробор — это Короб или Короп б. Кролевецкого уезда Черниговской губернии, почти при самом впадении в Десну речки того же названия (Сп. насел. мест Черниг. губ., 1866 г., № 17). Короп — в настоящее время районный центр Черниговской области. Обстоятельное исследование Голубовским летописного материала и иного, главным образом описания границ между Литовско-русским и Московским государствами в «Док. Архива Министерства юстиции» (т. I, стр. 64, 66), где Хоробор упомянут, привело его к выводу, что Хоробор лежал на месте городища в местечке Мене, на левой стороне р. Мены («Тр. XIII археол. съезда...», т. II, стр. 49). Мена ныне — районный центр Черниговской области.

Чернигов. Впервые упомянут в тексте договора Руси с греками в летописи под 907 г. Чернигов — на р. Стрижне, близ впадения в Десну, в настоящее время — областной центр. О топографии древнего Чернигова см. Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова («Материалы и исслед. по археологии СССР», № 11).

Чичерск (Чичьрьск, Чичереск). Впервые упомянут под 1159 г. в Ипатьевской летописи. Под 1168 г. упомянут как город Черниговской земли, лежавший на пути из Киева в Смоленск. Чичерск — м. Чечерск, б. Могилевской губернии Рогачевского уезда, при впадении Чичеры в р. Сож, ныне — районный центр Гомельской области, в 82 км от Гомеля.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Аккерман — см. Белгород Днестровский
Алания, страна — 31
Алол, р.; вытекает из оз. Бардова — 125
Алыст, г. в земле летьголы — 84
Амосов — см. Лобынск
Ангеловка, н. п. к зап. от Москвы — 186
Андреев, н. п.; ныне — с. Андреево в верховьях р. Влодавы — 129
Андреевский Грузинский погост Ладожской «волости» — 122
Анты, нар. — 45
Аньгляне, нар. — 36
Арабы, нар. — 162
Аристов конец — см. Филин конец
Артания — 39, 200, 201, 214
Архангельск, г. — 104
Архангельская губ. — 10, 106, 107
Архангельская обл. — 101, 102, 106, 107
Архангельский почтовый тракт — 98, 99
Аршанский стан — 125
Афетова часть («предел») — 34, 83, 137
Ашевка, р. — 125
Ашево —см. Ашевский погост
Ашевская (Влиская, Влицкая) треть Ашевского погоста — 89, 125
Ашевский (Ошевский) погост; ныне — с. Ашево, на р. Ашевке в 31 км к сев.-вост. от Новоржева — 86, 87, 89, 125, 126
Ашевский р-н Псковской обл. — 125
Ашераден, г. в Прибалтике — 158

Балканский полуостров (Балканы) — 45, 140
Балканы — см. Балканский полуостров
Балтийское («Варяжское») море — 10, 23, 34, 35, 37, 152
Баня, г.: ныне — Баня Родна в Румынии — 142, 143
Баня Родна — см. Баня
Барановичи, г. — 150
Барановичская обл. — 150
Бардово — см. Бардовский погост
Бардовская треть Бардовского погоста — 125
Бардовский погост; ныне — с. Бардово на р. Алол — 86, 87, 117, 125, 126
Бахмач — см. Бохмоч
Бахмачский р-н Черниговской обл. — 232
Бежецк — см. Городецк
Бежецкая волость — 91
Бежецкая пятина — 91, 123
Бежецкий Верх (Вьрх), территория по верховьям р. Мологи — 77, 91, 117, 118, 126
«Бежицкий ряд» — 91, 92, 115, 123, 126
Бежицкая («бежичкая») «ста» — 126
Бежичи, н. п. и волость; впоследствии — погост Бежецы при оз. Верестове и р. Мологе в 10 км от Городецка — 91, 126, 154
Белавежа (Белая Вежа), г. в верховьях р. Удай, правого притока Сулы; ныне — н. п. Белавежа в 15—20 км южнее Бахмача — 59, 214, 221—223, 232, 233
Белавежа старая, н. п. в верховьях р. Удай (?) — 60
Белавежа хазарская (Белая Вежа хазарская, Саркел), хазарская крепость и поселение на Дону — 43, 59, 60, 221
Белая, р., приток р. Мологи — 92
Белгород, г. в Рязанской земле—200, 201
Белгород, г. на р. Ирпень около Киева—29, 32, 33
Белгород Днестровский (Аккерман), г. — 138, 142, 144
Белз, г. к зап. от верховьев р. Западный Буг — 128-130, 132
Белзская земля — 132, 134
Беловежцы, жители Белавежи хазарской (Саркела) — 60, 204
Белое море — 93, 99, 103, 122
Белозерск — см. Белоозеро
Белозерская половина — 124
Белозерский городок старый, г., находился у истоков р. Шексны в 17 км от нового (новый — на берегу Белого оз.; ныне — Белозерск, р. ц. Вологодской обл.) — см. Белоозеро
Белозерский край — 112
Белоозеро, г. и волость на берегу Белого оз. — 10, 47, 48, 50, 63, 72, 73, 93, 176, 178 — 180, 188, 190, 194, 195, 198, 199, 218

---

* Принятые сокращения: вост.— восток; г.— город; губ.—губерния; д.— деревня; зап.—запад; км — километры; нар.—народ, народность; н. п.—населенный пункт; обл.— область (относительно современного административно-территориального деления); о-в—остров; оз.— озеро; п-ов — полуостров; почт. ст.— почтовая станция; р.— река; р-н—район (относительно современного административно-территориального деления); р. ц. — районный центр; сев.—север; с. — село; у.— уезд.

Указатель составлен В. Н. Автократовым.

Белополье, г.; ныне — р. ц. Сумской обл.; г. построен на месте старого Вирского городища — 60, 223
Белорусский тракт — 125
Белоус, р. в Черниговской обл.; возможно старинное название Боловос, Беловес — 222, 226, 228
Бельский погост Шелонской пятины — 95
Бельчица, наименование четырех селений под Полоцком — 149
Беницы, погост к северу от р. Протвы — 66, 167, 184
Березанка, с. при р. Свине — 221, 224
Березина, р., приток Немана — 153, 157
Березна, г.; ныне — н. п. Черниговской обл. — 59, 221
Березый (Березовый), г. в Черниговской земле — 221, 224
Берестейская волость (территория) — 56, 127, 143, 218
Берестечно, с. при р. Стыре; ныне — р. ц. Волынской обл. — 133
Берестов, н. п. на территории среднего течения р. Москвы — 167
Берестье, г.; ныне — г. Брест — 127 — 130, 134
Берлад (Берладь), г. на р. Берладь; ныне — Бырлад в Румынии—29, 140 — 142, 144
Берладники — жители Берлада—140, 141,
Берладь, р., впадает в р. Серет (дунайский) — 140, 143
Бессарабия — 42
Бешенковская почт. ст. — 157
Биармаланд — 104
Биармия — 80
Битюк, р., левый приток Дона — 213
Бишкина, р., приток Сулы — 223
Блеве (Облове, Обловь, Оболва, «во Облови»), н. п. у истоков р. Болвы; ныне — с. Облово (Облова) — 66, 221
Блистово (Блистава, Блестовет), с. на р. Пулке — 222
Блицы — см. Влицы
Бобровница (народное название — Юрьевская), с.; ныне — Черниговского р-на—224, 225
Боброк, р. в Галицкой земле — 138
Бобруйск, г. — 150
Бобруйская обл. — 150
Боголюбово, с. около г. Владимира — 188, 191
Богородицкий у. Тульской губ. — 224
Богуславль, г. на р. Роси — 29
Болва, р., приток Десны — 66, 221
Болгария (балканская), страна — 32, 138 — 140
Болгария Охридская — 140
Болгарское царство (держава) — 13
Болгары (балканские), нар. — 136
Болгары (Болгария волжская, болгары камские), территория волжских болгар и нар. — 10, 23, 112, 173, 174, 176, 179, 182, 183, 191, 194, 200, 208
Болдины горы, местность под Черниговом — 222
Болдыж (Болдежь), н. п.; ныне — с. Валдыж Орловской обл. — 222, 230
Боловос (Боловес) — см. Белоус
Болоховских князей владения (в Подолии) — 29
Большая Лахта, залив — 104
Большие Соли — см. Соль Великая
Большой Орлец, н. п. Архангельской обл., южнее Холмогор — 102
Большой Рубеж, д. бывшей Холомерской волости —156
Болшево, н. п. к сев. от Москвы — 186
Болчинский погост Шелонской пятины — 95
Бор — см. Кудьмозеро
Бордово оз. в Новгородской земле — 125
Борзна, р., приток р. Десны — 222
Борзненский у. Черниговской губ. — 222, 232
Борисов, г. на р. Березине — 157
Борисов-Глебов (Глебов), г.; ныне — городище (где была церковь Бориса и Глеба) у с. Вакина — 206
Боровск, г. на р. Протве; ныне — р. ц. Калужской обл. — 66, 184
Босфор, пролив — 31
Бохмач, г. на р. Борзне; ныне — Бахмач, р. ц. Черниговской обл. — 59, 214, 221, 222, 223, 232
Бочейковская почт. ст. — 157
Брест, г. — см. Берестье
Брестская «область» — 134
Броды, г.; ныне — р. ц. Львовской обл. — 130, 133, 135
Бронницы, с. на р. Мсте — 123
Брусилово, местечко и «городок» рядом с ним; ныне — н. п. Черниговского р-на и обл. — 231
Брянск — см. Дебряньск
Брянская обл. — 222, 225, 229-232
Буг — см. Западный Буг и Южный Буг
Будкиничи, центр Будкинской трети — 125
Будкинская треть Ашевского погоста — 125
Бужане, вост.-славянское «племя» — 34, 131
Бужск (Бужской), г. на Ю. Буге —29, 41, 130
Бузыновата — см. Роксоляны
Булгар, г. — 200
Буйце, волость — 89, 120, 123, 164
Бусовно, с. между Краковом и Влодавой (ныне в Польше) — 129
Бырлад — см. Берлад

Вабля, р. в Черниговской земле — 231; *погост* «у Вавдита», н. п. у Водлоозера; позднее — Вавдиполе Пудожского р-на Карело-Финской ССР — 100
Вага, р., приток Сев. Двины — 93, 107, 108, 115, 116, 189, 195, 219
Важени — см. Воскресенский в Важенях погост на Свири
Важанский погост—107. Ср.: *погост* «на устье Ваг»
Важская «область» («край») — 107, 195
Важско-Вельский «край» — см. Вельско-Важский «край»
Вазуза, р., приток Волги — 89, 90, 165, 168, 174, 186, 193, 195, 218

Ваймуга, р., приток р Емцы — 106 — 108, 115, 189
Вакиев, д. на р. Гучве — 132
Вакино, с. Рыбновского р-на Рязанской обл. — 206
Валдайская возвышенность — 76
Валдутов (Волдутов) погост в Прионежье («в Онегах») — 94, 100
Валдыж — см. Болдыж
Ванан, г. в земле еми — 93
Варанги — см. варяги
Варзуга, р. на Кольском п-ве, впадает в Белое море — 114
Варзуга, погост на Кольском п-ве — 114
Варна, г. — 140
Варяги (варанги), нар. — 10, 14, 36, 37, 39, 40, 43, 44, 69 — 71, 78, 148, 161, 162, 174, 177
Варяжское море — см. Балтийское море
Василев, г. на р. Стугне — 33
Васильев острог в Югорской земле — 111
Введенский погост на р. Ояти — 98
Векшенга, р., правый приток р. Сухоны — 108, 109
Велиж, г.; ныне — р. ц. Смоленской обл. — 156, 157
Велижский у. Смоленской губ. — 156
Великая, р., впадает в Псковское оз. — 76, 83, 84, 87, 88, 92, 115, 125, 156, 158, 219
Великая Ворона, р., приток р. Хопра — 212—215
Великая Пермь, территория — 112
Великая Скифия («Великая Скуфь») — 42
Великая Слобода, н. п на р. Шеньге — 108
Великая Соль — см. Соль Великая
Великие Вержавляне (вержавские погосты), погосты в Смоленской земле — 49, 163
Великие Луки (Луки), г. — 44, 86, 87, 88, 89, 117, 118, 125, 153, 154, 156, 164
Великий Листвен — см. Листвен Великий
Великий Новгород — см. Новгород Великий
Великолукская обл. — 84, 85, 86.
Великолукская территория, «область», волость — 88, 117, 124, 125
Велиль, н. п. в Деревской пятине — 123;
погост «у Вели», на р. Вели — 108, 188
Велыняне — см. волыняне
Вель, р., приток р. Ваги — 101, 108, 189
Вельско-Важский «край» — 99, 100, 101
Велятковская волость Витебского у. — 157
Венгрия, страна — 139
Веницкий погост—см. *погост* у «Вьюнице»
Вережа, р., приток р. Вержи — 164
Верестово оз., около р. Мологи — 91
Верещин, н. п. юго-вост. г. Люблина — 129
Верея; г.; ныне — р. ц. Московской обл.— 184
Вержа, д. при р. Вержице — 163
Вержа, р., приток Днепра — 164
Вержавляне — см. Великие Вержавляне
Вержавск, г. — 49
Вержавские погосты — см. Великие Вержавляне
Вержица, р. в Смоленской земле — 163
Верхнее Поднепровье — см. Поднепровье Верхнее
Верх — см. Бежицкий Верх
Верх-Морево, с. на р. Поле — 119
Верхневолжский бассейн — 14
Верхне-Ясеная (Ясеная, Ясенское), д. на р. Ясеной — 160
Верхняя Руда — см. Жабачев
Веси Егонские, с. на р. Мологе (впоследствии — город?) — 92
Весь («Вису»), нар. и страна — 10, 34, 35, 72, 179
Весь Егонск, г. на правом берегу р. Мологи — 92
Весьегонский у. — 92
Вечулки, с. близ р. Стырь — 133
Взвад, п. п. и территория в устье р. Ловать — 119
Взгорня, р. в Смоленской земле — 160
Византийцы — см. греки Византийской империи
Византия, государство (Восточноримская империя, «Греческая земля») — 10, 37, 38, 40, 45, 59, 139, 140, 141, 201
Вильно, г. — 153, 154
Винницкий погост — см. Вьюнище
Виноградовский р-н Архангельской обл. — 107
Вира, р. левый приток р. Сейм — 60, 223, 225, 224, 229
Вирское городище — см. Белополье
Виры Старые — см. Старые Виры
«Вису» — см. Весь
Витебск, г. — 86, 150, 151
Витебская губ. — 151, 153, 156
Витебская обл. — 157
Витебский «район» — 155
Витебский у. — 157
Витичев, полянское поселение (крепость)— 16. Ср.: Витичево
Витичево, с. в устье р. Стугны — 16
Вихтово — см. *погост* у «Вихтуя»
Вихтовская — см.*погост* у «Вихтуя»
погост у «Вихтуя», погост-становище на р. Пинеге; затем — Вихтово (Вихтовская) — 105
Вичин — см. Мичин
Вичина, р., впадает в Черное море — 140
Вишнев, д. близ р. Стырь — 133
Владимир (Владимир-Залесский), г. на р. Клязьме — 167, 170, 176, 177, 180, 181, 182, 183, 184, 187, 188, 190, 191, 194, 202, 208, 215, 233. Во Владимире: церковь св. Богородицы — 191, 192
Владимир-Волынский, г. — 29, 32, 128, 130, 132 — 136, 141, 171
Владимирская губ — 193
Владимирское княжество — 193, 220
Владимирская обл. — 191
Владимирцы, жители Владимира-Залесского — 190
Вленя, р., левый приток р. Дубны — 192, 193
Влиская (Влицкая) треть — см. Ашевская треть
Влицы, губа Ашевской трети, позднее — погост Влицы (Блицы) — 125

Влодава — см. Володава
Водла, р., впадает в Онежское оз. — 100
Водлезерский погост, в районе оз. Водлоозера и р. Водлы — 100
Водлица, р. в Онежском крае — 98
Водлоозеро, оз., через него протекает р. Водла, впадающая в Онежское оз.— 100
Водская «волость» — 121, 123
Водская дорога — 121
Водская земля — 80, 81, 120, 121
Водская (Вотская) пятина — 51, 81, 96, 120
Водь, нар. — 35, 80, 83, 120
Вожа, р., приток р. Оки 201, 202, 206
Вожане, жители Водской земли — 80, 119
Вожское (воложское) городище на правом берегу р Оки около с. Волынь — 202
Вознесенский р-н Ленинградской обл.— 98
Волга, р. — 23, 39, 89, 90, 97, 112, 115, 145, 159, 162-165, 167, 168, 170, 172, 173, 174, 177-180, 185, 186, 190, 191, 193-196, 208, 213, 214. 218
Волго, оз. в верховьях р. Волги — 89
Волгома, р., приток р. Сяси — 97
Волдутов погост — см. Валдутов
Волжский путь — 23
Волковый, с. близ р. Стырь — 133
Вологда, г. на р. Вологде — 108, 109
Вологда, р., правый приток р. Сухоны — 101, 108
Вологодская волость — 108
Вологодская губ. — 10
Вологодская обл. — 92, 100, 178
Володава, н. п. при впадении р. Володавки в Зап. Буг; ныне — Влодава (в Польше) — 129
Володавка, р.. приток Зап. Буга — 129
Воложа — см. Воложба
Воложба (Воложа), р., левый приток р. Сяси — 97, 121, 122
Воложки, н. п. в Вольпском крае — 133
Воложское — см. Вожское
Волок, (?) — 190
Волок в Новгородской земле — 77, 100
Волок, на р. Моше — 99 — 101
Волок, на р. Печере — 114
Волок Малый, с. при р. Волошке — 100
Волок Кенской (Кемской) — 100
Волок Пинежский — 106. Ср.: Пинежский («Кегрельский») волок
Волок-Ламская волость — 180
Волоколамск (Волок на Ламе), г., ранее стоял на р. Ламе — 90, 108, 115, 118, 192, 193, 196
Волость — см. Кудьмозеро
Волоцкое оз.— см. Волошево
Волочек, н. п. между р. Мерской и р. Клязьмой или на р. Мерской — 183, 184
Волочек, местность в Двинской земле — 104
Волочек — см. также Волок
Волошево (Волоцкое) оз.— 100
Волошка, р. в Онежском крае — 100
Волхов, р. 69, 70, 74, 76, 79, 85, 94—97, 115, 118, 122, 124, 173, 218
Волховская территория — 94
Волховская («Волховьская», «Поволховьская») «сто» — 124, 126
Волынская губ.— 130
Волынская обл.— 128, 134
Волынская «область», земля — 17, 32, 39, 130, 175
Волынцы, жители Волынской земли — 142
Волынь, с. на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Вожи — 202
Волыняне, вост.-слав. «племя» — 34, 130
Воплярово, имение близ станции Катынь- 160
Воробийн (Варболэ), г.; ныне — д. Варбьяла, к югу от г. Таллина — 82, 83
Вормик, р. в Черниговской земле — 228
Воробейна (Воробиина), г. в Черниговской земле; ныне — с. Воробейня при р. Теремушке — 222, 223, 230
Воронеж, г. — 204
Воронеж, р. приток Дона —201, 202, 204, 213, 215
Воронеж (Воронаж, Воронож), территория — 202, 212, 213, 215
«Ворота», местность на границе с Польшей — 132
Воротынск, г. на р. Выссе, левом притоке Оки — 65, 180, 223
Ворскла, р., приток Днепра — 45, 51
Воскресенский в Важенях погост на р. Свири — 98
Воскресенский Липенский погост — см *погост* «в Липне»
Воскресенский погост на р. Масельге — см. *погост* на «Масиеге»
Воспор — см. Босфор
Восточная Европа — 18, 48, 220
Восточноримская империя — см. Византия
Восточноевропейская равнина — 41
Восточные славяне (восточнославянские «племена») — 18, 35, 83, 130. «и прочими славянами» — 31
Вотовичи — см. Воторовичи
Воторовичи (Вотовичи), на р. Вотри — 164
Вотрь, р., правый приток Днепра — 164
Вотская пятина — см. Водская пятина
Вотск я («В чская») «сто» — 126
Врочницы, местность в Смоленской земле — 164
Всеволож, г.; ныне — с. Сиволож Комаровского р-на Черниговской обл — 59, 60, 130, 133, 221-223, 227, 228, 232
Выг, р., впадает в Белое море — 123
Выгошев, г. — 29
Выдра, р. в Смоленской земле — 160
Выдра, р. — 184
Выжгород (Вышгород), г. на р. Оке — 202, 218
Вымь, р., приток Вычегды — 112, 113
Выръ, г. в Черниговской земле — 60, 222, 225, 230
Вытегорско-каргопольский путь — 100
Вытегра, г.: ныне — р. ц Вологодской обл. — 100
Вытегра, р., вытекает из Маткоозера и впадает в Онежское оз. — 99

Вычегда, р., приток Сев. Двины — 112, 113
Вышгород, г. на правом берегу Днепра, выше Киева в 15 км — 29, 33, 52 — 57, 61, 63, 187. В Вышгороде Радилов двор — 54
Вышгород — см. также Выжгород
Вышегородский погост Шелонской пятины — 95
Вышегородцы, жители Вышгорода — 54, 55
Вышневолоцкий тракт — 91
погост «у Вьюнице», в «Обонежском ряду» на р. Ояти; позднее — Винницкий погост — 95, 97
Вьюнка, р., в Черниговской земле — 231
Вьяхань, г. на р. Терна; ныне здесь Лехановское (Дехановское) городище — 223, 229
Вщиж, г. на р. Десне выше Брянска; позднее —одноименное с. и городище— 129, 222, 223, 230
Вятичи, вост.-слав. «племя» — 8, 15, 28,-30, 35, 41, 51, 52, 61, 64, 65, 67, 159, 172,174, 180, 183, 184, 186, 195, 197, 202, 205, 207, 213, 219, 221, 222, 226
Вятическая земля, территория вятичей — 65
Вятка, р., приток р. Камы — 195
Вятская губ. — 10

Гавшино, с. на р. Холохольне в 15 км от г. Старицы — 91
Газневидское государство — 45
Галац — см. Галич Малый
Галицко-Волынский «край» — 21
Галицкое княжество — 193
Галицкая земля, «область», «край», земля — 130, 134, 136, 138, 142, 144
Галич, г. на Днестре — 29, 134, 136, 138, 141, 144
Галич Малый (Галац?) — 143
Галич-Мерский, г. Галицкого оз. — 193, 194
Галичане, жители Галича (днестровского) - 136, 142
Галицкое оз. — 193, 196
Гамская земля (Финляндия) — 93
Гардарикия — 70
Герцике, г. на Зап. Двине, позднее здесь находилась деревня Царьград (в 42 км от Даугавпилса) — 153, 158
Гижица, р., приток Стыря — 133
Глебль, г. на р. Ромне, правом притоке Сулы; ныне — г. Красный Колядин — 223, 224
Глебов, г. Переяславской земли — 224
Глебово-Городище при впадении р. Реберки в р. Вожу — 206
Глухов, г. на Ямани: ныне — р. ц. Сумской обл. — 29, 221, 224, 228, 230, 231
Гнездово, с. на Днепре, в 10 км Смоленска — 159, 172
Гнездовское городище (и курганы) — 159, 160, 162, 163, 177.
Гнойница, н. п. в верховьях р. Горыни— 29, 41, 130,
Голубино, с. при р. Выдре Михневского р-на Московской обл. — 184
Голядь, нар. — 25, 159, 166, 211
Гомель, г. — 157, 224, 233
Голино, с. в устье р. Шаги — 76
Гомельская обл. — 157, 229
Гомия, н. п. на р. Сож; ныне — Гомель (см.) — 171, 224, 229
Городел, с. — 143
Городенский Ладожский погост — 122
Городец, г. на нижней Десне, около Киева — 67, 129
Городец Остерский — см. Остерский городок
Городец-Радилов (Городец), г. на левом берегу Волги, лежал на месте слободы Городец; ныне Городец — р. ц. Горьковской обл. — 23, 173, 190, 191, 195
Городецк (Городец), г. и волость; позднее — Бежецк, ныне — р. ц. Калининской обл. — 91, 108, 153
Городище, д. на р. Кудке в 15 км от г. Опочка — 85
Городишна, н. п. в бассейне р. Сухоны (на р. Городишне?) — 189
Городище Сарское — см. Сарское городище
Городище Четыре Церкви — см. Лопасня
Городец, г. на Березине — 153, 157
Городки, с. бывшего Ранненбургского у. — 204
Городно, н. п.; ныне — Городно на р. Немане — 56, 88, 153
Городня, г. на р. Городне, в 45 км к сев. от Чернигова— 59, 226, 230
Городня, с. на р. Оке — 205
Городнянский у. Черниговской губ. — 226, 227
Городок, г. на р. Черемош — 142, 214
Городокский у. — 156
Городчане, жители Городца-Радилова — 91
Гороховец, г. на р. Клязьме; ныне — р. ц. Владимирской обл. — 191, 192
Горынь, р., приток Припяти — 29, 41, 130, 133, 144. См. также Погорынье
Горьковская обл. — 23, 190
Горький — см. Нижний-Новгород
Гостоничи (Гостояничи, Стояничи), г. на р. Десне — 224
Гостояничи — см. Гостоничи
Готы, нар. — 36
Греки Византийской империи (византийцы) — 18, 19, 30, 40, 42, 44, 46 — 48, 50, 54, 55, 64, 66, 69, 139, 162
«Греческая земля» — см. Византия
Григорьева-Морозова половина — 124
Гришинско-Евсеевское — см. Спиркова гора
Гродно — см. Городно
Грубешов, г. в Волынской земле — 129
Гузо-печенежские народы — 45. См. также печенеги
Гульбище, курган около Чернигова — 162
Гуричев (Гюричев), н. п.; ныне — с. Бобровица Черниговского р-на — 221, 224, 225, 228, 231
Гучва, р., приток Зап. Буга — 132
Гущина, д. на «Ольговом поле» (?) — 228
Гюричев — см. Гуричев
Гюргов — см. Юрьев

Даугавпилс (Двинск), г. на Зап. Двине — 153, 158
Двина — см.: Западная Двина, Северная Двина
Двинск — см. Даугавпилс
Двинская земля — 93, 102, 103, 104, 105
Двинская «лука» — 102
Двинская слобода — 103, 104
Двинская территория — 101, 105, 106
Двинской округ Витебской губ. — 153
Двинской у. — 105
Двиняне, жители Двинской земли — 105, 114
Деболы — см. Диабол
Дебрянск (Добрянск, Брянск), г. на р. Десне — 209, 223, 224, 225
Девягорск (Девягорьск, Девягореск, Деревягореск), н. п. в Черниговской земле — 224
Дегтяревка, с. на р. Десне — 225, 229
Дедилово — см. Дедославль
Дедин — см. Дедичи
Дедичи, н. п.; ныне — с. Дедин на вост.-сев.-вост. от Кричева — 167
Дедославль, г.; ныне — с. Дедилово, р. ц. Тульской обл. — 65, 209, 210, 211, 224
Деманская дорога, дорога к Новгороду через Старую Русу — 76, 89, 123, 173
Демань (Деман), г. на р. Явоне; ныне — Демянск, р. ц. Новгородской обл. — 76, 77, 119, 123, 173
Демидов — см. Поречье
Демшина, д. Калининской обл. — 87
Демянск — см. Демань
«Дерева», местность в Новгородской земле — 76, 77
Дервленины — см. деревляне
Деревягореск — см. Девягорск
Деревская (Древлянская) земля, территория древлян — 29, 32, 34, 51, 55, 56, 63, 76, 77, 89, 96, 119, 123, 145
Древлянская земля — см. Деревская земля
Деревская пятина — 51,76
Держа, р., правый приток р. Волги — 90, 168
Дерст — см. Доростол
Десна, р. — 21, 22, 34, 45, 53, 56 — 58, 60, 67, 223 —333. Ср.: Подесенье
Дехановское (Лехановское) городище, на р. Терне — 223
Диабол (Деболы), с. на р. Саре — 175
Дичин — см. Мичин
Дмитриевский р-н Черниговской обл. — 221, 224
Дмитров, г. на р. Яхроме — 185, 186, 190, 193
Дмитровск, г.; ныне — Дмитровск-Орловский, г. Орловской обл. — 222
Дмитровск-Орловский — см. Дмитровск
Днепр, р. — 12, 14, 20, 29, 33, 41, 42, 45, 48, 51, 53-56, 60-62, 66, 85, 137, 142, 145, 146, 150, 151, 157, 159, 160-166, 172, 214, 216, 223, 226, 227, 229
Днепровские пороги — 10, 38
Днестр, р. — 42, 130, 131, 136-138, 142, 144, 219
Днестровский лиман — 142
Доброчков, н. п. при р. Москве — 167
Добрый Сот, н. п. у Старой Рязани на р. Рановая — 201, 202
Добрянск — см. Дебрянск
Добрятино, н. п. на р. Пахре — 166, 167
Должинский погост Шелонской пятины — 95
Домажирово, д. Пашского р-на Ленинградской обл. — 94
Дон, р. — 39, 60, 170, 206, 210, 212, 214. См. также Подонье
Донец, р. — 51
Дорогичин, г. на Зап. Буге — 129
Дорогобуж, г. — 128, 130, 134, 160
Доростол (Дерст, Дрествин, Силистрия), г. — 139 — 141
Драгунка, р., приток р. Жиздры — 225
Древляне (дервленины, «до Дерев»), вост.-слав. «племя» — 10, 20, 29, 31, 32, 34, 41, 42, 53, 55, 56, 63, 65, 130, 137
Дреговичи, вост.-слав. «племя» — 17, 34, 50, 56, 60, 130, 145, 149, 150, 155, 218
Дреговичская земля, территория дреговичей — 29
Дрествин — см. Доростол
Дрисса, р., приток Зап. Двины — 149
Дроздна, р., приток Клязьмы — 183, 184
Друть, р., приток Днепра — 150, 151, 154, 157
Друцк (Друтск, Дрьютьск), г. — 88, 146, 154, 155, 166
Дручане, жители Друцка — 88
Дрьютьск — см. Друцк
Дубна, р., правый приток Волги — 90, 179, 192, 193
Дубок, г. на Дону — 210
Дубровна, смоленское поселение на р. Кунье в 50 км к сев.-зап. от Торопца — 86, 164, 165
Дудичи, местность на р. Птич — 157
Дулебы, вост.-слав. «племя» — 10, 131
Дунай, р. — 16, 42, 131, 136-142, 144, 219
Духовщина, г.; ныне — р. ц. Смоленской обл. — 160
Дцин — см. Мичин
Дьяково, н. п. к югу от Москвы — 186

Егна, новгородская волость — 91, 92
Егница, р., приток р. Мологи — 92
Егно, оз., в районе Весь Егонска — 92
Егорьевско-Луский погост в Новгородской земле — 121
Егорьевский погост на Кожеле — см. Кожела
Езерище — см. Озерище
Екатерининская гора — см. Мокрая гора
Елец, г.; ныне — р. ц. Орловской обл. — 65, 208-210, 213, 215
Елната, р., правый приток Волги — 193
Елецкое княжество — 213
Ельня, г. в 82 км от Смоленска — 160
Елша, р., в бассейне Зап. Двины — 164
Емснец, селение в Полоцкой земле — 86, 156
Емецк — см. Емецкий городок
Емецкий городок на Емце, затем — Емецкое с.; ныне — с. Емецк, р. ц. Архангельской обл. — 106
Емецкое — см. Емецкий городок

Емецкий погост (становище на Усть-Емцы) — 106
Емечская слобода — 104
Емца, р., приток Сев. Двины — 100, 101-104, 106, 107, 115. См. также Усть-Емцы
Емчане, жители территории по р. Емце— 102
Емь (ямь), нар. — 34, 74, 75, 93, 98, 99, 104, 122
Ерева, нар. — 83
Ерши-Ладожицы, д. около станции Катынь, зап. Смоленска — 160
Есьск, г. и волость; ныне — с. Есько (Еськи) Бежецкого р-на — 91

Жабачев, г. на берегу оз. Селигер. Позднее здесь д. Верхняя Руда (Рудино), или Жабино. На картах эта деревня называется Огарево — 86, 89, 164, 165
Жабино — см. Жабачев
Жабье, д. при оз. Собро — 164
Жалинская губа Новоторжского у. — 91
Ждана гора, около р. Кубры — 90, 176, 180
Жедрицкий погост Шелонской пятины — 95
Желды (Желний), г. в низовьях Сулы — 88
Железные ворота, названия проливов в Белом море — 93
Жижец, г. при оз. Жижце близ Торопца; ныне — поселок Жижина — 49, 164, 165
Жижина — см. Жижец
Жиздра, р., левый приток Оки — 52, 180, 225
Жихарева-Рябчикова половина — 124

Завеличье, территория — 156
Завережье, территория — 76
Заволжье, территория — 188, 190, 191, 195
Заволоцкая земля — см. Заволочье
Заволочье (Заволоцкая земля), территория по Сев. Двине — 73, 74, 83, 86, 100, 101, 103, 104-107, 111, 116-118, 124, 156, 188, 189, 195, 208
Загородцы, жители «Загородья» — района Новгорода — 110
Загорье, н. п. при р. Москве — 167
Задонье, территория —213
Зайчин, с. Рязанской обл. — 211. Ср. Заячены
Замглай — см. Свинь
Заонежская половина Обонежской пятины — 94, 95, 124
Заонежье, приильменская территория — 74, 80, 93, 94, 101, 115, 122
Заостровье, местность у устья Сев. Двины — 104
Западная Двина, р. — 10, 84, 85, 86, 93, 94, 145, 146, 149 — 159, 163, 164, 172, 173
Западный Буг (Буг), р., приток Вислы — 10, 23, 34, 51, 56, 127 — 130, 132, 133, 134, 143, 218
Заполотье, территория — 149
Зарайск, г. на р. Осетр — 205, 206
Зарайский у. — 206
Зарой, г. при р. Ирпени; позднее— с. Разрытое, в 60 км от Рославля—66, 156, 172, 226, 229
Зартый (Зарытый), г. на р. Сейме — 225
Зарусская половина Шелонской пятины— 119
Заславль — см. Изяславль
Застановский р-н Черновицкой обл. — 138
Заячены, погост в верховьях, р. Прони— 211
Званка, р. в Новгородской земле — 91
Звенигород, г. на р. Днестре —130, 132, 136, 141, 144
Звенигородский у. — 168
Зимно, д. около г. Владимира-Волынского —133
Зимегола (Зимигола, семигаллы), нар.— 34, 35, 146, 151, 152, 219
Змень, п. п.; впоследствии погост Узмень при р. Мологе и оз. Верестове— 91
Зубцов, г. на Волге в устье р. Вазузы — 90, 153, 173, 193, 194
Зуша, р., приток Оки — 227

Иванковская, д. в устье р. Пидьмы — 99
Ивань-погост; позднее здесь Иваньковский приход г. Колмогор — 102, 105
Иваньковский приход — см. Ивань-погост
Ивгей-река — 114
Ивона, р., приток р. Свири— 99
Ивангород, н. п. на р. Остре — 232, 233
Игорево сельцо, около г. Новгород-Северского — 225
Игорев брод, на р. Днестре — 225
Ижма, р., приток Сев. Двины — 104
Ижора, нар. — 35, 71, 80, 83, 119, 121
Ижора, р., приток Невы — 121
Ижорская земля — 79, 80, 115, 120, 121, 122, 218
Ижоряне, жители Ижорской земли — 122
Изборск, г. на р. Славянские Ключи — 10, 71-73
Изяславль (Заславль), г. в Полоцкой земле; позднее — Сеславль — 66, 146, 147, 150, 157
Ильинский в Веницах погост. — см. Вьюнице
Ильинский на Волхове погост — 122
Ильмень-озеро — 12, 20, 51, 69, 72, 75, 76, 118, 173
Имоченская дорога — 97
Ингерманландская губ. — 125
Иоанн Милостливый, с. зап. Бежецка — 91
Ипуть, р., левый приток Сожа — 65, 66, 159, 172, 229
Ирпа, р., приток р. Снов — 229
Исады, н. п. около Рязани (Старой) — 201
Исаковская — см. Спирова гора
Искона, н. п. при р. Москве — 167
Искоростень, г. древлян — 64
Исса, р., приток р. Великой — 85
Истобенка, н. п. на р. Рановая — 204

Истра, р., приток р. Москвы — 90, 168
Исьск, н. п. на территории «Бежецкого ряда» — 91

Кавгала, р. в Финляндии — 93
Кадом, н. п. в земле мордвы на р. Мокше — 207
Кадомский р-н Рязанской обл. — 207
Калининская обл. — 87, 89, 91
Калуга, г. — 223
Калужская губ. — 221, 225
Калужская обл. — 66, 223, 225, 227
Кама, р. — 39, 112, 113, 194
Каменец-Подольская обл. — 130, 137
Камень, оз. в Новгородской земле — 84
Канев, г. на Днепре — 29
Канин, в Черниговской земле (?) — 225, 227, 228
Канкор, г. на р. Каме — 15
Карачев — см. Корачев
Карачевский у. — 225
Карачунский погост по р. Шелони — 95
Каргополь, г. на р. Онеге — 101
Каргопольцы, жители Каргополя — 101
Карелия — см. Корелия
Карельский (Корельский) перешеек — 79, 115, 121
Карпатские (Угорские) горы, Карпаты — 10, 137, 142, 144, 219
Касимов, г. на р. Оке — 207
Касимовский у. Рязанской губ. — 207
Касоги, нар. — 21
Каспийское море (Каспий) — 10, 23, 174
Касплинское оз. («на озере на Каспле») в Смоленской земле — 155, 157, 165
Каспля, р., приток Зап. Двины —150, 160, 161, 164
Каспля, н. п. на р. Каспле; ныне — с., р. ц Смоленской обл. — 164
Катынь, станция зап. Смоленска — 160
Катынь, р. в Смоленской земле — 160
Кашира, г. — 65, 225
Каширка р., приток р. Оки —183
Каширский у. Тульской губ. — 225, 228
Кашубы, нар. — 146
Кеврола — см. Кегрола
Кеврольский у. — 106
Кегрела, волость в Двинской земле —106
Кегр ла (Кегрольский городок), погост-становище на р. Пинеге; ныне — д. Кеврола в 146 км к сев. от г. Пинеги — 105, 106. Ср.: Пинежский («Кегрольский») волок
Кенозеро, оз. в Заонежье — 100
Кенской волок — см. Волок Кенской (Кемской)
Кехта, местность около устья Сев. Двины — 104
Киев (Кыев), г.-3, 7-10, 13-16, 18, 20, 22 25, 28-30, 32-34, 36, 37, 39, 41-47, 49-67, 69-73, 75-78, 109, 113, 129, 130, 134-137, 139, 146, 147, 149, 154, 161, 162. 163, 168, 171, 172, 173, 181, 182, 187, 198, 200, 209, 216, 218-220, 224. 227, 228-233. Кыяба—200. В Киеве: Великий двор — 171, Десятинная церковь — 46, Копырев конец—53, 58, Ратшин двор—54, Турова божница—54, Ярославов двор — 54
Киевляне («кияне»), жители Киева — 21, 33, 53, 54, 55, 139, 154
Киевская земля — 15, 66
Киевская «область», «волость» — 10, 16, 28, 29, 33, 37, 38, 40, 44, 45, 47, 51-53, 55-57, 71, 129, 130, 137, 138, 162, 185, 187
Киевская территория — 67
Киевская Русь — 17-19, 22, 130, 216
«Киевская сторона» (правобережье Днепра) — 55
Киевское государство — 7-9, 18, 21, 24-28, 31, 33, 45, 188, 197, 216, 217, 219, 220
Киевское княжество — 20, 28, 30, 32, 47, 50, 217
Килия, г. на Дунае — 140
Киммерийский Босфор (Боспор); ныне — Керченский пролив — 10
Кинешма, г. на Волге — 173, 193
Кишинев, г. — 137
Кишиневская дорога — 42
Кишковщина, д. Вознесенского р-на Ленинградской обл.— 98
Кишна, р., приток Оки — 201
Клецк — см. Клеческ
Клеческ (Клическ), г.; ныне — г. Клецк, р. ц. Барановичской обл. — 129, 150, 157
Клещино, оз. в Ростовской земле — 176, 179, 206
Климецко-Тесовский погост в Новгородской земле — 121
Клическ — см. Клеческ
Ключи Славянские, р., на ней стоит г. Изборск — 10
Кляз ма, р., приток Оки — 23, 167, 168, 173, 174, 179, 180, 182-184, 188, 190, 191, 195, 208
Клязьменский городок — см. Стародуб
Княжево, д. Максатихинского р-на Калининской обл. — 92
Княжиха, д. Бежецкого р-на — 92
Княж-остров, около устья Сев. Двины — 104
Кобона, р., впадает в Ладожское оз. — 79, 122
Ковель, г. — 129
Ковшаров, д. в 27 км к юго-вост. от Смоленска — 160
Ковшаровское городище — 160
Кожела, погост; позднее — Егорьевский погост на Кожеле — 97
Кожела, в Двинской земле — 97
Козария — см. Хазария
Козары — см. хазары
Козельск, г. на р. Жиздре; ныне — р. ц. Калужской обл. — 209, 224, 225
Коковичи, д. на р. Ояти — 97
Кокоева, д. Л дейнопольского р-на — 98
Кокорка, погост «Обонежского ряда» — 97
Кокшенга, р. в Двинской земле — 108, 189, 195
Кокшенгский городок, н. п. в верховьях р. Кокшенги —189
Кокшенгский «край» — 189
Колбецкий (Колбаский) Климецкий погост в Колбегах на р. Воложбе — 122

Колмогоры (Холмогоры), с.; ныне — г.— 102, 105-106, 114. В Колмогорах: Иваньковский приход — см. Иваньпогост
Коложе (Новое), г. на р. Кудке, притоке р. Великой — 84, 85, 88
Коложе (Старое), г. между оз. Камень и оз. Коложе — 84, 85, 156
Коложе, оз. в Новгородской земле — 84
Коложская волость — 85, 117
Коломна, г. при впадении р. Москвы в Оку — 66, 183, 184, 201, 205, 206, 208, 230
Коломыя, г. в верховьях р. Прута; ныне — р. ц. Станиславовской обл. — 138, 142
Колтеск (Полтеск), г. на Оке; ныне — с. Колтово с городищем в 5 км выше г. Каширы — 51, 65, 183, 209, 211, 224, 225
Колтово — см. Колтеск
Кольский п-ов — 80, 114, 116
Комаровский р-н Черниговской обл. — 223
Комов, с.; ныне — Кумов к югу от г. Холм в Польше — 129
Конец — см. Кудьмозеро
Конотопский у. — 222, 224
Константин, г. — см. Кснятин
Константинополь (Царьград), г. — 30, 36, 37, 47, 50, 54, 140, 154, 190
Копоново, с. близ р. Оки — 207
Копорье, г. в 10 км от берега Финского залива, между устьями р. Луги и р. Невы — 81, 93, 121
Копоряне, жители Копорья — 81
Копша, р. в Новгородской земле — 97, 99
Копыс (Копысь), поселок Витебской обл. — 155, 159, 165, 166, 167
Корачев (Карачев), г.; ныне — р. ц. Брянской обл. — 65, 222, 225, 226
Кордна (Корьдна), местность в земле вятичей — 65, 180, 226
Корела (корелы), нар. — 35, 71, 79, 80, 83, 111, 115, 119, 121, 122, 218
Корелия (Карелия), территория — 70, 79
Корельская земля — 121
Корельский город, на зап. берегу Ладожского оз. — 121
Корельский перешеек — см. Карельский перешеек
Корельский погост в Варзуге — 114
Короб (Коров), р., приток Десны — 233
Корочунов Камень, г. — 142
Корсунь, г. на р. Роси — 29
Корсь (куроны), нар. — 34, 35, 151, 219
Коршев, г. на р. Сосне — 65
Корьдна — см. Кордна
Косино, н. п. к вост. от Москвы — 186
Косицкий погост в Новогородской земле — 120
Коскошино, местность в Двинской земле — 106
Коскошинская волость, на р. Сев. Двина — 106
Коснятин — см. Кснятин
Кострома, г. — 194
Кострома, р., приток Волги — 173, 193, 194, 196, 214
Костромское княжество — 193, 194
Костромской «район» — 23, 173
Которосль, р., правый приток Верхней Волги — 23, 180
Красное, г.; ныне — с. Красное — р. ц. Смоленской обл. — 160
Красный Колядин — см. Глебль
Крастостав, г. в Польше — 129
Кривичи, вост.-слав. «племя» — 8, 10, 17, 28, 43, 47, 50, 67, 69-72, 90, 145, 146, 149, 153, 159, 161, 163, 167, 168, 172, 174, 177, 180, 197, 198
Кривое, местность (?) на Сев. Двине — 105
Кричев, г. в Смоленской земле — 167
Кролевецкий у. Черниговской губ. — 233
Крома, р., приток Оки — 226
Кром, г. Черниговской земли; позднее — Кромы; ныне — г. Кромы Орловской обл. на р. Кроме — 226, 231
Крырово (Крыров), р., приток Десны — 226
Крыулянский р-н Молдавской ССР — 137
Кснятин (Коснятин, Константин), г. в устье р. Нерли (волжской), — 185, 186, 190, 194
Кубра, р., приток р. Нерли (волжской) — 90, 185
Кудка, р., приток р. Великой — 85
Кудьмозеро, оз. к зап. от г. Архангельска — 104
Кудьмозерское, с. в районе Кудьмозера. Местные названия: Лахта, Волость, Табор, Конец, Бор — 104
Куземкинская, д. Юксовского погоста — 99
Кукейойс, укрепление, подвластное Полоцку, по течению Зап. Двины — 153, 158
Кукуй, название двух деревень Оятского р-на Ленинградской обл. — 98
Кукуева гора, близ Савозера, в верховьях р. Шатуксы — 98
Кукуевский погост на р. Олонце; позднее — «Рождественский на Олонце» погост — 98
Кулой (Кулуй), р., впадает в Белое море — 105, 108
Кунья, р., приток р. Ловати — 86, 89, 164
«Купецкая река» в Финляндии — 93
Купринское оз., в Смоленской земле — 160
Куроны — см. Корсь
Куроостров, местность в устье Сев. Двины — 102, 104
Курск, г.— 29, 58, 60, 61, 65, 199, 213, 223, 226, 229
Курская обл.— 222
Курья, рукав в дельте Сев. Двины — 114
Курья, р., приток Сев. Двины и залив — 114
Кучельмин, г. на Днестре; позднее — Кучурмик — 138, 142
Куяба — см. Киев

Лава (Лавуй) — см. Ловуй
Лавля, местность в районе устья Сев. Двины, выше г. Архангельска — 104
Ладейнопольский, см. Лодейнопольский
Ладога Новая — см. Новая Ладога
Ладога Старая (Ладога), г. на р. Волхове — 69, 70, 73-75, 79, 80, 83, 93, 104, 113, 115, 121, 175, 177, 217-219

Ладожане, жители Ладоги — 74, 75, 79, 80, 104, 119
Ладожская (Поволховская) территория, волость — 122, 123, 126
Ладожское оз.— 70, 79, 94, 98, 121, 122
Ладожское побережье — 122
Ладожский городенский погост в устье Кобоны — 79
Лама, р., приток р. Шоши — 89, 90, 168, 219
Латыгорева, д. (?) около Великих Лук—88
Лахта, р. в Двинской земле — 104. Ср.: Большая Лахта, Малая Лахта, Кудьмозерское
Ледя, р. в Двинской земле — 108
Лекса, р., приток р. Выг — 123
Лелеква, р. в Смоленской земле — 160
Лензенины, славянское «илемя» (по Константину Багрянородному) — 31, 42
Ленинградская обл.— 94, 97-98, 122
Лепельский у.— 149
Летыгола (латыгола, лотыгола, летигалы), нар.— 34, 35, 83, 84, 120, 153
Либь (ливы, любь), нар.— 34, 35, 146, 151, 152, 219
Липовец, р., приток р. Великой — 83
погост «в Липне» (погост на Липне, «Воскресенский погост на Липне на реке Сяси»), погост в «Обонежском ряду» — 94-96
Лисий остров, местность около устья Сев. Двины — 104
Лиственъ, н. п. Черниговской земли; позднее — с. Лиственъ Малый (Лиственъ) и городище рядом при р. Белоус — 60, 226
Лиственъ Великий, с. на р. Руде (Мокроусовке) — 226
Литва (литовцы), нар.— 34, 35, 151, 153, 154, 157, 210, 211. См. также Литовское государство
Литова, н. п. Устьмерского стана — 184
Литовское государство (Литва) — 57, 85, 86, 88, 89, 117, 119, 120, 222, 231, 233
Лобская (Лопская), д. при оз. Лобском в Медвежьегорском р-не Карело-Финской ССР — 122
Лобынск (Любинец Омосов), г. в устье р. Протвы — 66, 211, 226, 228
Лобь, р.— 90
Ловать, р., впадает в оз. Ильмень — 20, 76, 85-89, 118-120, 124, 151, 156, 164, 173
Ловуй (Лавуй, Лава), р., впадает в Ладожское оз.— 122
Логотск — см. Логожск
Логожск (Логотск), г. в Полоцкой земле, зап. Борисова — 155, 157, 166
Лодейницы, н. п. в Смоленской земле; остатки его селища близ станции Катынь — 160
Лодейнопольский р-н Ленинградской обл. — 98
Лодейнопольский у. — 99
Лодьма, р., приток Сев. Двины — 104
Локна, р., приток р. Вырь — 226
Локна, р., приток р. Десны — 226
Локотск, местность в Новгородской земле — 123
Лопасня, р., приток Оки — 183, 227, 230
Лопасня, г. на Оке против устья р. Лопасни; здесь погост «Городище Четыре Церкви» — 51, 226, 227
Лопасня-Бадеево, с. на р. Лопасне — 227
Лопасня-Зачатейское, с. на р. Лопасне — 227
Лопасня-Садки, с. на р. Лопасне —227
Лопастица, местность в Новгородской земле — 123
Лопов Рог, с. в Черниговской земле — 233
Лопское оз. в Медвежьегорском р-не Карело-Финской ССР — 122
Лопская («Лопьская») «ста» — 126
Лопца (Лопская) волость в Новгородской земле — 79, 120, 121, 122
Лопца, «волостка» по р. Ловуй, входила в состав Лопской волости — 122
Лотыгола — см. Летыгола
Лопь — см. Лобь
Лопшенга, р. в Двинской земле — 103
Луга, р., впадает в Финский залив — 69, 76, 83, 96, 115, 118, 120, 121, 124, 218
Луга, р., приток Зап. Буга — 128, 129, 132, 133
Лужа, н. п. Черниговского, затем Московского княжеств — 184
Лужская «область» волость (Луга), волость в районе р. Луги — 120
Луза — см. Луга
Луки — см. Великие Луки
Лукомль, г. при оз. Лукомльском, в 80 км к сев.-зап. от Орши — 150, 154, 155, 156
Луская («Луская») «ста» — 126
Луско (Луское), с. в пределах Егорьевско-Луского погоста — 121
Лутава, г. на р. Десне у устья р. Остер; позднее — одноименное с.— 60, 227
Луцк (Луческ), г. на р. Стырь — 120, 128—130, 132, 133, 135
Лучане, жители Великих Лук — 88
Лучане, жители Луцка — 134
Лучеса, р., приток Зап. Буга — 150, 157
Лучина, н. п. в Смоленской земле; возможно — д. Лучан на р. Ельше — 171
Лыбедь, р., впадающая в Днепр ниже Киева — 62
Львов, г.— 128
Львов Старый — см. Ольгов
Львовская обл.— 133
Льгов, хутор близ г. Чернигова (на «Ольговом поле») — 222, 228
Льгов — см. также Ольгов
Льговский, хутор близ г. Чернигова (на «Ольговом поле») — 222, 228
Льста, р., левый приток р. Сороти — 125
Любеч (Любець, Любячь, Любеск), г. на Днепре; ныне — р. ц. Черниговской обл — 30, 59, 60, 226, 227
Любинец Омосов (Амосов) — см. Лобынск
Люблин, г.— 129
Любно, с. на р. Поле около Демянска — 119
Любомль, г.; ныне Волынской обл. —129
Любь — см. Либь
Любяч — см. Любеч
Люговское оз., в Лодейнопольском р-не Ленинградской обл.— 98

Люнгенфьорд — 114
Люцин, г. при оз. Большая и Малая Лужа — 158
Люцинский «район» — 158
Лядская земля — 128, 140
Ляхи — см. поляки

Маговка, д. к югу от Карачева — 224
Маклаковская волость Велижского у.— 156
Максатихинский р-н Калининской обл.— 91
Малая Азия — 38, 201
Малая Баевая, д. на Зап. Двине — 157
Малая Лахта, залив Белого моря — 104
Малотечка (Молочная), р., приток Десны— 227
Малый Галич — см. Галич Малый
Малый Листвен — см. Листвен
Малый Рубеж, д. б. Холомерской волости — 156
Маселька (Масиега), р., приток р. Волгомы — 97
погост «на Масиеге», становище-погост «Обонежского ряда»; позднее — Воскресенский погост на р. Масельге — 95, 97
Масьега — см. *погост* «на Масиеге»
Матигорская лука — 102
Матигоры, местность близ устья Сев. Двины — 101, 102, 104. В Матигорах: церковь Бориса и Глеба — 101
Мглин, г.; ныне — Брянской обл.— 222
Мглинский почтовый тракт — 222
Мглинский у. Черниговской губ.— 222, 228, 230
Медведица, р., приток Волги — 90, 168, 173, 179, 180, 185, 195, 218
Медвежегорский р-н Карело-Финской ССР — 122
Медвежья Голова — см. Оденпэ
Медынь, г.— 66
Межа, р., приток Зап. Двины — 153, 156, 163, 173
Мезень, г. на р. Мезени, в 4 км от ее устья — 105, 106
Мезень, р., впадает в Белое море — 105
Мелеча, волость — 91, 92
Мелеча, р., приток р. Белой, впадающей в р. Мологу — 92
Мелегежский погост, в верховьях р. Сяси — 122
Мелтеково, с. на р. Малотечке — 227
Мена, н. п. на р. Мене — 233
Мена, р., приток р. Дяговы, впадающей в Десну — 233
Меотида — 48
Мерская (Нерская), р., приток р. Москвы — 183, 184
Меря («меряне»), нар.— 8, 10, 34, 35, 43, 69, 70, 72, 145, 161, 174, 175, 176, 198
Мечин — см. Мичин
Микулин, г. около р. Серет, выше Теребоволя — 130
Минск, г.— 150, 155, 157
Минский «район» — 153
Минская губ.— 157
Митино, с., к сев. от Москвы — 186
Митинское городище, на правом берегу р. Оки, у с. Митинского — 202
Митинское, с. на правом берегу р. Оки, при впадении в нее р. Вожи — 202
Михайлов, г. Рязанской обл. — 211
Михайловский на Волхове погост — 122
Михайловский в Тервиничах погост — 94-95
Михайловский погост Шелонской пятины — 95
Михайловский у.— 206
Михневский р-н Московской обл.— 184
Мичин (Мечин), г. у Дупая, около устья р. Серет. Возможно, что это Вичин, Дичин, Дцин — 139, 140
Млевский рядок — 77
Могилевская губ.— 233
Могилевская обл. — 66
Можайка, р., на ней стоит г. Мосальск — 227
Можайск, г.— 166
Мокрая гора (Екатерининская), между озерами Камень и Коложе в Новгородской земле — 85
Мокроусовка (Руда), р.— 226
Мокрушина кара (Юрковская), д. в устье р. Пидьмы — 99
Мокша, р., приток Оки — 207, 208, 215
Молдова, р., приток Серета — 143
Молога, р., левый приток Волги — 76, 77, 90-92, 126, 173, 179, 186, 194
Молодая, р., в Смоленской земле — 161
Моложское княжество — 179
Молочная — см. Малотечка
Монастыри:
Архангельский Михайловский — 104; Богородицкий Ильинский-Троицкий-Болдинский под Черниговом (на Болдиных горах) — 222, 228; Елецкий-Успенский-Богородицкий в г. Чернигове — 224; Евфросиньев на р. Полоте — 149; Киево-Печерский 145, 164, 175, 181, 220; Спасский под Севском — 231; Троицкий — см. Богородицкий-Ильинский-Троицкий-Болдинский; Федоров-Богородичный в Городце-Радилове — 190; Юрьев-Новгородский — 47, 49, 89, 118
Монастырь, урочище в бывшем имении Чермно на р. Гучве — 132
Моравийск — см. Моровийск
Моравы, нар.— 10, 34, 35, 192, 197, 201, 207, 208, 215
Мордовская земля — 204
Морева, р., впадает в Полу — 119
Морево, волость по р. Ловать — 119
Морево — см. Верх Морево, Никольское Морево, Но ая Руса, Рядок в Русе-Мореве, Успенское Морево, Усть Морево
Моржегорская волость на Сев. Двине — 106
Моржова гора, местность в Двинской земле — 106
Морица, р., приток р. Сева — 230
Моровийск (Моравийск, Моривейск, Моровиеск) г. на Десне; ныне — Моровск Остерского р-на Черниговской обл.— 59, 227, 228
Морозовская волость Мосал ского у.—221
Мосальск, г. на р. Можайке; ныне — р. ц. Калужской обл.— 221, 227

Мосальский у. Калужской губ.— 221
Мосемврия, г. на Черном море — 140
Москва, г. 52, 112, 117, 118, 123, 124, 166, 167, 168, 172, 180, 183, 184, 185, 186, 190, 195, 210, 211, 250. В Москве: Боровицкий Холм — 186; Зарядье — 186; Кремль — 186
Москва, р., приток Оки — 66, 167, 171, 180, 183, 186, 190, 205, 206, 226, 228, 230
Московская губ.— 153, 184, 193, 226, 230
Московская обл.— 90, 184
Московское государство — 14, 57, 222, 231, 233
Московское княжество — 14
Моша, р., впадает в р. Онегу — 98, 99, 100, 101, 116, 189
Мошенская волость — 101
Мошня, р., приток р. Чегницы — 157
Мста, р., впадает в Ильмень-озеро — 69, 76, 77, 90, 96, 115, 118, 123, 124, 173, 185, 212
Мстино, оз., сев. Вышнего Волочка — 77
Мстиславль, г. в Смоленской земле — 159, 171
Муром, г на Оке — 10, 47, 48, 170, 197, 198, 200, 205, 208, 214, 215, 217, 218
Мурома, нар.— 10, 34, 35, 197, 198
Мурома-Рязанская волость, земля — 65, 197, 204, 219
Муромо-Рязанское княжество — 65
Муромская земля, территория («край») 34, 197, 205
Муромское княжество — 204
Муромцы, жители Мурома — 204
Мценск, г. на р. Зуше; ныне — р. ц. Орловской обл.— 65, 205, 208, 209, 210, 211, 215, 224, 226, 227, 231
Мшага — см. Пшага
Мытищи, н. п. на р. Яузе — 183
Мытищево, н. п. в Устьмерском стане — 184
Мышьи Черева, р., приток р. Водлы — 100
Мьченьск — см. Мценск

Нагорная половина Обонежской пятины — 95
«Нагорье» — местность в верховьях рек Сяси и Воложбы (Воложе) — 94, 122
Назья, р. в Новгородской земле — 122
Налюч, местность (?) на р. Поле — 119
Нара, р., приток р. Оки — 66, 211, 228
Настасьинская волость на р. Мышьи Черева в Водлезерском погосте — 100
Нева, р.— 79, 80, 121
Невель, г. на оз. Невель; ныне — р. ц. Великолукской обл.— 149
Немогарда — см. Новгород Великий
Неглинная, р., приток р. Москвы — 186
Негоостров, местность близ устья Сев. Двины — 104
Нежатин, г. в Черниговской земле — 232
Нежатина Нива, урочище около Чернигова — 225, 227, 228
Нежин — см. Уненеж
Неман, р. — 56, 150, 153, 157
Неметь — см. «Немеч в горах»
«Немецкая земля» — 93
«Немеч в горах», г. на р. Самош; ныне — г. Неметь — 143
Немига — см. Немиза
Немиза (Немига), р., приток р. Свислочь— 150, 155
Немцы, нар.— 81,83, 84, 120, 121, 153
Ненокса, р., впадает в Белое море —104
Нерехта (Нерехоть), г. на р. Солонице — 194
Неринск, г. на верхней Оке — 29, 228
Неринское, оз. близ р. Оке—228
Нерль, р., левый приток р. Клязьмы — 174, 179, 180, 183, 190, 191, 195
Нерль, р., правый приток Волги — 23, 90, 179, 185, 190
Неро, оз.— 177
Нерома, нар.— 34
Нерская — см. Мерская
Нижегородская губ.— 10
Нижний-Новгород (Новград, Горький), г.— 190, 192, 195, 208
Нижняя Тойма, р., впадает в Сев. Двину — 109
Никольский о-в, в дельте Северной Двины — 114
Никольский с Городища погост в Ладожской «волости» — 122
Никольское, с., к сев.-зап. от Москвы — 186
Никольское Морево, д. на р. Поле — 119
Никольский о-в, в дельте Сев. Двины—114
Никольский погост на р. Ояти, «Обонежского ряда» — 98
Новая Ладога, г.; ныне — р. ц. Ленинградской обл.— 97
Новая Руса (Морево), с. на р. Поле — 119
Новгород Великий (Новгород, «Немогарда»), г.— 7, 8, 13, 14, 18, 21, 24, 29, 30-33, 37, 39, 40, 43, 44, 46-51, 54, 64, 69-82, 85-89, 90, 92-94, 101, 102, 104, 106, 107, 109-115, 117-121, 123, 124, 135, 144-148, 151, 155, 159, 162, 164, 168, 171-176, 178, 179, 181, 185, 186-188, 190, 192-194, 197-198, 209, 216, 217, 219, 226. В Новгороде: концы Неревский — 110, 121, Людин — 110, Словенский — 110, Плотницкий — 110, Загородский (Загородье) — 110, Спасский —121; Торговая сторона — 44; улицы Даньславля — 101, Кузмодемьянская — 121; церкви — св. Дмитрия на Даньславле-улице — 101, Бориса и Глеба — 101, храм св. Софии — 91, 94, 96, 97, 100, 105-108
Новгородская губ.— 10, 96, 97
Новгородская обл.— 119
Новгородская «область», «областная территория», земля, «край», «волость» — 15, 40, 43, 50, 53, 71-73, 75-77, 79, 81, 83, 84, 87, 88, 90-94, 100-102, 115, 117, 123, 124, 131, 150, 151, 153, 156, 172, 173, 178, 192, 218
Новгород-Северский, г. на Десне — 22, 57, 58, 59, 61, 67, 209, 221, 225, 227-229
Новгород-Северское княжество — 58, 65
Новгород-Псковская земля — 155, 156
Новгородок на Остре — см. Осетр
Новгородцы, жители Новгорода Великого — 34, 43, 44, 50, 69-75, 78-83, 86, 90, 92, 96, 99, 104, 105-107, 109-111, 113—117, 119, 120, 153, 163, 168, 176, 185, 186, 188, 189, 193

Новозыбков, г.—229
Новозыбковский у.— 229
Новоржев, г.; ныне — р. ц. Псковской обл. 85, 125, 126
Новоладожский у. С.-Петербургской губ.— 97
Новоржевская волость — 89
Новоржевский у.— 87
Новоселки, д. и городище к зап. от Льгова — 207 Ср.: Ольгов
Новосиль, г. на р. Зуше — 228
Новоторжская волость — 115
Новоторжский у.— 91
Новоторжцы, жители Торжка — 89
Новый Торг — см. Торжок
Норвегия, страна — 114
Норманы, нар. — 15
Нузла (Нуза) — 212

Облово — см. Блеве
Оболва — см. Блеве
Облучский погост Шелонской пятины — 95
Обольянка, р., приток р. Лучесы — 150
Обонежская пятина — 51, 94, 95, 96, 118
«Обонежский ряд» — 74, 77, 93-100, 115, 122, 126, 219
Обонежская («Обоиская») «ста» — 126
Обонежье, территория — 94, 126
Обуховский р-н Киевской обл.— 16
Обша, р., в Смоленской земле — 163
Обь, р — 113
Овидиопольский р-н Одесской обл.— 142-143
Овруч, г. в Деревской земле — 29, 33, 56
Огарево — Жабачев
Оденпэ (Медвежья голова), замок в земле эстонской чуди — 82, 83
Одесская обл.— 143
Одреск (Одрьск), г.— 155
Одровь, р., приток Днепра — 150, 155
Ожеск — см. Ужеск
Озерище, н. п. на Полоцкой большой дороге — 156
Окладникова, слободка на Усть-Мезени Двинского у.— 105
Ока, р. — 23, 29, 41, 52, 65, 66, 162, 173, 174, 180, 184, 186, 191, 195, 197, 198, 200-202, 204-209, 211, 213, 215, 225, 227-229
Окский бассейн — 14
Олешье, г. в низовьях Днепра — 140, 142
Олисово, д. в 22 км от Новоржева — 126
Олонецкая губ.— 100
погост «во Олонци» (Олонець), погост-становище на нижней Свири — 98
«Ольгин град» — см Вышгород
Ольгов (Старый Ольгов, «Старый Львов»), г. на р. Оке; позднее — с. Льгово (Ольгове, Ольхово); ныне г. Льгов — р. ц. Курской обл.— 202, 207, 228. Ср.: Ольгов Новый
Ольгов Новый, г. при впадении р. Прони в Оку — 207
«Ольгово поле», местность под Черниговом близ р. Белоус — 59, 222, 228
Ольжичи, с. в Киевском княжестве — 56
Ольская треть Бардовского погоста — 125, 126
Ольша, р., приток Днепра — 160, 161
Омут, с. или урочище на пути из Городца Радилова во Владимир — 191
Онега, г. при впадении р. Онеги в Белое море — 101, 106
Онега, р., впадает в Белое море — 93, 99—102, 117, 118
Онежские (Онеские) тони — 104
Онежское оз.— 93, 99, 122
Онузе, г.— 212
Опут, г. на Днестре, выше Хотина; ныне — здесь д. Онут и д. Пол-Онута — 138
Опольщина, территория между Ростовом, Переяславлем-Залесским и Владимиром— 23, 174, 180, 190
Опочецкий тракт — 126
Опочецкий у.— 126
Опочка (Опоки), г. на р. Великой; ныне— р. ц. Великолукской обл. 84, 85, 87, 114, 120, 156
Опочко-Коложенский «район» — 85
Опочна, р , приток Липовца — 83, 84
Оргеев, г. в Бессарабии — 42, 137
Оргеевский у.— 142
Оргощ (Рогощ), г. Черниговской земли; ныне — с. Рогоща на р. Белоус — 59, 228
Орда — 113
Оредеж, р., приток р. Луги — 121
Орел, г.— 213
Орехов — см. Орешек
Орешек (Орехов), г. на р Неве; ныне — г. Петрокрепость Ленинградской обл — 121, 122. В Орешке: Лопская сторона— 122, Корельская сторона — 122
Оржица, с в Переяславской земле — 228
Орлец, г. Двинской земли на Сев. Двине — 101, 102, 105. Ср.: Большой Орлец
Орлец-Ступинское, «район» в Двинской земле — 101. Ср.: Ступино
Орловская губ.— 222, 225
Орловская обл.— 226, 227
Ормина, г. в Черниговской земле; ныне— с. Ормино на р. Вормике — 129 228
Орша (Рша), г.; ныне — р. ц. Витебской обл.— 155, 157, 159, 165, 166
Оршинское городище — 155
Осень, р.— 91
Осетр (Новгородок на Осетре), г. на Осетре — 209, 210, 211
Осетр, р., правый приток Оки — 65, 205, 210, 211
Осташков, г. на оз. Селигер — 89
Осташковский у.— 164
Остер, г. — см. Остерский городец
Остер (Остра), р., левый приток Десны — 60, 67, 221, 225, 232, 233
Остерский городок (Городец Остерский), г. на р. Остер: ныне — Остер, р. ц. Черниговской обл.— 60, 67, 227
Остерский р-н Черниговской обл.— 227
Остреченский погост (погост Рожества Пресвятые в Остречинах), погост на р. Свири — 98, 99
Остров, г.; ныне — р. ц. Псковской обл. — 84
Островская дорога — 125

Островский у.— 125
Острогожский у. Волынской губ.— 130
Очела, нар.— 82, 83
Ошевский погост — Ашевский погост
Оять, р., приток р. Свири — 94, 95, 97-99
Оятский р-н Ленинградской обл.— 97

Паденга, р., левый приток р. Ваги — 107, 189
Палины, стан в Новгородской земле — 123
Палич (Палиц), новгородская волость — 91
Пафлагония — 201
погост у Пахитка на Паши, в «Обонежском ряду» — 95, 97
Пахра (Похра), р., приток р. Москвы — 159, 166, 171, 172, 180
Пацин (Пацынь), г. в бассейне верхней Десны — 49, 66
Паша, р., впадает в Ладожское оз.— 95, 97, 99
Пашский р-н Ленинградской обл.— 94
Пежма, р., левый приток р. Ваги — 108
Пеза, р., левый приток р. Мезени — 105
Пейпус — см. Чудское оз.
Пензенская губ.— 214
Передольский погост в Новгородской земле — 120
Перемиль, г. на р. Стыр; ныне — с. Перемыль — 133
Перемыль — см. Перемиль
Перемышль, г. на р. Сане в Галицкой земле — 127, 130, 132, 134-136, 144, 218
Перемышльская «область», земля, волость — 134, 138
«Перемышльская горная страна» — 129
Пересечен, с. близ Киева, на пути к Переяславлю-Русскому — 42
Пересечен, древний г. уличей — 42, 131, 137
Пересечина, с. Крыулянского р-на Молдавской ССР — 42, 137
Переяславец на Дунае. г.— 139
Переяславль-Залесский (Суздальский), г.— 90, 167, 185, 190, 192-194, 199
Переяславль-Русский (Переяславль), г. на р. Трубеж — 29, 30, 32-34, 42, 43, 47, 50-52, 60, 66, 67, 114, 144, 168-170, 180, 182, 198, 205, 206, 214, 215, 223, 224
Переяславль-Рязанский, г.—205-207, 211. В нем церковь Николы Старого — 206 Ср.: Рязань
Переяславская земля, территория «область», «волость», — 17 29, 45, 47, 51, 60, 67, 231
Переяславское княжество — 20, 28, 30, 32, 47, 60, 67, 217, 223, 228, 229
Переяславское (Плещеево) оз.— 177
Переяславцы — жители Переяславля-Русского — 55
Пермь (Пермский край, земля), территория — 93, 110-112, 116, 178
Пермь, нар.— 34, 101, 113
Пермь, Старая — см. Старая Пермь
Перну, р., в земле еми — 93
Песочная, р., в Смоленской земле — 160
Петровское сто — 163
Петрозаводск, г.— 99
Петрокрепость — см. Орешек
Печенеги, нар.— 31, 42 45, 61, 62, 67, 138-140, 161. Ср.: гузо-печенежские народы
«Печенегия» — земля печенегов (по Константину Багрянородному) — 31
Печерская сторона, земли по Печоре — 105
Печора (Печера), нар. и территория — 34, 101, 105, 110, 113, 114, 116
Печора, р.— 105
Пещана — см. Пищана
Пидьма, р., приток р. Свири — 99
Пинега, р., приток Сев. Двины и территория — 104-106, 113
погост в Пинеге, погост-становище на р. Пинеге — 105
Пинежский («Кегролский») волок — 105, 106
Пинск, г.— 128, 129, 134
Пиркиничский погост на р. Свири — 98
Пищана (Пещана), р., приток р. Сож 29, 41, 171
Плесо, н. п. на Волге — 173, 193
Плещеево оз.— см. Переяславское оз.
Плужский р-н Каменец-Подольской обл. — 130
Побужье, территория — 130 — 135
Побужье Верхнее, территория — 130, 134, 143
Повенецкий у.— 123
Поволжье, территория — 48, 92, 113, 173, 179, 185, 186, 193, 195, 198, 218
Поволжье Верхнее — 192, 195
Поволжье Суздальское — 192
Поволховская волость — см. Ладожская волость
Поволховский «район», территория — 74, 79, 94, 120, 216
Поволховская «ста» — см. Волховское сто
Погар, г. на р. Судости — 229. Ср.: Радощ
«Погорина» — см Погорынье
Погорынье («Погорина»), территория — 42, 51, 129
Погост, название двух сел на р. Пуе Ровдинского р-на Архангельской обл.—107
Подвинье, территория—101, 106, 115, 189
Подвинье Нижнее, территория — 103, 104, 107. 113, 115
Подесенье, территория — 45, 224
Поднепровье, территория — 33, 42, 45 48, 144, 169, 212, 216
Поднепровье Верхнее, территория — 163. 185, 186
Поднепровье Нижнее (Южное), территория — 173, 175
Поднепровье Среднее, территория — 7, 21, 25, 28, 42, 45, 46, 144
Поднестровье, территория — 131, 136, 137, 163
Подонье, территория — 48, 204, 213
Подоржевка, д.— см. Ржева Пустая
Подпорожский р-н Ленинградской обл.— 99
Подунавие, территория — 136
Подце, оз. в Заволочье — 124
Пожеревицы — см. Пожеревицкий погост
Пожеревицкий погост Шелонской пятины; ныне — с. Пожеревицы, р. ц. Псковской обл.— 59

Пола, р., правый приток р. Ловати — 119, 120, 173
«Поле», территория в Галицкой земле — 138, 144
Полесье, территория — 132
Полисто, оз., из которого вытекает р. Полисть, приток р. Ловати — 125
Полистово-Ратчинская волость — 125
Полистенская территория — 86
Полисть, р., вытекает из оз. Полисто и впадает в р. Ловать — 86, 115, 120, 125
Половцы, нар.— 45, 48, 57, 59, 68, 139, 140, 141, 198, 204, 208, 209, 214, 226, 230
Пол-Онута — см. Онут
Полота р., правый приток Зап. Двины — 145, 146, 149, 159
Полоцк, г.— 8, 10, 13, 21, 30, 32, 37, 80, 84-88, 115, 145-158, 165, 176, 217
Полоцкая земля, «область», «страна», территория — 17, 29, 66, 145, 146, 148-151, 153-157, 166, 172, 218. Полоцкая «область-княжение»— 87
Полоцкий повет — 156
Полоцкий у.— 149
Полоцкое княжение — 154
Полочане, кривичская племенная группа, жившая по р. Полоте; жители Полоцка —8, 10, 34, 109, 145-147, 149, 152-154, 159
Полочаново, д. около Великих Лук —88
Полтавская губ.— 223, 228, 231
Полтеск — см. Полоцк
Польская земля — см. Полянская земля
Польша («в Ляхи»), страна — 127, 129, 131, 132, 135, 136, 140, 144
Поляки (ляхи, ляхове), нар.— 16, 34, 35, 56, 127, 128, 134
Поляне, вост.-слав. «племя»— 8, 16, 20, 21, 28, 30, 34, 35, 41, 43, 61, 148
Полянская земля, территория полян — 16. 28, 34, 43. «В полях» — 145
Поморье, территория — 101, 103, 105
Поморье варяжское — 146
Помостье, территория по р. Мсте — 76, 77, 90, 115, 123
Понт — см. Черное море
Поозерье, территория — 76
Поонежье, территория — 118. Ср.: Прионежье
Попадья, р., приток р. Сулы — 229
Попаш, н. п. при устье р. Попадьи; ныне —городище — 229
Пореченский у. Смоленской губ.— 157
Поречье, г.; ныне — г. Демидов, р. ц. Смоленской обл.—160
Порог — см. Порогопустьць
Порогопусть (Порог), становище; ныне — д. Порог на правом берегу р. Онеги — 101
Порожане, жители Порога — 101
Поротва — см. Протва
Порохов (Порховский городок), псковский пригород на Шелони — 85, 86, 120, 125
Порховский у.— 125
Порховское окологородье — 95
Посемье, территория — 29, 51, 58, 60, 61, 214, 223, 229
Посулье, территория — 232
Похра — см. Пахра
Поча, р., правый приток р. Ваги — 107, 108
Почеозеро, оз., севернее Кенозера — 100
Пра (Тепра), р., левый приток Оки — 197, 207, 208, 215
Прибалтика — 84, 218
Придпепровье, территория — 37
Приильменье (Приильменский «район») — 75, 76
Прикарпатье, территория — 127, 131, 140
Приладожский «район» — 80
Прилуцкий у. Полтавской губ.— 222
Прионежье, территория — 74, 93, 94, 100, 219. Ср.: Поонежье
Припять, р., приток Днепра — 150
Причерноморье — 37, 39, 41, 45, 162
Причерноморские города — 138
Пронск, г. на р. Прони; ныне — р. п. Рязанской обл.— 65, 202, 204, 209-211
Проня, р., правый приток Оки — 65, 201, 202, 204, 207, 211
Пропойск (Прупой), г.; ныне Славгород— р. п. Могилевской обл.— 41, 66, 159, 171
Протва (Поротва), р., левый приток Оки— 66, 159, 166, 172, 180, 211, 225, 229
Прупой — см. Пропойск
Прусы, нар.— 34
Прут, р.— 138, 140, 142
Псел, р., левый приток Днепра — 226
Псков (Ильсков), г.— 32, 70-73, 75, 76, 8 -83, 86-89, 95, 115, 117, 120, 151, 152, 217, 218
Псковичи, жители Пскова — 73-75, 80, 81, 82, 84, 88, 117, 119, 152
Псковская губ.— 10, 85, 125, 153, 164
Псковская обл.— 125
Псковский «край», земля — 71, 81, 82, 85, 87, 88, 115, 117, 125
Псковское оз.— 76, 83
Птичь, р., левый приток р. Припять —157
Пудожский р-н Карело-Финской ССР — 100
погост «у Пуйта», погост на р. Пуе (Пуйте) — 107
Пулка, р., западнее г. Сосницы — 222
Пургасова волость — 204, 207, 208
Пустая Ржева — см. Ржева Пустая
Пусторжевская (Ржевская) волость, «край» — 86, 88, 115, 117, 124, 152, 219
Пусторжевская территория — 87
Путивль, г. при р. Сейм — 61, 222, 225, 229, 280
Путивлька, р., приток р. Сейм — 229
Путь «из Варяг в Греки» — 37, 70, 76, 79, 80, 85, 150, 151, 155, 160, 164
Пушкино, г. к сев. от Москвы — 186
Пуя (Пуйте), р., левый приток Ваги — 107
Пшага (Мшага), р., левый приток Шелони — 76, 119, 120

Радилов двор в Вышгороде — 54
Радимичи, вост.-слав. «племя» — 10, 29, 30, 35, 41, 43, 51, 52, 60, 61, 63-65, 67, 159, 171, 172, 219, 231
Радогост — см. Радощ
Радощ (Радогощ, Радогост), н. п.; ныне — селения Радогост и Погар Брянской обл. на р. Судости— 229, 231

Разрытый — см. Зарой
Рака, р., приток Припяти — 202
Ракомо (Ракома), княжеское с. в Новгородской земле — 118, 119
Ракула, погост; ныне — с. Ракульское Холмогорского р-на, выше Холмогор— 102, 103, 105
Ракульское — см. Ракула
Ранненбургский у.— 204
Рассуха, р., приток р. Вабли — 230
Расуха — см. Росусь
Ратьмиря (Ратмира) дуброва, местность около р. Вырь — 229
Ратча, губа Ашевской трети — 125
Ратча (Ратчи), погост и д. в районе оз. Полисто — 125
Рахня, р. в Черниговской земле — 229
Реберка, р., приток р. Вожи — 206
Речица, г. на Днепре; ныне — р. ц. Гомельской обл.— 60, 229
Репников конец, д. в устье р. Пидьмы — 99
Ржев — см. Ржева Володимирская
Ржева Володимирская (Ржев), г.— 89, 117, 124, 165
Ржева Пустая, г.; ныне — д. Подоржевка — 124, 125
Ржевская волость — см. Пусторжевская волость
Ржевская «область», «край»— 87, 117, 118
Ржевский у.— 164
Ржевская «ста» — 124
Ровдинский р-н Архангельской обл.— 107
Ровдинский стан, на р. Ваге — 107
Рогачев, г. в Киевской земле — 127, 129
Рогачевский у. Минской губ.— 157
Рогачевский у. Могилевской губ.— 233
Рогоща, с. в верховьях р. Белоус — 228. Ср.: Оргощь
Родогост — см. Радощ
Роково, с. бывшего Торопецкого у.— 164
Роксоланы, нар., обитавший на среднем Днепре — 12
Роксоляны (Бузыновата), д. на берегу Днестровского лимана — 143
Роксусь — см. Росусь
Романов (Роман) — см. Романов торг
Романов торг, н. п. при впадении р. Молдовы в р. Серет; ныне — Романов (Роман) — 142, 143
Роменский у. Полтавской губ.— 223, 224
Ропеск (Ропск), н. п.; ныне — с. Старый Ропск на р. Ирпе — 223, 230, 233
Ропск — см. Ропеск
Ростиславль, г. на р. Оке — 65, 159, 171, 205, 206
Ростов, г.— 7, 8, 10, 13, 18, 23, 30, 48, 50, 90, 91, 144, 147, 169, 170, 174, 175, 176, 178-185, 187, 191, 194, 197, 198, 215, 216, 217. В Ростове: церковь Богородицы — 181
Ростов Великий — см. Ростов
Ростовская «область», земля, «край» — 34, 48, 50, 72, 73, 90, 93, 112, 168, 174, 175, 177, 178, 179, 193
Ростовская территория — 176
Ростово-Суздальская «волость» — 65, 170
Ростово-Суздальская земля, территория, «область», «край» — 15, 21, 29, 37, 48, 65,7 66, 2, 73, 90, 92, 123, 168, 169, 170, 172, 178-183, 185, 187, 188, 191-193, 195, 205, 209, 210, 215, 216, 219, 225
Ростово-Суздальское княжество — 219
Ростовский погост Рождества Богородицы около р. Кокшенги — 189
Ростовское княжество — 179, 194
Ростовское оз.— 23, 174, 176, 181
Ростовцы, жители Ростова — 90, 107, 175, 176, 177, 185, 189, 190
Росусь (Роксусь, Росуха), н. п.; возможно, что это современное с. Рассуха на р. Рассухе — 230
Росуха — см. Росусь
Рось, р., правый приток Днепра — 45, 230
Рубеж, д. в 50 км от г. Велижа — 156
Рубеж, д. в 6 км от г. Дриссы — 156
Рубеж, р., приток Зап. Двины — 156, 157
Рубеж Большой — см. Большой Рубеж
Рубеж Малый — см. Малый Рубеж
Рубежевичи, местность на р. Суле, притоке Немана — 157
Рубежник, р., к вост. от Себежа — 156
Рубежник, выселок б. Моклоковской волости Витебской губ.— 156
Рубежники, д. в 40 км к сев.-зап. от Люцина — 158
Рубежница, д. в 47 км от Суража — 157
Рубежница, д., приток р. Мошни — 157
Ругодево, с. к сев. от Новоржева — 125
Ругодевская треть Бардовского погоста — 125
Руда (Мокроусовка), р. в Черниговской земле — 226
Рудино — см. Жабачев
Руза, р. приток р. Москвы — 90, 168
Рузский у.— 168
Румыния, страна — 143
«Руотси» («руоци»), финское название северных народов — 39
Руса, поселение в Новгородской «области» — 40, 44, 119, 120, 123
Руса Морево — см. Рядок в Русе Мореве
Русиново-Берестечно, н. п. у р. Стыр — 133
Русса, д. около с. Ашево Ашевского р-на Псковской обл.— 125
Рушане, жители Русы — 119
Рыбанск (Рыбаньск), г. в «Бежицком ряду»; ныне — с. Рыбинское (Рыбинское-Заручье) Максатихинского р-на Калининской обл. на р. Мологе — 91, 123
Рыбаньск — Рыбанск
Рыбинский Богородицкий погост — см. Богородицкий Рыбинский погост
Рыбинское — см. Рыбанск
Рыбновский р-н Рязанской обл.— 206
Рша — см. Орша
Рядок в Русе-Мореве (Рядок Морева Руса), н. п. на р. Поле — 119
Ряжск (Ряжской), г. на р. Хупте; ныне — р. ц. Рязанской обл.— 204
Рязанка, с. на р. Рановой — 204
Рязанская губ.— 207
Рязанская земля, «волость», «край» — 17, 34, 66, 197, 202, 205, 214, 215, 219

Рязанская обл.— 201, 204, 206, 207, 211
Рязанское княжество — 65, 66, 183, 186
Рязанцы, жители Рязани — 199, 200, 202, 205, 207-209, 211, 215
Рязань, г.—8, 29, 184, 197-202, 204-218, 230
Ряса, р. в Рязанской земле — 201, 204
Рясское поле, местность в Приокском «районе» — 204
Рясы, с. в Рязанской земле, в районе устья р. Прони — 204

Сабельский погост (Сабля), в Новгородской земле — 120, 121
Савозеро, оз. на территории «Обонежского ряда» — 98
Саккала — см. сосолы
Самара, р., приток Волги — 214
Самоеды (самоядь) — 80, 106
Самош, р. — 143
Сан, р.— 138
Санкт-Петербургская губ.— 10, 97
Сапогов, д. на р. Стырь — 133
Сара (Сарра), р., впадает в Ростовское оз.— 175, 180
Саркел — см. Белавежа хазарская
Сарра — см. Сара
Сарское городище, около Ростова на р. Саре — 175, 176, 177. В нем: церковь Марины — 175
Свенковичи, с. в Черниговской земле, при впадении р Свинь в р. Десну, где был брод Свиньская переволока — 230
Свие (свеи), нар.— 36, Ср.: шведы
Свиная (Свинь, Свиньи), д. под Черниговом — 230
Свинорт, н. п. или местность на р. Шелони — 119
Свинь, р., приток Десны — 221, 225, 230
Свиньская переволока — см. Свенковичи
Свирельск — см. Свирилеск
Свирилеск (Свирельск, Свирилеск), г. в Черниговской земле — 66, 211, 226, 230
Свирь, р., вытекает из Онежского оз., впадает в Ладожское оз.— 97-99
Свислоч, р., приток р. Березины — 150
Святого Спаса сельцо — см. Сельцо св. Спаса
Святогорский тракт — 126
Святой нос, мыс на Кольском п-ве — 114
Себеж, г. на Себежском оз.; ныне — р. ц. Великолукской обл.— 156
Сева, р., левый приток Десны — 230
Северии — см. северяне
Северка — см. Сиверка
Северск, с. на р. Москве — 66
Северская земля — 17
Северское — см. Сиверское
Северная Двина, р.— 80, 100-109, 113 114, 116, 195
Северяне («север», северии), вост.-слав. «племя» — 8, 10, 21, 22, 28, 30, 34, 41, 43, 50-52, 60, 61, 64, 67, 213, 224, 231
Северянская территория, территория северян — 29
Севск — см. Севьско
Севьско (Севск), г. на реках Севе и Морице — 222, 230
Севьско, поселение в Черниговской земле — 230
Седнев, н. п. на р. Сновь, в 30 км от Чернигова — 57, 59, 231
Седневское городище, около г. Седнев — 58
Сейм (Семь), р., приток Десны — 21, 45, 60, 61, 223, 225, 226, 229, 231. Ср.: Посемье
Селенга, р.— 189
Селигер (Серегер), оз.— 77, 86, 89, 119, 164, 165, 173, 218
Селигерский путь — 89, 164
Селижаровка, р., правый приток Волги, вытекает из оз. Селигер — 164
Сельменга, р., правый приток р. Ваги — 107, 108
Сельцо, н. п. под Полоцком — 149
Сельцо св. Спаса, на р. Десне у р. Свини — 230, 231
Семигаллы — Зимегола
Семынь, поселение в Черниговской земле — 231
Семь — см. Сейм
Сенненский у. — 154
Серегер — см. Селигер
Серейская волость Велижского у.— 156
Серенск, г. на р. Серене, притоке Жиздры — 65, 233
Серет, г. на верхнем Серете; ныне — с. в Румынии — 142, 143
Серет, р., впадающая в Днестр—136, 139
Серет, р., впадающая в Дунай — 138, 143, 150
Серпухов, г. при впадении р. Нары в р. Оку — 227
Серпуховской у. Московской губ.— 184, 226
Сеславль — см. Изяславль
Сестра, р., приток р. Дубны — 186
Сиверка (Северка), р., приток р. Москвы— 230
Сиверское, с. при впадении р. Сиверки в р. Москву — 230
Сиволож — см. Всеволож
Силистрия — см. Доростол
Синин — см. Синин мост
Синин мост, местность около древнего Синина; ныне — городище у с. Синин на р. Вабле — 231
Сить, р., приток р. Мологи — 179
Скифы-пахари, нар.— 45
Скоморохово, д. Юксовского погоста —99
Славгород — см. Пропойск
Славяне (славянские «племена», «словенский язык»)—34, 39, 41, 42, 47, 50, 61, 64, 80, 83, 102, 103, 107, 131, 138, 139, 157, 174, 180. Славяне балтийские — 146
Славятинский погост Шелонской пятины — 95
Словены, вост.-слав. «племя»—8, 30, 37, 39, 43, 67, 69, 70, 72, 75, 76, 80, 118, 145, 159,161, 168, 174, 198, 218
Слуцк — см. Случеск
Случеск (Слуцк), г. на р. Случи, притоке р. Припяти; ныне — г. Слуцк, р. ц. Бобруйской обл.— 150, 155, 157
Смоленск (Смолиньск, Смольнск), г.— 8, 10, 13, 29, 31-33, 48, 49, 54, 66, 86, 88, 89, 115, 134, 142, 144-146, 151, 155, 159-163, 165—169, 171, 172, 174-177,

182, 185, 217, 228, 229, 233. В Смоленске церковь Успенья Богородицы — 48, 96, 160, 167, 169. 170, 172
Смоленская губ.— 153, 156, 157, 160
Смоленская земля, «область», «волость», территория, «край» — 17, 37, 41, 47, 49, 65, 66, 86, 89, 150, 159, 161, 162, 165-168, 172, 173, 178, 180, 192, 218, 219
Смоленская обл.— 157, 164
Смоленское княжество — 66, 186, 219, 221, 226, 229
Смоляне (смолиняне), жители Смоленска— 49, 50, 109, 159, 163, 169
Смоч, р., на Волыни — 133
Смядынь, р., левый приток Днепра — 163
Сновск (Сновеск), г. на р. Снови — 57, 58, 61, 65-67, 231, 233
«Сновская тысяча», древнее территориальное ядро Черниговской земли — 57, 58, 59, 61, 64-67, 180
Сновь, р., правый приток Десны —57, 58, 228, 231
Сож, р., впадает в Днепр южнее Гомеля — 66, 159, 171, 224. 231, 233
Сожица (?) — 231
Соловки, о-ва в Белом море — 93
Соломбальский о-в в дельте Сев. Двины — 114
Солоница, р., приток Волги—193, 194, 196
Соль Великая, г. Ростово-Суздальской земли на Волге, в 3 км от устья р. Солоницы; ныне — посад Большие Соли — 193, 194, 196
Сольза, р., впадает в Двинскую губу Белого моря — 104
Сольцы, с. на р. Шелони — 76
Сороть, р., правый приток р. Великой — 125
Сосна, р. приток Дона — 51, 61, 65
Сосницкий у. Черниговской губ.— 222
Сосница, г. на реках Убедь и Вьюнка; ныне — р. ц. Черниговской обл.— 222, 231, 233
Сосолы (саккалы), нар.— 75, 81, 82, 83
Сочава, г. на р. Серет; ныне — с. в Румынии — 142, 143
Спасский р-н Рязанской обл.— 201
Спаш, местность в Черниговской земле — 231
Спиркова гора (Гришинско-Евсеевское), д. в районе устья р. Пидьмы — 99
Спирково-Ивановское, н. п. на левом берегу р. Онеги — 100
Спирова гора (Исаковская), д. в устье р. Пидьмы — 99
Спирковская, д. на р. Онеге — 100
Среднее Поднепровье — см. Поднепровье Среднее
Станиславская обл.— 138
Старая Ладога — см. Ладога Старая
Старая Пермь, г., находился в 142 км от устья Вычегды — 112
Старая Руса, (см. Руса) г.— 40
Старая Ушица — см. Ушица
Старая Тольма, г. Новгородской земли; ныне — городище в районе р. Сухоны — 109
Старица, г. при впадении р. Верхней Старицы в Волгу, ныне — р. ц. Калининской обл. — 91
Стародуб, г. на правом берегу р. Клязьмы, ныне — Клязьминский городок — 191
Стародуб, г в Черниговской земле; ныне — р. ц. Брянской обл.— 29, 57, 58, 61, 67, 230-232
Старое Глебово, с. между Десной и Днепром — 223
Старое Усвятское городище, над оз. Усвят — 151
Старорусская «область», территория — 119, 120, 123
Старые Виры, с. на р. Вири, левом притоке Сейма — 60, 223
Старый Белоус, с. на «Ольговом поле»— 222, 228
Стахорщины, с. и городище — 227. Ср.: Мелтеково
Столпье, с. к сев.-зап. от г. Холма в Польше — 129
Стоняничи — см. Гостоничи
Стрежев, г. Полоцкой земли к сев. от г. Борисова, около оз. Стрижева; ныне — д. Стрижево — 157
Стрежень — см. Стрижень
Стрешин, г. в 40 км от г. Рогачева; ныне — Гомельской обл.— 157
Стрижево оз. в Смоленской земле — 157
Стрижень (Стрежень), р., приток Десны — 232, 233
Струпинский погост, на р. Шелони у р. Пшаги — 119
Стугна, р., правый приток Днепра—16, 67
Студеное море — 92, 100
Ступино, с. на Сев. Двине к югу от Холмогор — 102
Стырь, р., правый приток р. Припяти — 130, 133, 134, 144
Судома, р., приток Шелони — 86
Судость, р., приток Десны — 229
Суздаль (Суждаль), г.— 18, 23, 48, 176, 177, 180-182, 185, 187, 190, 191, 194, 195, 198, 216, 218, 228. В Суздали церкви: Богородицы — 182 и Спаса — 182
Суздальская земля, «область» 44, 80, 89
Суздальско-Залесская «область» — 167
Суздальцы («Суждальцы»), жители Суздаля — 187, 190
Сула, р., левый приток Днепра — 21, 45, 67, 68, 88, 229, 231
Сула, р., приток Немана — 157
Сулонда (Суланда), р., приток р. Пуи — 107, 108
Сумская обл.— 223, 224, 229
Сумь, нар — 39
Сура, р., правый приток Волги — 212
Сураж, г. на р. Ипути; ныне — р. ц. Витебской обл.— 157
Сурамля, р., в Ростово-Суздальской земле — 191
Сутейск, г. на Волыни — 130, 132
Сутов, н. п. при р. Москве — 167
Сухона, р., с р. Юг образует Сев. Двину — 94, 101, 108, 109, 116, 188, 189, 194, 196, 219
Сюземская волость, по р. Сюзьме — 104
Сюзьма, р., впадает в Двинскую губу Белого моря — 104
Сюма, р. — 108

Сямозеро, оз. в «Обонежском ряду» — 98
Сясь, р., впадает в Ладожское оз.— 74, 79, 95-97, 99, 122

Табор — см. Кудьмозерское
Тавасты, нар.— 93
Таврия (Таврида) — 38, 39 45, 201
Тавро-скифы, нар — 38
Таймокары (Тоймокары), город или территория по течению р. Тоймы — 109, 110
Тайнокурье, местность около устья Сев Двины — 104
Тамань, полуостров — 12
Тамбовская губ.— 214
Тарту — см. Юрьев
Татары, нар.— 142, 144, 202, 204, 212, 214, 220
Твердогчебов — см. Твердохлебов
Твердохлебов (Твердоглебов?), с. бывшего Роменского у.— 223, 224
Тверская губ.— 153, 164
Тверская половина — 124
Тверца, р., левый приток Волги — 89, 90, 173, 192, 195
Тверь, г.— 90, 193, 194, 196
Текучий, г.; ныне — с. Текуч на р. Серет — 143
Тервиничи, поселение «Обонежского ряда»; позднее — Тервинский погост на р. Ояти — 94, 95, 97; Ср.: Михайловский погост в Тервиничах — 94, 95, 97
Тервичский погост — см. Тервиничи
Теребовль, г. на р. Серете; ныне — г. Теребоволя, р. ц. Тернопольской обл.— 130, 132, 133, 136, 144
Теремно, д. на р. Стырь под г. Луцком — 133
Теремушка (Теремок), р. в Черниговской земле — 222
Терна, р., приток р. Сулы — 223
Тернава (в Польше) — 132
Тернов (Терны), с. на р. Терне; ныне — с. Терны Ульяновского р-на Сумской обл.— 223
Тернилов погост, в Двинском Поморье — 103
Терская сторона (волость «Тре»), зап. и южное побережье Кольского п-ва — 114. Ср.: Терский берег
Терский берег (Терское побережье) — 101, 110, 114, 116
Тесово, н. п. на р. Оредеже — 121
Тешилов, г. Рязанской земли — 208, 211, 215
Тиверцы, вост.-слав. «племя» — 10, 42, 130
Тихая Сосна, р., правый приток Дона — 212-214
Тихвинский у. Новгородской губ.— 97, 99
Тихвинский погост Новгородской земли — 96
Тихомль, г.; впоследствии — с. Тихомель на Волыни — 29, 41, 130
Тмутороканское княжество — 232
Тмуторокань (Тьмуторокань), г. на Таманском п-ве — 32, 47, 48, 198, 205, 232
погост «в Тойме», становище на р. Тойме, притоке Сев. Двины — 109
Тоймокары — см. Таймокары
Толдога (Толдовский погост), в Новгородской земле — 81, 120
Толово, местность в земле лотыголы — 84
Торжок (Новый Торг), г. на р. Тверце — 77, 90, 91, 117, 118, 153, 185, 192, 193, 195
Торки, нар.— 148
Торма, нар.— 83
Торона, р., приток Зап. Двины — 163, 164
Торопец, г. на р. Торопе — 49, 159, 163 164, 218
Торопецкая волость — 165
Торопецкий у. Псковской губ.— 164
Торопчане, жители Торопца — 159, 164
Торческ, г. на р. Торче, правом притоке р. Роси — 29
Тотемский у.—108
Тотьма, г. на р. Сухоне — 189
Тотьма, р., приток р. Сухоны — 108, 109, 194
Тотьма Старая — см. Старая Тотьма
погост «у Тотьмы», становище на р. Сухоне — 108, 188
Тре — см. Терская сторона
Трейден-Аа, р. в Прибалтике — 158
Треполь, г. на Днепре — 29
Троицкий на Златыни погост в междуречье Волхова и Сяси — 97
Троицкое, н. п. к вост. от Москвы — 186
Троки, г. юго-зап. от Вильно — 154
Трубеж, р., левый приток Днепра — 67, 206
Трубецк (Трубьск, Трубеч, Трубьч), г. на р. Десне; ныне — р. ц. Брянской обл. — 232
Тудоров погост, позднее Тудозерский погост, около оз. Тудозера в Прионежье — 94, 99. 100
Тудозерский погост — см. Тудоров погост
Тула, г.— 208-210, 215
Тульская губ.— 224, 225
Тульская обл.— 224
Тупичевский р-н Черниговской обл. — 226
Турийск, г. в верховьях р. Турии — 128, 132
Турия, р., правый приток в верховьях Припяти — 128, 132
Туров, г. на р. Припяти — 21, 32, 55, 129, 134, 135, 150
Турово, н. п. Новгородской земли; затем — погост на р. Льсте — 125
Турово-Пинская земля — 129, 157
Туровская древняя волость — 55
Туровская волость Новоржевского у.— 87
Туровская треть Ашевского погоста — 87, 125
Турчасовцы, жители Турчасова — 101
Тускора, р., приток р. Сейма — 226
Тухола, с. в 15 км к вост. от оз. Ильмень— 123
Тушино, с. к сев.-зап. от Москвы — 186
Тюрки (тюркские орды) — 45

Угауния — 83
Углич, г. на Волге — 179, 186, 190, 194

Угорские горы — см. Карпатские горы
Угорское, под Киевом — 51, 171
Угра (Югра), нар.— 34, 35, 80, 96, 107, 110, 111, 113, 116
Угра, р., левый приток Оки — 66, 162
Угровеск, с. при Зап. Буге; позднее — с. Угруйск — 129
Угры, народ — 45, 46, 138, 161
Удай, р. в Черниговской земле — 60, 221
Удеч, г. в Галицкой земле — 138
Удра, р. в Смоленской земле — 161
Ужеск (Ожеск), г. в Рязанской земле: ныне — Вожское городище при впадении р. Вожи в Оку — 201, 202, 207
Ужеск-Вожское городище — см Ужеск
Уза, н. п. на р. Суре — 212
Узия — 31
Узмень — см. Змень
Узы, нар.— 139
Уличи (ултины), вост.-слав. «племя» — 15, 30, 31, 41, 42, 131, 137
Улла, р., приток Зап. Двины — 150
Ултины — см. уличи
Уна, н. п. и р., впадающая в Унскую губу Белого моря — 103
Уненеж, г. на р. Остер: ныне — г. Нежин, р. ц. Черниговской обл.— 59, 60, 214, 221-223, 225, 232, 233
Унжа, г. на р. Унже — 194
Унжа, р., левый приток Волги — 173, 193, 194
Унжане,— жители Унжи — 194
Унская губа, залив Белого моря — 103
Урал, горный хребет — 92, 113
Урал, р.— см. Яик
Урмани, нар.— 36
Усвят, г. в междуречье Ловати и Зап. Двины; ныне — с. Усвяты, в 80 км сев. Витебска, р. ц. Великолукской обл. — 86, 151, 153, 156
Усвят, оз. в верховьях р. Ловати — 151
Усвятская волость — 151
Усвяты — см. Усвят
Усвяч, р., вытекает из оз. Усвят и впадает в Зап. Двину — 150
Успенское Морево, д. на р. Поле — 119
Устилог, г. в устье р. Луги, при впадении ее в Зап. Буг; ныне — Устилуг, р. ц. Волынской обл.— 128, 129, 132, 133
Устилуг — см. Устилог
Усть Ваги (ср. «на Устье Ваг») в низовьях р. Ваги — 107
погост «на Устье Ваг»; позднее Усть-важский погост; ныне — с. Устьвага Виноградовского р-на Архангельской обл. — 107
Усть-Вымь, местность в низовьях р. Выми — 111
Усть-Емцы, местность в низовьях р. Емцы — 106
Устьмерска, волость и н. п. на р. Мерской — 183, 184
Устьмерский стан на р. Мерской — 184
Усть-Пидьма-речка, д. в устье р. Пидьмы — 99
Усть-Морево, д. на р. Поле — 119
Устьмошане, жители Усть-Мши — 100
Устьмошская волость — 101
Устьмошский стан — 101
Усть-Моша, территория в низовьях р. Моши — 101
Усть-Пидьма - речка, д. при устье р. Пидьмы — 99
Устье, р., приток р. Которосли — 108, 179, 189, 195
Устюг, г. на левом берегу р. Сухоны, против устья р. Юга — 108, 112, 188, 194, 196
Устюжане, жители Устюга — 112
Устюжна, г. на р. Мологе; ныне — р. ц. Вологодской обл.— 92
Устюжская земля — 195
Ухани, с.; ныне — местечко Уханье к югу от г. Холма в Польше — 129
Ухта, р., приток р. Ижмы — 113
Ухтоостров, местность в районе устья Сев. Двины — 102, 104
Ушица, г. при впадении р. Ушицы в Днестр; ныне — Старая Ушица, р. ц. Каменец-Подольской обл.— 137, 138, 141, 142
Ушица, р., приток Днестра — 138

Филин конец (Аристов конец), д. в устье р. Пидьмы — 99
Финляндия — 10, 39
Финмаркен, местность в Норвегии — 114
Финно-угры, нар.— 75
Финны (суоми), нар. 39, 152. См. также Сумь
Финские народности, нар.— 103
Финский залив — 79, 101

Хазария (хазарская держава) — 31, 43, 46
Хазары (хозары, козары), нар.— 13, 21, 41 45; хазары беловежские—60
Харовой округ печенегов, на правом берегу Днепра — 31
Хвалисы, нар., живший на побережье Каспийского моря — 10, 23
Херсон (Корсунь), г. в Крыму — 31
Хозары — см. хазары
Холм, г.; ныне — р. ц. Великолукской обл. — 125
Холм, г. на Волыни — 129
Холмская «область» — 134
Холмовский у. в Новгородской земле — 125
Холмогоры — см. Колмогоры
Холмский (Холмовский) погост; ныне — с. Холм на р. Ловати к югу от Старой Русы — 123, 124
Холмский тракт — 125
Холомерская волость Городокского у.— 156
Холохна (Холхольня, Холохоленка), р., левый приток верхней Волги — 90, 91, 115, 168, 185
Хопер, р., левый приток Дона — 212, 213—215
Хорваты, вост.-слав. «племя»— 10, 130
Хорезм — 39, 201
Хоробор, г. Черниговской земли; ныне — городище в н. п. Мене — 223, 229, 231, 233
Хотен — см. Хотин

Хотин, г. на Днестре — 138, 142
Хотошино — см. Хотшин
Хотшин, г.; ныне — с. Хотошино у оз. Волго — 89, 164, 165
Хочемина, местность около устья Сев. Двины — 104
Хупта, р., приток р. Рановы, впадающей в Проню — 201, 204

Царицыно, н. п. к югу от Москвы — 186
Царьград — см. Константинополь
Цебло (Цевло), губа Ашевской трети, погост при оз. Цевло — 125
Цевельская волость — 125
Цевло, оз. к вост. от Новоржева — 125
Цевля, погост при оз. Цевло — 125
Цевля, р., вытекает из оз. Цевло и впадает в оз. Полисто — 125
Цильма, р. в Поморье — 105

Чагодоща, р., приток р. Мологи — 97
Чакола, н. п. на р. Пинеге; ныне — с. юго-зап. г. Пинеги — 105
Чакольское, с. на Пинеге в 88 км от г. Пинеги — 105
Чепельская волость Велижского у.— 156
Червень (Червень), г. на р. Гучве, впадающей в Зап. Буг; позднее здесь деревни Вакиев и Чермно — 23, 127, 128, 130-132, 134, 135, 143, 218
Червенец (Черменец), урочище в д. Вакиеве около р. Гучвы — 132
Червенская земля, территория, «область», «край» — 132 135, 144
Червенские города, города, тянувшие к г. Червену — 33, 128, 131, 132, 134, 144, 217
Червень — см. Червен
Червленый Яр, р., приток Дона — 212-214
Черемисы, нар.— 34, 35
Череха, р., приток р. Великой — 81, 87, 151
Чермно, д. на р. Гучве — 132
Черн, г. на правом берегу Днестра; позже — с. Чорна — 142, 144
Черная, р. в земле еми — 93
Черная могила, курган в окрестностях Чернигова — 162, 232
Чернево, н. п. к зап. от Москвы — 186
Чернигов, г.— 8, 21, 22, 28, 30, 32-34, 42-44, 47, 48, 50-52, 54, 57-62, 65-67, 135, 141, 144, 162, 168, 169, 171, 177, 180, 181, 184, 197, 205, 214, 215, 218, 221-223, 225-228, 231-233
Черниговская губ.— 61, 222, 223, 226, 227, 230-233
Черниговская «область», земля, «волость» — 28, 29, 34, 45, 47, 51, 52, 57-61, 65-68, 154, 180, 183, 223, 230, 231, 233
Черниговская обл.— 198, 199, 219, 221. 222, 223, 225, 226, 227, 228, 231-233
Черниговское княжество — 20, 28, 30, 32, 47, 48, 58, 60, 66, 67. 186, 210, 213, 217, 218, 221, 223-225, 228, 229, 232
Черниговцы, жители Чернигова — 55
Черница, р., правый приток Лучесы — 157
Черновицкая обл.— 138
Черное море — 37, 42, 140, 201
Черноземка, урочище на р. Гучве— 132
Чертаново, н. п. к югу от Москвы — 186
Черторыеск, г. на р. Стыри — 129
Четыре церкви — см. Лопасня
Чехи («чеси»), нар.— 16, 35, 128
Чечунь, г.— 142
Числов, н. п. при р. Москве — 167
Чичера, р., приток Сожа — 233
Чичерск (Чичереск), г. близ впадения р. Чичеры в Сож; ныне — р. ц. Гомельской обл.— 66, 171, 233
Чорна — см. Черн
Чудская территория, земля — 82
Чудские народы, племена — 10, 82
Чудское (Чудин), городище на р. Шеньге, притоке р. Ваги — 107
Чудское (Пейпус) оз.— 83
Чудь, нар.— 34, 35, 67, 71, 73, 75, 81, 82, 83, 100, 104, 107, 111, 161
Чукса — см. Чухса
Чукчин конец, местность в Двинской земле — 106
Чур-Михайловы, местность на Дону — 212
Чусовая, р., приток р. Камы — 15
Чухна (Чукса), р. в Двинской земле — 104, 106

Шастозеро, оз. в Двинской земле — 106
Шастозерская волость на Зап. Двине — 106
Шатукса, р. в Новгородской земле — 98
Шведы, нар.— 37. Ср.: свие
Шексна, р., левый приток Волги — 178-190, 194, 195, 218
Шелонская пятина — 51, 75, 95, 118-120
Шелонская территория — 86
Шелонь, р., впадает в оз. Ильмень — 76, 86, 95, 115, 119, 120
Шельдиха, р. в Новгородской земле — 122
Шенкурск (Шеньг-Курья), г. на р. Ваге, в 7 км от впадения в нее р. Шеньги — 101, 104, 107, 108
Шенкурский погост — 107, 108, 189
Шенкурский «район», территория по рр. Шеньге, Суланде, Сельмеге и др.— 108
Шенкурье, территория — 189
Шеньга, р., правый приток р. Ваги — 107, 108
Шеполь, г. к сев.-зап. от г. Луцка — 129, 130, 132
Шесть, р., правый приток р. Великой — 87
Шиворона, р., приток Упы, впадающей в Оку — 224
Шипино, волость — 91, 92
Шишкино, д. на правом берегу Оки — 202
Шлино, оз. в Новгородской земле, к вост. от Демянска — 173
Шлино, р., впадает в оз. Шлино — 173
Шоша (Шеша), р., правый приток Волги— 90, 168, 193
Шумск, г.; ныне — с. Шумское, р. ц. Тернопольской обл.— 29, 130
Шумское — см. Шумск

Щекарев, с.; ныне — г. Крастостав в Польше — 129

Эвст, р., правый приток Зап. Двины — 158
Эстляндская губ.— 10
Эстония — 10
Эсты, нар. 75
Эстонские племена — 83

Юг, р., образует совместно с р. Сухоной Сев. Двину — 196
Югра — см. Угра
Южный Буг (Бог), р. — 29, 41, 42, 51, 130, 131, 137
Южнорусские степи — 45, 48, 195
Юксовичи, д. «в Юксовичах» — 98, 99
Юксовская волость Остреченского погоста — 98
Юксовский погост — см. *погост* «в Юсколе»
Юксовское оз.— 98, 99
Юрковская — см. Мокрушина кара
Юрьев (Гюргов), г. на р. Роси — 32, 129
Юрьев (Тарту), г. на р. Эмбахе (Амовже)— 71, 73, 83
Юрьев Польский, г. на р. Колокше, левом притоке Клязьмы — 190, 194
Юрьевец, н. п. на Волге — 173, 193
Юрьевская — см. Бобровница
Юскола — см. *погост* «в Юсколе»
погост «в Юсколе» (Юксовский погост, Юксовичи, Юскола), погост «Обонежского ряда» у Юксовского оз.; ныне — д. Кишковщина Вознесенского р-на Ленинградской обл.— 95, 98, 99

Явдиертим, округ печенегов — 31, 42
Явона, р., приток Полы — 173
Яжелбицы, с. в 127 км от Новгорода — 123, 126
Яжелобицкая волость — 123, 126
Яжелобитская («Яжелобичская») «ста»— 126
Яжелобицкая дорога — 123, 126
Яик, р., ныне — р. Урал — 170
Яма, г. при р. Луге — 81, 121
Ямань, р., приток р. Клевень, впадающей в Сейм — 224
Ямское окологородие — 120
Ямь — см. емь
Яренга, р., приток Вычегды — 104
Ярославль, г.— 23, 173, 174, 176-179, 186, 190, 191, 194, 195, 218
Ярославль, г. за р. Саном; ныне — Ярослав — 138
Ярославская губ.— 10
Ярославское княжество — 179
Ясеная — см. Верхне-Ясеная
Ясеная, р. в районе старого Смоленска — 160
Ясенское — см. Верхне-Ясеная
Ясский (Ясьский) торг, г. на р. Пруте, близ современного г. Яссы (?) — 142, 143
Яссы, г. в Румынии — 143. Ср.: Ясский торг
Ятвяги, нар.— 127
Яуза, р., левый приток р. Москвы — 183, 186
Яхрома, р., приток Сестры, впадающей в р. Дубну — 189, 190

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН*

Абрамович Д. А., историк — 53
Аепа, половецкий кн.— 182
Азика, не славянский князек (?). «староста» — 107
Александр, кн. литовский — 228
Александр Ярославич Невский, кн.— 93, 122
Алексей, византийский император — 140, 141
Алексей, митрополит — 213, 214
Амартол, византийский историк — 34, 36
Андреевский И., историк — 121
Андрей Юрьевич Боголюбский, кн.— 109, 110, 142, 170, 177, 181, 186, 187, 190, 191, 209
Андриашев А. М., историк—17, 57, 95, 97
Андрих Чешский, кн.— 127
Анна Комнин, византийская императрица — 139
Аннинский С. А., историк — 82, 158
Антон Котельник, новгородец — 110
Антоний Печерский — 164
Антоний Сийский — 103
Антоний Черниговский — 222
Антонович В. Б., историк — 183
Аристов Н. Я., историк — 13
Арцыбашев Н. С., историк — 222, 224, 227, 229, 231
Арциховский А. В., историк — 24, 109, 110, 163, 168, 1 7, 207
Аскольд, кн.— 10, 42, 43, 161, 162
Асмут (Асмуд), воевода — 63-65
Афет — 137

Багалей Д. И., историк — 17, 230
Бадер О. Н., историк — 168
Балиньский, историк — 129
Баллод Ф. В., историк — 152
Балхи, арабский автор—39, 200, 201, 214
Барсов Н. П., историк — 14, 15, 100, 129, 143, 167, 168, 183, 184, 22)
Бартольд В., историк — 39, 201
Батый — 202, 212
Баузе, проф. — 101
Бахрушин С. В., историк — 105
Белосельский Гаврила, копорянин — 81
Берладский, кн. — 188
Блуд, воевода — 63
Богуславский Г. К., историк — 162
Болеслав, кн. польский — 78, 127, 128
Борис, рязанский посол — 199
Борис Владимирович, кн.— 30, 32, 33, 39, 52, 55, 67, 174, 175, 198
Борис Всеславич, кн.— 157
Брячислав Изяславич, кн.— 85, 86, 148, 151, 154
Буды, «кормилец»— 63
Буслаев Ф., историк — 163

Валфромеев Лука, новгородец — 102
Вальдемар Старый — см. Владимир Святославич
Василий, новгородский воевода — 111
Василий Онисимович, тысяцкий — 84
Василь, житель Турийска — 132
Васильевский В. Г., историк — 36, 37, 38, 59, 139, 140, 201
Василько Константинович, кн.— 191, 194
Василько Ростиславич, кн.— 128, 129, 132, 136, 137, 140, 141, 144
Витовт, вел кн. — 85, 88
Владимир Пинский, кн.— 127
Владимир Полоцкий, кн.— 152
Владимир Василькович, кн.— 143
Владимир Володаревич, кн.— 136, 139, 141, 144
Владимир Всеволодович Мономах, кн.— 48, 56-58, 60, 65, 28, 132, 135, 136, 140, 141, 144, 165, 166, 168, 169, 178, 180-185, 195, 199, 205, 206, 223, 224, 226, 228, 231. Его жена — 169; его дочь — 56
Владимир Давыдович, кн.— 29, 58, 144, 183
Владимир Изяславич, кн.— 58, 227
Владимир Мстиславич, кн.— 175
Владимир Рюрикович, кн.— 89
Владимир Святославич, кн. (*сын Святослава Всеволодовича*) — 192
Владимир Святославич (Вальдемар Старый), кн. (*сын Ярослава Игоревича*) — 10, 32, 33, 37, 43, 48, 55, 57, 61, 67. 70, 73,78, 79, 127, 128, 133-13), 147, 150, 166 169, 171, 173, 182
Владимир Ярославич, кн. — 71, 73-75, 79
Владимирский-Буданов М. Ф., историк — 12
Внезд, тысяцкий — 163
Володарь Глебович, кн.— 153
Володарь Ростиславич, кн.— 136, 141
Волчий Хвост, воевода — 63

* Принятые сокращения: вел. кн. — великий князь; кн.—князь; недостоверн.— по недостоверным сведениям.

Указатель составлен В. Н. Автократовым.

Воронин Н. Н., историк — 57, 153
Всеволод Владимирович, кн.— 134
Всеволод Давыдович, кн.— 56, 154
Всеволод Мстиславич, кн. (*сын Мстислава Владимировича*) — 75-77, 82, 119, 123, 178, 180
Всеволод Мстиславич, кн. (*сын Мстислава Изяславича*) — 44
Всеволод Ольгович, кн.— 53-55, 129, 141, 143, 144, 157
Всеволод Святославич, кн.— 215
Всеволод Юрьевич, Большое Гнездо, кн.— 90, 186, 190, 191, 193, 194, 199, 200, 202, 208
Всеволод Ярославич, кн.— 32, 48, 52, 134-136, 155, 168, 169, 178, 180, 198, 205, 206
Всеслав, в подунайском городе (Вичине) — 139
Всеслав Брячиславич, кн.— 32, 75, 80, 81, 86-88, 148, 151, 155, 165
Всеславичи — 152
Вышеслав Владимирович, кн.— 32, 70
Вышатич Ян — см. Ян Вышатич
Вячеслав Владимирович, кн.— 140, 141
Вячеслав Ярославич, кн.—32, 166, 168, 171

Гаврила Белосельский — см. Белосельский Гаврила
Гадзяцкий С. С., историк — 80, 81
Гедеонов С., историк — 20, 47
Генрих Латвийский — 82-84, 152, 158
Георгий Амастридский — 38, 201
Георгий Нестерович, воевода — 140
Георгий Симонович, тысяцкий — 63, 176, 177, 181, 182
Герасим Вологодский — 108
Герберштейн С., путешественник—110, 202
Гиппинг, историк — 39
Глеб Владимирович, кн.— 30, 33, 39, 52-55, 67, 163, 174, 197, 198
Глеб Всеславич, кн.— 145, 155, 166
Глеб Святославич, кн.— 48, 73, 198
Глеб Юрьевич, кн.— 214
Голубева Л. А., историк — 46
Голубовский П. В., историк — 17, 57, 58, 89, 163-168, 221-226, 228-233
Гольдфан, сын Эйстена — 104
Городцов В. А., историк—201, 202, 206, 207
Гостомысл, новгородский «старейшина»— 43, 69, 72
Гошкевич В., историк — 42
Греков Б. А., академик — 7, 17, 18, 216,
Грушевский А., историк — 150
Грушевский М. С., историк — 15, 16, 55, 57, 129, 229, 231
Гурята Рогович, новгородец — 113
Гюрги — см. Юрий

Давгяла З. И., историк — 155
Давыд, дьячок в новгородском храме Спаса — 101
Давыд Ростиславич, кн.— 142
Давыд Игоревич, кн.— 128, 129, 132, 135
Давыд Святославич кн.—58, 169
Давыдовичи — 129, 209
Даниил Александрович, кн. — 206
Даниил Романович, кн.— 129
Данилевич, историк — 17
Даньслав Лазутинич, сборщик дани — 109, 190, 208
Дашкевич Н., историк — 143
Дворянинцев, посадник — 120
Держикрай Володиславич, боярин — 142
Дир, кн.— 10, 42, 43, 161, 162
Длугош, польский историк — 65, 86, 148
Дмитрий Александрович, кн.— 81
Дмитрий Иванович Донской, кн.— 227
Добрыня, воевода — 32, 147
Добрыня Рагуилович, воевода — 179
Довнар-Запольский М. В., историк — 17
Домажирич — 94, 96
Домажиричи, новгородские бояре — 94
Домамерич Юргий, боярин — 142

Едемский М., историк — 108, 189
Емин Семьюн, тысяцкий — 109, 110
Епифаний, древнерусский автор — 111, 112
Еремин И. П., историк — 27
Ефименко П., историк—103, 104, 107, 108
Ефрем, епископ Переяславля-Русского — 182

Забелин А., историк — 133
Завид Негочевич, новгородец — 114
Засурцев П. И., историк — 124
Замысловский Е. Е., историк — 23
Зверинский В., историк — 222, 231
Златарский В., историк — 139
Золотарев Д. А. историк — 75
Зотов В. Р., историк — 210

Ибн Хордадбек, арабский автор — 39
Ибн Даста, арабский автор — 39
Ибн Фадлан, арабский автор — 62
Иван Берладник — Иван Ростиславич Берладник
Иван Васильевич, кн. (*сын Василька Ростиславича*) — 136
Иван Васильевич (Иван III), вел. кн.— 89
Иван Войтишич, воевода — 140
Иван Данилович Калита, вел. кн.— 105, 106, 113, 184
Иван Копорский, кн.— 81
Иван Коротопол, кн.— 205
Иван Ростиславич Берладник — 136, 140-142
Иван Ручечник, воевода — 163
Иванко — 91
Иванко Прибышич, новгородец — 110
Иванко Юрьевич, кн.— 209, 210
Иванов П. А., историк — 17
Игнатец, не славянский князек (?)—107
Игорь, кн.—3, 7, 10, 28, 30, 31, 32, 40-44, 46, 48, 55, 56, 63, 64, 69, 70, 131, 161, 162, 168, 174, 198
Игорь Ольгович, кн.— 54, 58, 129
Игорь Святославич, кн.— 70, 224
Игорь Ярославич, кн.— 32, 134, 166
Изяслав Владимирович, кн. (*сын Владимира Всеволодовича Мономаха*) — 119
Изяслав Владимирович, кн. (*сын Владимира Святославича*) — 32, 147, 150, 250
Изяслав Давидович, кн.— 29, 58, 59, 179, 183, 209
Изяслав Мстиславич, кн.— 49, 50, 54, 58, 90, 113, 144, 154, 185, 186, 209
Изяслав Ярославич, кн.— 32, 48, 52, 55, 75, 82, 155, 166, 168, 170, 171, 230, 232
Иконников В. С., историк — 88

Иловайский Д. И., историк — 12, 14, 17, 21
Илларион, епископ (недостоверн.) — 182
Илларион, митрополит — 33
Ингвар Игоревич, кн.— 200, 211
Ингигерда, «господыня» — 148
Иоанн, игумен Архангельского (Михайловского) монастыря — 104
Иоанн Цимисхий, император византийский — 64
Исайя, епископ — 175
Истрин В. М., историк — 36
Искусеви, посол кн. Ольги в Византию—54

Кавелин К. Д., историк — 10
Казимир, вел. кн.—118, 119, 121, 122, 126
Калайдович К. Ф., историк — 101, 206
Калачев Н. В., историк — 150, 184
Карамзин Н. М., историк — 10, 201, 204 223, 231
Каргер М. К., историк — 46
Кейслер Ф., историк — 84
Кеппен П. Н., историк — 122
Кий, легендарный основатель Киева — 43
Киннам Иоанн, византиец — 190
Кирилл (Кирилл Философ) — 35, 45
Клим, митрополит — 171
Ключевский В. О., историк — 12-15, 26, 108, 112
Константин, новгородский посадник — 175, 194
Константин Багрянородный (Порфирородный), византийский император— 13, 14, 16, 19-21, 30, 31, 38-40, 42, 45, 47, 49, 54, 55, 60-62, 64, 70, 138, 149, 151, 161, 162, 174, 175
Константин Всеволодович, кн.— 175, 194
Константин философ — см. Кирилл
Кордт В., историк — 119, 152
Котельник Онтон —см. Антон Котельник
Красноперов И. Н., историк — 164
Крачковский И. Ю., академик — 179
Крестинин В. О., историк — 108
Кудряшев В. К., историк — 212
Кузьма Ратьшич, меченоша — 208
Кукша, деятель среди вятичей — 65
Кулаковский Ю., историк — 140
Кучин И. В., исследователь — 75
Кучковичи — 187

Лазаревский А. М., историк — 233
Лазарь Туряк — см. Туряк Лазарь
Ламанский В. И., историк — 12
Ласкин Г., историк — 21
Лев, царевич византийский — 140, 141
Леонтий, епископ ростовский — 112, 175, 181, 182
Леонтович Ф. И., историк — 44
Лерберг А. Х., историк — 93
Лихачев Д. С., историк — 73, 199
Лихачев Н. П., историк — 204
Лонгинов А. В., историк — 132, 134
Любавский М. К., историк — 14, 15, 92, 118, 153, 189, 195, 211
Любомиров П. Г., историк — 150, 173, 174
Лют, сын воеводы Свенельда — 55
Лявданский Л. Н., историк — 149, 150, 154, 159-161
Ляскоронский В. Г., историк—17,53,224,232
Лященко А. И., историк — 148

Мавродин В. В., историк — 21
Макарий, архиепископ — 123
Мал, древлянский племенной князь — 62, 64
Мамай, темник — 210
Мануил, епископ — 163
Марков А., историк — 80, 87, 146, 151, 173, 174, 221, 224, 225, 230, 231
Масуди, арабский автор — 23, 43, 131
Матвеев Василий, владетель Шенкурского погоста — 108
Матвей Андреевич, тысяцкий — 207
Мейнард, католический священник — 154
Меркатор, картограф — 152
Меркурий, смольнянин — 163
Мефодий, епископ моравский, брат Кирилла Философа — 133
Милюков П. Н., историк — 105
Мина, епископ полоцкий — 145
Минорский В., историк — 39
Мирослав, псковский посадник — 75
Мистина (Мстина, Мстислав, Нискина, Мискина) Свенельдич, сын воеводы Свенельда — 64, 65
Михаил Всеволодович, кн.— 55
Михаил (Михалко) Юрьевич, кн.— 177
Михаил Ярославич, кн.— 119
Михайла, ведал «погостом Кегрольский волок» — 105
Михалко, тысяцкий — 163
Михей Копорьянин — 81
Мойслав Попович, новгородец — 114
Молчанов, историк — 106
Монгайт А. Л., историк — 201
Мономах — см. Владимир Всеволодович Мономах
Моор Х. А., историк — 152
Мстислав Андреевич кн. — 190
Мстислав Владимирович, кн. (*сын Владимира Всеволодовича Мономаха*) — 44, 47, 49, 82, 89, 154, 157, 169-170, 172, 175, 179, 181, 190
Мстислав Владимирович, кн. (*сын Владимира Святославича*) — 21, 32, 33, 48, 49, 53, 60, 63, 75, 128, 132, 134, 226
Мстислав Георгиевич (Юрьевич), кн.— 190
Мстислав Изяславич, кн.—81, 87, 151, 214
Мстислав Мстиславич Удалой, кн.— 175
Мстислав Ростиславич, кн. (*сын Ростислава Юрьевича*) — 117
Мстислав Ростиславич Храбрый, кн. (*сын Ростислава Мстиславича*) — 82, 83, 88

Надеждин Н. И., историк — 11, 42, 119, 133, 137, 184, 201, 206, 212, 221-224, 227-231, 233
Неволин К. А., историк — 11, 91, 97, 98, 119, 120, 133, 184, 201, 206, 212, 221-224, 227-231, 233
Нездила Пехчинич, лучский «воевода»— 88
Некрасов П. П., историк — 202
Нестор, летописец — 42, 53, 54
Никольский Н. К., академик — 30, 35
Никон, летописец — 21, 53
Норимонт, копорский кн.— 81

Оглоблин Н. П., историк — 156
Олег, кн.— 3,7, 10, 19, 28, 30, 38-44, 46, 47, 61, 69, 70 161, 162 178

Олег Иванович, кн.— 213, 227
Олег Святославич, древлянский кн.— 33, 64
Олег Святославич, кн. (*сын Святослава Игоревича*) — 32, 63, 169
Олег Святославич кн. (*сын Святослава Ярославича*) —58, 179-181, 199, 205-207, 215
Ольга (Вольга), кн. — 54-56, 62-65, 73, 76, 96, 178
Ольгерд, вел. кн.— 85, 120
Ольговичи — 154
Опперман, географ — 97
Орлов А. С., академик — 170
Остафей Васильевич, новгородец — 101
Остромир, новгородский посадник — 81

Павел, апостол — 34
Павел, ладожский посадник — 74, 80
Пантелей, сотский — 163
Пархоменко В. А., историк — 14
Патрикий Нормоутович, кн.— 81, 121
Пашуто В. Т., историк — 153, 157
Пелгусий (Филипп), ижорянин, старейшина — 80, 122
Пимен, митрополит — 213
Пичета В. И., историк — 153
Платонов С. Ф., историк — 40, 120, 183
Погодин М. П., историк — 11, 119, 129, 143, 202, 206, 207, 221-224, 230, 231
Покровский М. Н., историк — 17, 188
Пражский Козьма, хронист — 130, 133
Пресняков А. Е., историк — 12, 14, 15, 32
Претич (Претичь), «воевода» — 62, 64, 67
Приселков М. Д., историк —20, 21, 32, 55
Прозоровский Д. И., историк — 101
Пургас, мордовский князек — 207, 208, 215
Пуреш, мордовский князек — 192, 208

Рабинович М., историк — 186
Равдоникас В. И., историк — 97
Рагнар — 148
Рагуил, ладожский посадник — 74
Радила, тысяцкий — 54
Радим, легендарный предок радимичей— 231
Ратша, тиун — 54
Регель В., историк — 133, 134
Репников Н. И., историк — 84, 85, 87, 90, 119
Рерих Н., историк — 119
Ровда, не славянский князек Шенкурского погоста (?) — 107
Рогнвальд, наемный военачальник в Ладоге — 70, 73
Рогнеда Рогволодовна, кн.— 147
Рогволод, кн.—146, 147
Роман Игоревич, кн.— 202
Роман Мстиславич, кн.— 109
Роман Ростиславич, кн.— 88, 163
Романов Е. И., историк — 154
Романовичи — 127
Ростислав Владимирович, кн.—198
Ростислав Мстиславич, кн.— 20, 44, 48, 50, 86, 89, 96,155, 160, 163, 165-173, 179, 184, 186, 228, 232
Ростислав Ярославич, кн.—205
Ростиславичи — 135, 136, 142, 191
Рубрук Вильгельм, путешественник —213
Рыбаков Б. А., историк—21, 22, 24, 28, 42, 45, 51, 94, 124, 126, 172, 204, 233, 224
Рыдзевская Е. А., историк — 38, 70, 74, 78, 80, 104, 148
Рюрик, кн.— 72, 79, 145, 161, 176
Рюрик Ростиславич, кн.— 142

Сабуров Ю. К., писец XVI в.— 100
Савельев, историк — 176
Савич А. А., историк — 103
Савка, новгородец — 114
Саксон Грамматик — 103
Самарин В. И., воевода — 106
Самоквасов Д. Я., историк — 58, 59, 61, 62, 162, 221, 223, 231
Сапунов А., историк — 151, 157
Сбышка Волосович, новгородец — 114
Свейн, норвежец — 70
Свенельд, воевода — 42, 63-65, 131
Святополк Владимирович Окаянный, кн. — 32, 33, 78, 128, 150
Святополк Изяславич, кн.— 58, 128, 129, 135, 180, 206
Святополк Мстиславич, кн.— 54, 185, 186
Святослав Владимирович, кн. (*сын Владимира Давыдовича*) — 59
Святослав Владимирович, кн. (*сын Владимира Святославича*) — 32
Святослав Всеволодович, кн.— 55, 58, 66, 73, 192, 224, 228
Святослав Глебович, кн.— 166
Святослав Игоревич, кн. — 10, 30-32, 48, 61-65, 70, 72, 78, 139, 147, 174
Святослав Ольгович, кн. (*внук Святослава Ольговича*) — 166
Святослав Ольгович, кн. (*внук Святослава Ярославича*) — 20, 54, 58, 59, 74, 93, 94, 96, 102, 104-109, 111, 129, 183, 186, 229
Святослав Ростиславич, кн.— 40
Святослав Ярославич, кн.— 32, 48, 52, 57, 73, 155, 168, 175, 178, 198, 199, 205
Святославичи — 180
Семевский М. И., историк — 88
Семенов П. П., географ — 16, 90, 97, 114, 157, 178, 201, 211, 212
Сементковский А. М., историк — 149, 151, 157
Семьюн Емин — см. Емин Семьюн
Семьюн Петрилович, новгородец, сборщик дани — 110
Сенковский О. И., историк — 148, 151
Сербина К. Н., историк — 112, 229
Сергеевич В. И., историк — 12, 16
Середонин С. М., историк — 15, 167, 168
Сибирцев, историк — 103, 106
Сизов В. И., историк — 162, 163
Синеус, легендарный кн.— 10, 72
Симонович Георгий — см. Георгий Симонович
Симеон, епископ владимирский и туровский — 169
Смирнов П. П., историк — 39, 102
Снегирев И. М., историк — 225
Снорри, сын Стурлы — 70
Соболевский А. И., историк — 153, 154
Соловьев С. М , историк — 10, 11, 15
Софийский Л. И., историк — 84, 85

Спицын А. А., историк — 28, 149, 159, 176, 179
Срезневский И. И., историк — 89, 101,102
Станислав Владимирович, кн.—32, 166
Степанов П., историк — 207
Стефан Пермский — 111, 112
Стефан Угорский — 127
Строганов Лука — 102
Стурла — см. Снорри
Суворов Н., историк — 89
Судислав Владимирович, кн. — 32, 73, 75, 81

Тарасенко В. Р., историк — 150
Татищев В. Н., историк — 232
Татуш, печенег — 139
Тиандер К. Ф., историк — 80, 103, 104
Тихомиров М. Н., историк — 21-24, 173
Томашек, историк — 201
Третьяков П. Н., историк —24, 28, 75, 76, 175, 176, 213
Троицкий Н. И., историк — 227
Трувор, легендарный кн.— 10, 72
Тунман, историк — 39
Туманский, историк — 39
Тудор, вышегородский тиун — 54
Тудор, чудской старейшина — 100
Туры, владетель Туровской волости — 32
Туряк Лазарь, житель Турийска — 132

Уваров А. С., историк — 174, 176
Успенский Ф. И., историк — 139, 141
Ушатый, кн.— 105

Фасмер Р. Р., историк — 146, 173
Федор, епископ ростовский (недостоверн.) — 182
Федор, новгородский посадник — 119
Федор Васильевич, «муж копорянин» — 81
Феогност, митрополит — 213, 214
Феодосий Киево-Печерский — 164
Филарет, историк — 181, 225
Филипп — см. Пелгусий
Флетчер Дж., путешественник — 101
Флоровский А. В., историк — 127, 134
Фома Ратиборович, воевода — 140, 141
Френ Х. Д., академик — 179

Харагинец, не славянский князек (?) Шенкурского погоста, «старейшина» (?) —107
Хвольсон Д. А., историк — 201
Ходаковский А., историк — 225, 231
Ходота, вятический племенной князек — 62, 65, 180

Чебоксаров Н. Н., этнограф — 75
Черепнин Л. В., историк — 184, 193
Чернопятов В. И., историк — 226, 228
Чернь, инок Киево-Печерского монастыря — 164
Чудин, боярин — 54

Шаскольский И. П., историк — 114
Шафонский А., географ — 58, 59
Шахматов А. А., академик — 21, 30, 35, 36, 38, 43, 49, 53, 62-65, 69, 71, 72, 75, 76, 78, 81, 102-104, 108, 118, 137, 147, 161, 166, 175, 192, 198, 232
Шлецер А., историк — 39
Шляков, историк — 166, 169, 170
Шуберт, картограф — 97
Щекатов, географ — 171

Эйлиф (Элиф), наемный воеводачальник в Ладоге — 70, 74, 79
Эймунд, варяг — 148
Эйстен — см. Гольдфан

Юрий Андреевич, кн.— 109
Юрий (Югри) Владимирович Долгорукий, кн.— 48, 58, 90, 166-172, 175, 181-183, 185-188, 190-191, 205, 209-211, 225, 229. Его жена—228, его мать — 169
Юрий Давыдович, кн.— 208
Юрий Данилович, кн.— 166
Юрий Всеволодович, кн.— 191, 192, 194, 208
Юрьева княгиня — см. Юрий Владимирович Долгорукий (его жена)
Юшков С. В., историк — 18, 19, 20, 24, 56, 188

Якун, воевода — 140, 163
Ян Вышатич, сборщик дани — 48, 50, 63, 112, 168, 199
Ярополк Владимирович, кн.— 88, 113, 170
Ярополк Изяславич, кн.— 129, 134-136
Ярополк Святославич, кн.— 32, 33, 63, 147
Ярослав (Всеволодович?), кн., давший «Устав о мостех»— 124
Ярослав Александрович кн.— 205
Ярослав Владимирович Мудрый, кн.— 14, 26-28, 31-33, 39, 43, 48, 49, 52, 53, 55, 56, 60, 61, 63, 65-67, 70-73, 78-80, 85, 86, 92, 115, 118, 128, 132, 134, 135, 148, 151, 154, 173, 175, 177, 178, 195, 198, 215, 218, 226, 227
Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. (*сын Владимира Володаревича*) — 138, 141, 142
Ярослав Владимирович, кн. (*сын Владимира Мстиславича*) —77, 193
Ярослав Всеволодович, кн. (*сын Всеволода Ольговича*) — 44, 47, 230
Ярослав Всеволодович, кн. (*сын Всеволода Юрьевича*) — 90, 93, 192-194
Ярослав Изяславич, кн.— 171
Ярослав Святополчич, кн.— 141
Ярослав Святославич, кн.— 179, 208
Ярослав Ярославич, кн.— 107, 109, 192
Ярославичи — 27, 32, 48, 54, 75, 165

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Глава I 5
Глава II 28
Глава III 47
Глава IV 51
Глава V 69
Глава VI 93
Глава VII 117
Глава VIII 127
Глава IX 145
Глава X 159
Глава XI 173
Глава XII 197
Заключение 216
Приложение 221
Географический указатель 234
Указатель личных имен 256

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор *А. И. Баранович*

Технический редактор *Н. И. Аузан*

Переплет художника *Б. В. Грозевского*

*

РИСО АН СССР № 4765. Т-07810. Издат. № 3211.
Тип. заказ № 1305. Подп. в печ. 29/IX 1951 г.
Формат бум. 70×108$^{1}/_{16}$. Печ. л. 22,6 + 9 вкл.
Бум. л. 8,25. Уч.-издат. 23,5. Тираж 5000.

Цена в переплете 20 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
29	12-13 св.	северо-востоке	Северо-востоке
48	6 сн.	вѣсточную	въсточную
87	19-20 »	пропорциональное	обратно пропорциональное
103	15 »	1398	1397
122	24 св.	1434 г.	XV в.
126	21 »	1434 г.	XV в.
135	19 »	прогив отца, против	против
135	24 »	сына	Ярополка
143	7 »	Семмигадии	Седмиградии
Карта № 9		Гродец Радилов	Городец Радилов

А. И. Насонов